

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТРУДЫ
ОТДЕЛА ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА . 1985 . ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Е. А. Рыдзевская. Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюгвасоне	5
И. П. Еремин. Из истории древне-русской публицистики XI века	21
М. П. Алексеев. Англо-саксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха	39
Д. В. Айналов. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве»	81
Н. Н. Зарубин. Заря утренняя или вечерняя? (Из комментария к «Слову о полку Игореве»)	95
П. Н. Берков. К библиографии западных изучений и переводов «Слова о полку Игореве».	151
А. С. Орлов. Литературные источники повести о Мамаевом побоище	157
В. В. Данилов. Сборники песен XVII столетия — Ричарда Джемса и П. А. Квашнина	165
М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне	181
В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. I—II	215
В. Ф. Покровская. Стихотворная автобиография подьячего XVIII века	283

Е. А. РЫДЗЕВСКАЯ

Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасоне

1

На те места памятников древне-северной письменности, где говорится о скандинавско-русских отношениях, ссылаются авторы многих работ, входящих в состав громадной литературы по варяжскому вопросу; как и этот последний во всем своем объеме, так и вопрос, в частности, о значении саг, как исторического источника, о степени их достоверности с точки зрения заключающихся в них данных о древней Руси и т. д., имеет свою историю: здесь мы находим и скептическое отношение к ним, и преувеличенную их оценку, и, наконец, вывод, по существу несомненно правильный, относительно их недостаточности сравнительно с тем, что хотелось бы получить от них исследователю для освещения соответственного периода истории Восточной Европы.¹ С этим выводом спорить не приходится; факти-

¹ Причины этого изложены в статье Ф. А. Брауна «Das historische Russland im altnordischen Schrifttum des X—XIV Jahrh.» (Festschrift E. Mogk, 150—196, Лейпциг, 1924), где он дает обзор главнейших сведений о Руси в др.-сев. литературе — обзор, к сожалению, сравнительно краткий и не вполне исчерпывающий. Чрезвычайно ценно то, что автор рассматривает эти сведения в связи с различным типом и характером памятников, в которых они заключаются, и касается всех категорий таковых (саги исторические и неисторические, песни скальдов, географические сочинения и рунические надписи). Неудовлетворительность известий о Руси зависит, во всяком случае, не от того, что саги представляют собою «поэтические произведения, далекие от историко-географических интересов», как говорит о них В. А. Брим («Путь из Варяг в Греки», 235, ИОН, 1931). К исландским сагам исторического типа это совершенно не применимо. Они являются памятниками вполне реального характера; топографические сведения в них, большей частью, очень точны и определены; значение их как исторических источников, богатых чрезвычайно ценными социально-экономическими данными, как нельзя более очевидно. Дело не в «односторонней ориентации исландской письменности в сторону литературного оформления сюжета» и не в стремлении к художественной отделке и занимательности в ущерб фактической стороне происшествий, как полагает В. А. Брим (ук. соч., 202); такая характеристика справедлива в отношении романтических, сказочных саг позднего литературного типа (так наз. Fornaldarsögur Norðrlanda), но не классических Islendinga- и Konungasögur. Односторонняя ориентация выражается в том, что положительные данные, сообщаемые сагами, относятся только к самим скандинавским странам, прежде всего — к родине саг, Исландии, и к Норвегии, и значительно более скудны

ческий материал остается таким, каким мы его знаем, и при изучении его нет оснований рассчитывать на выявление чего-нибудь совершенно нового и неожиданного.

Тем не менее, при несколько ином подходе к нему сравнительно с тем, что мы видели до сих пор в нашей научной литературе, возможно дальнейшее небезрезультатное изучение его в смысле выяснения и уточнения целого ряда содержащихся в нем данных. До сих пор, по крайней мере, до появления указанной только что статьи Ф. А. Брауна, не был достаточно четко поставлен вопрос о том, к какой категории литературных произведений относятся те или иные др.-сев. памятники, заключающие в себе предания о Руси, с какой культурной и социальной средой они связаны у себя на родине в смысле своего возникновения, распространения и представляемого ими интереса. С этой точки зрения *Rossica* др.-сев. саг отнюдь не однородна, и простого хронологического распределения и приурочения ее недостаточно. Для всесторонней оценки ее значения, как одного из источников по так наз. начальному периоду русской истории, одной из очередных задач мне представляется попытка наметить в ее составе определенные комплексы преданий в зависимости от места, занимаемого ими в др.-сев. письменности и в кругу отражаемых ею жизненных и литературных интересов.

Настоящая работа имеет целью рассмотреть одну из таких комплексных групп, которая довольно четко обрисовывается среди сложного и разнообразного состава богатой др.-сев. литературы, и определить в ней исторический и легендарный элемент. Дело идет в данном случае об известиях, касающихся сношений скандинавов с Византией и Русью, и о предании о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасоне.

Ко времени Владимира относится, как известно, по нашей летописи крещение Руси из Византии, иначе говоря — отражение политики распространения византийского влияния на восточных славян, прежде всего, на верхи складывавшегося в это время древне-русского феодального общества, в состав которых церковь вступает не только в качестве проводника чужеземного, греческого, влияния, но и как новый, и весьма значительный, общественно-экономический фактор. Историей христианизации Руси русская историческая наука занималась достаточно подробно, так же как и относя-

в отношении других, как, напр., Англии и Ирландии, с которыми западные скандинавы были достаточно тесно связаны, а тем более — древней Руси, у которой, к тому же, сношения были главным образом с Швецией; шведских же саг, подобных исландским, как известно, не имеется, за исключением одной, относящейся к Готланду (*Guta saga*).

щимися к ней преданиями, сохранившимися в древнейшей русской письменности; здесь можно лишний раз указать, хотя бы, на известное исследование А. А. Шахматова о корсунской легенде.

Византию, как центр восточного христианства и исходную точку распространения его на Руси при Владимире, знает также и др.-сев. литература. Дошедшие до нас в ее составе предания соответственного содержания интересны как с точки зрения тематики определенной части самой этой литературы, так и вопроса о том, насколько можно установить их связь с древнерусскими, известными нам из летописи и некоторых других памятников.

Распространение христианства на самом скандинавском Севере в эпоху викингов — одно из явлений, сопутствующих развитию торговых, политических и культурных связей с другими европейскими странами. Автор составленного в первой половине XIII в. свода саг о норвежских конунгах, *Heimskringla*, исландский историк Снорри Стурлусон, вполне рационально объясняет успех христианизации в XI в. района, прилежащего к фиорду Осло (в древности — *Vík*), тем, что там постоянно бывало много датских и немецких купцов, и что сами жители этой области занимались торговыми поездками в Англию, Германию, Фландрию и Данию, а также морскими походами, причем зиму проводили в крещеных странах (*á kristnum löndum*).¹

Возникает вопрос о том, насколько церковное воздействие на далекий норманский север могло входить в круг политических задач и целей Византии. Отдельные случаи крещения варягов в Греции вполне возможны, но саги исторического характера прямых указаний такого рода не содержат и значительно больше интересуются военной службой своих героев у греческих императоров. Известны следы восточного христианства в песнях некоторых скальдов XI в.² К этому же времени, т. е. ко второй половине

¹ Шкр. II, 96—97; см. также *Guta saga*, 65¹⁹ (изд. Н. Pipping, *Samf. til udg. af gamm. nord. Litt.*, XXXII), где автор этой единственной имеющейся у нас шведской саги говорит то же самое относительно торговых поездок готландцев.

² Я имею здесь в виду такие описательные выражения (*kenningar*) у скальдов для обозначения христианского бога, как *gaetir Grikklands* (страж, хранитель Греции), *Grikkja vǫrðr ok Garða* (хранитель греков и гардов, т. е. Руси), позднее, уже в XIV в. — *stólkönungr himna* (царь небес; *stólkönungr* в сагах обозначает византийского императора, ср. др.-рус. стольный князь). Все это аналогично таким выражениям для обозначения того же бога, как *konungr Roms*, где отражается другое, западное церковное влияние. И в том, и в другом случае христианство представляется, прежде всего, как элемент чуждый, иноземный (см. R. Meissner, *Die Kenningar der Skalden*, 369). Обозначение *Grikkja vǫrðr ok Garða* интересно тем, что Русь стоит здесь рядом с греками; сближение это объясняется, вероятно, не столько вероисповедными соображениями, сколько связью Руси с Грецией в представлении норманнов, чей путь в Константинополь (*Miklagarðr*) в эпоху викингов шел через нашу страну; их военно-торговые предприятия на территории этой последней и их поездки в Византию и на Восток были тесно связаны между собой.

эпохи викингов, относятся известия о приезде армянских и греческих епископов в Исландию,¹ что некоторыми исследователями ставится в связь с церковной политикой норвежского конунга Гаральда Грозного (1046—1066), направленной к независимости от Бременской архиепископии и от папской власти, и имевшей восточную, византийскую ориентацию.² Как бы то ни было, мы имеем данные относительно соперничества между представителями западной и восточной церкви в далекой Исландии, даже если оно и не было результатом официальной византийской церковной политики; в древнейшем своде исландских законов, так наз. Grágás, в отделе церковного права допускается посещать службу, совершаемую епископами или священниками, не знающими латинского языка, армянскими или греческими (ermiskir eða girzkir), но запрещается платить им за требы; за это взимается штраф в пользу собственного епископа.³ Исландская церковь, таким образом, не проявляя особенно резкой конфессиональной нетерпимости, заботливо оберегала, тем не менее, свои доходы от всяких покушений на них со стороны «инославных».

Что касается возможных попыток со стороны Византии использовать варягов в целях распространения своего влияния на древнюю Русь, в частности, в области религии, то их посредничество в этом смысле получило в нашей прежней исторической литературе преувеличенную оценку, в чем можно усматривать во-первых, одно из отражений старого норманистского направления вообще, а во-вторых, результат отсутствия критического рассмотрения реальной исторической обстановки. Варяги, несомненно, могли при случае принимать христианство в Византии и даже иметь в этом отношении некоторое влияние на тот слой древне-русского общества, с которым они были теснее всего связаны, т. е. на княжескую и военно-торговую среду, но это влияние, по всей вероятности, было лишь второстепенным сопутствующим явлением в области связывавших их с Византией и с Русью интересов, значительно более актуальных для них, чем вопросы религии. Мало вероятно, поэтому, чтобы Византия могла особенно рассчитывать на них в этом смысле.

Что же говорят об этом древне-русские памятники? Повесть временных лет, как указывает акад. Н. К. Никольский, определенно выдвигает

¹ См об. этом F. Macler. Arménie et Islande (Rev. de l'hist. des religions, 1923, LXXXVII, 236—241).

² Macler, ук. соч., 239—240; A. D. Jørgensen. Den nord. Kirkes Grundlegg., II, 694. Копенгаген, 1874—1878.

³ Grágás, 26—27, § 17. Изд. V. Finsen, Копенгаген, 1879.

значение Византии для христианизации Руси,¹ и эта грекофильская летописная тенденция привлекает к делу и варягов; соответственные места летописи хорошо известны, и отмечены в работе акад. Н. К. Никольского.² Варяги и, в частности, русские князья варяжского происхождения, входят, таким образом, в принятую летописью историографическую схему, которую акад. Н. К. Никольский называет греко-варяжской. В дальнейшем же, по мере обострения в клерикальных кругах конфессиональных противоречий между восточной и западной церковью, самый термин варяжский, варяжская вера, стал связываться с католичеством, с латинством, и в известном предании Печерского Патерика о Шимоне-варяге уже сказался происшедший сдвиг: варяги больше не трактуются как фактор перенесения христианства из Греции, а как объект обращения из католичества в православие — картина уже совершенно иная. Шимон состоит в дружеских отношениях с Печерским монастырем, приносит ему дары и т. д., одним словом, всем хорош — его остается только обратить из «латинской буети» в православие.³ К преданию об участии варягов в христианизации Руси рассказ Патерика о Шимоне, таким образом, едва ли имеет прямое отношение.⁴ Шимон — это «варягъ крещения не имѣя», как позднее в Русской Правде, что Л. К. Goetr объясняет в смысле «католик», «не православный».⁵

Не менее известные русским исследователям, чем легенда о Шимоне, древне-русские молитвы с именами трех скандинавских и двух англо-саксонских святых также, как я полагаю, напрасно были приняты некоторыми исследователями как следы варяжского влияния (а тем более — англо-саксонского, весьма проблематичного в отношении древней Руси). Основываюсь здесь на мнении акад. А. И. Соболевского об этих именах, как

¹ Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, I, 29, 96, 104—106. Л. 1930.

² Ук. соч., 105—106 (Лавр. 912, 945, 955 и 983 гг.)

³ В своем роде это аналогично тому, как и восточные и западные повествования об обращении описывают своих героев, еще язычников, как совершенно готовых по свойственным им добродетелям к принятию христианства — остается только сделать этот окончательный шаг. Этот прием мы встречаем, также и в др.-сев. литературе клерикального направления.

⁴ Иначе смотрит на него Д. И. Абрамович, который считает, что эта легенда является несомненным указанием на значение варягов в истории христианизации Киевской Руси (Исследование о Киево-Печерском Патерике, как историко-литературном памятнике. ИОРЯС, 1902, VII, вып. 3, 53).

⁵ Das russische Recht, I, 124; в III ред. Русской Правды «крещения не имѣя» значитя не в Троицком списке, лежащем у этого автора в основе его издания III ред., а в списке Царского II (ук. соч., 28, текст III ред., §§ 37 а и б).

о попавших на Русь иным, западнославянским, путем, а не непосредственно от скандинавов.¹

Христианизацию Руси трудно, вообще, себе представить как результат влияния, шедшего только с какой-нибудь одной стороны, хотя бы из той же Византии, а также как факт, совершившийся одновременно, вроде того, как это изображает летопись, приурочивая его ко времени Владимира, к определенному году его княжения, и т. д. Несомненно, это был процесс длительный, стоявший в зависимости от целого ряда политических и социально-экономических условий, неодинаковых в разных областях древней Руси, и тесно связанный с тем, как церковь завоевывала себе положение и упрочивала его в системе древне-русского феодального хозяйства и общественного строя.

2

Др.-сев. сага об Олафе Трюггвасоне и некоторые другие, относимые мною здесь к одной с нею комплексной группе, объединены, во-первых, указанной выше общей «скандинавско-русско-византийской» темой, в которую входит и предание о князе Владимире в связи с крещением Руси, а во-вторых, общим характером, определяемым церковно-легендарным происхождением и соответственной обработкой сюжета.

Оst, в сложном и разнообразном составе которой нас интересуют в данном случае ее русские эпизоды, относимые ко времени Владимира, уже давно подробно изучена и исследована в западноевропейской научной литературе. Вопрос о ее различных редакциях, на которые придется указать в дальнейшем, является весьма сложным и до сих пор не вполне выясненным.² У нас ею занимался А. И. Лященко,³ к сожалению, не зная др.-сев. языка и почти не будучи знаком с обширной литературой об этой саге, тесно связанной по своему составу с целым рядом других др.-сев. памятников. Ее содержание и литературную историю укажу здесь лишь в самых общих чертах.

Олаф, сын норвежского областного конунга Трюггви, из рода Гаральда Гарфагра, конунг Норвегии с 995 по 1000 г., в детстве был занесен

¹ См. сб. ОРЯС АН, 1910, LXXXVIII, 3, 36—47.

² См. рецензию К. Reichardt'a на вышедшее в 1932 г. в Копенгагене новое издание: F. Jónsson. Oddr Snorrason munkr, Saga Óláfs Tryggvasonar (Anz. für deutsch. Altert., 1933, 203—204); об известиях этой саги о Руси — S. H. Cross. La tradition islandaise de St. Vladimir, 140 сл. (Rev. des ét. sl., 1931, XI, 132—148).

³ Сага про Олафа Трюггвасона и літописне оповідання про Ольгу (Україна, 1926, IV, 1—23).

судьбою на Русь, где воспитывался у конунга Вальдамара (т. е. князя Владимира) и его жены Аллогии. В дальнейшем он вернулся на Запад, но, по особой редакции саги, после того еще раз побывал на Руси, где ему однажды было видение, в котором ему указывалось отправиться в Грецию для познания истинной веры и обращения к ней многих народов. Вернувшись из Греции на Русь, он убеждает Вальдамара и Аллогию креститься; по его почину из Греции приезжает епископ и довершает это дело.

Эпизод вторичного пребывания Олафа на Руси заключается в двух из имеющихся у нас трех др.-сев. переводов и переработок не дошедшего до нас латинского текста работы об Олафе;¹ в третьей редакции сохранился вообще только конец саги. Об Олафе писали на латинском языке исландские монахи Одд и Гуннлауг, жившие во 2-й пол. XII в. Произведение Одда известно нам по указанным только что трем др.-сев. переводам, а работа Гуннлауга утрачена и дошла до нас в составе позднего свода саг под названием *Flateyjarbók*, обширной компиляции конца XIV в., где она наряду с другими источниками (в том числе и сагой Одда) лежит в основе так наз. распространенной редакции OsT. Как историки, оба эти автора довольно слабы; на первом месте у них стоит элемент церковной легенды.

Давно уже признано, что второй русский эпизод OsT лишен всякого исторического основания, стоит вне всякой определенной хронологии, заключает в себе ряд противоречий и совершенно не увязывается с общим ходом изложения ни у самого Одда, ни в распространенной редакции.

Нет почти никаких следов его во всей остальной др.-сев. литературе, никаких намеков в песнях скальдов, даже религиозно настроенных и восхваляющих Олафа как христианизатора Норвегии и многих других северных стран. Он принадлежит целиком к кругу специфически-клерикальной литературы; сага Одда вся, вообще, проникнута соответственным направлением. Типичны в этом смысле такие места, как предсказания об Олафе языческих прорицателей на Руси незадолго до его появления там впервые и пророчества вещей старой матери русского князя,² далее, при-

¹ Так наз. ред. А — копенгагенская рукопись AM 310.4⁰, изд. P. Groth. 1895 г., ред. В — стокгольмская рукопись Кор. Библ. 20.4⁰, изд. P. Munch, 1853 г.; ред. С — упсальская рукопись собр. Делагарди, 4—7 fol., изд. P. Munch 1853.

² Подобный же мотив пророчества мы встречаем в одной более поздней саге, совершенно иного, эпического, характера, именно, в *Ásmundar saga karrabana* (изд. F. Dettler. *Zwei Fornaldarsögur*, 1891), составленной, как полагают, в конце XIII в. и относящейся в др.-сев. литературе к группе полуйсторических и сказочных саг позднего, после-классического периода: здесь говорится о снах, предвещающих одной из героинь саги, отличающейся большой мудростью, прибытие в ту страну славного мужа, который принесет ей много счастья, и т. д. (ук. изд., 90—91).

писываемая Олафу во время его пребывания на Руси неприязнь к языческому культу еще до крещения, что как бы подготавливает это последнее; характерны также и его речи по этому поводу, совершенно в стиле церковной назидательной литературы. Приписать ему участие в обращении Руси и посредничество в этом отношении между нею (в лице Вальдамара) и Грецией понадобилось Одду для пушшего возвеличения своего героя; в основе он использовал здесь, с одной стороны, исторические связи скандинавов с Византией и Русью, а с другой — предание о крещении Руси из Греции, которое было связано с именем Владимира и могло быть известно на скандинавском Севере. У Одда была, таким образом, тоже своего рода «греко-варяжская схема», которую он и развивает по своему, не заботясь об исторической правде.

Ограниченность распространения в др.-сев. литературе той легенды, которую мы находим у Одда, объясняется ее содержанием, чуждым сагам исторического характера, и тем интересам, которые они преимущественно отражают. Легендарный элемент отнюдь не исключен и в них, но такая тема, как в данном случае у Одда, не могла встретить особого интереса к себе ни в кругах племенной и дружинной знати, ни среди более широких общественных слоев.

Нет оснований полагать, что это предание было известно на Руси. Что с древне-русской корсунской легендой оно непосредственно не связывается, а тем более — с известным сказанием об испытании вер, достаточно ясно из очерченного здесь вкратце содержания его.

А. И. Лященко в своей работе об OsT сопоставлял, между прочим, следующие два текста: рассказ Лавр. летописи под 955 г. о нежелании Святослава креститься, потому что «дружина... сему смѣяться начнуть», и то место OsT, где Вальдмар не сразу решается отказаться от веры своих языческих предков и родичей; А. И. Лященко усматривал в норвежской (точнее — исландской) саге пересказ народного предания, занесенного норвежцами, служившими на Руси в X в., к себе на родину, а у нас попавшего в летопись. Аналогия эта представляется весьма ненадежной. Во-первых, высказываемые здесь действующими лицами колебания можно рассматривать как одно из общих мест, свойственных подобным повествованиям; во-вторых, вся эта часть OsT, вообще, менее всего обнаруживает живую связь с народным преданием.

Несмотря на всю неисторичность второго русского эпизода OsT Одда и невозможность обнаружить в нем какие-нибудь следы исторической действительности, или, хотя бы, легенд не специфически церковного характера,

вроде, напр., сказочных мотивов, входящих в состав рассказа о юности Олафа у того же Одда,¹ в нем есть некоторые черты, связывающие его, вообще, с историей Руси, как она известна нам по летописи: прежде всего, давно уже отмеченное исследователями отражение в лице жены Вальдамара, Аллогии, и вещей старухи, его матери — одной и той же личности, а именно, княгини Ольги,² затем — приурочение самого факта крещения Руси из Греции ко времени Владимира. Эти данные, действительно, могли попасть в Исландию путем устного предания через скандинавов, участников военно-торговых сношений с Русью. Среди целого ряда выводов, сделанных А. И. Лященко в заключении его работы об OsT, правильных по существу, но далеко не новых в научно-исследовательской литературе об этой саге, безусловно ошибочным представляется лишь то, что относится к попытке приурочить пребывание Олафа на Руси ко времени Святослава,³ и предположение о замене имени этого последнего именем Владимира. В основе хронологических соображений А. И. Лященко есть ошибка, с которой и связываются неверные исчисления. Хронология всей той части OsT Одда, которую можно считать исторической, выяснена и установлена исследователями довольно точно, несмотря на ее большую запутанность; интересующий же нас в данном случае второй русский эпизод саги, как уже сказано, не поддается хронологизации вообще. Весьма вероятно, что Одду пришлось сочинить вторую поездку Олафа на Русь, именно потому, что он знал, что крещение этой страны, с которым ему хотелось связать своего героя, произошло позже его пребывания у Вальдамара в детстве и юности.⁴

По стилю и характеру изложения рассказ Одда о добродетелях, проявленных Олафом в это время его жизни, а также весь второй русский эпизод, относятся у Одда к тем местам, где он дальше всего отстывает от исторической саги и приближается к чему-то вроде жития, хотя Олаф и не был официально канонизован. От всех остальных обычных рассказов

¹ См. статьи А. Bugge в Aarb. for nord. Oldkynd. за 1908 и 1910 гг.

² Предположение это весьма правдоподобно; его же высказывает и Ф. А. Браун (ук. соч., 177), причем он отмечает близкое сходство характеристики Аллогии в распр. ред. OsT, как «мудрейшей из всех женщин» (*alla kvenna vitroszt*, Flat., I, 89), чему соответствует и скромное признание Вальдаром ее превосходства над ним (Flat. 118), и Ольги в Лавр. летописи под 987 г. «... Ольга яже бѣ мудрѣиши всѣхъ человекъ». Впрочем, выражения, вроде *kvenna vitrust*, *kvenna fridust* (т. е. самая прекрасная), и т. п., настолько распространены во всех др.-сев. сагах, что едва ли можно на этом основании сближать именно эти два текста. О возможности отражения в образе Аллогии предания о Рогнеде см. S. H. Cross, ук. соч., 144—145.

³ То же мы находим еще в 60-х гг. XIX в. у P. Riant, *Voyages des Scandinaves en Terre Sainte*, 100.

⁴ См. S. H. Cross, ук. соч., 146.

др.-сев. саг об обращении в христианство этот эпизод отличается необыкновенно мирным и идеалистическим характером: стоит лишь сравнить поведение Олафа и Вальдамара, с тем, как действовали в Норвегии огнем и мечом конунги-христианизаторы — тот же Олаф и, несколько позднее, еще более жестокий и беспощадный тезка и родич его Олаф «святой», а также с тем, что мы знаем о христианизации Руси. У Одда мы видим мирные беседы Вальдамара с Олафом и дружеские убеждения и наставления со стороны последнего, причем одним из доводов в пользу принятия новой веры является то, что она подобает «знатным людям» и «справителям» (ред. А, 21 и ред. В, 12). По распространенной редакции саги по вопросу о вере созывается народное собрание (*þing*), но оно держит себя весьма пассивно и безлично в сравнении с тем, что мы видим в других сагах, дающих живые и яркие картины столкновений народных масс и областных вождей с конунгами, навязывающими им христианство. В смысле характеристики, и Олаф, и Вальмар здесь достаточно шаблонны и бесцветны, между тем как исландская сага хорошего классического типа, а иной раз даже и более позднего времени — большая мастерица по части прекрасных, живых и не лишенных психологической тонкости характеристик действующих лиц.

Откуда же взялась у Одда эта благочестивая идиллия, это, так сказать, «мирное вращение» христианства, ничуть не соответствующее исторической действительности? Возможно, что все это, подобно целому ряду других преданий об обращении как в западной, так и в восточной церковной литературе, построено по определенному шаблону, как напр., обращение в связи с каким-нибудь чудом, или сделка с христианским богом в каком-нибудь трудном случае, где герой повествования обещает креститься, если ему будет оказана помощь, и т. п. Позволю себе сделать следующее предположение относительно возможного образца для данного места у Одда: по своей общей схеме оно напоминает некоторые англо-саксонские предания у Беды в его *Historia ecclesiastica*,¹ относящиеся к VII в., где христианизация тех или иных отдельных областей Англии связывается с влиянием одного короля, христианина, на другого, язычника — *Alchfrid* и *Peada* (кн. III, гл. 21), *Wulfhere* и *Aedilwalch* (кн. IV, гл. 13) и, особенно, *Osuiu* и *Sigberet* (кн. III, гл. 22), относительно которых говорится об их близкой дружбе и частых беседах, об увещаниях со стороны Осви, и т. д., в результате чего Сигберт принимает крещение, а Осви посылает священников в его страну. Речи Осви о христианской и языческой вере и богах и Олафа —

¹ *Venerabilis Bedae Historia ecclesiastica gentis Anglorum*. Лондон, 1838.

на ту же тему у *Одда* в редакции А его саги¹ весьма сходны по содержанию, но сопоставление именно этих текстов, как таковых, сравнительно мало убедительно, так как они носят слишком явно характер общих мест, встречающихся очень часто, и совершенно независимо друг от друга, в литературе соответственного характера, как на Западе, так и на Востоке.² Вопрос о том, насколько правдоподобно использование *Оддом* указанных преданий у *Беды*, как образца для трактовки отношений *Олафа* с *Вальдармаром*, и знакомство его с этим автором вообще, непосредственно, или каким-нибудь иным путем — решить трудно, так как положительных данных и прямых указаний в пользу этого у нас нет. Историки др.-сев. литературы указывают на некоторые связи ее с англо-саксонской, в частности — на возможность знакомства исландских авторов с сочинениями *Беды* в XII—XIII вв.,³ но ни свидетельства самих др.-сев. памятников, ни высказывания исследователей о них не дают основания для решительного ответа на этот вопрос в утвердительном смысле. Предполагаемый мною генезис данного места у *Одда* привожу, поэтому, лишь как возможную гипотезу.

Единственная из других саг, где есть краткое указание на вторую поездку *Олафа* на Русь, это — *Kristni Saga* (гл. VI, 1), сага о христианизации Исландии, составленная в нач. XIII в., историческая по своему характеру и весьма точная по хронологии.⁴ Полагают, что это известие восходит здесь к *Гуннлаугу*, чья недошедшая до нас работа об *Олафе* была использована автором *Кг.*⁵ Непосредственно связан с *Гуннлаугом* и *Þorvalds þáttr ens vídforgla* — повесть о *Торвальде-путешественнике*,⁶ исландце, жившем во 2-й пол. X в. и принимавшем деятельное участие в христианизации Исландии; о нем говорит, со своей стороны, и *Кг.* *Þorv. þ.* составлен в 1-й пол. XIII в. и является по содержанию своему произведением того же круга, как и *Кг.*, но в нем в большей мере выдвинут легендарный элемент. С точки зрения трактовки скандинавско-византийско-русских

¹ Ук. пзд., 13 и 21; ср. распр. ред. Flut., I, 89 п 118.

² Ср., напр., в Лавр. летописи под 983 г., в эпизоде с варягом-христианином: «не суть бо то бози, нъ древо. . . не ядят бо, ни пиють, ни мълвятъ, но суть дѣлани руками въ дръвѣ», и т. д.

³ См. E. Mogk. Geschichte der norw.-isländ. Literatur, 565, 877, 898 (H. Paul. Grundriss der germ. Philol., изд. 1904 г.); F. Jónsson, Norsk-isl. kultur-og sprogforhold i IX og X årh., 189—192 (Hist.-fil. Meddel. Dan. Vidensk. Selsk., 1920, III).

⁴ Изд. В. Kahle. Altnord. Saga-Bibliothek, XI, 1905 г.

⁵ См. В. Kahle. Предисл. к ук. изд., XII и XIV. *Кг.* говорит о поездке *Олафа* в *Hólm-garðr*, т. е. Новгород, который *Одд* не называет нигде.

⁶ Изд. В. Kahle. Altnord. Saga-Bibliothek, XI; о *Гуннлауге*, как о возможном авторе ее см. предисл., XVI—XVII.

отношений в др.-сев. письменности, в нем интересно известие о том, что Торвальд в конце своей жизни отправился в Иерусалим, а оттуда в Грецию (Grikkjaríki), где был в большом почете у императора и у всей окружающей его знати и византийского духовенства, по причине своего высокого благочестия; император послал его на Русь в качестве ни больше, ни меньше как главы надо всеми русскими князьями — *ufr alla konunga á Rúzlandi ok í öllu Gardaríki* (IX, 1 и 2). Автор повести не задумываясь превращает здесь церковную иерархическую связь Руси с Византией в политическую зависимость.¹ Ни один из русских князей по имени не назван. Характерное для ученой, книжной, географической терминологии название Руси *Rúzia, Rúsia, Rúzland*, и т. п., встречается как в *Þorv. þ.* и *Kr.*, так и у Ода, наряду с более распространенным и более первоначальным в исландских сагах *Gardar, Gardaríki*.² Далее *Þorv. þ.* (IX, 3) сообщает, что Торвальд основал на Руси монастырь при церкви Иоанна крестителя, который с тех пор назывался его именем (*þorvalds klaustr*), щедро наделил его имением и в нем кончил свою жизнь; монастырь этот стоит «под горой, называемой *Drofn*». *Kr.* XIII, 2—4, со своей стороны, говорит о путешествии Торвальда в Иерусалим и в Миклагард, т. е. Константинополь, а затем в Киев (*Kaenugardr*) «по восточному берегу Днепра» (*et eystra eptir Nepr*) и о его смерти «в Русии» (*í Rúzia*) недалеко от Полоцка (*Pallteskja*); по словам саги, он похоронен там в горе близ церкви Иоанна крестителя (*Johannis baptistae*),³ «и называют его святым». В подтверждение приводится строфа скальда Бранда-путешественника (*Brandr enn vídförli*), побывавшего там, где «похоронен святой (Торвальд) в горе на *Drofn* у церкви Иоанна (*í háfjalle upp í Drafne at Joanskirkjo*)».

Все эти данные *Kr.* и *Þorv. þ.* довольно неясны и ненадежны; тем не менее, в них, может быть, имеются некоторые отголоски исторического предания, а именно, в упоминании о Полоцке в неразъясненных до сих пор топонимических и топографических данных, как будто указывающих на что-то конкретное,⁴ и, наконец, в известии о связях Торвальда с каким-то

¹ Что в данном случае мы имеем дело не просто с вымыслом автора, а с представлением о такой зависимости, существовавшим в Западной Европе в XI—XII в., доказывают факты, отмеченные А. А. Васильевым в его статье «Was Russia a vassal state of Byzantium?» (*Speculum*, 1932, июль, 350—360), напр., то место у Адама Бременского, где он называет Киев «славнейшим украшением Греции», и др.

² Об этих названиях см. Ф. А. Браун, ук. соч., 192—194.

³ Здесь обращает на себя внимание латинская форма среди др.-сев. текста; ср. *í Rusiam* у Ода ред. А, 18 и 20.

⁴ *Drofn* — местное название, хорошо известное в сагах: напр., в *Nkr*, II, 399, так называется нын. *Drammen* в Норвегии, близ Осло; в западной Исландии *Laxdoela saga* XXIV, 3 знает

русским монастырем, причем невольно вспоминается знакомый нам по Патерику Шимон-варяг и его отношения с Клево-Печерским монастырем. Неприятным обстоятельством для исследователя, ищущего конкретных данных в этих текстах, является то, что скальд Бранд, на которого ссылается Кг., совершенно неизвестен в др.-сев. литературе, в связи с чем было бы рискованно говорить о его строфе, как об историческом источнике, каковыми являются, вообще, дошедшие до нас песни скальдов.

Согласно намечаемой здесь группировке скандинавско-византийско-усских преданий в др.-сев. литературе, OsT и Þorv. þ можно отнести к одной группе. В построении самой биографии Олафа и Торвальда мне представляются следующие параллельные черты. Оба являются христианизаторами у себя на родине и авторы стремятся возвеличить их, как таковых. Торвальду предсказывает в его юности славное будущее языческая вещунья (Þorv. þ. I, 3 сл.), как Олафу — мать Вальдамара и другие прорицатели на Руси.¹ Оба отправляются из Греции на Русь в качестве усердных приверженцев христианства, но тема посредничества варягов в деле обращения Руси, представленная в лице Олафа у Ода, украсившего этим благочестивым предприятием биографию (местами, как уже было сказано — почти что житие) своего героя, в Þorv. þ. является уже в ослабленном и менее отчетливом виде: прямого указания на цели религиозного характера здесь нет; если бы автор не секуляризировал, так сказать, деятельность Торвальда, сделав его главой над русскими князьями и политическим ставленником греческого императора, а изобразил его миссионером, картина получилась бы, если не более правдоподобная в историческом отношении, то, во всяком случае, Drafnanes, и др. Преимущественно, это — название Фиордов (др.-сев. drǫfn — вода, волна) и для горы мало подходит. Остается неясным, является ли Drǫfn в Кг. и Þorv. þ. переводом какого-нибудь подлинного древне-русского местного названия или переделкой такового на скандинавский лад. Интересно было бы попытаться разъяснить вопрос об этой горе и о монастыре Иоанна путем тщательного исследования топонимики и топографии окрестностей Полоцка; пока у нас имеется только указание на монастырь этого имени на о. на Двине в Географическо-статистическом словаре Семенова, IV, 165, что уже отмечено В. А. Бримом (ук. соч., 218).

¹ Предсказания, особенно со стороны вещей женщин, в сагах вообще нередки. Интересно отметить этот литературный прием тех случаях, когда языческие прорицатели предвещают появление новой веры и прославляют ее, или предсказывают славное будущее герою, которого данная сага выдвигает как христианина, т. е. соединение языческого элемента с церковной тенденцией текста и подчинение ей; так напр., в одной повести, датированной нач. XIV в. (o rst. þáttir uxafóts. Flat., I, 255), в такой роли выведен обитатель кургана (haugbúi) — образ, весьма распространенный в скандинавском фольклоре. В эпизоде с вещуньей в Þorv. þ. эта тенденция выражена сравнительно слабо; говорится лишь в общих чертах о том, что Торвальд будет по многим причинам славнее всех своих родичей, а интерес повести сосредоточен здесь на том, чтобы отец Торвальда снабдил его деньгами и отпустил в чужие земли; он уезжает, становится викингом, впоследствии принимает христианство и т. д.

1792425.

более связная и последовательная. Некоторая аналогия есть и в конце жизни Олафа и Торвальда: в др.-сев. литературе имеется предание о том, что Олаф не погиб в морском бою при Свольде (Svøldr) в 1000 г., как это знают все вообще касающиеся его источники, а спасся, побывав снова на Руси и в Греции, а также в Сирии и в Иерусалиме, где в конце концов ушел в монастырь. Большинство известных нам памятников воздерживаются от развития этой ненадежной темы, которая находит себе место в дошедших до нас др.-сев. редакциях Одда и особенно — в распр. ред. OsT.¹ На Русь, и при этом — в Ладугу (Aldeigjuborg), отправляет Олафа в данном случае только ред. С OsT Одда.²

3

Если искать далее в том же направлении в области др.-сев. литературы, то мы видим, что в двух сагах позднейшего времени намеченная здесь схема уже утратила свою третью составную часть, т. е. Русь; остаются скандинавы и Византия. Это, во-первых, *Finnboga saga* гамма, сага о Финнбоги сильною;³ Финнбоги — лицо историческое, исландец, живший в середине X в., но сага о нем не старше XIV в., а по характеру своему является одной из так наз. романтических саг позднего, после-классического периода. Ее рассказ о поездке Финнбоги в Грецию и обращении там в христианство византийским императором, которому он обещает распространять таковое у себя на родине (39—41), представляется совершенно неисторическим; вообще, она выдвигает Финнбоги, как приверженца новой веры, причем для нашей темы интересно то, что она связывает его в этом смысле с Византией.⁴ Во вторых, *Eiriks Saga vídførla*, сага об Эйрике-путеше-

¹ Косвенное указание на это предание заключается, повидимому, и в Кг. XIII, 1—2, где говорится о том, что Олаф «пропал» (*hvarf*) в бою при Свольде; здесь обращает на себя внимание выражение «*hverfa*» — пропадать, исчезнуть, вместо обычного в таких случаях «*falla*» — пасть, погибнуть. Если говорить о литературных параллелях, то с преданием о спасении и дальнейшей жизни Олафа непосредственно связывается не *Þorgv. þ.*, где сходство имеется лишь в общих чертах (уход в монастырь), а *Hemings þáttr*, полуисторическая повесть о норвежце Геминге, где, приблизительно, то же самое рассказывается о Гаральде, короле англо-саксонском, убитом в бою при Гастингсе в 1066 г., причем и OsT (ред. А, 118—119), и Нем. þ. сопоставляют судьбу своих героев.

² Ук. изд., 71.

³ Изд. Н. Gering. Галле, 1879.

⁴ В этом эпизоде внимание историка привлекает, между прочим, упоминание о торговле скандинавов в Греции (39), между тем как обычно саги говорят лишь об их военной службе у императора. Это обстоятельство объясняется, может быть, тем, что варяжская торговля с Византией основывалась на вывозе с Руси, на захвате добычи и взимании дани на ее территории, а не на непосредственном обмене между Византией и скандинавским Севером. Саги, к сожалению, не сообщают таких данных, на основании которых можно было бы

ственнике,¹ составленная также в XIV в., согласно которой легендарный норвежский княжич Эйрик ездил в Миклагард и был обращен в христианство греческим императором; эта религиозно-приключенческая сага (*et religiøst aeventyr*), как характеризует ее Ф. Jónsson,² совершенно лишена исторического основания и представляет собою смешение средневековых сказочных мотивов и книжной учености церковного характера.

4

Если попытаться точно классифицировать рассматриваемые здесь др.-сев. предания, то намеченную общую группу с ее определенно тенденциозной трактовкой скандинавско-византийско-русских отношений, отличающей ее от других, где эти же отношения представляются нам в более реальном историческом освещении, можно подразделить на две подгруппы, относя к первой *OsT Odda* (и *Гуннлауга*, поскольку мы знаем его недошедшую до нас работу об Олафе), *Kr.* и *Þorgv. þ.*, а ко второй — *Finnb.* и *Eir. vídf.*

Общей чертой всей этой группы является, между прочим, то, что здесь не находят никакого отражения догматические раздоры и противоречия между западной и восточной церковью. Обе мирно уживаются, и не только у более ранних авторов, как *Одд* и автор *Þorgv. þ.* (как уже сказано выше — может быть, никто иной, как *Гуннлауг*, ближайший коллега *Одда*), но и позже, в произведениях, относимых мною ко второй подгруппе. В отношении первой это объясняется, может быть, тем, что для исландских книжников раздоры между западной и восточной церковью были делом чуждым и далеким, а поэтому не мешали им связывать так или иначе своих героев с Византией, т. е. с центром восточного христианства. В отношении второй, еще менее исторической чем первая, объяснение возможно именно в связи с таким ее характером: для нее далекая Византия является приблизительно тем же, чем Русь и Биармаланд для поздних романтических саг типа *Fornaldarsögur* — отдаленной страной, куда можно переносить

восстановить картину торговой деятельности норманнов на территории восточных славян, подобную той, какую дает Константин Багрянородный относительно «Руси» (Ρῶς). Данное место *Finnb.* едва ли можно рассматривать как единственное в др.-сев. литературе указание на торговлю скандинавов с греками; скорее всего, мы здесь имеем чисто формальный прием повествования, взятый из исторических саг, где самое выражение «*hafa kaupstefnu við landzmennt*» является своего рода техническим термином и имеет вполне реальное значение; вероятно, *Finnb.*, если можно так выразиться, скалькировала его. В той категории саг, к которой она относится, стилизация под историческую сагу наблюдается вообще довольно часто.

¹ *Flat.*, I, 29—36.

² *Den oldnorr. og oldisl. Litter. Hist.*, III, 92. 1902.

действие рассказа и приключения его героев, не стесняясь правдивостью изложения.¹

Возвращаясь в заключение к OsT с ее преданием о Владимире, как стоящей во главе объединенной здесь группы, можно согласиться с выводом А. И. Лященко: с точки зрения истории крещения Руси она значения не имеет. Но дело не только в наличии или отсутствии связи с историческими фактами, и даже не в том, насколько здесь можно выявить что-нибудь для освещения внутренней борьбы, сопровождавшей христианизацию, и социально-экономического положения церкви в древне-русском феодальном обществе, и, наконец, для выяснения какой-нибудь стороны варяго-русских отношений в эту эпоху; как мы уже видели, материал, который мы здесь имеем, слишком скуден и бесцветен, чтобы удовлетворить таким требованиям, да и самая тема построена искусственно. Заключаяющаяся здесь *Rossica*, тем не менее, представляет известную ценность, как всякий пример разработки русской темы в др.-сев. литературе, в данном случае — в узком ее кругу, где интересы и тенденции церковной книжной легенды определяют собою и тематику литературных произведений, и трактовку сюжета. Исторические связи скандинавов с Византией и Русью здесь, как бы то ни было, отражены, но в освещении авторов специфического типа.² В поисках следов исторической правды и каких-нибудь положительных данных относительно древней Руси, на которые даже наиболее надежные с этой точки зрения произведения др.-сев. письменности довольно скупы, исследователю придется четко выделить, в частности, настоящую группу преданий, как имеющую интерес, преимущественно, чисто литературный и лишь весьма слабо и косвенно связанную с исторической действительностью.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Finnb.	—	Finnboga saga ramma.
Flat.	—	Flateyjarbók.
Hkr.	—	Heimskringla.
Kr.	—	Kristni saga.
OsT	—	Óláfs Saga Tryggvasonar.
Þorv. Þ.	—	Þorvalds þáttur ens víðfjóra.

¹ О «русских» мотивах, весьма распространенных в поздних романтически-приключенческих сагах, см. Ф. А. Браун, ук. соч., 191—192.

² Менее всего это определение относится в рассматриваемой нами группе к автору *Kr.*; см. замечания В. Kahle, ук. изд. этой саги, предисл., XI.

И. П. ЕРЕМИН

Из истории древне-русской публицистики XI века

(Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу
о латинянах)

1

Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу о латинянах дошло до нас в целом ряде списков, из которых многие не сходны между собою. В свое время еп. Макарий предложил следующую классификацию известных ему списков послания: он подразделил их на три «фамилии» или редакции; к первой «фамилии» отнес так наз. Паисиевский сборник XIV—XV вв. и сборник Новг.-Соф. библ. № 522, XV в.; ко второй — Кормчую XVI в. Румянцевского Музеума № ССХХХIII и сборник библ. Царского 1642 г. № 393; к третьей — списки Киево-Печерского патерика Кассиановской редакции 1462 г. «Судя по началу, — писал еп. Макарий, — первая фамилия представляется наиболее близкою к подлиннику, а в двух остальных фамилиях начало видимо изменено стороннею рукою. При сравнении этих двух последних фамилий третья кажется только распространением второй».¹ А. Попов, полностью принимая классификацию редакций послания, предложенную еп. Макарием, дополнил ее еще одной, четвертой, открытой им в Великих Четьях-Минях митр. Макария (август). Вслед за еп. Макарием А. Попов первую редакцию считал древнейшей, т. е. ближе передающей архетипный текст послания; вторую — переделкой этой первой редакции; третью — возводил ко второй; четвертую, минейную — рассматривал как «совмещение первых двух».²

¹ Еп. Макарий. Преподобный Феодосий Печерский, как писатель. Изв. Акад. Наук по Отд. русск. яз. и слов., т. IV, СПб., 1855, стр. 289, прим. 24.

² А. Попов. Историко-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против латинян (XI—XV в.). Москва, 1875, стр. 78—81. Ср. А. И. Яцимирский. Из славянских рукописей. Тексты и заметки. Москва, 1898, стр. 20—22; Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906, стр. 188—193.

Изучение списков послания привело меня, однако, к несколько иным заключениям.

Все известные мне списки послания делятся на две основные группы; к первой группе относятся два древнейшие списка, именно Паисиевский сборник XIV—XV вв. Ленинградской Гос. Публичной библ. Кирилло-Белозерского собр. № 4 — 1081,¹ л. 23 об. — л. 28 об. и сборник XV в. той же библиотеки, Новг.-Соф. собр. № 1285 (522), л. 100 об. — л. 102 об., ко второй — все остальные списки.² Все списки второй группы, объединяясь рядом особенностей в расположении материала (перечень латинских ересей следует непосредственно за вступлением; перечень этот перебивается советом воздерживаться от общения с латинянами, не выдавать за них своих дочерей, не пить, не есть с ними из одного сосуда; обвинение в том, что латиняне служат «мертвым телом» с конца послания перенесено в середину и т. д.), в свою очередь подразделяются на четыре группы: а) рукоп. Московского Гос. Исторического музея, Синод. собр. № 997, Великие Четьи Минеи митр. Макария (август), XVI в., л. 1387 об. — л. 1389; б) рукоп. Московской Гос. Публичной библ. им. Ленина, Троице-Сергиевского собр. № 768, сборник XV—XVI вв., л. 315 об. — л. 320; рукоп. той же библиотеки, собр. Беляева № 55 (1549), сборник XVII в., л. 668 — л. 673; рукоп. Московского Гос. Исторического музея, собр. Уварова № 1820 (531) (394), сборник 1642 г., л. 513 об. — л. 519; в) рукоп. Московской Гос. Публичной библ. им. Ленина № ССXXXIII, Кормчая XVI в., л. 377 — л. 378;³ д) списки Киево-Печерского патерика так наз. второй Кассиановской редакции 1462 г.

Список в и архетип группы д восходят к общему источнику:

d	c	b	a
... пють же	... піют же	... пьют же	... пьють же
свой сець — зло	сець — зло	сець...	ссець...
есть и прокля-	и проклято се.	... соль сыплют	... солью пьют
то сіе...		крещаемому в рот,	крещаемому в

¹ Подробное описание этого сборника см. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, ХLI — LXXX. СПб., 1876, стр. 297—304.

² Первый из указанных списков послания был издан еп. Макарием в его «Истории Русской церкви» (т. II. СПб., 1857, прим. 221, стр. 297—299), Ф. Буслаевым в «Исторической Христомати церковно-славянского и древне-русского языков» (Москва, 1861, стр. 517—519), в отрывках, и в «Православном Собеседнике», 1865, ч. II, стр. 325—328; второй — еп. Макарием в «Ученых записках II отд. Академии Наук», кн. II, вып. 2. СПб., 1856, стр. 215—218. Ср. также список вт. пол. XV в. юго-славянского происхождения, изданный А. Яцимирским (op. cit., Приложение, стр. 23—30).

³ По этому списку послание издано еп. Макарием в «Ученых Записках II отд. Акад. Наук», кн. II, вып. 2, СПб., 1856, стр. 218—220.

... крѣщающе-муся сыплютъ соль въ уста, въ имя же святыхъ не на наричють, но како въззовуть родители их...

... крѣщающе-муся сыплютъ соль въ уста, а имен же святыхъ не наричють, но како въззовуть родители их

имени же не нарицаютъ святаго, но како прозовутъ родителя своя...

ротъ, но како его прозовуть родители свои...

... попове же их не женятся законноюженою, но съ рабынями блуд творять...

... попове же их не женятся законною, но с рабами незаконно блуд творят...

... попове их незаконною женятся женитвою, но с рабами детей добывают...

... попѣ ихъ не женятся законноюженою, но с рабами дѣтей добывающе...

... они бо латина мерѣтваа, иже мертву службу съдѣвають...

... вы же, латино, мертвая, иже мертву службу содѣваете...

... вы есте, о латино, мертвии и мертву жертву сдѣлываете...

... вы же есте, о латини, мертвы, иже мертву жертву содѣваете...

... Милостивъ же буди, христолюбче, не токмо до своихъ домочадець, но и до чюжихъ, и аще видиши нага, одежи и, или гладна или бѣдою одержима, помилуй и.

... Милостив буди не токмо до своихъ христіанъ, но и до чюжихъ. Аще нага видіши, одежи их, или гладна, ли зимна и бѣдою одрѣжима, помилуй.

... Милостынеку же милуй не токмо своея веры, но и чужая. Аще ли видиши нага, или гладна, или зимою или бедою одержима, аще ли ти будет жидовин, или сорочинин, или болгарин, или еретик, или латинянин, или от поганыхъ, всякого помилуй...

... Милостынеку милуй нищихъ не токмо во своей вѣры, но и чужаа. Аще ли видиши нага, одежи, или гладна, ли зимою, ли бѣдою одержима, аще ли ти будетъ ли жидовинъ, ли сорочининъ, ли болгаринъ, ли еретикъ, ли латинянинъ, или от поганыхъ, всякого помилуй.

И аще ти будетъ от котора рыа вѣры еретикъ и латининъ, всякого помилуй...

Аще ти будет от котора рыа вѣры еретик или латининъ, всякого помилуй...

от поганыхъ, всякого помилуй...

от поганыхъ, всякого помилуй.

(Д. Абрамович, Киево-Печерський патерик. У Києві, 1931, стр. 190—192).

(рукоп. Моск. Публ. библ. им. Ленина № ССХХІ, л. 377—378).

(рукоп. Моск. Публ. библ. им. Ленина, Тр. Серг. собр. № 768, л. 315 об. — 320).

(рукоп. Моск. Ист. М., Синод. собр. № 997, л. 1387 об. — л. 1389).

Этим источником был протограф списка с; чтобы убедиться в этом, достаточно следующего примера:

d

c

Въпросъ благовѣрнаго князя Изялава о латынѣхъ.

Вопрошеніе князя Изяслава, сына Ярославля, внука Володымерова, игу-

Приидѣ вѣкогда благовѣрный великий князь Изяславъ, сынъ Ярославъ, внуку Володимировъ, къ святому отцю нашему Феодосію, игумену Печерьскому, и рече ему: «Исповѣж ми, отче, вѣру варяжскую...»

мена Печерскаго великаго Феодосіа о латинѣ. И рече Изяславъ: «Скажи ми, отче, вѣру варяжскую...» Ср. начало списков **ав**: Вопросение князя Изяслава, сына Ярослава, внука Володимира, игумена Печерскаго монастыря Феодосія о латыньстей вере; ср. также начало в Паисиевском сборнике, списке первой группы: Слово святаго Феодосья, игумена Печерскаго монастыря, о вѣре крестьяньской і о латыньскоі.

Что касается списков **ав**, то в их сходстве мы уже могли убедиться из вышеприведенных текстуальных сопоставлений; они теснейшим образом объединяются также рядом обвинительных пунктов, отсутствующих во всех остальных списках послания, в том числе и в списках первой группы, именно описанием некоторых нескромных подробностей свадебного обряда латинян и обличением, в самом конце послания, латинского обычая брить бороды. Это сходство объясняется общим источником, к которому, независимо друг от друга, восходят список **а** и протограф списков **в**. Мы принуждены предположить существование этого, недошедшего до нас, источника: список **а** нельзя возвести к протографу **в**, так как в последнем отсутствует вступление (аз, худый мних, раб есмь пресвятей троицы и т. д.), читающееся в списке **а** и характерное для списков первой группы, древнейших; протограф **в** также нельзя возвести к списку **а**; чтобы убедиться в этом, достаточно следующих примеров:

в

... в то имя крестят и се же паки глаголют: «и духа святаго господня и животворящаго, исходящего от отца и от нас (сына)»; мы же глаголем: «от отца»...
... ядят желвы, и дикой конь, и ослы, и удавленину, и медвѣдину, и мертвечину, и бобровину и хвост бобровой ядятъ.

а

... в то имя и крестятъ...
... ядятъ дикіи кони и ослы, хвостъ бобровой ѣдятъ...

I группа

... в то имя и крестят, се же паки глаголют: «и духа святаго, исходящаго от отца и от нас (сына)». Мы же не глаголем: «от нас (сына)»...
... ядятъ желвы, и дикіи кони, и ослы, и удавленину, и мертвечину, и медвѣдину, и бобровину, и хвост бобровый ядятъ.

Этим общим источником был, повидимому, недошедший до нас протограф списка а, минейного. Каково же взаимоотношение между собою текстов протографа а с вышеустановленным нами протографом с? Протограф с ближе к протографу b (ср. вступление); следовательно с нельзя возвести непосредственно к а; допустив такое предположение, мы принуждены будем признать случайностью сходство между b и с, отсутствие и в том и в другом характерного для а и древнейших списков зачина: «Аз, худый мних, раб есмь пресвятей тройцы...»; — остается, таким образом, предположить, что протограф с восходит, как к своему ближайшему источнику, к одному из списков группы b. Итак, а → b → с → d.

Какие же списки ближе воспроизводят древнейший, архетипный текст послания, — списки первой группы или протограф а, родоначальник всех списков второй группы? Некоторые объективные, т. е. текстуальные, данные позволяют нам разрешить этот вопрос так же, как решил его в свое время еп. Макарий: древнейшими, безусловно, не только по времени написания, но и по тексту являются паисиевский и софийский списки. Протограф а представляет собою переработку одного из списков первой группы, переработку, следы которой заметны и по сей час. Приведу характерный пример:

а

I группа

...азъ, худый мнихъ, рабъ есмь пресвятѣй тройцы... в правовѣрнѣй вѣрѣ роженъ есмь и воспитанъ в добрѣ законѣ правовѣрнымъ отцемъ и матерью христіаную, наказывающа мя добру закону и норовомъ правовѣрнымъ послѣдовати. И всю землю, княже, осквернили: мощіи святыхъ не цѣлуютъ, и в говѣніе мяса ѣдятъ, и мы, крещающесе, мажемся миромъ и маслом, а они солью плюютъ крещаемомуся в ротъ, но како его прозовуть родители свои, то в то имя и крестятъ. Вѣры же латыньскыя не прилучатися, ни обычаа ихъ держати... всего ихъ норова гнушатися и блюсти, зане не право вѣруютъ и нечисто живутъ: ядятъ бо со псы и с кошками, пьютъ же свой

... аз, Федос худый, раб пресвятыя троица... в правоверней вѣре рожен и воспитан в добре (законѣ) правовернымъ отцемъ и матерью (христіаную), наказывающе мя добру закону (и норовомъ правоверныхъ послѣдовати), вѣрѣ же латыньстей не прилучатися (прилучайтесе), ни обычаа ихъ держати. норово ихъ гнушатися и блюсти своихъ дочерей, не давати за них, ни у нихъ поимати...

ссець и ядять дикіи кони и ослы, хвостъ бобровой ѣдять и в говѣние. Ни своихъ же дочерей недостойтъ крестьяномъ дати за ня, ни поимати ихъ за ся...

Ср. *abcd*

Как видим, правильнее говорить не о четырех редакциях послания, а о двух: первой, представленной двумя древнейшими списками, и второй, дошедшей до нас в четырех вариантах (*abcd*). Вторая редакция возникла во всяком случае не позже XV в., точнее 1462 г., года появления второй Кассиановской редакции Печерского патерика; допустив вслед за А. А. Шахматовым,¹ что послание (вариант *d*) было не составлено в этом году Кассианом, а только выписано им из предполагаемой А. А. Шахматовым Печерской летописи XII в., нам пришлось бы возникновение второй редакции, а также ее вариантов *abc*, отнести тоже к XII в., что маловероятно.

2

Перейдем к вопросу о том, когда, при каких обстоятельствах и кем был написана первая, древнейшая, редакция интересующего нас памятника. В рукописях он носит следующее заглавие: «Слово святого Феодосья, игумена Печерскаго монастыря, о вѣрѣ крестьянской и о латыньской» (первая редакция); «Вопрашание князя Изяслава, сына Ярославля, внука Володимера, игумена Феодосиа Печерскаго монастыря, о латынстеи вѣрѣ» (варианты *a* и *b* второй редакции); «Вопрошение князя Изяслава, сына Ярославля, внука Володымерова, игумена Печерскаго, великаго Феодосиа о латынѣх» (вариант *c* второй редакции); «Вопрос благовернаго князя Изяслава о латынѣх» (вариант *d*, второй Кассиановской редакции Киево-Печерского патерика 1462 г.). Ср. начальные строки последнего варианта: «Приидѣ нѣкогда благовѣрный великій князь Изяславъ, сынъ Ярославль, внукъ Володимировъ, къ святому отцю нашему Феодосию, игумену Печерскому, и рече ему...»² Пытаясь на основании этих рукописных свидетельств установить, какому именно Феодосию принадлежит послание, исследователи, как известно, разошлись во мнениях: одни (митр. Евгений,³ С. Шевырев,⁴

¹ А. А. Шахматов. Киевопечерский патерик и Печерская летопись. Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, т. II, кн. 3, 1897, стр. 827.

² Д. Абрамович. Киево-Печерский патерик. У Києві, 1931, стр. 190.

³ Митр. Евгений. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви, т. II². СПб., 1827, стр. 283—284.

⁴ С. П. Шевырев. История русской словесности, преимущественно древней, т. I. ч. 2, Москва, 1846, стр. 45.

еп. Макарий,¹ еп. Филарет,² иером. Августин,³ Н. Петров,⁴ А. Попов,⁵ А. Павлов,⁶ Ф. Делекторский,⁷ В. Чаговец,⁸ А. Соболевский⁹ и др.), ссылаясь на показания списков послания, приписывали его игумену Печерского монастыря Феодосию, современнику великого князя киевского Изяслава Ярославича (1024—1078); другие (Е. Голубинский,¹⁰ А. Шахматов,¹¹ А. Архангельский,¹² А. Яцимирский,¹³ А. Лященко,¹⁴ Г. Бельченко¹⁵ и др.) — писателю первой половины XII в. Феодосию Греку, переводчику на славянский язык послания папы Льва I к Флавиану, патриарху Константинопольскому, о ереси Евтихия. Не вдаваясь в подробный разбор высказываний отдельных исследователей, замечу только, что во всей этой многолетней дискуссии по вопросу об авторе послания никто из сторонников второй гипотезы, гипотезы, по которой послание принадлежит Феодосию Греку, писателю XII в.: ни Е. Голубинский, ни его предшественники, А. Кубарев, П. Мартынов, ни даже А. Шахматов, — не сочли нужным поделиться теми соображениями, в силу которых они, вопреки ясным показаниям списков

¹ Еп. Макарий. Преподобный Феодосий Печерский, как писатель. Изв. Акад. Наук по Отд. русск. яз. и слов., т. IV, СПб., 1855, стр. 289.

² Еп. Филарет. Обзор русской духовной литературы. СПб., 1857, стр. 13—14.

³ Иером. Августин. Полемические сочинения против латинян, писанные в русской церкви в XI и XII вв. — в связи с общим историческим изысканием относительно разностей между восточною и западною церковью. Тр. Киевск. духовн. акад., № 7, 1867, стр. 354—358. Ср. № 9, стр. 512—519.

⁴ Н. Петров. О влиянии западно-европейской литературы на древне-русскую. Тр. Киевск. духовн. акад., № 4, 1872, стр. 15—17.

⁵ А. Попов. Историко-литературный обзор древне-русских полемиических сочинений против латинян (XI—XII вв). Москва, 1875, стр. 45, 69—81.

⁶ А. Павлов. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878, стр. 45—48.

⁷ Ф. Делекторский. Флорентийская уния (по древне-русским сказаниям) и вопрос о соединении церквей в древней Руси. Странник, № 9, 1893, стр. 70—73.

⁸ В. А. Чаговец. Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения. Киев, 1901, стр. 160—162.

⁹ А. И. Соболевский. Отношение древней Руси к разделению церквей. СПб., 1914 (отт. из Изв. Акад. Наук за 1914 г.), стр. 100.

¹⁰ Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, ч. 1, Москва, 1901², стр. 859—860.

¹¹ А. А. Шахматов. Киевопечерский патерик и Печерская летопись, Изв. отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, т. II, кн. 3, 1897, стр. 827—835.

¹² А. С. Архангельский. Новый труд по истории русской литературы. ЖМНП, № 9, 1898, стр. 235.

¹³ А. И. Яцимирский. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе. Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, т. IV кн. 2, 1899, стр. 438—441.

¹⁴ А. И. Лященко. Заметка о сочинениях Феодосия, писателя XII века. Отчет о состоянии училища при реформатских церквях за 1899—1900 год. СПб., 1900, стр. 26—36.

¹⁵ Г. П. Бельченко. Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения (По поводу книги В. А. Чаговца). Одесса, 1902, стр. 46—50.

послания, не находят возможным приписать его Феодосию Печерскому, современнику князя Изяслава Ярославича, не сочли необходимым объяснить сколько-нибудь удовлетворительно, какие причины заставили их, вопреки рукописным свидетельствам, воздвигать сложное и хрупкое здание своей гипотезы, целиком составленной из одних взаимно поддерживающих друг друга догадок и предположений.¹ Мне думается, что объяснение этого

¹ Так, исходя из того обстоятельства, что монахи-редакторы первопечатного Печерского патерика не включили ответ Феодосия на вопрос князя Изяслава о вере латинской в состав своего издания, А. Кубарев писал: «...строгая и просвещенная критика издателей печатного патерика еще 200 лет до нашего времени не признала сего сочинения за подлинное и достоверное. И могли ли бы они, приняв в свой патерик поучительные послания Симона и Поликарпа, исключить из него беседу св. Феодосия, не имея к тому достаточных оснований? И так нам принимать этот ответ за подлинный, вопреки критике мужей столь отличных по уму и просвещению, спустя 200 лет после них, неприлично». (А. Кубарев. О редакциях Патерика Печерского. Чтения в Общ. истор. и древн. росс. при Московск. унив., 1858, кн. III, I, стр. 119); П. Мартынов, пересказав содержание послания, ограничился следующим замечанием: «Tel est en substance cet écrit que les écrivains russes ne se font pas scrupule d'attribuer à Théodose, mais qu'une critique sérieuse et libre ne tardera pas, nous l'espérons, à rejeter comme apocryphe et injurieux à la mémoire du saint higoumène de Kief» (P. Martynof. Les manuscrits slaves de la bibliothèque impériale de Paris. Paris, 1858, p. 99). Что касается аргументации Е. Голубинского, то она в сущности немногим отличается от вышеприведенной его ближайших предшественников; «Во-первых, — писал этот исследователь, — преп. Феодосий Печерский вовсе не мог иметь тех сведений об отступлениях и обычаях латинян, которые сообщает автор; во-вторых, совершенно и нисколько не идет к преп. Феодосию то, что он — автор — говорит о себе и о своем отце, и, наконец, в-третьих, преп. Феодосий и на вопрос Изяслава: достоин ли резать скот в неделю, начинает ответ: «Что взмыслил, боголюбивый княже, вращати мене, некнижна и худа, о таковой вещи» (Е. Голубинский имеет в виду послание Феодосия к князю о неделе и о посте в среду и пятницу), но так ли отвечает наш автор на свой совсем другого сорта вопрос (т. е. вопрос о латинской вере)? Вообще мы не сомневаемся — пишет Е. Голубинский далее, очевидно подыскивая более веские доказательства, — что слово принадлежит нашему Феодосию (т. е. Феодосию Греку, автору посвященного князю Николаю Святоше перевода послания папы Льва I к патриарху Флавиану) и написано им для того же Николая Святоши, что всего вероятнее, или для другого какого-нибудь князя, а преп. Феодосию усвоено после по весьма понятному недоразумению» (Е. Голубинский, *op. cit.*, стр. 859). «Голубинский... указал на то, что эта полемическая статья против латинян не может принадлежать перу св. Феодосия; отсылаю к указанному месту труда Голубинского тех, кто пожелает убедиться в справедливости сомнений почтенного ученого. Я разделяю эти сомнения...», — вот все, что мы читаем по интересующему нас вопросу у А. А. Шахматова (*op. cit.*, стр. 828). Ср. А. И. Ляценок, *op. cit.*, 27—28. Указание Е. Голубинского на будто бы вопиющее несоответствие между тем, что говорит Феодосий о своем отце, и данными его собственной биографии — неубедительно и, во всяком случае, еще не дает нам никакого права отрицать принадлежность послания Феодосию Печерскому; отец Феодосия действительно умер, когда его сыну было тринадцать лет, но это обстоятельство ни в какой степени еще не доказывает того, что Феодосий не мог помнить отцовского совета воздерживаться от общения с латинянами, во-первых; во-вторых, Феодосий, упоминая в послании о своем «правоверном» отце, мог иметь в виду своего духовного отца. Впрочем, ни в том ни в другом предположении нет необходимости, так как вопрос решается значительно проще: тот факт, что Феодосий приписал своему «правоверному» отцу все свои советы и обвинения, направленные против латинян, т. е. фактически все содержание своего послания князю Изяславу, дает нам

загадочного обстоятельства следует искать в самом памятнике. Напомню его содержание. Написанная в типичной для нашего средневековья форме обличительного послания, первая, древнейшая из числа известных нам, редакция «Вопрошания» по основному содержанию своему представляет собою свод различных предписаний, регламентирующих поведение православного христианина греческого вероисповедания по отношению к представителям римско-католического вероучения, латинянам. Во вступительной части автор, припоминая заветы своего «правоверного» отца и матери «християны», советует не общаться с латинянами: ни «учения» их слушать, ни «обычая» их держаться, ни «комканья» их принимать, ни дочерей своих за них не выдавать, ни брататься с ними, ни есть и пить с ними из одного сосуда; далее автор подробно перечисляет все известные ему латинские «ереси»; путая существенное с несущественным, обрядовые отступления с догматическими; с истинно византийским изуверством нагромождая одну небылицу за другой, автор обвиняет латинян в двадцати с лишком «ересях»: и в субботу-то они постятся, и пищу-то вкушают вместе с псами и кошками, едят «мертвечину» и «хвост бобровый», веруют в исхождение духа святого и от сына, пьют собственную мочу, мертвецов своих ногами кладут на запад, кресту поклоняются, предварительно написав его на земле, крещающемуся сыплют соль в уста и т. п. Заканчивается послание призывом «блюстися» кривоверных и похвалой «единой чистой, честной и святой» православной восточных христиан вере. За отсутствием данных мы, полагаю, вправе предположить, что именно это, несколько «соблазнительное», содержание самого памятника и послужило основной причиной и тех сомнений в принадлежности его Феодосию Печерскому, которые возникали у сторонников второй гипотезы, и тех оговорок,¹ которые делались даже исследователями, сторонниками первой гипотезы, полное право полагать, что все упоминания Феодосия о его «правоверном» отце представляют собою не автобиографический экскурс, а литературный прием, использованный Феодосием, быть может, с целью снять с себя ответственность за некоторые положения своего публицистического памфлета, направленного, как увидим ниже, одним концом и против самого князя; во всяком случае, понимая, вслед за Е. Голубинским, эти упоминания об отце в буквальном смысле, мы принуждены были бы допустить, что Феодосий Печерский или Феодосий Грек, обладая феноменальной памятью, точно или почти точно воспроизвели все слышанное ими когда-то от своих отцов, т. е. допустить явный абсурд. Что касается голословного утверждения Е. Голубинского о том, что Феодосий Печерский будто бы не был знаком с обычаями и вероучением латинян, и его недоумения по поводу якобы несвойственного Феодосию резкого тона послания к князю Изяславу о латинянах, то всю необоснованность их, надеюсь, покажет дальнейшее изложение. Ср. Ф. Делекторский, *op. cit.*, стр. 71, прим. 4.

¹ «Что касается до ответа пр. Феодосия на вопрос В. К. Изяслава о вере варяжской,— писал, например, еп. Филарет, — то ответ сей в том виде, в каком он известен по рукописям, не был писан пр. Феодосием: это видно из его содержания. . . Таким образом остается поло-

потезы, т. е. приписывавшими этот памятник Феодосию Печерскому, писателю XI в. Резко-полюемический характер послания, неприкрытая ненависть автора ко всем инакомыслящим, чудовищные по своей нелепости и несправедливости обвинения, направленные автором против латинян, — все это, конечно, не вязалось с иконописным обликом «святого», гуманного, чтимого церковью игумена Печерской обители, предполагаемого автора благочестивых поучений о терпении и любви к ближним, о смирении и милосердии. Этой справкой из истории нашей науки уже до известной степени предопределяется и та позиция, которую мы, полагаю, должны занять в спорном вопросе об авторе интересующего нас памятника. Лично я не склонен рассматривать Феодосия Печерского сквозь призму богословской церковно-исторической романтики и потому не вижу достаточных оснований сомневаться в принадлежности послания Феодосию Печерскому, не вижу достаточных причин, в силу которых его следует связывать, вопреки вполне ясным показаниям всех известных нам его списков, с именем Феодосия Грека, переводчика на славянский язык послания папы Льва I о ереси Евтихия. Рукописи, как мы уже могли убедиться в этом, приписывают послание святому Феодосию, игумену Печерского монастыря, и не менее точно указывают, кому именно адресовал Феодосий свое послание о латинянах, — князю Изяславу, сыну Ярослава, внуку Володимера, (вступил на Киевский стол в 1054 г. — убит в 1078 г.). Я не вижу, повторяю, никаких оснований не доверять этим свидетельствам и, вслед за Е. Голубинским и А. Шахматовым пытаюсь связать это послание с именем Феодосия Грека, отождествлять последнего с упоминаемым под 1148 г. в Ипатьевской летописи и под 1156 г. в Лаврентьевской игуменом Печерским Феодосием, не вижу, во всяком случае, никакой необходимости предполагать, что в архетипном тексте послания упоминалось имя не князя Изяслава Ярославича, а будто бы — князя Изяслава Мстиславича (сидел в Киеве с 1146 по 1154 г.). Настаивая на принадлежности послания Феодосию Печерскому, я могу сослаться не только на безусловно авторитетное для меня в данном случае мнение печерского уставщика Кассиана, который, около пятисот лет тому назад, редактируя в 1462 г. Печерский патерик, включил в его состав послание о латинянах, как несомненно подлинное произведение патрона своей обители, но и на

жить, что ныне известный ответ пр. Феодосия содержит устно переданные мысли пр. Феодосия, но с переменами неискusstного толкователя Феодосиева» (Арх. Филарет. Историческое учение об отцах церкви, т. III, СПб., 1882², стр. 313—314). Ср. Православный собеседник, 1865, ч. II, стр. 318.

составленное Нестором житие Феодосия, на нашу древнюю летопись, показания которых не только не противоречат нашему утверждению, но даже во многих случаях дают небезынтересный материал для историко-бытового комментария к посланию, выясняют те конкретные исторические обстоятельства, которые могли побудить Феодосия написать свой памфлет против латинян. Из контекста послания следует, что Феодосий написал его по просьбе или предложению великого князя Изяслава. Так это или не так — сказать трудно. Во всяком случае тот факт, что послание адресовано Изяславу, нельзя признать случайным: он бесспорно является отголоском каких-то бесед или даже споров Феодосия с князем по вопросу о латинянах, их вере и обычаях. Что Феодосий нередко встречался с князем Изяславом и не раз подолгу беседовал с ним на различные темы, — не подлежит сомнению; прямые указания на это имеются в несторовом житии Феодосия: «Наипаче же зѣло любляше блаженаго христоролюбивый князь Изяславъ, предръжайъ столь отца своего, — читаем у Нестора, — и часто же призываше его к себѣ, множицею же и сам прихожаше к нему, и тако духовных тѣх словесъ от него насыщаася, и паки отхождаше»;¹ «И шедшима има въ церковь и сътворив блаженный молитву, и сѣдоста, — рассказывает несколько ниже Нестор об одном из неожиданных визитов князя к Феодосию, — И тако христоролюбивый князь, насыщаашеся от медоточивых тѣх словесъ, иже исхождааху от преподобнаго отца нашего Феодосиа, и велику пользу приимъ от него, отъиде въ дом свой, славя бога. И отъ того дне больши начат любити его, и тако имяше его, яко единого отъ первых святых отецъ, и вельми послушаше его и вся творяше повеленнаа ему отъ великаго отца нашего Феодосиа преподобнаго»;² сообщив о том, что бояре нередко посещали Феодосия и, выслушав поучение, садились за скромную монастырскую трапезу, Нестор добавляет: «Многажды же и христоролюбивому князю Изяславу таковых брашен въкушающу...»;³ «Боголюбивый же князь Изяславъ, иже по истиннѣ бѣ теплѣ на вѣру, яже къ господу нашему Исусу Христу и къ пречистѣй его матери... сий любовь имѣя, яко же рече, не просту къ отцю нашему Феодосию и часто приходя к нему и богодуховеных тѣх словесъ насыщаася от него».⁴ Приведенные цитаты, характеризующие взаимоотношения князя Изяслава и Феодосия, не дают, однако, никаких указаний на причины, побудившие Феодосия обратиться к князю Изяславу с специ-

¹ Д. Абрамович. Киево-Печерський патерик. У Києві, 1931, стр. 42.

² *Иб.*, стр. 44.

³ *Иб.*, стр. 54.

⁴ *Иб.*, стр. 61; ср. также стр. 47, 55, 66—69.

альным, крайне резким по тону, обличительным посланием, направленным против латинян. Эти причины выяснятся, если мы составление послания свяжем с событиями, описанными в нашей древней летописи под 1068—1069 гг.¹ Летом 1068 г., по словам летописи, напали на Русь половцы. Навстречу им двинули свои войска все три брата, Изяслав, Святослав и Всеволод. При реке Альте разыгралась битва, в результате которой русские князья, потерпев жестокое поражение, бежали каждый в свою область. «Людье киевстии», вернувшись домой, созвали вече и постановили снова итти на половцев. Они обратились к князю с просьбой дать им коней и оружие. Изяслав, очевидно не доверяя киевлянам, отказался исполнить их требование. Разъяренная толпа кинулась освобождать из княжеской тюрьмы «дружину свою». Вспыхнуло восстание, в результате которого княжеский двор был разграблен, сам Изяслав, спасаясь от гнева восставших, должен был бежать в Польшу, а киевский стол занял освобожденный киевлянами из княжеского «поруба» Всеслав Полоцкий. Изяслав обратился за помощью к своему родственнику — сыну своей тетки и братаничу своей жены — польскому королю Болеславу Смелому. Когда весной 1069 г. Изяслав с поляками подступил к Киеву, киевляне, брошенные своим князем Всеславом, тайно бежавшим к себе в Полоцк, обратились за содействием к братьям своего бывшего князя, Святославу и Всеволоду, угрожая в случае их отказа сжечь город и поголовно выселиться в греческую землю. Ярославичи вступились за киевлян. «Всеславъ ти бѣжалъ, — пересказывает летописец их слова Изяславу, — а не води ляховъ Киеву, противна бо ти вѣту; аще ли хочещи гнѣвъ имѣти и погубити градъ, то вѣси, яко нам жаль отня стола». Изяслав послушался братьев и обещал не губить города. Вернувшись в Киев 2 мая 1069 г. в сопровождении польских дружин, Изяслав своего обещания, однако, не сдержал: 70 человек, сторонников Всеслава Полоцкого, были казнены, другие ослеплены и «погублены» каким-то другим способом; ляхи — на всякий случай — оставлены в Киеве и распущены на «покорм»; «торг» — из полицейских соображений — переведен на «гору», поближе к князю. Первая в истории Киевской земли революция была подавлена, киевская «чадь» принуждена была подчиниться насилию. Правда, сдались киевляне не сразу; не решаясь в условиях установленной Изяславом военной диктатуры повторить неудавшийся опыт восстания 1068 г., киев-

¹ См. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Изд. Арх. ком., СПб., 1910. стр. 163—169. Ср. М. Грушевский. Исторія України-Руси, т. II, Львів, 1905, стр. 56—59. Б. Д. Греков. Рабство и феодализм в Киевской Руси. Изв. ГАИМК, вып. 86, ОГИЗ, 1934, стр. 60—61.

ляне перешли к тактике партизанской войны и, по летописи, в первую очередь обратили свою ненависть против главных виновников своего поражения, против распущенных Изяславом на «покорм» иноверцев-ляхов: при удобном случае они «отай» убивали их. Какую позицию во всех этих событиях занимал Киево-Печерский монастырь? Летопись дает ответ и на этот, наиболее интересный для нас в данном случае, вопрос. Судя по летописному известию под 1074 г., Киево-Печерская братия, наиболее демократическая по своему составу сравнительно с другими киевскими монастырями, не только встала на сторону восставших против Изяслава киевлян, но, в лице своего авторитетного представителя и патрона Антония Печерского, даже принимала какое-то непосредственное участие в организации того политического переворота, в результате которого на киевский княжеский стол сел Всеслав Полоцкий; во всяком случае, когда Изяслав под охраной своих поляков весной 1069 г. вступил в Киев, Антоний Печерский, опасаясь княжеского гнева, принужден был ночью тайно покинуть город и бежать к Святославу Черниговскому.¹ Таковы те события, в свете которых, по-моему, становятся понятными и те причины, которые могли побудить Феодосия Печерского обратиться к князю Изяславу с памфлетом, направленным против иноверцев-латинян, и несколько неожиданная в устах Феодосия, всегда ценившего расположение к нему правящих князей, резкость и страстность его послания к князю, — становится возможным даже более или менее точно установить время его написания. Считаю вероятным, что известное нам по спискам XIV—XV вв. послание Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу о латинянах в его первой редакции было написано не ранее весны 1069 г., времени прибытия Изяслава с поляками в Киев, и не позже 3 мая 1074 г., дня смерти Феодосия Печерского, а вероятнее всего — в 1069 г., когда в связи с общим недовольством против распущенных Изяславом на «покорм» ляхов и без того дискуссионный, после разделения церквей в 1054 г., вопрос о латинянах, их вере и нравах приобрел особенную остроту и злободневность.² Со стороны Феодосия, хозяина и начальника такой крупной торговой фирмы, какой в то время уже был Киево-Печерский монастырь, тесно связанного общностью классовых интересов с миром киевских торговых «людей», послание к князю Изяславу о латинах было попыткой, в тщательно замаскированной форме

¹ См. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Изд. Арх. ком., СПб., 1910, стр. 188. Ср. М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 177—178.

² «... ты же, чадо, блюдися кривовѣрных и всѣх их дѣлєсь, — писал Феодосий князю, — зане же исполнилася и наша земля злыя тоя вѣры людей».

отвлеченно-богословского трактата о латинских «ересях», вступить за своих собратьев по классу и ремеслу, указать князю на гибельность его внешней политики, предостеречь о возможных последствиях, земных и небесных, его ориентации на иноверцев-латинян.¹

Текст.

Слѣ. стго фѣсѣ. ѿгумепе-
черьскаго монастыра. ѿ вѣ-
рекрѣтъ ньской. і ѿ латынь-
скої. гѣ б.^{1а}

Слово ми ёсть к тобѣ княѣ бблю-
бивый. авъ федось худый. рабъ пре-
стѣа трѣа .ѿца і сна і стго дѣа. въ
чѣты. і в правовѣрнѣ вѣре роженъ.
ѿ воспитанъ в добрѣ. і наказанъ
правовѣрнымъ ѿцѣмъ. ѿ (л. 24) мѣрю.
наказываюче ма добру закону. вѣре
же латыньстѣй не прелучайте. ни
ѿчѣ ама ихъ держати. і комканъ ихъ
бѣгати і всакого оученъ ихъ бѣгати.
і норова ихъ гнушатѣ. ѿ блюсти
своихъ дочереі. не давати за нѣ. ни
оу нихъ поимати. ни брѣтиса ни по-
клонити. ни целовати ёго. ни с нимъ
ѣдинаго суна исти. ни пѣ. ни
брашна ихъ приимати. тѣм же пѣ оу
насъ просащимъ бѣ рѣ. исти ѿ пити
дати имъ. но въ ихъ судѣ. аще ли не
бѣ оу нихъ судна. въ своёмъ дати. по-
томъ ѿзмывши дати. (л. 24 об.) мѣтву.
занѣ не право вѣроу. і нечѣ живутъ.
і дати со псы. ѿ с кош ками. і пьютъ

Того же Феодосіа к томѣ Ізас-
лаву.^{1б}

Азъ Федось хоудый мнихъ. рабъ
ёсмь прѣой трѣѣ. ѿца ѿ сна ѿ стго
дѣа. въ чистѣй ѿ въ правовѣрнѣй
вѣрѣ роженъ ёсмь. ѿ воспитанъ
добрѣ въ законѣ. правовѣрнымъ
ѿцѣмъ ѿ мѣрю христыною. нака-
зывающа (л. 101) ма добру закону.
і норовомъ правовѣрныхъ. послѣдо-
вати. вѣрѣ же латиньской не прилоу-
чатиса. ни ѿбычай ихъ държати. ѿ
камьканимъ ихъ бѣгати. ѿ всакого
оученымъ ихъ не слушати. ѿ всего
ихъ ѿбычай и норова гноуша-
тиса. ѿ блюстиса. свойхъ же дѣчерѣй
не давати за нѣ. ни поймайте оу нихъ.
не брататиса с ними. ни поклонитиса
ни цѣловати ёго. ни с нимъ въ ѿди-
номъ съсоудѣ исти. ни пити ни бо-
рошна ихъ приимати. тѣм же пакы
оу насъ просащомъ бѣа дѣла. исти
ѿ пити. дати имъ исти ѿ пити. нѣ въ
своихъ съсоудѣ. аще ли не боуде
съсоуда оу нихъ. да въ своёмъ дати.
ѿ потомъ измывши же сътворити
мѣтва. зане же не право вѣроу. ѿ

^{1а} Изд. по рукоп. Ленингр. Гос. Публ. библ. Кирилло-Белозерск. собр. № 4 — 1081, сб. XIV—XV вв., л. 23 об. — л. 28 об.

^{1б} Изд. по рукоп. Ленингр. Гос. Публ. библ., Новг.-Соф. собр., № 1285 (522), сб. XV в., л. 100 об. — л. 102 об.

¹ Надежд Феодосия князь Изяслав, как известно, не оправдал: выгнанный в 1073 г. из Киева, теперь уже своими собственными братьями, он снова обратился за помощью к польскому королю Болеславу, а когда тот отказал ему, — к германскому императору и даже самому папе Григорию VII, которому весной 1075 г. даже обещал в случае благополучного возвращения в Киев признать власть апостольского престола.

бо свой сець. ꙗдуть љвы. ꙗ дикіе кони. ꙗ љслы. ꙗ оудавленину. ꙗ мертвѣчину. ꙗ медвѣдину. ꙗ бобровину. ꙗ хвостъ бобровъ. ꙗ въ говѣннѣ ꙗдѣ маса. пуцающе в воду. а ѣ. недѣ по. во вторнѣ. чернцы ихъ ꙗдуть лой. ꙗ в суботу постаѣ. ꙗ постившеса вечерѣ ꙗдѣ молока. ꙗ ꙗца. а согрѣшаю не ѡ ба просать прощенѣ. но пращаю попове ихъ на дару. а попове ихъ не женатѣ. законною жени (л. 25^v) твою. но с робами дѣти добываю. ꙗ служатъ невозбранно. а пискупи ихъ наложници держать. ꙗ на воину ходѣ. ꙗ ѡплаткомъ служа. ꙗ конь не целю. ни мощей стѣхъ, а крѣ целуютъ написавше на земли. ꙗ въставше попирають ѣго ногѣ. а мртвца же кладѣ на запа ногами. а руцѣ подонь подложивше. женаше же са оу нихъ поймаю. в. сестрѣ. а крѣцаются во ѣдино погруженьѣ. а мы въ. г. мѣ крѣщающе мажемѣ муромѣ. ꙗ масломѣ. а ѡни соль сыплю крѣцаемому в ротъ. ѣма (л. 25 об.) же не нарицаю стѣго. но како прозовѣ родители. в то ѣма крѣтѣ. а глѣтѣ дѣа стѣго ѣсходаща ѡ ѡца. ꙗ ѡ на. ѣна многа злам дѣла суть оу нихъ. развращенѣа погибель. полна вѣра ихъ. ѣго ни жидове творѣ. то ѡни творѣ. много же ꙗ в савьску ѣресъ вѣступаю. мнѣ же рѣ ѡцѣ моѣ ты же чѣ блудиса. кривовѣрныхъ. ꙗ всѣхъ ихъ словесъ. занѣ ѣсполнилася ꙗ наша земля. злымъ то вѣры. да кто спѣса спѣстѣ дѣша свою. въ правѣрнѣе вере живу. нѣ бо ѣноа вѣры

нечисто живутъ. ꙗдуть съ псы. ꙗ съ кошъками, пьютъ бо. свои съчь. ꙗ ꙗдуть. жѣлвы. ꙗ дикѣи кони. ꙗ ѡслы. ꙗ оудавленину, ꙗ мртвѣчину. ꙗ медвѣдиноу. ꙗ бобровиноу. ꙗ хвостъ бобровѣ. (л. 101 в) ꙗдуть. въ говѣннѣ. ꙗ маса пуцають. първоѣ недѣлѣ поста. въ вторникѣ. ꙗ чернцы ихъ ꙗдуть лой. ꙗ в суботу постаѣ. ꙗ постившеса вечерѣ ꙗдуть молоко. ꙗ ꙗца. а согрѣшениѣмъ. не ѡ ба просать прощениа. нѣ пращають попове ихъ по дароу. а попове ихъ не женатѣя законною женою. нѣ съ робами дѣтей добывающе. ꙗ служатъ невозбранно ꙗ пискупи ихъ. наложницѣ държать. ꙗ на воину ходѣ. ꙗ ѡпрѣснокомъ служить. ꙗ ꙗконь не цѣлоуютъ ни стѣхъ мощей. ꙗ крѣ цѣлуютъ. лежаще написавше на земли. а въствше попирають ногами. мртвца же кладоуть. на западъ ногами. а руцѣ положить. а не на персѣхъ женащеса оу нихъ поймають. двѣ сестреницѣ. а крацаются въ ѣдино погроуженьѣ. а мы въ три. мы же крѣцающеса мажемѣ муромѣ. ꙗ масломѣ. а ѡни соль сыплють крѣцаемому въ ротъ. ѣмени же не нари (л. 101 с) цають стѣго. нѣ како прозовуть родители. в то ѣма ꙗ крѣтѣ. се же пакы глѣють. ꙗ дѣа стѣаго ѣсходащаго ѡца ꙗ ѡ насъ. мы же не глѣмъ ѡ насъ. ꙗ ѣна многа соуть ꙗже въ тѣхъ злам. ꙗ неправѣа и развращенѣа. ꙗ погѣбели полна вѣра ихъ. ꙗ делеса ихъ. ѣго же ни жидове творѣ. то ѡни творѣ

лучше нашеї. ꙗко же (л. 26) наша чѣта ѿста си вѣра. правовѣрнаѣ. сею бо вѣроу живуци грѣхѣмъ ѿбъити. ѿ муки вѣчныѣмъ гознути. но жизни вѣчныѣмъ причастнику быти. ѿ бесконца со стѣми радовати. а сущему въ иної вѣре. ѿли в латѣнствѣи. ѿли въ срацинствѣи. ѿли въ арменствѣи. нѣ видѣти ѿмъ жизни вѣчныѣмъ. не побѣдетъ же чѣ хвалити чюжеѣ вѣры. аще хвалитъ хто чюжю вѣру. то ѿбрѣтаѣтъ свою вѣру хула. аще ли начнѣ непрестанно хвалитъ. и свою ѿчюжю то ѿбрѣтаѣтъ таковыѣ. в. ѿвѣрець. близъ ѣсть ереси. ты же чѣмъ блюдиша. ѿхъ. ѿ свою вѣру непрестанно хвали. ни своѣса к нимъ. но бѣгаѣ ѿхъ. ѿ подвижаѣса въ своѣи вѣре добрыми дѣлы. млтвеню. милуѣ ни токмо своѣи вѣры. но ѿ чюжѣи. аще видиши нага. ѿли голодна. ѿли зимою. ѿли бѣдою ѿдержима. аще ти буѣ жидовинъ. ѿли срацинъ. ѿли болгаринъ. ѿли еретикъ. ѿли латинанинъ. ѿли ѿ ѿто всѣхъ поганыхъ. всакого помилуѣ и ѿ бѣды ѿбави ꙗже можеши. ѿ мзды ѿ бѣ не лишѣ будѣ. бѣ бо ѿ самъ нынѣ поганыхъ набыти. ꙗко же ѿ крѣпкы. поганымъ же ѿновѣрцемъ в семъ вѣце попеченѣ ѿ бѣ. а в буду (л. 27) щемъ же чюжи будѣ. добрыѣ дѣтели. мѣ живуще во правовѣрнѣи вѣре. здѣ ѣсмы набыми бѣмъ. а в будущемъ вѣце спсаспсаѣ гдѣмъ нашимъ исхмѣ. рѣ же ми ѿцѣ моѣ чѣмъ аще ти случитъ оумрети по стѣи сеї вѣре ѿ га рѣ. то оумри с деръзновеньѣмъ за

ратъ. много же и въ великую ересь вѣступаютъ. мнѣ же рѣ ѿцѣ. ты же чѣмъ блюдиша кривовѣрныхъ. ѿ всѣхъ ѿхъ дѣлестъ. зане же ѿполнила ѿ наша земля. злыѣ тоѣ вѣры людѣи. да кто спасаѣи спсѣть свою дѣшу. въ правовѣрнѣи вѣрѣ жива. ѿ нѣсть бо ѿ иноѣ вѣры лоучыши. ꙗко же наша. ѣдина. чистаѣ. ѿ чѣнаѣ. ѿ стаѣ. си вѣра правовѣрнаѣ. сею вѣроу живуци. ѿ грѣховъ ѿбъити. ѿ моукы вѣчнымъ гонезноути. ѿ жизни вѣчныѣмъ причастникомъ быти. ѿ бесконца съ стѣити радоватиса. а сущему въ иноѣ вѣрѣ ли в латѣнскоѣ. ли в ѿ (л. 101 d) рменскоѣ. ли въ срацинскоѣ. нѣсть видѣти жизни вѣчныѣмъ. ни части съ стѣими. не подабаѣтъ же хвалити чюжеѣ вѣры. аще ли хвалитъ кто чюжю вѣроу. то ѿбрѣтаѣтъ свою вѣроу хоула. аще ли нучнѣтъ непрѣстанно хвалити. ѿ своѣю ѿ чюжю. то ѿбрѣтаѣтъ таковыѣ. двовѣрѣ держа. ѿ близъ ѣсть ереси. ты же чѣмъ таковыѣ дѣланиѣ блюдиша. ни присвоѣса к нимъ. нѣ бѣгаѣ ѿ нихъ. ꙗко же можеши. ѿ свою вѣроу ѣдиноу непрѣстанно хвали. подвижаѣса въ неѣ добрыми дѣлы. милостынею же милуѣи. не токмо своѣи вѣры нѣ и чюжеѣ. аще ли видиши нага. ли голодна. ли зимою ли бѣдою ѿдержима. аще ти боудетъ ли жидовинъ. ли сорочивинъ. ли болгаринъ. ли еретикъ. ли латинанинъ. ли ѿ поганыхъ всакого помилуѣ. ѿ бѣды ѿбави ꙗко же можеши. ѿ мзды ѿ бѣ не-

вѣру хвѣ. стїи бо по вѣре оумроша. да живи су^т ѡ хѣ. ты же чѣ^а аще оузриши нѣкиа ѿновѣрныа с вѣрныа^а прю дѣющи. лестью хотаща ѡвести ѡ правыа вѣры. ты же вѣдаа не скрый в собѣ. но помози правовѣрныа^а. аще ѿмъ поможеша то ѿко ѡвча ѡзбавиши ѡ оустъ лвовъ^т. (л. 27 об.) ащѣ оумолчиши то ѿко ѡемъ оу хѣ предаѣши ѿхъ сотонѣ. аще ти рѣтъ прець. сию вѣру ѿ ѡну бѣ далъ ѣ. ты же чѣ^а рци то ты кривовѣренъ мниши бѣ. Ѣ. ѣвѣрна. то не слышиши ѡканье развращене злыа вѣры. писанье глѣтъ ѣдина бѣ ѣдина вѣра. ѣдино крщѣнѣ. рѣ гѣ тако бо лѣпо ѣсть намъ ѡскончѣ^а всю правду. да се все ѡсполни. толи вознесеса ѿ оученика посла на проповѣданье. ты^а по проповѣданью аплѣскому. толико лѣтъ державъ правую вѣру со- вратилса ѣси на зловѣрѣ. по наоученью сотони (л. 28) нину. не слышите ли аплѣ Павла глѣта. аще англѣ прише с нѣсѣ блгѣвѣститъ ва. а не ѿко мѣ блгѣвѣстихѣ. да буди про- клатъ. вѣ ѡринувше проповѣданье аплѣскоѣ. ѿ стхъ ѡцѣ ѡсправленѣ. ѿ приасте неправду. ѿ вѣру развращену. полу многаа погибели. того ра ѡ насъ бѣ ѡвержени. того ра ѿмъ с вами недостѣно сужитѣ^а прѣимати. ни къ бжствѣнымъ таинамъ ѡбще приступати. ни ѿмъ к нашеѣ ни намъ къ ѿхъ. зане мертвѣмъ тѣлѣ^а служите. мертва гѣ^а призывающа. а мѣ служѣ (л. 28 об.) живѣ^а тѣломъ самого гѣ^а живавидащи. ѡдесную

погрѣшиши. бѣтъ бо и самъ нынѣ набѣдитъ поганый. тако же и крѣта- ныа. поганы (л. 102 а) мѣ же ѿ ѿновѣрнымъ. въ семь вѣцѣ попече- чениѣ ѡ бѣга. въ боудущемъ же чюжи боудоутъ добрыа дѣтели. мы же живоущей въ правовѣрнѣй вѣрѣ. ѿ сдѣ ѣсмы набѣдими бѣмъ. и въ боудущемъ вѣцѣ сѣсаѣми гѣдемъ нашимъ. Ісѣ Хсѣмъ. рѣ ми ѡцѣ. чадо аще ти са лочитъ по вѣрѣ сей стѣй. гѣда ради оумрети. то с дерь- зновеньемъ. не ѡстанися правыа семъ вѣры. нѣ оумри за Христовоу вѣроу. ѿ стїи бо рече по вѣрѣ оум- роша. да ѿ живи соутъ по Хѣ. ты же чадо аще оузриши. нѣкыа ѿно- вѣрныа съ вѣрными прю дѣюща. ѿ прѣлѣстїю хотаща ѡвести. ѡ пра- выа вѣры. невѣжамъ соущемъ вѣр- нымъ. ты же вѣдѣниѣ ѿмы. ѿ не скрый въ собѣ. нѣ помози право- вѣрнымъ. на кривовѣрныа. ѿ аще ѿмъ поможеша. то ѿко ѡвца ѡзба- виши ѡ оустъ лвовъ. аще ли оумол- чиши. то ѿко ѡемъ оу Христоса. прѣдаеша ѿхъ сотонѣ. тѣ бо ѣсть кривовѣрныа. кривѣй вѣрѣ наоу- чилъ. ѿ аще ти речеть прѣць. сию вѣроу ѿ ѡ (л. 102 в) ноу бѣтъ далъ ѣсть. ты же чадо рци. то ты криво- вѣрне. мниши ли бѣга двѣвѣрна. не слыши ли ѡканье. ѿ развращене. злою верою. писанье тако глѣтъ. ѣдинъ бѣтъ ѣдина вѣра. ѣдино крщѣ- нѣ. ѿ гѣ рече. тако бо лѣпо ѣсть намъ. ѡсполнити волю. да сеѣ все ѡсполнивъ. толи възнесеса. а оучѣкы

ѡца сѣдаща. ꙗки придетъ сѣти живымъ ꙗ мртвѣмъ. вы же есте мртвѣи. мртву жертву здѣваете. а мы живу бѣ живу жертву приносѣи. чту непорочно. ꙗ животъ вѣчный ѡбрѣсти тѣ бо писано. воздасться комуждо по дѣлу его ѡ хѣ° исѣ° ꙗ гѣ° нашемъ ему же слава аминь : :

посла на проповѣданье. ты по проповѣданіи апѣстѣмъ. толико лѣтъ дѣржавѣ правую вѣроу. свратилъся еси на зловѣрье. по наочению сотоиноу. не слышите ли Павла глѣюща. аще ꙗ аѣглъ пришедъ сѣ все блговѣститъ вамъ. не мко же мы блговѣстихомъ. да боудеть проклатъ. вы же ѡриноувше проповѣданіе апѣскоѣ. ꙗ стѣхъ ѡцѣ исправленія. приѣете неправедноѣ оученье. ꙗ вѣроу развращеноу. ꙗ исполненоу многы погыбели. того ради ꙗ ѡ нѣ бысте ѡвѣржени. да того ради ꙗ намъ сѣ вами недостойтъ соужити ꙗ имѣти. ни къ блжствнымъ тайнамъ. ѡбъ (102 с) ще сѣ вами намъ не пристопати. ни вамъ кѣ нашей службѣ. ни намъ къ вашей. зане же мртвѣмъ тѣломъ слоужите. акы мртва гѣ мнаще. а мы слоужбоу творимъ живымъ тѣломъ. самого гѣа жива видаще. ꙗ ѡдесную ѡца сѣдаща. ꙗ пакы приидеть соудитъ живымъ ꙗ мртвѣмъ. вы же есте ѡ латинине мртви. ꙗже мртвоу жертвѣ сѣдѣваете. намъ живоу бѣоу. живоу жертвоу. чистоу ꙗ непорочноу. приносаше животъ вѣчный ѡбрѣсти. тако бо ꙗ пѣно есть. въздасться комуждо по дѣломъ ихъ. ѡ хѣ° :

М. П. АЛЕКСЕЕВ

Англо-саксонская параллель к Поучению
Владимира Мономаха

1

С тех пор, как в 1864 г. А. А. Куник впервые в русской исторно-графии поднял вопрос «о значении, какое могут иметь для варяжского вопроса памятники англо-саксонской литературы»,¹ было уже сделано несколько попыток воспользоваться представляемыми ею данными для объяснения темных сторон древне-русского быта, права и письменности. Сам Куник сопоставил предание русской начальной летописи о призвании варягов с англо-саксонским сказанием о призвании саксов в Британию, занесенным в хронику Видукинда Корвейского (под 967 г.) и на основании этого сходства, доходящего даже до текстуальной близости, пришел к заключению, что англо-саксонское сказание служило основой для русского. Заканчивая свою статью вопросом о тех путях, какими «северо-западная сага перешла на Русь», «славяно-балтийским или норманнским», он обещал вернуться к этому вопросу на более широкой культурно-исторической основе и привлечь для его решения более обширный материал из англо-саксонских источников. Хотя свое обещание Куник сдержал через одиннадцать лет в статье: «Три корабля готов, англо-саксов и заморских братьев русской летописи», вошедшей в «Каспий» Дорна,² и в неопубликованной заметке, найденной в его посмертных бумагах,³ но о более широком изучении памятников англо-саксонской⁴ литературы для историко-сравнительных целей здесь уже не было речи: исследователь, в сущности, не пошел далее ранее установленной им аналогии. Таким образом, оправдать свой тезис о желательности систематического изучения а.-с. письменности Кунику не

¹ А. А. Куник. Несторово сказание о призвании варяго-россов, объясняемое сказанием о призвании англо-саксов. Зап. Акад. Наук, т. VI, 1865, прилож. 2, стр. 58—64.

² Зап. Акад. Наук, т. XXVI, прилож. I, стр. 392—400.

³ Эта заметка хранится в архиве А. Куника. См. «Архив Акад. Наук СССР», Л., 1933: стр. 122.

⁴ В дальнейшем сокращается на а.-с.

удалось; однако, сделанная им догадка первоначально показалась чрезвычайно интересной и вызвала затянувшуюся полемику, в которой приняли участие М. П. Погодин и Д. И. Иловайский: позднее к ней вернулся К. Ф. Тиандер, решивший вопрос о генетической зависимости русского предания от англо-саксонского в отрицательном смысле.¹ С тех пор, сколько знаем, вопрос о возможности непосредственного влияния англо-саксонской письменности на древне-русскую более не ставился. Но если дальнейшие, притом более или менее случайные, сопоставления англо-саксонских и русских преданий, летописных легенд, правовых обычаев и т. д. не приводили к установлению их непосредственной связи друг с другом, то тем настойчивее и литературная история, и археология, и история права указывали на скандинавское посредничество между ними. Сопоставления «Беовульфа», этого важнейшего памятника а.-с. литературы со «Словом о полку Игореве» и русским былевым эпосом, сделанные еще в 60-х гг. Ф. И. Буслаевым и П. Полевым,² не были подхвачены последующими исследователями и не получили обоснования в специальных работах; кроме того, они носили случайный характер и имели в виду, конечно, лишь установление некоторых обще-эпических, формально-стилистических аналогий между а.-с. и древне-

¹ К. Ф. Тиандер. Датско-русские исследования, вып. III, Пгр., 1915, стр. 1—2, 21—28, показал что географический район распространения данного сказания очень обширен и определяется крайними его пунктами: Ирландией, Сицилией и Новгородом; благодаря раскинутости этих записей по времени и по месту, зависимость их друг от друга совершенно исключается. К а.-с. преданию см. F. Lot. Hengist, Hors, Vortigern: La conquête de La Grande Bretagne par les Saxons, Mélanges d'histoire offerts à M. Charles Bémont. Paris, 1913.

² Ф. Буслаев. Русская народная поэзия. СПб., 1861, стр. 276, сопоставляет предание из русского «Азбуковника» о «змее Аспиде» с песнями древней Эдды о Зигурде и змее Фафнире с «Беовульфом», где те же подвиги приписаны отцу Зигурда — Зигемунду; ср. П. Полевой. Опыт сравнительного обозрения древнейших памятников народной поэзии германской и славянской, СПб., 1864, стр. 42. Случайные сопоставления отдельных образов «Слова о Полку Игореве» с а.-с. поэзией сделаны также М. Халанским (см. его «Южно-славянские сказания о Кралевице Марке», Варшава, 1893, стр. 216—217), который, напр., объяснял «мыслено древо» Бална из одной метафоры «Беовульфа»; недавно В. Ф. Ржига в Сб. статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 109—112, показал, какое существенное значение для комментария к «Слову» имеет стилистический анализ древне-германской поэзии; привлечение сюда англо-саксонского материала было бы, думается, далеко не безрезультатным; см., напр., W. Bode. Die Kenningar in der angelsächsischen Dichtung mit Ausblicken auf andere Literaturen, Darmst. 1886, и рец. Fr. Bischoff. Arch. f. d. St. N. Spr. Lit., Bd. LXXIX, S. 115. Укажем здесь, кстати, на старую, архаическую по материалам и методам, но в некоторых отношениях и сейчас интересную книгу: Aug. Bolz. Über das Altrussische Heldenlied im Vergleiche mit der Arthur-Sage, Berlin, 1854 (вошла в его Beiträge z. Völkerkunde. Oppenheim, 1868), который говорит о былинах «Владимирова цикла» в связи с кельтскими и англо-норманнскими преданиями о короле Артуре (S. 13 f.), много останавливается на западных аналогиях «Слову» (S. 19 ff.), сопоставляет Рогдая с Мерлином (S. 15—18) и т. д. Интересно начата, но не доведена до конца работа: Н. П. Дашкевич. Древне-кельтский эпос и былевые песни Киево-Галицкой Руси. Киевск. унив. изв. 1886, №№ 9, 10, 12.

русскими памятниками. Однако, замеченная общность некоторых исторических легенд (напр. сказания о смерти Олега и кентского предания, обработанного в «Ingoldsby Legends» Рич. Бархама о смерти барона Robert de Shurland от черепа любимого коня)¹ естественнее всего объяснялось общим для них скандинавским источником, который передвижения скандинавов занес с одной окраины «варяжского» мира на другую. Когда русская археология встретила с фактом нередких находок англо-саксонских монет в Северной России, то он получил аналогичное объяснение. В Вологодской, Олонецкой, Псковской губернии находимы были монеты времен Гарольда I, Эзсельреда и т. д.; главная масса этих а.-с. монет относится к тому времени, когда Англия находилась под влиянием Дании и должна была откупаться от врагов огромными денежными суммами (Danegeld). С постепенным растворением скандинавов среди а.-с. населения, со времени уничтожения «датских денег» при Эдуарде Исповеднике (около 1049 г.), а.-с. монеты исчезают из северных кладов, в том числе и русских.² К сходным выводам пришел Е. Н. Щепкин в своем исследовании о варяжской вире.³ Обратив внимание на то, что скала вир в «Русской Правде» наилучшую аналогию находит себе в англо-саксонских законах, он видел объяснение этого

¹ R. Abicht. Das Südrussische Igorlied und sein Zusammenhang mit der nordgermanischen Dichtung, Breslau, 1906, S. 19—20, где привлечены и а.-с. материалы; А. Лященко. Летописные сказания о смерти Олега. Изв. ОРЯС, т. XXIX, 1924, стр. 254—288.

² Б. В. Кене. Описание европейских монет. Зап. Археол. Общ., т. IV. СПб., 1852, стр. 38—39; П. С. Савельев. Англо-саксонские монеты, найденные в Вологодской губ. (Ibid., стр. 169—170; в Тотемском уезде 7 а.-с. монет короля Эзсельреда); в Псковской губ. а.-с. монеты IX—X вв. найдены вместе с немецкими и обломком «Владимирова серебра» (Отчет Археол. ком. за 1878 г., стр. XXXVIII, за 1887 г., стр. ССI и 1889 г., стр. 94; Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья, в Мат. по археол. России, № 18, СПб., 1895, стр. 101, 104, 121). См. также Grewingk, Über heidnische Gräber Russisch Litauens, S. 159 и Временник Эстляндской губ. на 1893 г. кн. I. Ревель 1894, стр. 94. Отметим кстати, что наряду с общегерманским словом шиллинг (Auguste Ladé. L'origine du mot Shilling. Revue Suisse de Numismatique. Genève, 1892, t. 11, p. 4—12) в древне-русских актах едва ли не единственный раз встречается загадочное слово «стерляг»: в Арханг. списке летописи (к. XVI в.) под 883—964 гг. говорится о радимичах, которые должны были платить дань «по стерлягу отню с плуга»; некоторые полагают, что слово стерлинг вошло в список через переписчика-архангелогородца, которому слово это должно было быть хорошо известно благодаря оживленным сношениям Архангельска с Англией в XVI в., но это, во всяком случае, не объясняет интригующей формы «стерляг», которая невольно заставляет предположить нахождение его в гораздо более ранних списках. «Впрочем, достоверно известно, — замечает Б. Кене (op. cit., стр. 12—13), — что слово стерлинг (easterling) встречается уже в грамотах короля Осбрайта (Osbright) в начале X ст. и что оно означало широкие и тонкие пфениги, битые по образцам Карла Великого и вывезенные в Англию с востока». Ср. Ф. Круг. Исторические отрывки, Вестник Европы, № 15, 1807, ч. 34, стр. 194 сл., и Гревингк в Sitzungsber. d. gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1875, S. 61.

³ Е. Н. Щепкин. Варяжская вира. Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. XXXII. Одесса, 1915, стр. 311 и сл.

факта в том, что «в договорах англо-саксонских королей с вождями данских полчищ, грабивших и даже захватывавших части Англии, сохранились в непосредственной свежести и цельности древнейшие следы и записи скандинавского права, имеющие столь важное значение для объяснения правовых обычаев древней Руси». Таким образом, и здесь на первый план выдвинута роль скандинавов, как культурных посредников между Англией и Древней Русью.

Роль эта, действительно, должна была быть не малой. Общеизвестно, что в то самое время, когда первые варяжские дружины появились на территории будущей Руси; норвежские фиорды и фризские отмели стали выбрасывать отдельные пиратские отряды на британские и шотландские берега. Первые записи о набегах скандинавов начинаются в англо-саксонской хронике с 789 г.; особенно частыми и разрушительными эти набеги делаются при короле Эссельвульфе, во второй пол. IX в. Почти в то же самое время, когда, по русской летописи, происходит призвание варяжских дружин, в 869 г. на востоке Англии образовывается первое поселение норманнов; проходит еще полтора столетия, и пришельцам достается вся Нортумбрия, вся восточная и половина центральной Англии. В этой «Денело» (Dane-law), как стали называть принадлежащую датчанам страну, завоеватели поселились среди побежденных, как господа и собственники земли, — плотнее на севере и востоке, реже в центральной части, и мало-по-малу стали ощущать на себе культурное влияние англо-саксов. Немаловажным для нас обстоятельством является и тот, особенно подчеркиваемый недавними исследователями, факт, что в некоторых областях, наряду с датчанами было не мало и норвежцев; так было, напр. в Ланкашире и Йоркшире; скандинавская колонизация северо-запада Англии есть вообще дело норвежцев, двинувшихся туда из Ирландии.¹ В X—XI вв. культурные связи между Скандинавией и Англией стали особенно крепкими; скандинавское влияние оставило свои следы в английских диалектах, в собственных именах и названиях местностей; в свою очередь — распространение христианства в Норвегии есть дело англо-саксонской церкви.

Таким образом, и Англия и Древняя Русь в одно и то же время вошли в орбиту скандинавских вторжений. Неудивительно, что англов знает и русская начальная летопись, и что при этом она еще не отличает их от варя-

¹ Это положение обосновано в работе Ekwall, Scandinavians and Celts on the North-West of England, Lund, 1918; новейшую сводку данных о скандинавах в Англии в IX—XI вв. см. в статье F. M. Stenton'a, The Danes in England, Proceedings of the British Academy, 1927, p. 203—246.

гов. Круг земель, занятых скандинавами, так очерчен в летописи: «По сему же морю [Варяжскому] сеять Варязи семо к Востоку до предела Симова, по тому же морю сеять к Западу до земли Агалянски и до Волошские», т. е. до нынешней Англии и Франции.¹ Тут же, «дробя этнографически эту арену выступлений варягов», летопись ставит Русь рядом с англянами: «Афетово же колено и то: Варязи, Свеи, Урмане (Nordhmann — норвежцы), Готе, Русь, Агляне». «Странно, — замечает Е. Щепкин, — что здесь не упомянуты даны, но кажется, что в числе англов надо разуметь и их завоевателей — данов. По крайней мере, в рассказе начальной летописи о призвании варягов под 862 г. понятие англов подчинено, как частное общему, понятию варягов: «идоша за море к варягам к Руси — аще бо звахуть ти Варяги Русь яко ее друзии зовуться сее, друзии же Урмане, Англияне, иные Готе, — тако и си».² Отсутствие имени данов здесь так же характерно, как умолчание о норвежцах в англо-саксонских источниках. Англо-саксонским писателям, в свою очередь, в общих чертах известна и древняя Русь, по преимуществу северные ее области. В свой перевод трактата Павла Орозия «De Miseria Mundi», сделанный между 887 и 893 гг., король Альфред Великий включает рассказ датчанина Охтере (Ohthere, позднейшая сканд. форма Ottar), который обошел берега Норвегии и Мурман и достиг Белого моря.³ Характерно, что по рассказам другого бывалого мореходца — датчанина Вульфстана, ходившего на своем суденышке по Балтийскому морю к эстам, саксам и восточным франкам, Альфред распространил название «Германия» на всю восточную Европу — от Рейна до Дона, что еще старые немецкие комментаторы интерполяций в переводе Альфреда объясняли скандинавской экспансией на Русь;⁴ в вер-

¹ А. А. Шахматов. Волохи русской летописи. Изв. Таврич. ученой архивн. ком. т. 54, 1918, стр. 234—240.

² Е. Н. Щепкин, *op. cit.*, стр. 406; В. Томсен (Начало русского государства, М., 1891, стр. 14) готов был думать, что здесь имеются в виду «Англы в Шлезвиге»; имя Англия долгое время сохранялось за небольшой территорией в южной Дании между Schlei и Flensburg'ом; жителей этих местностей и Альфред называет еще «Ongle» (см.: Erdmann. Über die Heimat u. den Namen der Angeln, Uppsala, 1891; ср. Müller, в Zs. f. D. Altert., 1896, S. 129—164); однако, порокой за то, что здесь имеются в виду не континентальные англы, но англы Британии служит указание на землю «Волошскую», т. е. Францию. Недавно R. Ekblom в статье «Vereinigungen unter den Nordländern im alten Russland». Zeitschrift f. Slav. Phil. X, 1933, S. 16, вновь пытался доказать что «англы» русской летописи — норвежцы из Hedeby (шведск. Hedeby).

³ К. Ф. Тиандер. Поездки скандинавов в Белое море. СПб. 1906, стр. 51—58.

⁴ Так у Forster'a, *Geschichte d. Entdeckungen u. Schiffahrten in Norden*, Frankfurt a. O., 1784; цитировано у G. Hübener'a, *König Alfred und Osteuropa*. Engl. Studien, Bd. 60, 1925, S. 37—38. Подробно останавливается на этом вопросе и H. Geidel, *Alfred der Grosse als Geograph*, *Münchener Geographische Studien*, XV, 1904, S. 27—28. Для Geidel'я — термин «Ро-

ховьях же р. Дона (Danais) Альфред поместил народ — Roschouasko, по странной случайности незамеченный русскими исследователями варяжского вопроса, в котором, кажется, можно найти небезинтересное свидетельство о варяго-русской колонизации по Дону и «русской» р. Волге (Rha-Ros). Подлинное же название «Руси» лишь несколько веков спустя появляется на английских картах.¹

2

Таким образом, находки на территории северной Руси а.-с. монет, аналогии в правовых обычаях у англо-саксов и в древней Руси, сходство многих подробностей их государственного и частного быта, преданий, летописных рассказов и т. д. — все это могли быть явления одного и того же порядка. Необходимо, однако, допустить и более тесную, непосредственную культурную близость между этими странами, которая могла быть следствием нередкого обмена людьми, главным образом из тех же варягов, а также родственных связей между ними. Множество примеров этому дают нам скандинавские саги. Из ряда жизнеописаний скандинавских воинов мы узнаем, что они нередко служили и воевали последовательно как в Англии, так и на Руси. Как характерна в этом смысле история Олафа Триггвасона, детство которого прошло в изгнании в Швеции и у «конунга» русского Владимира в Новгороде, где, вместе с другими норвежцами, был на службе брат его матери Астриды — Сигурд; зрелые годы Олаф провел в боях на территории Англии и Ирландии, скрывая свое происхождение, грабя ради добычи Стэнс на Темзе, Сандвич в Кенте, Ипсвич в Сеффоке, и, наконец, заключив мирный договор с Эзсельредом II; кончает Олаф тем, что став конунгом Норвегии, он обращает в христианство свою страну, захватив с собою из Англии епископа священников и диаконов, которые насаждают на его родине христианство по образцу англо-саксонской церкви.²

schouasko» обозначает: «Roxolani sivieli als Alanen am Fluss Ros-Rha» (S. 8); Hübener с достаточной убедительностью показывает, что Альфред знал и мадьяр (Maegras) и «славян, сидевших на северо-востоке Руси» (S. 40—41).

¹ Так «Русь» отмечена лишь на карте Richard of Haldingham (так наз. Герфордская карта мира, около 1280 г.): «dacia hec et russia» (Santarem. Essai sur l'histoire de Cosmographie et de la Cartographie pendant le Moyen Age. T. II, Paris 1850, p. 322; E. Moritz. Die Entwicklung des Kartenbildes der Nord und Ostseeländer bis auf Mercator. Diss. Halle, 1908. S. 8, 12); на другой английской карте, относящейся ко 2-й пол. XIII в., находятся Смоленск (Smolentice), Полоцк (Plosceke) и Русь (Rucia) позади Ливонии: см.: E. Sommerbrodt. Die Ebstorfer Weltkarte. Hannover, 1891. Moritz (op. cit., S. 73) говорит, что Русь (Ruscite) упоминается также в Psalter-Karte von London. Более ранние упоминания Руси на английских картах мне неизвестны.

² Е. Н. Щепкин, op. cit., стр. 400—401; Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, стр. 221—222; А. Лященко. Сага про Олафа Триггвасона. Украина, кн. 4, 1926, стр. 3—23.

Не менее характерна история жизни Олафа Толстого, прозванного «Святым». Его юность прошла, в ряду других викингов, в грабеже английских берегов (1009—1011 гг.); потом он остался на службе у Эзсельреда и в 1013 г. защищал Лондон от Свейна Тьюгускегга (Раздвоенной Бороды). После многих странствований он из Англии, летом 1015 г., поплыл в Норвегию со священниками-миссионерами и довел там до конца насаждения христианства, а в 1028 г., под давлением датчанина Канута, принужден был уйти в изгнание, сначала в Швецию, а затем на Русь, к Ярославу (1029 г.), куда стали прибывать к нему прежние его приверженцы и друзья: сводный брат Гаральд и Регнвальд, сын ярла Бруси, со многими воинами, поступили в Ярославово войско.¹

Очевидно, дворы английских королей, как и удельные владения русских князей, представляли одинаково гостеприимное поприще для деятельности скандинавских дружинников. Не забудем, что и Гаральд Норвежский (1047—1066), женившийся на дочери Ярослава — Елисавете, руки которой, по сагам, он так долго добивался в Киеве, пал в битве именно в Англии, сражаясь с Гаральдом II Годвинсоном, в год высадки в Англии Вильгельма Завоевателя и Гастингской битвы.

У нас есть и другие свидетельства, удостоверяющие, что по крайней мере в конце X и начале XI вв. путешествия из Лондона в Киев и обратно, через скандинавские страны, не представляли собою ничего исключительного. Об одном таком факте сообщает Адам Бременский: он говорит, что сыновья изгнанного Канутом английского короля Эдмунда Железный Бок — Эдвин и Эдуард — нашли себе приют на Руси, при дворе Ярослава Мудрого. Со слов Адама Бременского этот факт был известен и Карамзину, откуда, без проверки и дополнительного исследования, он попал во многие исторические труды.² Русским историкам, однако, осталось неизвестно, что то же известие, в несколько иной редакции, но с новыми и очень интригующими подробностями находится в английских источниках — в тексте так наз. «Законов Эдуарда Исповедника».

¹ Е. Щенкин, *op. cit.*, стр. 402—403; Ph. Krug. *Forschungen in d. älter. Geschichte Russlands*, II. 1848, St. Petersburg., S. 272.

² *Gesta Hammab.* II, 51; ed. Pertz, VII, 324; Карамзин, *История Государства Российского*, т. II, 40 и прим. 59; на Адама Бременского ссылается и А. F. Gfrörer. *Papst Gregorius VII und sein Zeitalter*, Bd. II, 1. Schaffhausen, 1859, S. 509. Это же известие, без всяких комментариев воспроизводят: Ив. Андреевский. *О правах иностранцев в России до вступления Иоанна III*. СПб., 1854, стр. 45; А. Синайский. *Отношения древне-русской церкви и общества к латинскому западу*. СПб., 1899, стр. 113, прим.; Н. С. Суворов. *Следы западно-католического церковного права в памятниках др.-русского права*. Ярославль, 1888, стр. 60—61; И. П. Козловский. *Внешние сношения древней Руси*. Записки Сев.-Кавказск. общ. археол., ист., этногр. т. III, вып. I, Ростов-н.-Д., 1930.

Смерть Эссельреда в 1016 г. возвела на английский престол его сына — Эдмунда Железный Бок в тот критический момент английской истории, когда флот датчанина Канута с огромными силами уже стоял у английских берегов; несколько месяцев подряд Эдмунд энергично и умело отражал нападение датского войска, пока дело его не было проиграно в битве при Assendun'e (Ashdown в Эссексе), сыгравшей для датчан ту же роль, что впоследствии Гастингс для норманнов; однако Эдмунд не успел еще добровольно отдать датчачам значительную часть Англии, как сам, в Андреев день (30 ноября 1016 г.), по свидетельству английских хронистов, был убит в Лондоне рукою изменника или наемного убийцы.¹ Тогда сыновья его Эдвин и Эдуард бежали из Англии — по сообщению Адама Бременского — на Русь, к Ярославу. В «Законах Эдуарда Исповедника», памятнике, выдающем себя за запись англо-саксонского права, составленную по опросам при Вильгельме Завоевателе в 1070 г., но, как мы знаем сейчас, после исследований Ф. Либермана, возникшем позднее, до 1134 г., речь идет только об одном сыне короля Эдмунда — Эдуарде.² В той части «Законов», которая представляет собою историко-критический комментарий к собственно-правовой части памятника, говорится, что Эдуард бежал «в страну рогов, которую мы называем Русией», и что «король этой страны по имени Malesclodus, выслушав и расспросив его, кто он и откуда, с честью удержал его возле себя».³ К этому автор прибавляет известие, что «там же», т. е. в изгнании, Эдуард нашел себе жену из благородного рода, которая родила ему сына Эдгара Эсселинга⁴ и двух дочерей: Маргариту, бывшую впоследствии Шотландской королевой, и Христину. Известие это заслуживает полного внимания. Из других английских источников известно, что Эдуард после смерти отца бежал на материк Европы, женился здесь на Агате, племяннице немецкого императора Генриха II, и что он,

¹ J. Lappenberg. Geschichte von England, 1834, Bd. I, S. 456.

² F. Liebermann. Über die Leges Edwardi Confessoris. Halle, 1896, S. 14—16.

³ «Edmundus habuit filium quendam, qui vocatus est Edwardus; qui mortuo patre timore [в другом списке прибавлено: regis Canuti] aufugit de ista terra usque ad terram Rugorum, quam nos vocamus Russeiam, quam rex ipsius terrae, Malesclodus nomine, ut audivit et intellexit qui esset et unde esset, honeste eum retinuit. Et ipse Edwardus accepit ibi uxorem nobili genere, de qua ortus est ei Aedgarus Edeling, et Margareta regina Scotiae, et Christiana [Cristina] soror ejus». R. Schmid, Die Gesetze der Angelsachsen². Leipzig, 1858, S. 516., F. Liebermann. Die Gesetze der Angelsachsen, Bd. I, Halle, 1903, S. 664. Любопытно подчеркнуть чрезвычайную распространенность этого памятника, известного в огромном количестве списков (см. замечание R. Hübner'a в Arch. f. d. St. d. N. Sprachen u. Lit., Bd. 99, 1897, S. 444—446).

⁴ Это прозвание (aefeling) дано как свидетельство его принадлежности к королевскому роду. Ср. Englische Studien, Bd. 48, H. 1. (1914), S. 2 и H. Paul's Grundriss, III, 129 ff.

вызванный обратно на родину своим дядей Эдуардом III, вскоре после того умер в Англии.¹ Уже приведенное выше известие Адама Бременского делает совершенно недопустимым предположение Стэббса в его комментариях к хронике Роджера Говеденского, будто бы под «terra Rugorum» подразумевается о. Рюген, и что под странным именем «Malesclodus» якобы скрывается вендский князек Готтшалк.² Не менее искусственны и неправдоподобны построения Стеенструпа,³ который не только готов был считать, что вместо «terra Rugorum» должно было стоять «terra Ungorum», и что это ошибочно глоссировано было переписчиком «quam nos vocamus Russeiam», но даже, в конце концов предположил, что покровителем Эдуарда был гех Suavogum, измененный в Slavogum или что под Malesclodus'ом подразумевается Мечислав, король Польский. Однако не может быть никакого сомнения в том, что под именем Malesclodus'a подразумевается именно Ярослав и никто другой. Ярослав Мудрый был хорошо известен тогдашнему романогерманскому миру, как тесть короля французского Генриха I, но западные летописцы, для которых его славянское имя звучало слишком необычно, в большинстве случаев самым варварским образом коверкали это имя, варьируя его на разные лады. Так, норманнский летописец второй половины XI в. Guillaume de Jumièges в 7-ой книге посвященных Вильгельму Завоевателю «Деяний норманнских герцогов» называет Ярослава Julius Clodius rex Rugorum, Ордерик Виталий Julius Claudius.⁴ Форма Julius Claudius

¹ F. Liebermann, op. cit., § 31, 12, S. 37—38. Об Агате — супруге Эдуарда — говорит в нач. XII в. (около 1117 г.) Флоренц Уорчестерский; иные летописцы ошибочно называют ее «avor Heinrici imp.»; ср. Monumenta Germ. Historica, SS., t. XXVIII (Hannover 1888): 26₅; 28₅; 31₃₅; 73₃₀; 392₄₅.

² Chronica Magistri Rogeri de Hovedene, Edited by William Stubbs, Rolls Series, London. 1869, vol. II, p. LXXXVI.

³ J. Steenstrup. Normannerne, Danske og Norske Riger paa de Brittiske Øer i Danevaeldens Tidsalder, Bind III, Kjöbenhavn, 1882, p. 304—308. Против допущения возможности перехода Suavogum в Slavogum см.: J. Köpke, Altnordische Personennamen bei den Angelsachsen, Berl., Diss., 1909, S. 30.

⁴ Guillaume de Jumièges. Gesta Normannorum ducum. Ed. J. Marx, Rouen et Paris, 1914. VII, 28; Ordric Vitalis, ed. Prévost. III, 158; Liebermann, S. 38 замечает при этом, со слов проф. П. Г. Виноградова, что Claudius ошибочно было бы толковать как claudius: здесь мы имеем дело не с намеком на хромоту Ярослава, а с обычной антиквизацией незнакомого и непонятного имени. Это вполне подтверждают и другие западные искажения имени Ярослава, которые собраны уже у Ph. Krug'a (Forschungen in der älteren Geschichte Russlands, Bd. II, St. Petersburg., 1848, S. 272, Anm. 2). с большей полнотой в работе: Theodor Ediger. Russlands älteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und römischen Kurie. Halle, 1911, S. 66—67: Gerzlaf (Адам Бременский), Gerisclø, Juriscløht, Georguſ Slavus (Ярослав при крещении получил имя Юрия, Гюргия, Георгия), George Selane, George le Slavon Roy, Georgius rex Sclavorum. Juliuscladius (Recueil Hist. XI, 48), Julius Claudius (Ib. 247), даже Bullesclot и Bufllesdoc. См. еще: Max Sdralek. Wolfenbüttler Fragmente. Analekten zur Kirchengeschichte des Mittelalters aus Wolfenbüttl. Hs., Munster i. W., 1891, S. 178, 186.

является повидимому искажением христианского имени Ярослава — *Jurius* (*Georgius*) *Sclavus*. Другой источник (монах из Сен-Дени) называет Ярослава *Bullesclot*,¹ что уже совсем близко к *Malesclot*, *Malesclodus*.

Ф. Либерман прибавляет к этому несколько веских соображений в защиту достоверности известия, сообщенного в «Законах Эдуарда Исповедника». Свидетельство Флоренца Уорчестерского, относящееся к началу XII в., что покровителем Эдуарда был гех *Suavogum*,² в конце концов не противоречит свидетельству, что он был и при дворе Ярослава. Ведь дочь Олафа Шведского — Ингигерда вышла замуж за Ярослава, притом, вероятно, в 1016 г. (т. е. в год бегства Эдуарда из Англии), а не в 1019 г., как это было принято думать до недавнего времени;³ очень возможно потому, что Эдуард и прибыл на Русь через Швецию в свите Ингигерды или вскоре после ее приезда к Ярославу и свадьбы. Другие английские писатели, в их числе и *Walter Mapes* со своим сборником историй, анекдотов и придворных сплетен («*De pugis Curialium*», написан между 1180—1193 гг.), покровителем Эдуарда во время его отсутствия из Англии считают венгерского короля. В сущности, и это известие не находится в противоречии с вышеуказанными, если вспомнить о тесных связях, существовавших тогда между Русью и Венгрией: «Двоюродный брат св. Стефана — Владислав Лысый был женат на близкой родственнице Владимира Святославича; Ярослав Мудрый отдал свою дочь Анастасию (Агмунду) за сына Владислава Лысого — Андрея. Брачными связями до некоторой степени объясняется, почему в начале XI в. русские князья искали убежища в Угрии. Так, в 1115 г. Святослав Владимирович бежал в Угрию от Святополка Окаянного. Брачные отношения делают понятными и появление угров при дворе русских князей, и упрочение торговых сношений между Русью и Угрией, откуда привозились серебро и кони в обмен на меха, воск и иные товары».⁴

¹ *Mon. Germ. Hist.*, SS. IX, 404.

² *Florent. Wigorn. sub anno 1017, Mon. Germ., Hist.*, SS. XIII, 126. Из Флоренца, вероятно, взял это известие и *Ailred*, аббат цистерцианского монастыря в *Rievaulx*, в Йоркшире.

³ До сих пор считалось, что свадьба Ярослава и Ингигерды состоялась в 1019 г. (см. напр. в недавней сводной таблице: *N. Baumgarten. Généalogie et mariages occidentaux des Rurikides Russes du Xe au XIIIe s. Orientalia Christiana, vol. IX, 1, Roma, 1927, p. 8*). Однако А. И. Лященко рядом очень убедительных сопоставлений отодвигает дату замужества Ингигерды на три года назад (1016), находя подтверждение своим выводам также в «*Эймундовой саге*» (*Eymundar Saga* и русские летописи. Изв. Акад. Наук СССР, № 12, 1926, стр. 1010—1071).

⁴ А. Лонгинов. Родственные связи русских князей с угорским королевским домом. Тр. Виленского отд. Московск. предварит. ком. по устройству в Вильне IX Археол. съезда, Вильна, 1893, стр. 316.

Поэтому, думается, можно считать вполне естественным, что сын короля Эдмунда и претендент на английский престол, узурпированный датчанином Канутом, мог последовательно гостить при дворах Швеции, Киева и Венгрии; в Венгрии же (а не на Руси, как это выходит по контексту в «*Leges Edw. Confess.*»), он, повидимому, и женился на Агате, племяннице немецкого императора. Интересно, что в «Законах Эдуарда Исповедника» ничего не говорится о бежавшем с Эдуардом брате его Эдвине (о чем упоминает Адам Бременский),¹ а также о том, где он нашел себе первоначальный приют, прежде чем удержан был в Киеве Ярославом, и где был позднее. Ф. Либерман полагает, что автор взял все это известие не из письменного источника, но из устного предания, притом того самого, из которого он почерпнул известие о дочери Эдуарда — Христине.²

3

Эдуард провел в изгнании около 40 лет. Вызванный в Англию своим дядей Эдуардом Исповедником, он вернулся на родину в 1057 г., вместе с сыном и двумя дочерьми, и умер в том же году. Одна из дочерей Эдуарда от Агаты — Маргарита вышла замуж за короля шотландского Малькольма III, а другая — Христина, после смерти сестры воспитывала ее детей в одном из шотландских монастырей. Христина надолго пережила ту новую трагедию английской истории, которая носит название норманнского завоевания (она умерла после 1095 г.) и которая оказалась косвенной причиной того, что дочь последнего англо-саксонского короля сделалась женой Владимира Мономаха. После 1066 г. самой Христине пришлось бежать в Шотландию; от отца она могла знать кое-что и о Киевской Руси; нет ничего невероятного и в том, что она знала о браке английской принцессы и русского князя: ведь речь шла о той стране, где за сорок лет перед тем нашел приют ее отец, спасаясь от узурпатора датчанина. К сожалению, и на этот раз история английской принцессы на чужой стороне известна нам очень мало. Английские и норманнские летописцы этой смутной поры наблюдали столь важные перемены в жизни Британии, принуждены были следить за столькими событиями первостепенного исторического значения, что судьба потомства последнего короля англо-саксов лишь глухо отразилась в их писаниях. И все же о Гите Гарольдовне у нас больше данных, чем о ее братьях и сестрах: о ней говорится в скандинавских источниках.

¹ Ср. в «*Rogeri de Wendover Floribus Historiarum*», s. a. 1077, Mon. Germ. Hist., SS., XXVIII, p. 26.

² F. Liebermann, op. cit., § 12, S. 11—12.

У Гаральда, избранного королем после смерти Эдуарда Исповедника, было три сына — Годвин, Эдмунд и Магнус и две дочери — Гунхильда и Гита.¹ Проследить биографию Гиты не очень легко. Пользуясь главным образом сводными трудами по истории норманнского завоевания (Aug. Thierry, Freeman), ее пытался построить И. М. Ивакин.² Обращение к первоисточникам позволяет в некоторых случаях исправить отдельные подробности его рассказа, но, вместе с тем, не устраняет из него многих темных мест. Не повторяя подробностей, напомним лишь несколько фактов.

И. М. Ивакин предполагает, что в роковой 1066 г. Гите «смогло быть лет около десяти»; у нас нет данных для такого допущения, но вполне вероятно, что Гита действительно была еще в детском возрасте и неотлучно находилась с семьею, в тот момент, когда Гарольд вместе со своими братьями двинулся навстречу норманнам. «В четверг 12 октября 1066 г. король выступил, а в ночь с субботы на воскресенье получено было известие, что битва проиграна и он с братьями убит. После победы южные графства оказались во власти Вильгельма. Хотя вслед за тем он провел в бездействии целый месяц, однако графства восточные не нашли возможности организовать силы, способные дать отпор норманнам. Крепость Уинчестер, местопребывание вдовствующей королевы Эдгиты, скоро покорилась; ее примеру последовал и Лондон. 25 декабря Вильгельм торжественно короновался. Семья Гарольда, вероятно, в это время удалилась на Запад, где у Гиты (матери короля Гарольда и вдовы Годвина) были обширные земли»...³

Как известно, норманнский погром первоначально не коснулся западных графств, и они деятельно начали готовиться к борьбе. Центром движения сделался город Экстер. Когда в феврале 1068 г. норманны вступили в пределы западной Англии и подступили к стенам этого города, в нем находилась вся семья покойного Гарольда: вдовствующая королева Гита, вдова Годвина и ее внучки — Гита и Гунхильда Гарольдовны. Осада Экстера была продолжительной и трудной, пока Вильгельм не прибег к подкопу: «Гита, — говорит Фримэн, — покинула город ранее, чем отворили ворота. Бежать было нетрудно, потому что Вильгельм не привел кораблей, чтобы

¹ Freeman. The History of Norman Conquest. Oxford, 1871, vol. III, p. 764, vol. IV, p. 757. Имена сыновей названы у Флоренца под 1068 г., имена дочерей в Nova Legenda Angliae. труде John'a Sargrave (1393—1464), компилированном из John of Tynemouth. Фримэн предполагает, что матерью всех этих детей Гаральда была Эдифь Лебединая шея (Eadgyth Swanenhals).

² И. М. Ивакин. Князь Владимир Мономах и его поучение, ч. I, М., 1901, стр. 201—251.

³ И. Ивакин, op. cit., стр. 252—253.

напасть на Экстер с моря. . . Когда пролом в стене показал, что противиться бесполезно, даже, может быть, когда Вильгельм торжественно вступал в город восточными воротами, Гите и другим, желавшим разделить с ней судьбу, нетрудно было уйти набережными воротами на безопасную пока еще реку. Вдова Годвина, мать Гарольда, имела возможность уплыть с сопутниками прежде, чем последнее убежище ее детей склонилось перед норманном, как перед своим владыкой. С ближайшими сопутниками она или обогнула мыс Лэндсенд или, может быть, имела возможность пройти дружественной страной к берегам Сомерсета».¹ Там они нашли приют на одном из островов; мать Гарольда с внучками прожила здесь некоторое время, что же касается сыновей, то они ушли в Ирландию, откуда предприняли несколько неудачных экспедиций на английские берега: два их поражения показали, что торжество Вильгельма прочно. Вероятно, после второго из них семья Гарольда навсегда покинула английскую землю и удалилась в Сент-Омер во Фландрии, откуда впоследствии уехала в Данию. Норвежские и датские летописцы свидетельствуют, что здесь, в Дании, Гита (*Gyda Haralds-dóttir*) была выдана замуж за Владимира, короля Холмгарда, сына Ярослава и Ингигерды. Это известие мы находим у Снорро Стурлезона, у датского историка Саксона Грамматика, который сватовство Гиты считает делом рук короля Свена, и у многих других летописцев.² О Гарольдовой дочери, супруге Владимира, русского князя, говорится и в сагах, напр. в «*Knytlingasaga*», где сказано даже, что у нее был сын, носивший имя Гаральда (т. е. Мстислав); о том же упоминается в саге о норвежском

¹ Freeman. Norm. Conquest, vol. IV, p. 157—158.

² Freeman (Norm. Conquest, vol. IV, p. 754—757: Note R: The Children of Harold), цитируя Снорро и Саксона Грамматика, затруднялся объяснить хронологические противоречия этих известий, несмотря на то, что уже Карамзин признал в «Вальдемаре» не сына, а внука Ярославова, т. е. Владимира Мономаха; смутившее Фримэна указание J. M. Lappenberga (*Geschichte von England*, Bd. I, Hamburg, 1834, S. 557), что отцом сына Гиты Мстислава-Гаральда был Владимир Мономах, совершенно точно. Вот свидетельство Saxo: «Cuius filii duo confestim in Daniam cum sorore migrarunt, Quos Sueno, paterni eorum meriti oblitus, consanguine pietatis more excepit, puellamque Rutenorum Regi Waldemaro, qui et ipse Jarizlavus a suis est appellatus, nuptum dedit. Eidem postmodum nostri temporis dux, ut sanguinis ita et nominis haeres, et filii nepos obvenit». На известии Саксона Грамматика основывается, повидимому, и тот рассказ, который помещен в «*Excerpta ex Historicis Danorum*» Петра Олая; привожу его, так как он отсутствует у Фримэна и Ивакина: «Occiso autem Haraldo, ut dictum est, qui regnum Angliae occupaverat, duo filii ejus cum sorore in Daniam fugerunt. Quos Sveno, licet pater eorum non meruerat tamen ratione consanguinitatis humaniter recepit, puellam Rutenorum Regi Waldemaro, qui a Jarizlavus a suis dictus est (sic!) uxorem didit. Hujus Waldemari nepos ex filia erat noster gloriosus Waldemarus Primus, filius sancti Kanuti Ducis, nomen ex eo sumens» (см.: Jacobus Langebek, *Scriptores Rerum Danicarum Medii Aevi*, tom. II, Hafniae, 1773, p. 208). Ср. еще: P. A. Munch. *Det Norske Folks Historiae*, Christiania, 1883, II, p. 117.

короле Гаральде Смелом и у Торфея, со ссылкой на те же саги.¹ Почти ничего не находим о Гите в русских источниках; как в летописи, так и в «Поучении» Мономаха она названа лишь по одному разу — в год своей смерти, да и то не под своим именем (в «Поучении» она названа «Юрьева мати», в летописи — «Володимерья»). Все это затрудняет решение вопроса о годе брака Мономаха: предположительно его относят к 1074 или 1075 г.²

О жизни Гиты на Руси также можно только догадываться. Ивакин предполагает, что «обычным, истари проторенным, путем Гита приехала из Дании в Новгород, где с 1069 по 1078 г. княжил двоюродный брат ее жениха — Глеб Святославич». В 1076 г., в отсутствие мужа (ходившего на четыре месяца с войском в Чехию), Гита «вероятно находилась в Переяславле, у свекора своего Всеволода. В июне у нее родился сын; надо полагать, в память деда, знаменитого Мстислава Владимировича, которому некогда принадлежала переяславская область, и о котором еще гремели золотые струны вещего Баяна, новорожденному дали имя Мстислав; сама же мать, еще плохо освоившаяся с русским бытом и языком, назвала его именем покойного отца».³ К этому следует прибавить, что именованное в честь деда по матери было тогда широко распространено и у византийцев и у болгар, у англо-саксов, норманнов и в древней Руси;⁴ под именем Гарольда или Гаральда знают Мстислава и северные летописцы (ср. «*Knytlingasaga*»: «*mater Harald erat Gyta, filia Harald anglorum regis*»).

Правдоподобным является предположение того же Ивакина, что затем Гита около четырнадцати лет (между 1078 и 1093 гг.) прожила в Черни-

¹ *Antiquités Russes*, Copenhagen, 1852, vol. II, p. 128, 135; выписки из саг о Гите см. еще у Ивакина, стр. 207—209.

² Дата свадьбы не может считаться установленной. По мнению одних историков, брак совершился в 1074 г. или 1075 г., так как в 1076 г. у Мономаха уже родился сын — Мстислав, которого он называет своим первенцем, другие, напр., N. Baumgarten (*Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes*, p. 68) относят его уже к 1070 г., впрочем, кажется, без достаточных оснований. Мономах, повидимому, был женат два раза; по крайней мере Лавр. летопись дважды говорит о смерти Володимировой княгини. Гита была его первой супругой; о происхождении и имени его второй жены ничего неизвестно. Впрочем, Карамзин и Арцыбашев (*Повествование о России*, т. I, М., 1838, стр. 145—146) полагали, что Мономах был женат даже три раза, отличая Гиту от матери Юрия, о смерти которой говорится в «Поучении», а также в летописи под 1107 г. Однако Ивакин остроумно доказывает, что Гита и мать Юрия — одно лицо. См.: Н. П. Голубовская. Владимир Мономах, Киев, 1915 («*Мінерва*», Сборник, издав. при Ист.-Фил. сем. Высш. женск. курсов, вып. V, стр. 99).

³ Ивакин, *op. cit.*

⁴ Много примеров собрано у С. Гедеонова, *Отрывки из исследований о варяжском вопросе*, Зап. Акад. Наук, 1863, III, стр. 269 и у Ивакина, *op. cit.*, стр. 53 и сл. У отца жены Мономаха — короля Гарольда, сына Годвина и Гиты и внука Вульфнота, были сыновья — Годвин и Вульфнот, дочь — Гита.

гове, и что здесь родились у нее сыновья — Святослав, Ярополк, Вячеслав, Роман и — по Татищеву — Юрий.¹

Об обстоятельствах и дате смерти Гиты мы можем также только догадываться. Если принять точку зрения Ивакина, отождествившего мать Юрия с Гитой, то она умерла в 1107 г. До этого года, пишет Ивакин, «в Поучении 6 раз упоминается о путях в Смоленск, 2 раза о пути в Ростов. Пути эти предпринимал Мономах на зиму; под именем их разумеется полюдье, хождение в дань. Мы знаем, что княгини принимали участие в такого рода путях и потому есть основание допускать, что и Гита сопровождала своего мужа. О пути в Смоленск в 1106—1107 г. Мономах пишет: «и на зиму Смолинску идох; и Смоленска по велице дни выидох, и Гюргева мати умре». Под Гюргевой мати разумеется Гита, и если в кратком, почти голом перечне путей Мономах не забыл упомянуть о смерти своей жены, то наверное это обстоятельство свидетельствует, что утрата была для него тяжела, что в течение 31 года Гита была верной ему спутницей. Называя Гиту «Володимерья», летопись прибавляет, что она умерла в 1107 г. мая 7-го. Из слов «Поучения» можно догадываться, что она умерла в Смоленске.²

Если мы так мало знаем о внешней, фактической истории жизни Гиты, то еще труднее составить себе представление об ее нравственном облике; здесь мы уже всецело находимся в области догадок, направляемые по искомым путям лишь случайными домыслами и аналогиями. Достоинство любопытства, что в строе англо-саксонской семьи, насколько мы ее знаем после исследований F. Roeder'a,³ Marg. Browne⁴ и других, было много общего с семьей древне-русской, с тою только разницей, что положение женщины у англо-саксов было гораздо более свободным и почетным, чем в древней Руси. В «Поучении» Мономах говорит: «жену свою любите, но не дайте им над собою власти». С. Протопопов считает,⁵ что, высказываясь так, Мономах имел в виду «отрицательные взгляды на женщину, в силу кото-

¹ Н. В. Шляков (О поучении Владимира Мономаха, СПб. 1900, стр. 36—37) полагает, что сыновьями Мономаха от Гиты были Мстислав (р. 1076 г.), Святослав (р. 1077 г.), Ярополк (р. 1078 г.), Вячеслав (р. 1079 г.), Изяслав (р. 1080 г.). Юрия же, в противоположность мнению И. Ивакина, он считает «старшим сыном второй супруги Мономаха». Относительно дочерей Мономаха — Марии, Евфимии, Агафии — неизвестно, была ли их матерью Гита.

² Ивакин, *op. cit.*, стр. 257.

³ Fritz Roeder. Die Familie bei den Angelsachsen, 1, Halle, 1899 (Studien z. engl. Phil. hrsg. L. Morsbach, H. 4).

⁴ Marg. Browne. The Importance of Women in Anglo-Saxon Times and other Addresses. London, 1919.

⁵ С. Протопопов. Поучение Владимира Мономаха. ЖМНП, № 2, 1874. стр. 285—290

рых она считалась достойною не любви и уважения, а, напротив, презрения и глубокой ненависти»; вторая же половина фразы Мономаха отражает господствующее воззрение церкви на взаимоотношения супругов (см. Послание к Ефесянам ап. Павла). Из англо-саксонских законов и правовых документов мы знаем, что и в Англии церковь и законодательство предписывали женщине безусловное подчинение своему мужу,¹ и тем не менее это не противоречило ее достаточной независимости в отношении правовом и в смысле индивидуальной свободы. Замечательнее всего, однако, то, что англо-саксонские женщины, особенно высшего класса, стояли довольно высоко в своем интеллектуальном развитии. Они были искусны не только в тканье и вышивании, но зачастую отличались и на поприще искусства и литературы. В IX и особенно X вв. это значение женщины поднялось особенно высоко. Четыре королевы, сестры короля Эзельстана, были прославленные мастерицы в тканье и вышивании; но Уильям из Мэльмсбери сообщает, что отец их, король Эдуард, воспитал их таким образом, что уже в детстве они получили большой интерес к литературе. Цитируя это место английского хрониста, Райт напоминает кстати историю королевы Осбурги, матери Альфреда Великого, которая внушила своим детям любовь к литературе, сама занимаясь с ними в своих покоях;² Эдиф, супруга Эдуарда Исповедника, также была очень начитана в литературе: сюда относится свидетельство псевдо-Ингульфа,³ которое — как бы мы ни относились к достоверности его «Истории», во всяком случае не противоречит другим аналогичным указаниям на ту роль, какую искусство и литература играли в женской половине англо-саксонского королевского дома: здесь охотно цитировали стихи и любили беседовать на философские и грамматические темы. Не будет, кажется, ошибкой предположить, что и Гита не представляла в этом отношении исключения из общего правила, и что она, во всяком случае, должна была в семье отца получить прекрасное воспитание; право на такое заключение дает нам все, что мы знаем о постановке воспитания в аристократических семьях у англо-саксов.⁴

¹ F. Roeder, op. cit., S. 85—86.

² Thomas Wright. The Homes of Other Days. A History of Domestic Manners and Sentiments in England, London, 1871, p. 66—67.

³ John Thrupp. The Anglo-Saxon Home: A History of Domestic Institutions and Customs in England, London, 1872, p. 72—74.

⁴ По этому вопросу имеется солидная работа F. Roeder'a: *Über die Erziehung der vornehmen angelsächsischen Jugend in fremden Häusern*, Halle, 1910, и важные дополнения к ней: Marg. Rösler. *Über die Erziehung in England vor der normannischen Eroberung*, *Englische Studien*, 1915, vol. 48, S. 1—114.

4

Защищая свой тезис о возможности знакомства русского летописца с западными преданиями и даже, быть может, латинскими хрониками, П. М. Бицилли пишет: «Везде и во всякое время женщины, особливо вступающие в браки с владетельными конунгами, оказывались самыми действительными проводниками иноземного культурного влияния. Есть, кроме того, и неопровержимые доказательства того, что то же самое было и у нас на Руси. Надо думать, что эти немецкие принцессы, бывшие замужем за Ярославичами, приезжали на Русь не одни, а с собственным двором, в котором были, без сомнения, и капелланы и духовники».¹ Если это положение справедливо, то оно вполне применимо и к английской королевне. Более того, мы имеем право предположить, что в данном случае имелись особопобудительные причины для приезда на Русь, вместе с Гитой, большего, чем обычно, количества ее соотечественников. Гита должна была приехать в сопровождении некоторой свиты, которая должна была состоять не только из датчан, данных ей в спутники королем Свенем, но и бежавших вместе с нею англо-саксов. Во всяком случае, достойно любопытства хронологическое совпадение двух дат: приезда ее на Русь и последних попыток находившихся в Дании англо-саксонских эмигрантов вести борьбу с норманнами, все прочнее утверждавшимися в Англии. До тех пор в некоторых частях Англии еще были живы надежды на реставрацию, но в 1074 г., как раз около того времени, когда Гита уехала на Русь, всем этим надеждам был нанесен самый решительный удар. Разгром датского флота, посланного королем Свенем для борьбы с завоевателями и достигшего в 1074 г. р. Гумбера,² окончательное покорение Нортумбрии, смерть от руки норманнского палача графа Вальдгеофа, вдохновителя датской интервенции и организатора встречных восстаний в Англии, — все это положило конец прежним иллюзиям и послужило толчком к эмиграции, которая все усиливалась к концу XI ст. Поток англо-саксонских беглецов направляется, между прочим, и в Византию, и с конца XI ст. у византийских императоров оказывается целая английская дружина, постепенно вытесняющая собой норманнов.³ Отчего не предположить, что некоторая часть подобных же вольнонаемных воинов могла попасть и на Русь, к Владимиру Мономаху, любившему свою дружину и нуждавшемуся в ней при своей беспо-

¹ П. М. Бицилли. Западное влияние на Руси и начальная летопись, Одесса, 1914, стр. 20.

² J. J. Worsaae. An Account of the Danes and Norwegians in England, Scotland and Ireland, London, 1872, p. 173—174.

³ В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе. Труды В. Г. Васильевского, т. I, СПб. 1908, стр. 355 и сл.

койной военной, походной жизни. Едва ли в широкой массе англо-саксонского населения, тем более среди эмигрантов, имевших все основания чтить память погибшего при Сенлаке короля Гарольда, не было известно, что дочь его Гита является супругой русского князя: недаром же северные источники отмечают не только этот факт, но знают и об англо-саксонском имени ее первенца Мстислава-Гарольда. То же известие могло распространиться среди англо-саксов и через Византию. Разумеется, такое предположение нуждается в доказательствах, которые еще подлежат разысканию. Англо-саксонские имена, если таковые сохранились в русских памятниках, не могут быть с достоверностью определены уже потому, что англо-саксонские формы часто совпадают со скандинавскими;¹ памятники материальной культуры с этой точки зрения кажется еще не изучались. В виде косвенного подтверждения разноплеменности эмиграционной волны, шедшей на Русь из Скандинавии в эту эпоху, и возможности существования в ней специально англо-саксонской струи можно было бы сослаться на упоминание в так наз. «Молитве св. Троице» варяжских святых — Магнуша (Magnus' ум. 1047), Канута (Canut, ум. 1086) и других, среди которых есть два имени святых, начитавшихся англичанами: Альбана (ум. 1072) и Бутулва, т. е. Ботульфа.² Полагают, что вставка в эту молитву, восходящую к римско-католическому оригиналу, «сделана уже на Руси, в одном из русских вариантов».³

¹ J. Kôrke. *Altnordische Personennamen bei den Angelsachsen*, Berl.-Düss., 1909; Erik Bjorkmann. *Nordische Personennamen in England in alt- und frühmittelenglischen Zeit*. Studien z. engl. Phil., hrsg. L. Morsbach, H. 37, 1910. Повидимому, однако, без привлечения англо-саксонских материалов не обойтись исследователям варяго-русской ономастики, особенно для более раннего времени: еще А. Куник в письме к Гутцейту обратил внимание на то, что в «Беовульфе» встречается лучшая лингвистическая параллель к имени Олега — Hálga, которое в а.-с. памятнике носит один датский князек (Briefwechsel zwischen Ak. Kunik... und Chr. Gutzeit, Riga, 1899, S. 7, 34); в том же «Беовульфе» названы Ingeld, Halfdaene, имена которых засвидетельствованы на всем севере и встречаются в др.-русск. договорах с греками (944 г.): Игелъд, Ингелъд и Алдан; др.-русское Адулб, по В. Томсену (op. cit., стр. 119 сл.), объясняется из а.-с. Eadwulf, Адун родственно а.-с. Eadwine, Асмуд — а.-с. Osmund'у. Необъясненное прежними исследователями из скандинавских источников имя Искусеви Е. Н. Щепкин остроумно возвел к встречающемуся в а.-с. анналах имени «Эскиви» (Aeskwi; Aesk-wig). См. «Варяжская вира», стр. 405 прим.

² Деятельность Ботульфа (Botolph или Botulph) относится к VII в. (ум. 680 г., память его почиталась 17 июня) — канонизация же к X в., когда Этельвальд, епископ Уинчестерский, распределил его останки между монастырями в Ely, Westminster и Thorney (983—984). О распространенности культа Ботульфа в Англии свидетельствует то, что он дал имя городу Бостону (Boston, сокращение из Botulphs town), а также и то, что в одном Норфольке его имя носило 10 церквей, а во всей Англии — около 50. См. Dict. of Nat. Biogr., vol. II (Oxf. 1922), p. 908. Житие Ботульфа составлено было вскоре после норманнского завоевания и приписывается Folcard'у, аббату в Thorney.

³ К. Ф. Тиандер. Датско-русские исследования, вып. III, СПб., 1905, стр. 173. Иначе у А. И. Соболевского (Русские молитвы с упоминанием западных святых в Мат. и исследов. в области слав. фил. и археол. СПб. 1910, стр. 36—47), который полагает, что вся эта молитва

Появление этих имен в славянской молитве можно было бы также связать с деятельностью на Руси ирландских монахов или скоттов. Известно, что эти «скотты» в довольно большом количестве появились в Германии в конце XI и нач. XII вв. «Основное направление их странствий, — пишет М. Шайтан, — определялось давней традицией и большими торговыми дорогами. Новые госпиции и монастыри ирландцев появлялись в XI в. преимущественно по берегам Рейна и Майна, а также по Дунаю. В своей беспокойной жизни на чужбине они редко уживались подолгу в госпициях и, питаясь, главным образом, благочестивыми подаяниями и перепиской книг, не пренебрегали и побочными занятиями: коммерческими операциями и дипломатическими поручениями».¹ Около 1070 г. появились они и в Регенсбурге, на исходном пункте дорог в Восточную Европу и здесь, с согласия папы и при содействии зажиточных горожан, вскоре возник выстроенный ими монастырь во имя св. Иакова и Гертруды. В житии одного из пришельцев из далекой Гибернии, св. Мариана, писанном около 1185 г., рассказывается, что один из братьев, по имени Маврикий, «муж многоопытный и в делах весьма искусный», «один, в сопровождении мальчика, ведомый благодатью св. духа, глухими дорогами прибыл к русскому князю, и от этого государя и других знатных лиц богатейшего города Киева получил в подарок драгоценные меха ценою в сто фунтов серебра; увезя их на телегах, он благополучно вернулся вместе с купцами в Регенсбург», где на деньги, вырученные от продажи русских мехов, закончена была постройка монастыря — одного из замечательных памятников средневекового искусства. Эта постройка длилась довольно долго: с 1090 по 1122 г., что сильно затрудняет датировку путешествия Маврикия в Киев и выяснение вопроса, какому князю он был обязан щедрым пожертвованием. Существует предположение, что этим русским князем был Владимир Мономах;² правда, против этой догадки, высказанной В. Абрагамом, говорят некоторые хронологические соображения,³ но вопрос еще не решен окончательно, целиком была переведена с латинского языка на славянский в Чехии, и оттуда уже занесена на Русь. См. еще: Пам. древн. письм., № 50, СПб. 1884, и И. А. Шляпкин в ЖМНП, № 12, 1884, стр. 267—269.

¹ М. Шайтан. Германия и Киев в XI веке. Летопись занятий постоянной Археогр. ком., т. XXXIV (1927), стр. 20—22; ср. его же статью: Ирландские эмигранты в средние века. Сб. «Средневековый быт», Л., 1925, стр. 179—205.

² Władisław Abraham. Powstanie Organizacyi Kościoła tacińskiego na Rusi, Lwów, 1904, t. I, str. 68—69. Точку зрения Абрагама как будто принял и русский рецензент его книги. С. Л. Шташицкий (Изв. ОРЯС. 1905, кн. 3).

³ В. Г. Василевский (Древняя торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНП, № 7, 1888, стр. 134—136) : «скагал, что киевским князем, одарившим Маврикия, был один из Изяславичей — «либо Святополк (ум. 1122), либо Мстислав (ум. 1129)», но он допускает ошибку: Свято-

тем, более, что удачный результат поездки брата Маврикия в Киев мог побудить регенсбургских «скоттов» повторять свои поездки, что было так естественно при наличии торговых сношений между Регенсбургом и Киевом в эту пору. Абрагам в подтверждение своей догадки не только ссылается на то место «Поучения» Владимира Мономаха, где говорится о долге гостеприимства, но прямо утверждает, что Мономах сносился с регенсбургскими ирландцами относительно латинских киевских церквей; при этом исследователь забывает, быть может, о наиболее сильном аргументе, который мог бы послужить в пользу его построения — именно о том, что женою Мономаха была англо-саксонка; посредничеством и заступничеством ее и мог бы объясняться факт исключительной щедрости киевского князя, облакавшего католического монаха, родом из далекой Гибринии, в тот момент, когда связи русской церкви с западной уже совершенно прекратились. Впрочем, будь этим князем Изяслав, Святополк или Мстислав, трудно поверить, чтобы путешествие Маврикия в Киев прошло мимо Мономаха, княжившего тогда в Чернигове и уже зорко приглядывавшегося к великокняжескому «столу»,

попк умер не в 1122, а в 1113 г.; еще в 1093 г. Владимир Мономах добровольно уступил Святополку киевский стол, как старшему в роде, и Святополк княжил там до своей смерти; кроме того, едва ли такую щедрость по отношению к католическому монаху (притом в полном согласии с богатой верхушкой киевского населения) мог проявить Святополк, непопулярный в Киеве за свою недалекость, подозрительность и корыстолюбие. К точке зрения В. Васильевского, однако, безоговорочно присоединился А. Стороженко (О существовавших в г. Киеве римско-католических храмах. Египос. Сб. статей в честь Н. П. Дашкевича, Киев, 1906, стр. 243). М. Э. Шайтан отвергает догадку Васильевского из других соображений; по его мнению, издавая житие св. Мариана, где находится указанное известие о путешествии Маврикия в Киев, «болландисты совершенно перепутали события» и отнесли путешествие к началу XII в., «между тем в житии сказано, что деньги, вырученные от продажи киевских мехов, были истрачены на окончание постройки монастыря, а именно на сооружение крыши. Согласно документам, опубликованным G. A. Renz'om (Beitrag z. Gesch. d. Schottenabtei St. Jacob в Studien u. Mitteilungen aus d. Benedict. u. Cisterc. Orden, T. XVI, 1895, S. 64 sq., 250 sq.), монастырь был выстроен и освящен в 1090 г., следовательно, путешествие Маврикия непосредственно предшествовало этому году. Недоразумение возникло из-за смешения двух охранительных грамот» (Германия и Киев в XI в., стр. 20—22). Ко всему этому М. Шайтан прибавляет, что посвящение церкви св. Якову — покровителю странствующих — и Гертруде может указывать на жену Изяслава Гертруду, которая умерла в Киеве в 1107 г. Аргументация М. Шайтана представляется мне недостаточно убедительной. Едва ли в «Vita S. Mariani» на ряду с вел. князем и старейшинами Киева не была бы упомянута и вдовствующая великая княгиня, если ее заступничеству был обязан Маврикий своими подарками, и особенно, если в ее честь монастырская церковь была посвящена св. Гертруде; кроме того, церковь была освящена лишь в 1111 г., т. е. через три года после смерти Гертруды и спустя 18 лет после предполагаемой поездки Маврикия в Киев! Наконец, как указано выше, житие написано около 1185 г., следовательно, указание его на то, что на русские деньги была выстроена именно крыша, а не какая-либо другая часть здания, не может быть с полной достоверностью подтверждено документами, на которые ссылается М. Шайтан, так как можно предположить ошибку и в рассказе жития. О догадке В. Абрагама, которому должна была быть известна публикация Ренца, М. Шайтан не упоминает.

тем более, что жене его ирландец мог привезти важные известия из ее родины. Не забудем, что именно в Ирландию вели многие воспоминания Гиты, связанные с роковыми для ее семьи событиями норманнского завоевания: в то время как она вместе с бабушкой и старшей сестрой уезжала во Фландрию, братья ее напѣли себе приют в Ирландии, где, повидимому, и остались после неудачных попыток поднять восстание в западной Англии.¹

К сожалению, нам ничего неизвестно о существовании в Киеве латинских церквей в XI в.; древнейший документ, подтверждающий существование на Руси кляштора пресв. девы Марии, хозяевами которого были именно ирландцы, относится только к 1242 г.: речь идет о бежавших из Руси от татарского погрома через Вену в Ирландию монахах этой обители.² Однако ничто не мешает предположить, что ирландцы нашли себе приют на Руси более чем за сто лет перед тем, если мы достоверно знаем о первом путешествии их в Киев между 1089 и 1122 г.

5

Вернемся несколько назад. В начале 1068 г., в то время как Гита с семьей своего отца находилась в осажденном норманнами г. Экзтере, епископом этого города был Леофрик (1050—1072), просвещенный и энергичный деятель своей эпохи, получивший воспитание в Лоррени, большой библиофил, до назначения своего в Экзтер бывший капелланом короля Эдуарда Исповедника.³ Он известен как деятельный устроитель церковной иерархии в Западной Англии, а также как владелец замечательной по тому времени библиотеки, жалкие остатки которой дошли до нас в качестве весьма важных реликвий англо-саксонской эпохи.

Библиотека Леофрика была им подарена собору св. Петра г. Экстера и, как видно из сохранившейся инвентарной описи ее, состояла из

¹ J. M. Lappenberg. *Geschichte von England*. Bd. II, Hamburg, 1837, S. 82.

² Erben. *Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae*, P. I. Pragmae, 1855. p. 502, № 1060; Feier, *Cod. Dipl. Hung.* IV, 1 p. 235; *Mon. Germ. Hist.*, SS. XXVIII, p. 209. Этот документ помещен уже в «*Historia*» английского монаха Сент-Альбанской обители Матвея Парижского, который так много знал о Руси (ср. Филарет. *Обзор русской духовной литературы*, изд. 3-е, 1884, стр. 62—64); в русской литературе на него обратил внимание уже Н. П. Дашкевич: *Переговоры пап с Даниилом Галицким*, Чт. в *Общ. Нестора Летописца*, 1883, стр. 141, прим. I, не догадавшийся, однако, связать его с деятельностью «скоттов».

³ *Dict. Nat. Biogr.*, vol. XI (1922), p. 942—943; R. H. Inglis Palgrave. *The Rise and Progress of the English Commonwealth, Anglo-Saxon Period, Part I* (Cambridge, 1921), p. 145. О библиотеке Леофрика см.: Th. Wright. *Biographia Britannica Litteraria*. London, 1842, vol. I, p. 38—39; F. J. Snell. *The Age of Alfred*, 664—1154, London, 1912, p. 137—139.

60 манускриптов; 28 из них были на англо-саксонском языке. Из всего этого собрания уцелели лишь «Миссал» Леофрика,¹ находящийся ныне в Бодлеевской библиотеке в Оксфорде (MS. 579) и так называемая «Exeter-Book», идентифицируемая с означенной в инвентарной описи «большой английской книгой о различных вещах, изложенной стихами» («mysel englisc boc be gehwilcum þingum on leoðwisan geworht» . . .); подлинник этого драгоценного кодекса и поныне попрежнему хранится в Экзтере, копия его есть в Британском музее (Addit. MSS. 9067); недавно сделано его роскошное факсимильное воспроизведение.²

Датировка кодекса вызвала в свое время много споров. J. J. Conybeare, в начале XIX ст. впервые опубликовавший несколько отрывков из этой большой рукописи, полагал, что она относится к началу XI в.;³ издавший ее целиком, впрочем неисправно, Benj. Thorpe (1842) отодвигал написание ее к концу X ст.;⁴ позднейшие палеографические наблюдения заставили J. Schipper'а отнести ее к началу XI в.,⁵ а W. Keller'а⁶ — к периоду между 960 и 980 гг.: последняя датировка, с незначительными вариациями, повторялась и другими исследователями, и ее можно считать принятой и в настоящее время.

В Exeter-Book на л. 80a — 81b рукописи, среди других произведений религиозного и дидактического содержания, находится любопытный памятник, не озаглавленный в подлиннике, но обычно называемый издателями «Fæder Larcwidas» — «Отцовские поучения», создание которого предположительно относят к началу VIII ст.⁷ Этот памятник дошел до нас в единственном указанном списке, но, повидимому, был в свое время достаточно

¹ F. Warren, *Leofric Missal*, Oxford, 1883; Earle, *Handbook to the handcharters and other Saxon documents*, p. 253 sq.

² *The Exeter-Book of Anglo-Saxon Poetry*. A facsimile edition with two introductory chapters by R. W. Chambers and M. Forster, London, 1931.

³ J. J. Conybeare. *Illustrations of Anglo-Saxon poetry*. London, 1826, p. LXXVI sq. «The handwriting of the MS. appears but little if at all anterior to the age of Leofric».

⁴ B. Thorpe. *Codex Exoniensis*, London, 1842, p. 300—305.

⁵ J. Schipper. *Zum Codex Exoniensis*. *Germania*. Vierteljahrschr. f. Deut. Altertums-kunde, 1874, Bd. XIX, S. 327—328.

⁶ W. Keller. *Altenglische Paleographie*. I, Berl., 1906 («Palaestra», XLIII, I) S. 40. Конечно, даты владения и дарения рукописи вовсе не должны совпадать с предполагаемой датой возникновения ее; следует также разграничивать вопрос о создании и позднейшей переписке отдельных произведений, вошедших в состав кодекса; все эти вопросы едва ли когда-либо получат удовлетворительное решение. Förster считает установленным, что кодекс возник около 970 г. (*Zum Exeter-Codex — Beiblatt zur Anglia*, 1933, N 4, S. 128).

⁷ Carl Richter. *Chronologische Studien z. angelsächsischen Literatur auf Grund sprachlich-metrischer Kriterien* (Studien z. engl. Phil. hrsg. von Lorenz Morsbach. H. XXXIII, Halle, 1900), SS. 68 u. 110.

распространен, правда, в определенной среде. Как показали исследования, «Отповские поучения» представляют собою своеобразное школьное и воспитательное пособие, специально приуроченное для занятий с подрастающими членами королевской семьи.

Если принять это во внимание и вспомнить при этом, что дошедший до нас список «Отповских поучений» принадлежал епископу Леофрику, близкому к королю Эдуарду, — не покажется слишком смелым предположение, что этот памятник мог быть известен Гите Гарольдовне, так же как и ее братьям, повидимому в 1066 г. едва вышедшим из школьного возраста. Напомним также, что Гита вместе с Леофриком пережила страшную осаду Экстера, о которой так красноречиво повествуют летописцы. Правда, у Леофрика была давняя земельная тяжба с Гарольдом,¹ имевшим значительные владения в западной Англии еще до избрания его королем, но можно думать, что в феврале 1068 г. перед лицом общего врага, осадившего Экстер, Леофрик забыл эти разногласия: как авторитетный представитель высшей церковной власти в городе, он не мог не принять участия в осиротевшей семье Гарольда, в самую критическую пору ее существования; с его разрешения и благословения, семья эта, вместе со многими горожанами и представителями духовенства, должна была погрузиться на корабли в тот момент, когда передовые отряды норманнов проникли в город.

Итак, Гита могла знать «Отповские поучения». Отчего не предположить далее, что уже находясь на Руси, в ту пору, когда ее сыновья от Владимира Мономаха, вместе с первенцем Мстиславом, названным в память деда Гарольдом, достигли школьного возраста, Гита не могла дать своему мужу идею написать аналогичное произведение?

Познакомимся ближе с англо-саксонским памятником.

«*Faeder Larcwidas*», впервые полностью опубликованное у В. Thorpe,² издавалось впоследствии много раз: в 1849 г. — в «*Analecta*» L. Klipstein'a II, S. 222—227; в 1850 г. в книге L. Ettmüller'a «*Engla and Seaxna Scōpas and Boceras*» (*Quedlinburgii et Lipsiae*, 1850, S. 246—248), в 1858 — в «*Bibliothek der Angelsächsischen Poesie*» Chr. Grein'a, II, S. 347—350 (с заглавием «*Faeder larcwidas*»), в 1883 — в «*Angelsächsische Bibliothek*» R. Wülker'a (I, S. 353—357), в 1895 — в составе полной публикации «*The Exeter Book*» Edit. by J. Gollancz (*Early English Text Society, Orig. series, vol. 104, p. 300—305*: в дальнейшем ссылки всюду делаются по этому изданию), наконец у W. I. Sed-

¹ Dict. N. B., XI, p. 943.

² В. Thorpe. *Codex Exoniensis*, London, 1842, p. 300—305.

gefeld, *An Anglo-Saxon Verse book* (Manchester, London and New-York, 1922, p. 109—111); отрывки памятника вошли во многие хрестоматии и учебные книги по англо-саксонской литературе.¹

«Отцовские поучения» — стихотворение в 94 строки, содержание которого составляют десять наставлений; порядковый счет их методически отмечается автором. Начало и конец стихотворения подтверждают, что хотя оно и легко могло подвергнуться переделкам, однако дошло до нас в своем полном виде. Начальные строки памятника читаются так:

1. *Dus frod faeder freo-bearn laerde
mod-snottor [mon] maga-cystum eald
wordum wis-faestum þaet he wel þunge.
D6 a þaette duge deag þin gewyrhtu*
5. *god þe bip symle goda gehwylces
frea and fultum feond þam oþrum
wyrsan gewyrhta wene þec þy betran
efn elne þis a þenden þu lifge
faeder and modor freo þu mid heortan
maga gehwilcne gif him sy meotud on lufan.*

[Дословный перевод]:

1. Так один опытный отец, мудрый сердцем,
Престарелый в мужественных добродетелях, поучал своего
любимого сына
в словах прозорливых, чтобы он мог вырасти счастливым: —
«Делай всегда достойное; если дела твои будут добродетельны,
5. бог всегда будет [с тобою] покровителем и опорой всех
добрых дел твоих и гонителем
твоих худых деяний. Приучай себя к добру!
Упражняйся в добре усердно всю свою жизнь,
отца и мать [своих] люби всем сердцем,
и каждого из твоих ближних, если они чтут Господа».

Первое наставление заканчивается указанием на то, что следует также любить своих учителей (*lareowas*):²

¹ R. Wülker. *Grundriss z. Geschichte der Angelsächsischen Literatur*, Lpz., 1885, S. 230—231.

² «*Lareowas*» употреблено здесь в значении: «instructor, doctor, magister» (Grein-Köhler. *Sprachschatz d. Angelsächs. Dichter*. Heidelberg, 1912, S. 408).

11 wes þu þinum ylþrum arfaest symle
 faeger-wyrde and þe in ferðe laet
 þine lareowas leofe in mode
 þa þec geornast to gode trymmen.

К родителям твоим будь почтителен
 и вежлив и да будут те учителя
 дороги твоему сердцу и душе,
 которые наиболее усердно утверждают тебя в добре.

На основании этих стихов R. Wülker полагает, что произведение это употреблялось в школьной практике.¹ Во втором наставлении предписывается не делать ничего худого ни врагу ни другу, в третьем — избирать себе хороших советников, в четвертом — быть верным друзьям. Пятое наставление содержит целый ряд добрых советов: сын должен воздерживаться от пьянства и сквернословия, которые так часто сопутствуют друг другу, от злобы в сердце и лжи на устах, от любви «чужих» женщин (*fremdre meowlan*, v. 39). Шестое наставление состоит в следующем: учись отличать добро от зла и избирай себе лучшее, седьмое — будь осторожен в речи, «редко веселье мудреца свободно от забот, и точно так же редко пиршество глупца омрачается заботами, если он не испытывает невзгоды»; поэтому осторожный в речах своих благоразумный смертный должен размышлять про себя, в тишине сосредоточенности. Восьмое наставление: надейся на бога, помни о святых и постоянно говори правду; девятое — соблюдай писание и заповеди божии. В десятом, наконец, сказано: кто оберегает себя от грехов на словах и в деяниях своих, тому Господь воздает по заслугам; посему — побеждай гнев, не будь придирчив и двоедушен, но открыт сердцем и приветлив.

«Легко видеть, — замечает Ebert,² — что стихотворение это весьма слабо в отношении своей композиции, на что указывают повторения», недостаточная разработанность его плана; с другой стороны, оно представляет также «весьма незначительный культурно-исторический интерес», так как вместо конкретных указаний, которые имели бы цену бытовых свидетельств, оно вращается в сфере самых отвлеченных предписаний и традиционных добродетелей несложного кодекса христианской морали. Совет воздерживаться от пьянства, по аналогии с другими данными, тол-

¹ R. Wülker. Grundriss, S. 231.

² A. Ebert. Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendlande. Bd. III, Lpz., 1887, S. 86—87.

куют как свидетельство о пороке, весьма распространенном у англо-саксов.¹ Вместе с указанием на гибельность «чужих женщин», два этих неясных стиха представляются единственными, которые с известной натяжкой можно связать с конкретной культурно-исторической обстановкой англо-саксонской жизни. «Отцовские поучения», — замечает, в свою очередь, А. Brandl, — не знают более ни героических, ни придворных идеалов. Они хотят так воспитать молодых людей, чтобы они получили счастье в жизни, советуют им покорность хорошим наставникам, любовь к тем родным, которые преданы богу, и предостерегают от нее по отношению к тем родственникам, от кого бог отвернулся. Автор произведения был, повидимому, духовным лицом. От языческой традиции здесь не осталось уже почти ничего.¹ Из указаний текста памятника на то, что ученик (сын) обладает богатством (v. 5), что о нем заботятся не один, а многие наставники (v. 13), и что он растет для того, чтобы получить власть в свои руки (v. 26), Брандль делает заключение, что стихотворение приравнено для обучения королевича и что, как таковое, оно является древнейшим памятником этого рода дидактических произведений, сохранившихся на английской почве. Слишком общий характер его рассуждений и незначительность интереса его с культурно-исторической точки зрения были, вероятно, причиной недостаточного внимания к нему со стороны исследователей англо-саксонской литературы.

Тен-Бринк² первый высказал предположение, что генетически «Отцовские Поучения» восходят к библейской книге «Притч» Соломоновых. «Идея такого рода произведения, — пишет он, — по крайней мере в общих чертах, могла быть заимствована из книги «Притч» Соломона (*Proverbia Salomonis*), откуда и напоминающие ее предостережения по поводу чужих женщин.³

¹ E. Budde. Die Bedeutung d. Trinksitten in d. Kultur d. Angelsächsen. Jena, 1906, S. 8.

² Alois Brandl. Geschichte der altenglischen Literatur, Strassburg, 1908, S. 22 («Grundriss» Пауля, S. 962). Ср. также Stopford A. Brooke, English Literature from the beginning to the Norman Conquest, London. 1899, p. 206, 326—327.

³ Что касается выражения *fremdre meowlan*, то Тен-Бринк, повидимому, имеет в виду то место «Притч» Соломоновых (V, 16—19), где говорится о «чужих» женщинах; его толкуют как обозначение женщины — прелюбодейки, нарушительницы брачных уставов. Ernest Bertheau. Die Sprüche Salomo's (Kurzgefasstes exegetisches Handbuch zum alten Testament. VII), Lpz, 1847, S. 11—12 сопоставляет указанное слово с другим, близким ему, обозначающим «не принадлежащую дому и тем самым не правомочную женщину», но «nicht die Ausländerin, die nicht-Israëlitin, woran viele denken, meinend dass die Öffentlichen Buhlerinnen vorzugsweise ausländische Frauen gewesen seien (vgl. J. F. Frisch, Commentatio de muliere peregrina apud Ebreos minus honesta habita, 1774); 70 толковников считают «чужую женщину» текста «Притч» персонификацией греха и переводят его произвольно. Англосаксонский термин употребленный в v. 39, в виду его неопределенности, дает повод к различным толкованиям. «Имеются ли здесь иноплеменницы [женщины чужих племен или национальностей] или это выражение имеет здесь особое значение?» спрашивал А. Ebert (op. cit, S. 86). Reinhold Schmid

Стихотворение вводит нас в тот круг средневековой поэзии, для которой богатый материал представляли собою «Дистихи» Дионисия Катона и родственные произведения восточной дидактики. Несмотря на возражение Вюлькера,¹ сопоставление «Отцовских поучений» с книгой притч Соломоновых прочно вошло в научный обиход.²

Другие исследователи, не устранив догадки Тен-Бринка, вместе с тем охотно возводили англо-саксонское «Почтение» к гномической поэзии скандинавов, где в языческие времена подобные же упражнения религиозного характера занимали довольно видное место. «Хорошими примерами могут служить отдельные части древне-северной Эдды, где эти упражнения принимают либо форму пословиц, как в *Hávamál*'е, либо вопросо-ответную форму». В отношении своего формального строения *Faeder Larcwidas* «может быть сравниваемо с *Sigdrifumál* и последней частью *Hávamál*, но содержание его более христианское».³ Действительно, можно предположить самостоятельное происхождение и первоначально раздельное существование позднее присоединенных к *Hávamál*'ю тех частей памятника, которые можно было бы назвать *res domestica* — собрание правил и наставлений общеэпического и домохозяйственного содержания: о путешествии и жизни дома, о чести и любви, о промыслах, торговле, долге гостеприимства, об обращении с женщинами и чужеземцами и т. д.; аналогично содержание так наз. *Lodfafnismál*'я;⁴ отличие англо-саксонского памятника в том, что здесь отец наставляет своего сына. Не следует однако забывать, что в средневековой литературе всего романо-германского мира такого рода «Почтения» были чрезвычайно распространены. Англия не только не составляет исключения в этом отношении, но даже идет впереди многих других стран.

6

«*Faeder Larcwidas*» напомнили Тен-Бринку «Дистихи» Дионисия Катона — одну из первых учебных книг средневековья. Оригинал их, приписанный Д. Катону, создан был около IV в. н. э. Известный нам

(Die Gesetze der Angelsachsen², Lpz., 1858: Antiquarisches Glossar, S. 582—583) указывает, что для понятия «Fremde» англо-саксонский правовой язык имел много обозначений (*fraemde*, *feorgand man*, *feorgan cimen*, *utan cimen*, чаще же всего *aelfeodig*) соответственно много-различным оттенкам смысла: «im engeren Sinne ist nur der Volksfremde fremd; auf ihn bezieht sich vorzugsweise der Ausdruck *aelfeodig*. Aber auch dem *maeg* steht *fremd* entgegen».

¹ R. Wülker. Grundriss, S. 231.

² W. Clarke Robinson. Introduction to our early English Literature. London, 1885, § 59, p. 169—170.

³ The Cambridge History of Engl. Lit., vol. I (1907), p. 62.

⁴ Dietrich. Zu *Hávamál* — Ztschr. f. D. Altert., III (1843), S. 385—432.

латинский текст распадается на две редакции: *Cato maior* и *Cato minor*. Первая, прозаическая, состоит из «эпистолы» и «кратких изречений» — числом 57. В «Эпистоле» вслед за «прологом» анонимный автор делает наставления своему сыну, «изречения» же обращены к читателю. *Cato minor* (или *parvus*) представляет собой извлечение из всех четырех книг *Cato maior*'а. Популярность этого памятника была совершенно исключительной. В Германии один из ранних прозаических переводов его сделал Ноткер, в конце X ст.; англо-саксонская парафраза его относится, вероятно, к еще более раннему времени, ко второй половине X ст. Громадное количество переработок, пересказов, стихотворных переложений и подражаний дистихам встречается на всем Западе в XI—XIII вв.¹ Специально изучивший английские редакции этого памятника Max Goldberg полагает, что «*Faeder Larcwidas*» имеют столь общее содержание, что нет необходимости ставить их в более тесную зависимость от «Дистихов» Катона, несмотря на то, что отдельные поучения почти целиком соответствуют *breves sententiae* или «Дистихам».²

Знакомство Англии с «Дистихами» Катона в их латинской форме, как полагают, относится к началу IX в.; очень вероятно, что «Дистихи» уже тогда имели распространение в Англии, как учебная книга, но глоссированы они могли быть значительно раньше.³

В X, XI, XII вв. и даже в более позднее время (вплоть до XVI в.) в Англии имели распространение и другие аналогичные «Поучения», взаимное родство и связь которых с «*Faeder Larcwidas*» еще не изучены с достаточной отчетливостью. Укажу, напр., на «*Disciplina Clericalis*» испанского

¹ О латинском тексте: Nauthal. *Catonis Philosophi Liber*, Berolini, 1870; Baehrens. *Poetae latini minores*. Lpz., 1881, III, 221 ff.; G. Némethy. *Dicta Catonis*, Budapest, 1895, 22 ff. Французский перевод «*Disticha*», сделанный монахом Evrard'ом около 1150 г., вероятно, современен переводам Elie of Winchester, анонима и старому лотарингскому (*Ztschr. f. Roman. Phil.*, XIX, 85). Об английских обработках см. еще: M. Forster и A. Napier в *Arch. f. d. St. d. n. Sprachen u. Lit.*, Bd. 117 (1906), S. 17—28, о немецких — теперь Walter Mitzka. *Die deutschen Cato-dichtungen des Mittelalters*. *Ztschr. f. D. Phil.*, Bd., 54, H. I (1929). Подробно литература указана у M. Schanz. *Gesch. d. römisch. Literatur III*² (1905), S. 39 и у Max Manitius. *Geschichte d. lateinischen Literatur der Mittelalters*. Bd. III (München, 1931), S. 713—714; F. Zarncke. *Beiträge z. mittellateinischen Spruchpoesie* (Ber. u. d. Verhandlungen d. K. Sachs. Ges. zu Lpz., *Phil.-hist. Cl.*, Bd. XV, 1863, S. 23—78) издал две латинские стихотворные обработки памятника «*Cato Novus*» и «*Cato Rhythmicus*», идентифицируя последнюю с недошедшей до нас английской работой Роберта Большоголового (Robert Grosset, S. 49); «Дистихам» родственна «*Ethica Ludolphii*» (издана R. Peiper'ом в *Beiträge z. lateinischen Catoliteratur — Ztschr. f. D. Phil.*, Bd. V, 1874, S. 165—186), сохранившаяся в ряде рукописей XIII—XIV вв., где также отец поучает своего сына.

² Max Otto Goldberg. *Die Catonischen Distichen während des Mittelalters in der englischen und französischen Literatur*. I. *Der Englische Cato*, Lpz., 1883, S. 11.

³ M. Goldberg. *Die Catonischen Distichen*, S. 11 f.

еврея Моисея или Петра Альфонса, принявшего христианство в 1106 г., в которой та же форма несколько осложнена. Отец поучает своего сына не прямо, но облакает свои наставления в форму диалогов между другими лицами, как, напр., между двумя арабскими философами и их сыновьями, между неким *magister*'ом и его *discipulus*'ом. Сложность этого обрамления увеличивается еще тем, что произведение состоит не из одних наставлений, но в него, для иллюстрации и оживления отдельных моральных уроков включены целые рассказы из различных восточных и классических источников.¹

Апокрифическое поучение короля Альфреда своему сыну мы находим также в третьем отделе так наз. «Пословиц Альфреда», очень популярных в Англии, начиная с XI в.² Та же ситуация в заключительном отделе стихотворения, известного под заглавием «*Ratis Raving*», где отец, обращаясь к своему дорогому сыну и приглашая его почаще читать эту книгу, дает ему ряд традиционных наставлений о пороках и добродетелях:

My dere sone, wnderstande this buk,
How study and reid It oft, and luk
Her fal þow fynd thi faþeris entent
To the lefte in amendement,³ etc.

В рукописи более позднего времени до нас дошло множество подобных английских «Поучений», из которых, по крайней мере, некоторые созданы гораздо раньше, чем скопированы в дошедших до нас списках.⁴ В отдель-

¹ M. Manitius. *Geschichte d. lateinischen Lit.*, Bd. III (1931), S. 274—279, *Disc. Clericalis*, ed. A. Hilka u. W. Söderhjelm (*Acta Societatis Scientiarum Fennicae*, 38, Helsingfors, 1913), p. XI—XIV: перечень рукописей, находящихся в Англии.

² *Old English Miscellany*, ed. W. Morris. London, 1872, p. 102.

³ *Ratis Raving and other Moral and Religious Pieces in Prose and Verse*. ed. by J. Rawson Lumby. Lond. 1870 (*Early Engl. Text Soc.* vol. 43), p. VIII; ср. Brown. *The author of Ratis Raving* (*Bonner Beitr. z. Anglistik*, 5, 1900) и Ostermann, *Gramm. Untersuchungen mit Rucksicht auf Verfasser-Frage der 3 sogenannten Ratis-Raving Gedichte*, Diss. Bonn, 1902.

⁴ Средне-английские «Поучения» отца к сыну изданы F. I. Furnivall'ем в «*The Babees Book*» (London 1868) и в «*Queen Elisabethes Achademy*» (London, 1869, *Early Engl. Text Soc. Extra S.*, VIII). Здесь мы находим: «*Stans Puer ad Mensam*» (*Babees Book*, I, 27), «*On the Manners to bring one to Honour and Welfare*» (там же I, 34), «*John Russels-Bok of Nurture*», там же, I, 117), «*Proverbs of good counsel*» (*Queen Elisabethes Achad.*, I, 68), «*Sir Peter Idle's Directions to his son*» (в выдержках, там же I, 68). Далее сюда же относятся «*Book of Curtesye*», в трех текстах, изданных Furnivall'ем (London, 1868), где автор обращается к «*littile childe*» или «*lytlyl John*». Здесь же следует упомянуть о двух стихотворениях, в которых отец поучает своего сына — в Кембриджской ркп. (Lumby, *Ratis Raving*, p. VIII), наконец, об анонимном стихотворном поучении, которое R. Fischer («*How the wyse man thought hys sone*» in *drei texten* — *Erlanger Beitr. z. engl. Phil. hrsg.* H. Varnhagen, II, 1889) издал по трем текстам: древнейший из них, оксфордский, относится к началу XVI или концу XV в. В нескольких

ных случаях исследователи пытаются установить сходство этих произведений с интересующим нас англо-саксонским «Fäder Larcwidas», которое, во всяком случае является одним из наиболее ранних образцов этого впоследствии установившегося литературного рода,¹ особенная популярность которого в Англии, кстати сказать, приходится как раз на то время, когда свое «Поучение» создавал Владимир Мономах. В других случаях приходится предполагать недошедшие до нас промежуточные редакции, которые в конечном счете восходят или к «Fäder Larcwidas» или же к какому-нибудь сходному произведению, имевшему распространение в Англии уже в англо-саксонскую эпоху.

В других литературах средневекового Запада мы также находим аналогичные произведения. Так, напр., во Франции, кроме распространенных с XII в. «Дистихов» Катона мы встречаем и самостоятельные произведения в форме назидательного обращения к сыну или детям: таковы «Enseignements» Людовика Св., внесенные Жуанвиллем в его хронику; это поучение разделено на 36 параграфов и многие из них имеют единообразное начало: *cher fils, très douz fils*: и т. д.;² к XIII в. относится «Castoïement d'un père à son fils»: ряд стихотворных повестей, излагаемых отцом в назидание своему сыну.³ В Германии в то же время (в XIII в.) пользуются популярностью «Советы (рыцаря) Винсбеке к своему сыну» и параллельные им советы матери к дочери, обычно называемые просто: «Der Winsbeke» и «Die Winsbekin», при анализе которых обычно вспоминают также дидактические части средне-верхне-немецких эпосей.⁴

рукописях известны также поучения матери к своей дочери (см. Furnivall, Q. Elis. Achad. I, 44 и Barbour's Bruce. ed. Skeat, vol. II, Scott. Text Soc., 32, p. 21), «How the good wife taught her daughter», которые, как полагают, восходят к какому-нибудь французскому источнику, вроде «Échecs amoureux», (G. Körting. Grundriss. d. engl. Phil., Münster, 1905, S. 140—141, Anm. 2). Наконец, к концу XV в. в Шотландии сделана была стихотворная парафраза (на шотландском диалекте) латинского письма Бернарда Клервосского (1091—1153) к некоему Раймунду, «castris Sancti Angeli Dominus», которая может быть отнесена к этому же роду произведений: в нем дается ряд наставлений о домашнем хозяйстве, советы о том, как обращаться со слугами, с женой, с детьми и т. д. См. Bernardus de cura rei familiaris, ed. by R. Lumby, London, 1870 (EETS, 42), p. V—VI.

¹ R. Fischer. «How the wyse man thought hys sone», S. 11—12.

² См. о них R. P. Cros. Vie intime de Saint-Louis, roi de France. Toulouse, 1872 и текстологическое исследование: N. de Wailly. Joinville et les enseignements de St. Louis à son fils. Bibliothèque de l'École de Chartes, 1872, t. XXXIII, 386 яд. Здесь же напечатан «texte restitué» самых «Enseignements» (p. 424—442).

³ Barbazan et Méon. Fabliaux, Paris, 1808, t. II.

⁴ F. I. Furnivall. Q. Elis. Achademy. London, 1869, vol. II, приложение; E. Oswald. Early German Courtesy Book, p. 140; Moritz Haupt. Der Winsbeke und die Winsbekin. Lpz., 1845; Denicke. Die mittelalterliche Lehrgedichten Winsbeck und Winsbekin in kulturgeschichte l Beleuchtung, 1900.

Много позднее даже в молодой румынской письменности мы находим сходное по форме произведение: «Слова показательные воеводы Валашского Иоанна Нягоя к сыну Феодосию» (XVI в.),¹ связанные уж однако не с германо-романской литературной традицией, а с славянской, в свою очередь традиционно возводимой к византийской.

Все эти указания подтверждают международную распространенность «Поучений» отца к сыну или детям и их огромную популярность во всех отдельных литературах Запада. Но все же нигде эти поучения не получили столь широкого и столь раннего распространения, как в Англии, где увлечение ими возникает уже в англо-саксонскую эпоху. Интересно, что в Англии, столь открытой в средние века континентальным литературным влияниям, кроме латинских поучений, были известны и французские «Casteiement» и немецкие их аналогии и даже византийские: так, известное в византийской литературе поучение отца к сыну, называемое обычно «Spanea», сохранилось в оксфордской рукописи в редакции, значительно отличающейся от обычной; отчасти с ней сходствует и та, восходящая к южно-славянским переводам русская редакция памятника, которая открыта была акад. Н. К. Никольским в изданной Е. В. Петуховым под видом оригинального русского произведения рукописи.²

В другом месте, перечислив множество подобных «Поучений» в русской литературе, из которых еще далеко не все изданы, Н. К. Никольский совершенно правильно замечает, что для выяснения вопроса о происхождении древнейшего из русских памятников этого рода — «Слова некоего отца к сыну своему» Святославова Изборника 1076 г., «требуется еще долгий пересмотр аналогичных (не только по форме, но и по содержанию) наставлений, встречающихся в византийской и славянской литературах как в разных житиях, так и в виде отдельных «Поучений»;³ быть может сделан-

¹ Издано П. А. Лавровым в Пам. Древн. Письм., СЛП. Ср.: А. И. Яцимирский. Волошский Марк Аврелий и его поучения. Изв. ОРЯС, 1905, IV, стр. 339—374.

² Jean Psichari. Le poème à Spanéas. Mélanges Renier. Paris, 1887 (Bull. de l'École des Hautes Études, fasc. 73), p. 267—269, 281—283; V. Jagić. Das byzantinische Lehrgedicht Spaneas in der Kirchenslavischen Übersetzung. Sitzungsber. d. k. Akad. d. Wiss. (Wien), Phys.-hist. Cl., Bd. CXXVII, 1892, S. 1—42. Как показал Н. К. Никольский (Общ. люб. древн. письм.: Библиографическая летопись, II, 1915, стр. 71—73), изданная Е. В. Петуховым ркп. XVI в. «Жалости праведного спасения, како учеши жалости сына своего» (Mat. и зам. из ист. древн. русс. письменности, вып. II, СПб., 1905, стр. 16—24: «Одно из поучений отца к сыну») есть не что иное, как «Spanea». О «Spanea» см. К. Krumbacher. Geschichte d. Byzantinischen Literatur, München, 1891, S. 213, S. 397—398; здесь же см. и о других византийских поучениях: царя Василия I к его сыну Льву (§ 88, S. 187) IX в. и более поздних произведениях К. Манассии, Георгия Лапифа, Марка Дефарана (S. 370, 382, 410).

³ Акад. Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений, X—XI вв., СПб., 1906, стр. 203—205. К длинному перечню поучений, извест-

ный выше краткий перечень приведет к желательности включить в этот обзор также литературные памятники германо-романского мира. Еще недоступная для нас, при обширности и разбросанности материала, общая литературная история поучений отца к сыну в мировой средневековой литературе позволила бы несомненно построить единую (несмотря на многочисленные разветвления) цепь их, где в качестве отдельных звеньев ее нашли бы свое место памятники византийские и латинские, славянские, романские и германские; только установив эту общую цепь и можно было бы вполне уверенно говорить о непосредственном или косвенном родстве таких памятников, каковы «Поучение» Владимира Мономаха, с одной стороны, и англо-саксонские «Fæder Lagcwidas» — с другой. Я не ставил себе такой непосильной задачи, но думаю все же, что в ожидании такой историко-литературной работы устанавливаемая мною аналогия между англо-саксонским и древне-русским памятниками может иметь интерес с другой стороны. Она может оказаться важной прежде всего для решения вопроса о форме «Поучения» Владимира Мономаха. В исследовании этого вопроса большое значение должны иметь именно литературные аналогии, благодаря которым, повидимому, только и можно реконструировать сильно разрушенный временем первоначальный вид произведения Мономаха; среди них особая роль должна принадлежать именно такому раннему памятнику как «Fæder Lagcwidas» (VIII в.), который старше многих не только латинских, но и византийских памятников этого рода. Сопоставление его со стороны его формального строения с «Поучением» Мономаха может привести, как мне кажется, к некоторым небезинтересным результатам.

7

«Поучение» Владимира Мономаха принадлежит к числу тех памятников древне-русской письменности, которые особенно трудно поддаются

ных в русских списках XI—XVIII вв., недавно прибавилось изданное В. Н. Перетцом (Виршевой Домострой в списке нач. XVIII ст. — Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 17—28) «Наказание от некоего отца к сыну своему дабы он подвизался о добрых делах выну». Издатель относит его ко второй половине XVII в., между прочим и на основании стихотворной формы его, неизвестной более раннему времени. Соблазнительно указать по этому поводу, что большинство западноевропейских произведений этого рода до XVI в. включительно имеют именно стихотворную форму. Не позволит ли это обстоятельство искать источника этого памятника не в русской литературе, а в западноевропейской? Одно из подобных русских поучений, писанное не ранее середины XVI в. («Поучение и наказание от отца к сыну, како ему жити подобает»), издано А. В. Марковым в Известиях Тифлиссских Высших женских курсов, кн. I, вып. 1, 1914, стр. 156—158.

исследованию. Сохраненное в Лаврентьевском списке летописи¹ под 6604 (1096) г. в явно неисправном виде, с пропусками, искажениями и перестановками, вставленное сюда чисто механически между ничем не связанными с ним сказанием о происхождении половцев и рассказом Гюряты Роговича об Югре, наконец, искусственно объединенное переписчиком с другими «бумагами Мономаховыми», как их назвал Карамзин (ИГР, II, прим. 77) — посланием к Олегу Святославичу, выписками из «книг княжих» или случайными набросками неизвестного или недостаточно ясного назначения — «Поучение» в том в виде, как оно дошло до нас, вызывает ряд трудно разрешимых вопросов. Доныне исследователи не сходятся в решении таких основных проблем, каковы, напр. объем «Поучения» в смысле текста или дата его написания. Иным они казались даже и вовсе неразрешимыми, если случай не доставит в наше распоряжение иной список «Поучения» вместо того «несомненно испорченного, во многих местах темного и даже частью разрушенного», какой мы имеем в летописи.² Вопросами критики текста «Поучения» занимались С. Протопопов, И. Ивакин, Н. Шляков и другие, и их исследования позволили с достаточной определенностью отделить от «Поучения» явно не принадлежащие ему части.

Еще первый издатель «Поучения» Мусин-Пушкин (1793), говоря о письме Мономаха к Олегу, заметил, что оно «отнюдь не принадлежит к завещанию оному, но летописатель, имея то и другое в руках, счел за одно сочинение и вместил в летопись под одну главу»; о помещенных вслед за тем отрывках он же говорит: «за сим следует молитва, которая, хотя, повидимому, к поучению или к Посланию к Олегу... и не принадлежит, но как она в летописи под одною статьею написана, то потому и здесь (г. е. в его издании) помещается». Последующие исследователи не только соглашались с таким выделением из дошедшего до нас текста двух ему не принадлежащих частей, но шли дальше Мусин-Пушкина по тому же пути. «Нельзя с точностью решить, где кончается «Поучение» и начинается «Послание к Олегу», — замечает С. Протопопов, — потому что между тем и другим находятся общие места без указания на какой-либо определенный предмет речи... Очевидно, что между «Поучением» и «Посланием» есть пропуск, для которого в Лаврентьевском списке оставлено место строки на

¹ Летопись по Лавр. списку, изд. 3-е, СПб., 1897; стр. 232—246. Отметим кстати, что «Поучение» недавно переведено на английский язык в составе Лавр. списка летописи (по изд. Е. Ф. Карского, Л., 1926) и с приложением исследования: *The Russian Primary Chronicle. By Samuel H. Cross, Cambridge, 1930.*

² Е. Ф. Будде. Летопись по Лаврентьевскому списку. Русск. Фил. вестн., 1898 № 1—2, стр. 233.

четыре».¹ Сходное наблюдение делает и Н. В. Шляков: «Очевидно, в нашем экземпляре «Поучения», экземпляре, как видно по пропуску 4½ строк в начале и смещению «Поучения» с письмом к Олегу, очень неисправном, произошла утрата соответствующих мест;... утрачен целый лист одной тетради».² И. Ивакин из дошедшего до нас текста выделяет еще несколько частей, как не принадлежащих к «Поучению»: 1) гадальные выписки из Псалтыри, 2) выписки из правил Василия Великого и «неизвестно откуда взятое обращение к Богородице», 3) отрывок от слов «что есть человек»... до слов «да будет проклят». «Только тогда, — говорит он, — получится то, что следует назвать поучением Мономаха в тесном смысле или как называет его сам автор — грамотицей».³

Вчитываясь в полученный таким образом текст, мы, однако, и в нем не находим достаточного единства; напротив того: он возбуждает в нас новый ряд недоумений. Если собственно «Поучение» начинается со слов: «Си словца прочитаюче, дети моя»..., то со слов «А се вы поведаю, дети моя труд свой, ож ся есмь тружал, пути дея и ловы»... начинается то, что можно было бы назвать «Автобиографией» Мономаха. Составляет ли эта заключительная часть одно целое с первой частью? Ивакин ответил на этот вопрос утвердительно. Изложив содержание первой части, он замечает, что ее «следует назвать учительной по преимуществу, причем о второй, автобиографической, надо заметить, что она с первой имеет тесную связь и служит ей дополнением, иллюстрацией» (op. cit., стр. 1—2). Такого же мнения держится и Н. Шляков, да и вообще сомнения в неслитности этих частей еще, кажется, никем не были высказаны. Однако, мне представляется в достаточной степени вероятным, что эти части принадлежат к совершенно раздельным произведениям, столь же случайно объединенным вместе, как и «Поучение» объединено было с письмом к Олегу. Общность мыслей первой и второй части сама по себе еще не говорит за то, что мы имеем одно целое; скорее — наоборот: она приводит к повторениям, которые литературно-образованный человек, каким мы привыкли считать Мономаха, мог и должен был избежать. Кроме того, едва ли Мономаху могла притти в голову нескромная и просто нехристианская мысль — иллюстрировать наставления и нравственные сентенции первой части о том, как должно жить праведно и благоразумно, подробным, чуть не погодным

¹ С. Протопопов. Поучение Владимира Мономаха. ЖМНП, 1874, № 2, стр. 234.

² Н. В. Шляков. О поучении Владимира Мономаха. СПб. 1900, стр. 32.

³ Ивакин, op. cit. Об испорченности текста памятника см. еще замечания А. Соболевского. Одно место в «Поучении» Мономаха. Филологич. записки, 1900, вып. III, стр. 1—2.

изложением своей жизни, даже в случае ее предполагаемого, но отнюдь не действительного, соответствия тем высоким требованиям, какие внушает Мономах в первой части. Это могло казаться правдоподобным только тем исследователям, которые исторический образ Мономаха воссоздавали на основании его же «Поучения» и тем самым превращали его в иконописный. Но даже в случае тесной связи обеих частей «Поучения» должно заметить, что автобиографическая часть иллюстрирует очень немногие положения первой части, главным образом идеал деятельной жизни. Наконец, если Мономах рассчитывал на то, что его «грамотица» будет известна и постороннему читателю, не только княжеской семье, на что есть намек в тексте («Да дети мои или ин кто, слышав сию грамотицю не посмеитесь»...), то едва ли уместны были в ней столь подробные и, скажем прямо, столь интимные детали его военной или охотничьей жизни, даже в том случае, если эта грамотица оказалась бы завещанием или предсмертной исповедью. Это бросилось в глаза и И. Ивакину, который своеобразие «Поучения» и его отличие от других аналогичных памятников христианской литературы видел в обилии в нем автобиографических подробностей. Вот, что он говорит по этому поводу: «Бытовые подробности настолько характерны, что ни на мгновение не дают усумниться, что писавший — русский князь... Является вопрос: это обилие автобиографических черт обязано ли своим происхождением оригинальному замыслу автора или же оно — плод подражания? Без сомнения возможно и первое и второе, но второе, думаю, потому возможнее, что среди известных уже в XI в. произведений наверное были и такие, в которых наряду с назиданием являлись черты автобиографические, как дополнение, как иллюстрация к нему. Как на образец в этом отношении для грамотицы исследователи давно уже указывали на заветы 12 патриархов, или точнее на завет Иуды» (стр. 12). С моей точки зрения, Ивакин ошибается. Известные нам аналогичные произведения христианской литературы состояли почти всегда из одних наставлений, представляя собою поучение в собственном смысле. Относительно «Слова некоего отца» в Изборнике Святослава 1076 г., которое издавна бездоказательно причисляется к русским произведениям домонгольской эпохи,¹ вопрос неясен именно потому, что оно не содержит никаких указаний на русскую действительность; относящееся к XI или XII в. византийское дидактическое стихотворение «Спаинеа» (о нем см. выше) так скупо в этом отношении, что не позволяло долго решить, кем оно написано и к кому обращено: на ту же особенность англо-

¹ Ср. мнения А. Е. Викторова, Е. Голубинского, Филарета и др. Литература указана у акад. Н. К. Никольского. Материалы, стр. 203.

саксонского памятника я уже указывал. Примеры можно значительно увеличить: ни одно из указанных мною «Поучений» — латинских, английских, французских — не имеет такой иллюстративной, автобиографической части, и понятно почему: в большинстве случаев мы имеем дело не с подлинными родительскими поучениями, а лишь с фикциями отца, сына, детей, оживляющими и конкретизирующими голый дидактизм произведения, с литературным приемом, традиционно повторяемым несколько веков подряд. Но суть даже не в этом, а в том, что перед нами во всех этих случаях чаще всего учебные, школьные пособия, принаровленные для обучения грамоте; когда это пособие, при всех своих воспитательных достоинствах, казалось слишком сухим, его оживляли другим путем, вставляя добавочные эпизоды, с новыми фикциями беседующих или целые назидательные повествования, но акцентируя их моральный смысл. Ничего подобного мы не встречаем в «Поучении» Мономаха, где вслед за собственно «поучительной» частью идет «автобиография», из которой трудно извлечь какой-либо нравственный урок. Ссылка же на «Заветы 12 патриархов», мне кажется, только запутывает дело. Эта параллель приналежит И. Я. Порфирьеву. «Вторая часть» „Поучения“ Владимира Мономаха, — говорит он, — очень сильно напоминает завет патриарха Иуды в Заветах 12 патриархов. Очень может быть, что Заветы были известны Мономаху по Палее, в которую они могли быть вставлены, если не самим ее составителем, то ее славянским переводчиком. Может быть и самая форма «Поучения» Мономаха, имеющего характер завещания, образовалась под влиянием заветов, внушивших Мономаху мысль написать подобное завещание своим детям. Заметим, что Мономах, подобно патриархам, в подкрепление своих наставлений также указывает детям на свою жизнь».¹

Таким образом оказывается, что лишь то, что мы называем «Автобиографией» Мономаха имеет сходство с «заветами» и лишь на основании этого сходства делается предположение, что она первична по замыслу, тогда как с точки зрения Ивакина как будто выходило наоборот: автобиография «иллюстрирует» и «дополняет» поучение. Однако, есть ли какое-нибудь психологическое вероятие в том, что вдохновленный «Заветами» на создание аналогичного произведения Мономах разбил бы свой «завет» на

¹ И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях., Спб. 1877, стр. 16; ср.: П. Лавровский. Обзор ветхозаветных апокрифов. Духовн. вестн., 1864, XI, стр. 346—347; см. еще Charles, R. H. The Greek versions of the Testaments of the twelve patriarchs. Ed. from nine mss. together with the variants of the Armenian and Slavonic version. Oxford, 1908.

столь рознящиеся друг от друга части, из которых только одна воспроизводит полюбившуюся ему форму?

Правдоподобно ли, кроме того, что Мономах сначала сделал общее поучение, а потом рассказал свою жизнь, а не поступил наоборот? Ведь именно собственно «Почтение» и должно было быть итогом и заключением правдивого рассказа о своей жизни. Так, вопрос об объеме текста Мономахова «Почтения» в конечном счете сводится к вопросу о форме памятника. Естественно, что в решении этого вопроса наибольшую, если не единственную роль, при отсутствии других данных, может сыграть литературная аналогия или разыскание непосредственных источников произведения. И хотя в поисках тех и других сделано уже очень много, но все эти параллели не убеждают именно потому, что вопрос о форме памятника редко ставился во всей его остроте. До сих пор не условились, чем собственно является «Почтение» — поучением ли, завещанием, автобиографией или даже дневником? В зависимости от того, как будет решен этот вопрос, мы и сможем судить о том, какая из его двух частей первичнее по замыслу или по написанию, и также о том — в какой группе источников легче подыскать ему наиболее близкую аналогию.

Большинство исследователей склонны были в «Почтении» Мономаха видеть его завещание. Уже первый издатель его А. Мусин-Пушкин придерживался именно такого мнения. Заглавие его издания: «Духовная великая князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи суздальской Почтение» (СПб. 1793). «Завещанием детям» называет памятник и Ивакин (стр. 7). С такой точки зрения и возможно было сопоставление «Почтения» с «заветами» патриарха Иуды. М. П. Погодин предпочитал поучение называть «автобиографией»,¹ А. А. Шахматову же представлялось, что «здесь мы имеем перед собою скорее не поучение, а Дневник Мономаха, его летопись».² Не предпрешая окончательное решение этого вопроса, хочется обратить внимание еще на один факт. Случайно ли заглавие («Почтение»), присвоенное произведению в летописной его редакции? Ведь сам автор называет его также грамотицей. Произвольный ли это домысел переписчика или лишнее указание на искусственное объединение различных по своему назначению произведений? По некоторым данным мы вправе думать, что и сам Мономах употребил, по крайней мере дважды,

¹ М. Погодин. Образование и грамотность в древнем периоде русской истории. ЖМНП, 1871, январь, стр. 28.

² См. изложение доклада А. А. Шахматова в Археол. изв. и заметках, 1897, № 1, стр. 88—89.

в своем тексте слово «Поучение» вместе со словом «грамотица».¹ Не возможно ли отсюда предположить, что перед нами и «грамотица» и «Поучение», искусственно слитые вместе? Не дают ли на это некоторое право и те места текста, которые как будто намекают на различные цели двух, в настоящее время слитых, но некогда раздельно существовавших произведений? В одном месте говорится: «Да дети мои или ин кто, слышав сию грамотицу», в другом — «си словца прочитаюче, дети моя»; словно Мономах в одном случае обращается к слуху неграмотного человека, а в другом к зрению грамотея. . .

8

Мы подходим к заключительному вопросу нашего исследования, который вновь возвращает нас к англо-саксонскому памятнику. Если бы удалось доказать, что собственно поучение и «автобиография» Мономаха не составляют цельного произведения, а были объединены переписчиком, подобно тому, как это сделал он с автобиографией и письмом к Олегу, то тем самым аналогия между древне-русским и англо-саксонским поучениями показалась бы еще более интересною. Тогда существующее между ними сходство могло бы распространяться и на те цели, какие преследовали оба этих произведения, на их служебное назначение. Англо-саксонское, как уже было указано, было, вероятно, создано для того, чтобы служить для обучения и воспитания королевича. Быть может, оно служило своего рода школьным пособием, по которому упражнялись в грамоте, усваивая в то же время несложный кодекс христианской морали и получая самые общие наставления относительно будущего поприща: ведь в ту эпоху, и у англо-саксов и на Руси быть хорошим королем, по мнению церковников, значило прежде всего быть добрым христианином. Не могла ли для той же цели великокняжеской «школы» служить и «грамотица», как ее называет Мономах? Недаром с давних пор его «Поучение» причислено к самым ранним памятникам русской педагогической мысли.² Не был ли это своего рода учебник, написанный Мономахом для своих детей от Гиты Гарольдовны? Тогда и соседние цитаты: из Василия Великого (взятые, вероятно, из «Изборника» 1076 г.), из Триоди и особенно из «Псалтыри», учебная роль которой на Руси известна, превращает «Поучение» в своеобразную школь-

¹ Е. Будде в Русск. Фил. вестн., 1898, стр. 238—239 по позднему списку реставрирует предполагаемое начало «Поучения»: «. . .се пишу поучение вам» и т. д.

² М. И. Демков. История русской педагогики, ч. I. Древне-русская педагогика (X—XVII в.). Ревель, 1896, стр. 45—47; Он же. Влияние западно-европейской педагогики на русскую. ЖМНП, 1910, кн. 5, отд. III, стр. 29—30.

ную хрестоматию, и центральное место в ней занимает отрывок собственного сочинения Мономаха.

«Поучение» в его целом виде датировали различно, притом всегда исходя из его автобиографической части, М. Погодин и С. Протопопов — 1099 г., Шляков — 1106 г., Ивакин — между 1118 и 1125 гг. Но если принять предположение о раздельности «Поучения» и автобиографии, то все эти датировки падают для «Поучения» в его тесном смысле. Поэтому оно могло быть написано и раньше; ведь объединено же оно с письмом к Олегу, несомненно написанным в 1096 г. К этому времени сыновьям Мономаха от Гиты было: старшему Мстиславу 20, а младшему Изяславу 16, если оставить в стороне Юрия, о магери которого спорят. Нельзя ли тогда отнести создание поучения к несколько более раннему времени, к периоду их школьного возраста? Возможное знакомство Гиты с «Fäder Lagewidas», на которое было указано выше, косвенно подтверждает догадку. Англо-саксонские женщины, как мы видели, часто сами заботились о литературном образовании своих детей, и Гита не должна была составить исключения. Именно она могла внушить Мономаху мысль написать такое же поучение, какое сама должна была узнать незадолго до отъезда своего из Англии. Трудно думать, чтобы любивший свою жену Мономах не воспользовался бы ее советами и помощью в деле воспитания своих сыновей, тем более, что при его деятельной военной и государственной жизни, досуга на это оставалось немного. Первенец Гиты Мстислав, носивший свое второе имя Гарольда в честь деда своего — английского короля, севший на киевский стол после смерти Мономаха, мог, во всяком случае, не только по имени быть обязанным англо-саксонской культуре. При нем могли быть и воспитатели англо-саксы, которые и раньше, еще при Ярославе, должны были встречаться на Руси. Не исключена возможность, что и сам Мономах знал англо-саксонский язык: мог же он в «Поучении», говоря о своем отце Всеволоде, с гордостью заявить, что тот «дома седя изуменяше пять язык» и прибавить: «в том бо честь есть от иных земель», уж, конечно, не русских, а западно-европейских.¹ Если Мономах столь явственно доказывает образовательную ценность иностранных языков и возможность научиться им «дома седя», наверно в его семье были способы получить эти знания, конечно, от специальных наставников.

¹ Ср. Ивакин, *op. cit.*, стр. 137—138; Н. П. Голубовская (Владимир Мономах, стр. 99) *думает*, что ему «мог быть знаком язык скандинавский, а может быть и немецкий (?), потому что женою его была дочь английского короля...»

Детальные сопоставления «Поучения» Мономаха и англо-саксонского памятника приводят к заключению, что в них много общего: примерно одинаковым является их объем, сходны характер отдельных наставлений, пожалуй даже порядок их следования. Первая часть Мономахова «Поучения» говорит об отношениях к Богу; в том же поучает англо-саксонский памятник: «так один опытный отец, мудрый сердцем, престарелый в мужественных добродетелях, поучал своего любимого сына в словах прозорливых». . . (см. выше, стр. 62—63): «упражняйся в добре так долго, как ты будешь жить». . . У Мономаха: «паче всего гордости не имейте в сердца и в уме, но рцем: смертны есмы». Далее Мономах наставляет: «старыя чти яко отца, а молодые яко братью»: то же и англо-саксонском памятнике: «отца и мать люби всем сердцем и каждого из близких твоих, если они чтут господа» (9 sq.: faeder (and) modor freo þu mid heortan maga gehwylcne gif him sy meatud on lufan); «Fäder Larcwidas» тут же говорит о необходимости любить наставников своих, «Iageowas» (см. выше, стр. 62) и, словно перекликаясь с ним, Мономах наставляет любить наставников духовных: «любовью взимайте от них благословенье и не устраняйтесь от них и по силе любите и найдите, да примете от них молитву». . . В «Fäder Larcwidas»: «Блуди себя от пьянства и сквернословия, от греха в сердце и лжи на устах твоих, от гнева и зависти и от любви женской; ибо тот влачит свою жизнь, униженный в мыслях, кто уступает любви женской, любви чужой девушки» (34 sq.: druncen beorg þe [and] dollic word mán on mode [and] in muþe lyge yrre [and] aefeste [and] idese lufan forðon sceal aewisc-mod oft sibian se þe gewited in wifes lufan fremdre meowlan. . .).

Мономах говорит о том же, лишь менее распространено: «лжи блюдитесь и пьянства и блуда: в том бо душа погыбаеть и тело». В «Fäder Larcwidas» те же мысли еще раз высказаны в десятом поучении: «Десятый раз, полный мучительных забот, престарелый муж вновь начал учить своего сына: тот мудр, кто ради своей души блюдет всегда себя в своем сердце от зла в словах и делах и способствует истине. Для того всякий дар будет умножен Господом, и могущество его возрастет, если он будет бежать от порока. Не позволяй гневу, бездне неистовых слов, волнующейся в груди твоей, овладеть тобой и осквернить тебя своими захлестывающими волнами; человек должен оберегать себя от гнева в своей отважной душе, если он мудр, воздержан и пронизателен умом своим, чист мыслями и жаждет мудрости. Не будь склонен к хуле, не будь двоедушным, не допускай к своему сердцу людей недостойных, будь любящим и радостным духом и в сердце своем, сын мой, помни отца твоего благоразумное учение и

всегда воздерживайся от греха». (76 sq.: *Teoþan siþe torn-sorgna ful eald eft ongon eaforan laeran snyttra biuceþ þe fore sawle lufan warnað him wommas worda [and] daeda on sefan symle [and] soþ fremed bið him geofona gehwile gode geuced meahum spedig.¹ þonne he mán flyhd yrre ne laet þe aefre gewealdan heah in hreþre heoro-worda grund wylme bismitan ac him warnað þaet on geheortum hyge haele sceal wisfaest [and] gemetlice modes snottor gleaw in gehygdum georn wisdomes swa he wið aelda maeg aedes hleotan. ne beo þu no taelende ne to tweo-spraece ne þe on mode laet men to fracofe ac beo leofwende leoht on gehygdum ber breostcofan swa þu min bearn gemyne frode faeder lare [and] þec a wið firenum geheald).*

Когда Мономах говорит: «Добре же творяще, не мозите ся ленити ни на что же доброе»... он словно повторяет несколько раз подчеркнутую в англо-саксонском памятнике мысль: «Упражняйся в добре усердно так долго, как ты будешь жить» (v. 7). Англо-саксонский совет зорко приглядываться к своим советникам (v. 24—25) находит себе аналогию в наставлении Мономаха: «не зрите на воеводы»; тут «*Fæder Larcwidas*» формулирует демократическую мысль, что добрым советником может быть всякий, без различия своего звания и состояния (v. 25—26: *laga gaed-hycgende su umþ rice swa hit maege*), которая высказана и у Мономаха в соседних строках в форме совета о гостеприимстве. В высшей степени замечательно, что в «Поучении» Мономаха, впервые в русской литературе, в отличие от аскетических византийских поучений, защищается ценность звания вообще («Его же умеючи, того не забывайте, а его же не умеючи, тому ся учите...»). Где как не в школьном пособии уместнее всего было поместить такую мысль? Тут же говорится о лени и высказан знаменитый педагогический афоризм: «леность бо всему мати». В основание всей деятельности человека Мономах ставит благочестие и труд: именно таков же идеал, выдвигаемый англо-саксонским произведением.

Итак, между обоими памятниками много общего. Конечно, сходятся общие места, которые можно встретить и в бесчисленных других произведениях христианской литературы, но важно то, что обоим произведениям придана сходная форма. Я не берусь доказать, что в основе этого сходства лежит непосредственное заимствование; для такого заключения у нас слишком мало данных. Возможно говорить, наконец, о существовании общего

¹ В этом стихе (82), как и в последующих (85.93), я принимаю для перевода разъяснение и поправки James W. Bright. *Notes on Faeder Larcwidas «Modern Language Notes»* vol. X, 1895, p. 136—137.

для них источника; это «Притчи» Соломоновы. «Fäder Larcwidas» в связь с «Притчами» поставил Тен-Бринк (см. выше); к аналогичному выводу для древне-русского памятника пришел Шляков; он полагает, что «Поучение» написано «под сильным влиянием богослужения первой недели поста; не без влияния и тех «книг княжих», из которых избирал составитель Святославова Изборника 1076 г., а может быть и самого сборника. Идею же написать поучение дали особенно паремии из Притчей Соломона и бывшие в обычае послания духовенства к князьям по поводу поста».¹ И существование этого общего для англо-саксонского и древне-русского произведений источника не только не колеблет, но лишний раз подтверждает мои предположения: если из «Притч» Соломоновых, в двух отдельных случаях, на разных концах средневекового мира могли получиться два произведения, сходные по форме и может быть по своему назначению, это значит, что между ними могли быть и устные посредники, возбуждившие мысль к созданию сходных произведений. Устраняется ли этим соображением возможная зависимость «Поучения» Мономаха от византийских и славянских источников? Нисколько. Нет никакого сомнения, что Мономах был достаточно начитан в византийской и славянской литературе: в «Поучении» его открыты несомненные (в других случаях — предполагаемые) следы Пролога, Шестоднева, Беседы Василия Великого, слова Григория Богослова, слова Афанасия Синаита, учительного Евангелия епископа болгарского Константина и т. д. Эти данные обязывают. Не следует ли, однако, прибавить к ним указание на возможность его знакомства с англо-саксонским памятником, пусть даже в устном пересказе?

Дело идет, наконец, не столько о заимствовании, сколько об аналогии, которая, как бы мы к ней ни отнеслись, во всяком случае подчеркнет культурную близость столь казалось бы далеких друг от друга земель, как Англия и Русь в XI в. Расчистить первые тропинки для дальнейшего сравнительного изучения этих стран в культурно-историческом и литературном отношениях и является прежде всего целью настоящей работы.

¹ Н. В. Шляков. О Поучении Владимира Мономаха, стр. 110; ранее, говоря о поучениях Святославова Изборника, Шляков замечает: «эти послания несомненно были известны Мономаху и должны были отразиться в его „Поучении“... но толчок к появлению как их самих, так и „Поучения“ Мономаха дала несомненно „Книга Притчей Соломоновых“» (стр. 90—91).

Д. В. АЙНАЛОВ

Замечания к тексту Слова о полку Игореве

1. Птиць подобию

«Следование русского войска в половецкие степи сопровождается у автора Слова грозными предзнаменованиями и предчувствиями: «Игорь к Дону вои ведет. Оуже бо бѣды его пасеть птиць подобию, вльци грозу въсрожать по яругамъ, орли клетком на кости звѣри зовут, лисици брешуть на чръленыя щиты. О руская земле, оуже за шеломянем еси». Вслед за этим местом описывается первая битва с половцами.

Фраза: «оуже бо бѣды его пасеть птиць подобию», несомненно испорченная, вызвала различные поправки, перечисленные В. Н. Перетцем. Наиболее вероятной поправкой считается та, которая слова «птиць подобию» заменяет словами «птиць по дубию». Едва ли, однако, эта поправка верна, так как есть данные не принимать ее. Прежде всего слова «по дубию» предполагают существование леса, между тем как дело происходит среди обширных половецких степей. «Мъгла поля покрыла... русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша». Эти слова читаются непосредственно за поправкой, изменяющей «птиць подобию» в «птиць по дубию». Половецкие степи говорят о просторе и безлесьи, а птицы на дубах, или вообще на деревьях, нарушают этот пейзаж. Во-вторых, если даже и допустить такую поправку, то все же остаются еще другие неправильности в построении фразы: «Оуже бо бѣды его пасеть птиць по дубию». Слово «бѣды» не согласуется со словом «пасеть» и вся фраза не имеет надлежащего смысла и не может быть легко понята. Вся соблазнительность поправки состоит в том, что она, не нарушая существенно данных текста, изменяет только одну букву и из «подобию» делает «по дубию». Между тем уже Тихонравов и Владимиров сближали это место с соответствующим местом из Сказания о Дмитрие Ивановиче Донском, которое читается так: «А оуже бо бѣды ихъ (т. е. татар) пасоша птици крылаты подь облакъ летятъ». Владимиров восстановил текст так: «оуже бо бѣды его пасуть птиць под

облакь».¹ Мне кажется, что это наиболее верная поправка, но она требует уточнения и более ясного доказательства. Дело в том, что эта фраза в Сказании о Димитрии Ивановиче является более ясной, понятной и правильной грамматически, чем та же фраза в Слове о п. И., так что могла быть заимствована из более правильного и менее испорченного текста Слова о п. И. Прежде всего обращает на себя внимание выражение: «птицы крылаты подъ облак», в Сказании о Д. И., которым отвечают только «птиць подобю» в Слове о п. И. Порча этих слов ясно выступает из того, что текст Сказания о Д. И. хорошо отвечает изречению Соломона в Пчеле Синодальной библиотеки № 579: «иже ся утверждает лжею, тотъ пасеть вѣтры и птицѣ крылатая».² Слова этого изречения: «пасет птицѣ крылатая» буквально повторяются в Сказании о Д. И., где приведенная фраза читается так (по рукоп. Ундольского XVII в.): «А оуже бѣды их пасоша птицѣ крылатыя под облак летят».³ С другой стороны, слова: «птиць подобю» так близко отвечают словам Сказания «птиць... под облак», что порча в слове «подобю» вместо «под облак» выступает сама собой. Что автор Сказания о Д. И. пользовался каким-то более исправным текстом Слова о п. И., а не Пчелой или Библией доказывается тем, что нигде более не встречается слов «подъ облак», ни в Пчеле, ни в Библии. Как сообщил мне М. Н. Сперанский, которому приношу искреннюю благодарность, изречение Пчелы читается в Библии, в Притчах Соломона IX, стих 12 так: «Иже оутверждается на лжах, сей пасеть вѣтры, той же поженетъ птицы крылатыя»: «Ὁς ἐρείδεται ἐπὶ ψεύδειν οὗτος πομαίνει ἀνέμους, ὁ δ' αὐτὸς διώξεται ὄρνεα πτερωτά».

В древне-русской Пчеле по пергаменному списку⁴ это место выражено также без слова «облакъ» или «облакь»: «Иже ся утверждает лъжею, тотъ пасеть вѣтры и птицѣ крылатыя». Слова «подъ облакы», или «облакъ» не только не нарушают степного пейзажа в Слове о п. И., но, наоборот, поясняют его, так как птицы являются под облаками, в небе, а не на деревьях. Что слова «под облакъ», или «облакы» восходят к Слову о п. И., а не к Пчеле или Библии, доказывает присутствие их в древнейшем списке Кирилло-Белозерского монастыря XV в. (1479) Задонщины, текст которого сравнительно менее исправен, чем список по рукописи Ундольского. Здесь читается: «пгицы небесныя пасущесе то' под синие оболока». Первый изда-

¹ Так восстановил и Шамбинаго. Мамаево побоище, стр. 123.

² Буслаев. Христоматия, 550.

³ Буслаев. Христоматия, 315.

⁴ В. Семенов. Древне-русская Пчела по пергаменному списку, Сб. ОРЯС, СПб. 1913, стр. 281.

тель текста, арх. Варлаам, слово «то» читал как «тогда», что мне кажется очень вероятным. Несомненно, что эта фраза есть переделка приведенной фразы Слова о п. И.,¹ так как слова «под синие оболока» ясно указывают на изменение оригинала, повидимому, под влиянием поэзии Слова о п. И., в котором встречается выражение «синии молнии». Возможно, конечно, что у автора XV в. текст Слова о п. И. был испорчен, но возможно, что мы имеем дело с переделкой текста Слова.² Повторение слов «под... оболока» во всяком случае служит доказательством того, что в тексте Слова о п. И. эти слова были и превратились под пером переписчиков Мусина-Пушкина в слово «подобию», переделанное комментаторами в слова «по дубию». Автор Сказания о Д. И., Софония не только свободно пользовался данными Слова о п. И., но часто почти дословно брал текст Слова и приспособлял его для целей прославления Куликовской битвы. Буслаев даже находил, что Задонщина рабски подражает Слову о п. И. В данном случае построение фразы в Сказании о Д. И. ясно показывает, что автор списал текст Слова правильно, но не совсем ясно понял его, так как считал, что в Слове о п. И. говорится о двух вещах: по его понятию, «бѣды насли татар», вследствие чего «птицы крылатые летят под облака», чтобы питаться трунами убитых, вследствие чего настоящий смысл фразы раздвоился. Что могло заставить автора Задонщины Софонию так близко удержать текст Слова о п. И? Мне кажется, что фраза: «птицы крылаты под облак летят» у Софонии соединяет в себе обычное понимание полета птиц над войсками с понятием о «бѣдѣ», которая собирается над головой неприятеля: «Мертвоядци птицѣ... естество бо их на зловонная и на тлѣнная влечется... аще же узрят напасть прелетаютъ на нь и наклоннымъ носомъ клюють, вывлечуще тайны его».³ Так же точно полет птиц под облаками является обычным представлением, удержанным в данном случае.

Таким образом, можно думать, что испорченное место Слова о п. И., дошедшего до нас в редакции Мусин-Пушкинской рукописи, восходит к изречению Соломона. Это место по хорошей рукописи было верно списано Софонией, автором Задонщины, но изменено прибавкой слова «летят». В виду присутствия в тексте Задонщины определения птиц «крылатая», которого нет в тексте Слова, можно с уверенностью думать, что это определение в тексте Слова о полку Игоре́ве было употреблено, но исчезло в экзем-

¹ П. Симои. Памятники старинного русского языка и словесности, вып. III, Задонщины по спискам XV—XVIII столетий, стр. 27.

² В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревѣ, стр. 38.

³ Буслаев. Хрестоматия, 553, из Пчелы XIV в.

пляре Мусина-Пушкина или пропущено переписчиками. Автор Слова, несомненно, знал изречение Соломона и использовал его скорее всего по Пчеле, а не по Библии или Паремейнику, так как в обоих этих памятниках птицы имеют эпитет «парящая», в то время, как в Сказании о Д. И. птицы являются «крылатыми», как в Пчеле.¹ В Залоничине 1479 года птицы имеют эпитет «небесныя», что указывает на значительное отступление от оригинала Слова о п. И. Сказание о Д. И. по списку Ундольского является решающим памятником для указанного места:

Слово о п. И.

1) Оуже бо бѣды его пасеть птицъ подобю.

Сказание о Д. И.

2) Оуже бо бѣды их пасоша птицы (крылаты) под облак.

Зависимость текста Сказания о Д. И. от исправного текста Слова о полку Игореве при таком сопоставлении очевидна.

2. Стружие

Фраза автора Слова, употребленная им для описания того, как Все-слав Полоцкий завладел киевским столом, заслуживает особого внимания. Она читается так: «Тъй (т. е. Всеслав) клюками подпръся о кони и скочи къ граду Къеву и дотчеся стружиемъ злата стола Кіевскаго». Выражение: «дотчеся стружием злата стола» обыкновенно понимается в смысле завладения киевским столом посредством копья, так как «стружие» принимается за копье, наподобие того, как встречается в Библии: «тъя же градъ Исусъ Навгинъ добы копіемъ».² Можно было бы, пожалуй, найти аналогию такому пониманию в более близком памятнике. В Новгородской 4-й летописи под 1175 годом описан обычный в феодальную эпоху способ овладения княжеским столом: «Но всемилостивый бог и пречистая его мати не забы Михайла и Всеволода, доидоста стола дѣдня и отня креста господня заступлениемъ, родителей своих молитвами, своим золотым копьем и острымъ

¹ По сообщению М. Н. Сперанского, в юго-славянском Паремейнике (перевод весьма древний) читается: «Иже оутверждается на лжах съ оупасеть вѣтры, ть же исть поженет птица парящая». Так же и в русско-слав. Библии. В пергаменной Пчеле: «Иже ся оутверждаетъ лжею, тот пасеть вѣтры и птицѣ крылатыя». В. Семенов. Древне-русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893., Сб. ОРЯС, стр. 181. В Кирилло-Белозерском списке 1479 года читается: «птици небесныя пасушеса то' под синие оболока». П. Симони, о. с., стр. 27. Дальнейший текст также переделан, хотя выражения «водци грозно воють, лисици часто брешють» указывают на близкую зависимость от Слова о п. И.

² В. Н. Перетц. Слово о п. И., стр. 292.

мечем. И сѣде Михалко на столѣ въ Володимери» и проч. (под 6683 г.). Однако такое понимание приведенных слов о стружии неприемлемо, так как Всеслав Полоцкий не завоевывал Киева и не овладевал им. В летописи рассказывается, как Всеслав взял Новгород, а Ярославичи Изяслав, Святослав и Всеволод пошли на него войной; как Всеслав выступил против них на реке Немиге, был разбит в жестокой битве и бежал. Ярославичи стали звать его к себе, целовали крест, обещая ему безопасность, но когда Всеслав поверил и прибыл к Изяславу, то был приведен в Киев и посажен в поруб с двумя своими сыновьями. Затем после нашествия половцев, когда Изяслав был разбит и возвратился в Киев, киевляне собрали вече, обратились к Изяславу с резким требованием дать оружие, коней и людей, чтобы еще раз сразиться с половцами, Изяслав отказал, произошел бунт, Всеслава высадили из поруба, а Изяслав убежал в ляхи. Летописные версии, рассказывающие об этом освобождении Всеслава из поруба, различаются друг от друга только одним, но очень показательным выражением. В Лаврентьевской и Радзивилловской летописях сказано: «высѣкоша Всеслава изъ поруба в 15 день Семтября и прославиша и средѣ двора княжа и дворѣ княжѣ разграбиша». В Ипатьевском и Хлебниковском списках вместо слова «прославиша» сказано «поставиша». Акад. А. А. Шахматов в своей реконструкции Повести временных лет удержал выражение «прославиша».¹ Оба выражения, однако, заслуживают полного внимания, так как в Слове о п. И. об этом эпизоде не упоминается. Таким образом, Всеслав Полоцкий не брал города Киева копьем, а посажен был в поруб пленником и очутился на киевском столе благодаря бунту киевлян, освободивших его из поруба и на вече избравших его князем. Он занимал киевский стол всего 7 месяцев: «Всеславъ сѣде въ Киевѣ мѣсяць 7». Он был изгнан из Киева Изяславом с поляками, пришедшими с Болеславом польским. Всеслав не мог стать против них и бежал из Бѣлгорода в Полоцк. Так как Киевский стол достался Всеславу ни посредством войны, ни копьем, то выражение «дотчеся стружием злата стола» — означает что-то другое. Очевидно, если у автора Слова не было другого основания, кроме исторического, например, какой-нибудь легенды или песни, в которой Всеслав добывал Киевский стол посредством войны и взял город копьем, то выражению «дотчеся злата стола стружием» нельзя придавать военное значение. Обычно объясняют слово «дотчеся», как дотронулся, коснулся, достиг. Тихонравов производил его от «дотокнятися», и это наиболее верное словопроизводство еще не дает основания считать слова «дотчеся стружием злата стола» военными терми-

¹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Петроград, 1916, стр. 217.

нами: они не имеют в себе смысла завоевания киевского стола копьем, а лишь представляют собою своего рода фигуральное выражение, тропу, или образное выражение, для обозначения того, что Всеслав стал киевским князем. В летописи ясно указывается, что он был поставлен или прославлен среди великокняжеского двора. Оба эти выражения не могут иметь другого смысла, кроме поставления на великокняжеский стол или прославления Всеслава великим киевским князем. И сами по себе они очень поучительны, так как нам совершенно неизвестен обряд поставления на княжеский стол. По летописным версиям Всеслава «поставиша» или «прославиша среди двора великого князя», из чего следует, что избрание его вечем совершилось внутри княжеского двора, так как слова княжий двор надо понимать в смысле княжеского терема, служб, его окружающих, и места, на котором сооружены эти здания. Выражение летописи — «и двор княж разграбиша, беницльное множество злата и сребра и кунами и скорою» — показывает, что под словом двор в данном случае подразумевается весь комплекс зданий и всего места, так как на этом пространстве происходило вече. Тогда, что собственно означает «дотчеса стружием злата стола» в Слове о п. И? Если принять в соображение, что злат стол мог находиться только внутри великокняжеского терема, то буквальное понимание этого выражения приводит нас внутрь терема, где Всеслав и мог коснуться его стружием. Несмотря на загадочность этого выражения «дотчеса стружием», оно все же казалось мне простым и понятным, если принять в соображение данные археологического порядка. На русских великокняжеских золотых и серебряных монетах Владимира, Ярослава с надписью: «Владимир (или Ярослав или Свягополк) на столѣ, а се его злато» (или серебро) изображается сам великий киевский князь, сидящий на троне, т. е. на кресле с подушкой, который в надписи и называется столом. Но ни в надписях, ни в других письменных источниках нет точного обозначения того длинного жезла с крестом поверх него, который держит великий князь у правого плеча опущенным к подножию трона своим нижним концом. Несмотря на то, что первые русские монеты чеканились по образцу византийских, едва ли допустимо, чтобы эта регалия, даваемая в руку киевского князя, была простым подражанием, зависящим только от монетного образца, и не имела значения в русском быту. Предмет с крестом, который князь держит, то опирая его о правое плечо, то держа его рядом с собою и упирая концом в подножие трона, или в одном случае на подставку со ступеньками, И. И. Толстой называет крестом, но по существу это есть длинный жезл с небольшим крестом на верхнем конце, вроде так называемого византийского процессиального креста,

или вроде посоха Иоанна Крестителя с крестом сверху и т. п. Изображение этого предмета на монетах дает основание думать, что он служил княжеской, или, быть может, великокняжеской регалией, так как в некоторых случаях этот предмет в литературных наших источниках называется скипетром. Прямой намек на него, как на скипетр, находится в службах Борису и Глебу, сыновьям великого князя Владимира. Как мученики, они изображаются в красных одеждах с небольшими мученическими крестами, которые они держат у правого плеча. В службах Борису и Глебу эти кресты упоминаются в следующих выражениях: в службе Иоанна XI—XII в.: «Кръвь свою акы прапруду носяща истъканоу и крестъ славно въ скипетра мѣсто приста въ десную руку носяща съ Христомъ царствовати сподобистася Борисе и Глѣбе, война Христова непобѣдимая»,¹ или: «Кровью своею прапруду носяща, преславная, и крест в скипетра мѣсто в десную руку ныня имуща, с Христом содарствовати сподобишася», или еще: «Кровь свою акы прапруду исткану носяща преславная и крестъ в скипетра мѣсто приста, въ десную руку нынѣ имуща»² и т. п. Смысл всех этих текстов состоит в том, что Борис и Глеб, как сыновья великого князя, при жизни могли претендовать на княжеский скипетр, взамен которого теперь держат кресты у правого плеча, знак мученической смерти. Так как Владимир, Ярослав и другие великие князья держат древко с крестом на правом плече и этому древку, как скипетру, уподобляются мученические кресты Бориса и Глеба, то можно с уверенностью сказать, что древко с крестом на монетах представляло собою для современников скипетр, т. е. знак великокняжеского достоинства, тем более, что греческое слово «σκήπτρον» означает жезл. Только в Слове о п. И. и нигде более «стружие» означает жезл, которым коснулся золотого трона Всеслав. Эта фраза буквально отвечает изображениям великого князя на русских монетах, а самое деяние — «дотчеся стружием злата стола Киевскаго» означает, что он овладел этой регалией, оперся ею о княжеское сидение и сел на великокняжеском столе, имея ее в руке как знак избрания его великим киевским князем. В других случаях, указанных Срезневским и В. Н. Перетцем, стружие означает или древко для копья, или самое копьё. Неизвестно, что разумел под стружием Даниил Паломник, когда сравнивал высоту голгофской скалы с длиной стружия. В виду того, что он писал свое паломничество для русских князей, а также потому, что

¹ Миния служебная Типографской библ. № 121. Издана С. Бугославским в Отчете о занятиях в библ. Москвы, СПб. . . Киев, 1913 стр. 28.

² Ср. Абрамович. Жития свв. муч. Бориса и Глеба и службы им. П. 1916. Другие тексты см. в Материалах для словаря русск. языка И. Срезневского, т. III, под термином «скипетръ».

Голгофа представляла собою «горку малу» (*monticulus*), можно думать, что он имел в виду княжеское стружие как регалию, сравнение с которой могло дать князьям совершенно ясное понятие о высоте голгофской скалы.¹

3. Струги ростре на кусту

Одно из крайне темных мест текста Слова о п. И. есть противопоставление реки Донца реке Стугне. Донец принял ласково Игоря во время его бегства, постилал ему зеленую траву на серебряных берегах, одевал его теплыми мглами, стерег гоголем на воде, чайцами на струях. Не так поступила река Стугна: «Не тако ли рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы ростре на кусту, оуношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ».

Я не имею в виду объяснить все это темное место, а обращаю пока внимание на слова: «и стругы ростре на кусту», подвергшиеся разным объяснениям. Тихонравов полагал, что слова «стругы ростре на кусту» означают, что Стугна к устью (растертая) расширенная затворила Днепр молодому князю. Слово «стругы» он объяснял как «волны», сближая это слово с текстами: «возьмут рѣки стругы своя» и «стругы бо стезя нарече». Слово «кусту» он понимал как устье Стугны. Срезневский в своих Материалах высказал намерение понимать дело так, что Стугна «затерла стругы (т. е. лодки) по кустам», так как слову «ростре» придавал смысл «затереть». Однако ни то, ни другое объяснение не удовлетворило многих и обычное ходячее понимание этого места сводится к тому, что «стругы» понимаются как «струи» или «волны», а под словами «к усту» почти все единогласно понимают «кусты».

Принимая во внимание, что «струг» означает также лодку, ладью, можно усомниться в том, что слово «стругы» означает «струи» или волны. Во-первых, потому, что в Слове о п. И. струи речные упоминаются не один, а три раза, причем сама река Стугна, о которой идет речь, описывается, как «худу струю имѣя». Или же струи являются серебряными: «Уже бо Сула не течеть серебряными струями ко граду Переяславлю», или еще: «Донец... стрежаше (Игоря) чайцами на струях». Во всех этих случаях переписчики оригинала Слова читали: «струю, струях, струями», и едва ли могли ошибочно прочесть это слово еще один раз и написать «стругы», чтобы подать повод к недоразумениям, и это тем более, что слово стругы прихо-

¹ Лонгинов хотел видеть в слове «стружие» тот «поруб», в который был посажен Все-слав. Этим порубом он, будто бы, достиг злата стола Киевского. В виду всего сказанного такое объяснение совершенно неприемлемо. См. Лонгинов. Слово о п. Игоре, стр. 115, прим. 25.

дится почти буквально двумя строчками ниже слов: «худу струю имѣя». Козловский для более палеографического понимания этого места соединил слова «и стругы» в одно слово «истругы», как встречается в разных рукописях, «испросу» вм. «спросу», «изря» вм. зря, в говорах и т. п. и прибавил: «иструга» равняется простому «струга», струя, волна. Такое насильственное обращение с текстом требует нового пересмотра вопроса, тем более, что слово «стругы», в значении «ладья», представляло для моего комментария предмет материальной культуры, наряду с насадом и кораблем, упоминаемым в Слове о п. И. К тому же и слову «ростре» посчастливилось не больше, чем слову «стругы», а было изменено в «простре» для получения какого-нибудь смысла при понимании слова «стругы» как струи. Козловский так исправил текст: «Стугна река (сама), имѣя мало воды (но) поглотив чужие ручьи, простерла свои волны по (прибрежному) кустарнику, и (таким образом) затворила Днѣпр (—заградила доступ к Днѣпру) юному князю Ростиславу». Вместо «ростре» Козловский вслед за В. Ф. Миллером читал «простре», предположив лигатуру из трех букв, которую неопытный чтец прочел как лигатуру из двух букв и прочел вместо простре — ростре. Но такое чтение еще более усложняет дело новым предположением. Притом летописный рассказ об этом событии прямо требует удержания обычного смысла слова «стругы» в значении ладьи. Русское войско, потерпевшее поражение от половцев, бежало и направилось в брод через реку Стугну «бѣ бо наводнилася вельми тогда». Владимир Мономах с юным Ростиславом «прибѣгоша к рѣцѣ Стугнѣ и вбрѣде Володимер с Ростиславом. Нача утопат Ростислав перед очима Володимирима, и хотѣ похватити брата своего и мало не утопе сам, и утопе Ростислав, сын Всеволожь. Владимир перебрѣд рѣку с малою дружиною . . . и перешед на ту сторону Днѣпра, плакася по братѣ своем». Хотя в Печерском Патерике и говорится, что «Владимир прееха рѣку молитвы ради святых и благословения», а Ростислав утопе со всѣми своими вои» . . . , но летописный рассказ более достоверен, так как если бы войско и князья имели в своем распоряжении лодки для переправы, то спаслись бы, но, очевидно, Ростислав утонул, идя в брод. В Слове о п. И. прямо сказано, что Стугна что-то сделала со «стругами» и тем затворила юному князю Днепр. Очевидно, что в словах «стругы ростре на кусту» заключается объяснение того, что сделала Стугна со стругами, или ладьями, лишив князей и войско перевозочных средств и заставив их итти в брод. Срезневский понял дело так, что Стугна растерла струги или ладьи по кустам, т. е., повидимому, побросала их в кусты, но он не мог нигде больше указать никакой параллели к слову «ростре» и производил его от «рострети»,

«ростру». Такое понимание дела все же сохраняет за словом струги обычный смысл ладьи и идет навстречу летописному тексту, в котором войско спасается в брод за неимением лодок, разбросанных по кустам. Мне кажется, однако, что можно еще ближе подойти к правильному пониманию этого места, если принять в соображение, что слова «на кусту» двоятся в своем значении. Уже Тихонравов понимал дело так, что Стугна наводнившись расширилась к устью, и, повидимому, он был прав, когда слово «кусту» понимал как «расширилась к устью». Немногого недостает, чтобы сделать более ясным всю фразу. Приняв в соображение, что буквы Н и П чрезвычайно близки по своему написанию в палеографии XVI века, можно предположить, что чтецы рукописи Слова ошиблись только в правильном чтении одной буквы и фраза «струги ростре на кусту» может быть прочтена более легко как «струги рострепа к усту» (т. е. к устью). Таким образом Стугна, пожравши чужие ручьи, т. е. наводнившись, растрепала ладьи к устью и лишила русское войско возможности иметь средства для перевозки, вследствие чего оно бежало в брод. Такое чтение темной фразы лишено, во-первых, сложных предположений, насилующих текст, а во-вторых, устанавливает внутреннюю логическую связь между Словом и летописью, поясняя почему князь и войско шли в брод. Конечно, надо сказать, что такое чтение этой темной фразы пока еще должно считаться в достаточной мере проблематичным, во-первых, потому, что до сих пор в литературных памятниках не встречено слово «растрепати», но оно так просто и так родственно другим, нигде еще не встреченным, кроме Слова, глаголам «притрепати» или «потрепати», что становится в один ряд глаголов, встречаемых только пока в Слове о п. И.

Я сказал, что не могу объяснить всего эпизода, но должен указать, что слова, заканчивающие собою описание всего события, именно: «затвори Днѣпръ темнѣ березѣ» не могут быть, повидимому, разделены на две части, и что Пушкинская и Екатерининская копии верно соединяют слова «затвори Днѣпръ» со словами «темнѣ березѣ». Дело в том, что тело князя Ростислава было найдено в Стугне и привезено в Киев, где и было оплакано матерью его, как сказано в летописи: «Ростислава же искавше и обрѣтоша и в рѣцѣ и взявше и принесоша и Къеву. И плакася по нѣмъ мати его і вси людие». . . Таким образом, картина оплакивания матерью сына у темного берега представляет в Слове противоречие с летописным рассказом. Этого противоречия не было бы в том случае, если бы тело Ростислава было доставлено в Киев Днепром. Здесь, на берегу у Днепра могла встретить тело сына мать и оплакать его.

4. Того внуку

Начиная описание похода Игоря против половцев, автор Слова, обращаясь мысленно к Бояну, восклицает: «О Бояне, соловію старого времени, абы ты сіа плъкы ущекотал, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подь облакы, свивая, славію, оба полы сего времени, рища в тропу Трояню чресъ поля на горы, пѣти было пѣснь Игореву того внуку. . .»

Прямой смысл приведенного текста требует разделения его на две части. Первая содержит как бы вопрос, вторая пояснение вопроса. «О Боян, — спрашивает автор, — ты соловей старого времени, если бы ты воспел этот поход, скача по мысленному древу, летая умом под облаками, свивая вместе обе стороны этого времени», и, затем, поясняет: «то надо было бы рыскать в тропе Трояновой через поля на горы, чтобы воспеть песнь Игорю». . . Мне кажется, поэтому, более верной та пунктуация этого текста, которая ставит точку между обеими частями, хотя более подходящим было бы поставить знак вопроса или восклицания: Этот текст вызывал всегда недоумение у комментаторов. Непонятным казалось выражение «пѣти было пѣснь Игореву, того внуку». По словам Карамзина и Калайдовича,¹ первый издатель Слова, по его собственному заявлению, вставил для большей ясности речи слово «Олга» после слов «того внуку». Мусин-Пушкин несомненно должен был недоумевать на счет того, кого разуметь под словами «того внуку», и так как Игорь, действительно, приходился внуком Олегу Гориславичу, то он и вставил имя этого князя в тексте, как глоссу. Однако эта глосса не оправдывается контекстом, так как ни выше, ни ниже имя Олега не упоминается, и местоимение «того» остается без точного значения. Кроме того, совершенно неясно, почему Бояну надо было рыскать в тропе Трояновой через поля на горы, чтобы воспеть песнь Игорю, иначе говоря, встает вопрос, какое отношение имеет песнь об Игоре к Трояновой тропе, что мог встретить на ней Боян пригодное и необходимое для этой песни. Эти две особенности приведенного текста требуют пояснений. Формула с местоимением «того», «той», «тый» и проч. очень употребительна в Слове. Так имеем: «Той бо Олег крамолу коваше»; «того старого Владимира нелзѣ бѣ пригвоздити к горам кievским»; «стоя Каялы»; «тыи мечи харалужные» и т. п. Выражение «того внуку» отличается от приведенных тем, что в них вслед за местоимением «того», «той», «тыя», «тыи» следует определяемый предмет или имя, а за словами «того внуку» не следует никакого имени.

¹ Н. Тихонравов. Слово о полку Игореве. Москва, 1868; стр. 2, прим. 7; Сын Отечества. 1839 г., т. VIII, смесь, стр. 20.

Есть, однако, случаи, когда местоимение «той» относится к имени, названному ранее: «Връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу, тѣй клюками подпрѣся оконися и скочи к граду Къеву». В этой фразе местоимение «той» относится к имени Всеслава, названному немного раньше. Таким образом, объяснение слов «того внуку» надо искать в каком-нибудь имени, обозначенном раньше их или после. Но после этих слов нет никакого имени, могущего их пояснить, зато раньше имеем очень выразительную фразу: «рища в тропу Трояню чрес поля на горы пѣти было пѣснь Игореву того внуку». Спрашивается внуку кого? По аналогии с предыдущим примером ответ ясен: «внуку Трояна». Смысл всей фразы должен быть такой: Боян, рища въ тропу Трояна, был бы в состоянии петь песню внуку Трояна, Игорю. Такое понимание слов «того внуку» бросает свет на отношение тропы Трояновой к песне об Игоре и вообще на отношение Игоря к Трояну, упомянутому не без цели автором Слова. Что Игорь в таком случае является внуком Трояна, нет ничего удивительного. Автор Слова называет Бояна внуком Велеса, крестьяне и люди два раза являются внуками Дажьбога, ветры — внуки Стрибога, а рядом половцы называются «дѣти бѣсови». Что Троян является в данном случае как лицо мифическое, давно уже выяснено. Он упоминается в древнем списке (около 1200 г.) хождения богородицы по мукам и в «Слове и откровении св. апостол» наряду с языческими русскими богами Перуном, Хорсом, Велесом и Дьем.¹ Смысл всей фразы таков, что Игорь является героем Трояновой тропы (via Trajani, ὁδὸς Τροϊανῶν),² только на этой тропе можно найти данные для песни в его честь. Таким образом, прибавляется еще один внук языческого бога — Игорь, внук Трояна. Во времена автора Слова таких внуков было много, на что ясно намекает одно интересное место из поучения XIII века (Слово о Пасхе), на которое в свое время обратил внимание акад. Буслаев и которое осталось неиспользованным критикой Слова о п. И. Название бога прадедом и дедом в этом «Слове о Пасхе», говорит он, может быть не бесполезно для объяснения форм: «Стрибожи внуци», «Дажь божи внуци» в Слове о п. Игоре.³ Указанный текст Слова о Пасхе очень поучителен: «а язъ твой бог, а язъ твой царь, а язъ твой дѣдъ, а язъ твой отецъ; чему яя человеце не умѣеши чтити, ни боишия мене. Аще яя имѣеши бога себе, то чему ми не служиши... аще яя твориши пра-

¹ А. Котляревский. «Троян». Древности. Труды М. Арх. общ., т. I, 1865—1867. стр. 13; И. И. Срезневский. Изв. 2-го отд. Акад. Наук, т. 10, стр. 553.

² Ф. И. Успенский. Изв. Арх. Съезда, 1893, стр. 2; В. Перетц. Слово о полку Игоревѣ, стр. 148.

³ Буслаев. Сочинения. II, 125.

дѣдом или дѣдом себѣ, то чему мя не чтеши, якоже добрии унци прадѣды и дѣды чтятъ».¹ Из этого текста видно, что автор слова о Пасхе имеет в виду богов, считаемых за дедов и прадедов, так как это вытекает из слов: «аще мя (т. е. бога) твориши прадѣдом или дѣдом себѣ». Проповедник старается заменить языческие понятия христианскими, и, таким образом, веру в языческого бога, признаваемого за «дѣда и прадѣда», заменить верой в христианского бога деда и прадеда и почитание первых применить ко второму. Такое почитание языческих богов за дедов и прадедов видно и в Слове о полку Игореве, где эта языческая традиция еще живет в языке автора, как давняя реминисценция. Так как Игорь является вождем в описываемом автором Слове походе, то тропа Трояна представляет собою тропу военных предприятий и битв, с которыми связано имя Игоря. А этих военных подвигов у Игоря было достаточно. Еще в 1174 году, на Петров день, Игорь «совокупив полки свои и ѣха в поле за Вороскол и срѣте половцѣ, иже ту ловят языка». Изловивши их, он узнал, что Кобяк и Кончак пошли к Переяславлю. Он идет против них, встречает, разбивает, отнимает пленных. В 1174 году участвует в междоусобиях против Мстислава, затем в союзе с половцами Боняком и Кончаком борется за Святослава, который в 1183 году, отправившись против половцев, оставляет Игоря с полками. Киевские полки Игорь отправил обратно в Киев, а сам с братом Всеволодом и другими пошел против половцев, часть их взял в плен, а другие ушли. Вторично, когда Святослав позвал его против половцев, Игорь дал согласие, но не мог пойти на соединение со Святославом из-за плохих зимних дорог. В 1183 году, узнав, что Святослав отправился против половцев, Игорь призвал к себе брата Всеволода, сыновца Святослава, и сына своего Владимира и говорит дружине: «половцы теперь повернулись против русских князей, а мы ударим на их вежи». За Мерлом он встретил 400 половцев и разбил их. В 1185 году Игорь уже на свой страх отправляется против половцев. Таким образом тропа Трояна, поля, горы были хорошо знакомы Игорю и прославлены им. Святослав киевский недаром сильно опечалился, когда узнал о плене Игоря.

Автор Слова, повидимому, хорошо знакомый с военными предприятиями Игоря на Трояновой тропе, раскрывает смысл их начальными запевами песни Игорю, сочиненными в духе Бояна, и спрашивает, как было бы лучше начать эту песнь: «Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать к Дону великому», или, быть может, так: «Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Къевѣ, трубы трубить въ Новѣградѣ, стоять стязи

¹ Православн. собес., 1858.

в Путивль». . . Первый запев имеет слишком общий характер и может относиться почти ко всякой победе над половцами, убегаящими к Дону. Второй запев имеет такие особенности, которые дают намеки на большую победу над половцами, когда в Киеве звенит слава, в Новгороде (у Игоря) трубят трубы, в Путивле у сына его Владимира развеваются победные стяги. Судя по летописным записям, Игорь брал с собой в походы брата своего Всеволода из Трубчевска, сыновца своего Святослава из Рыльска и сына Владимира из Путивля два раза. В 1183 году поход был очень удачен не только для Святослава, но и для Игоря, а потому слава могла звенеть в Киеве, и торжество шумело в других городах, но в 1185 году поход кончился уничтожением войска Игоря, и потому, в противоположность этому радостному запеву, автор Слова восклицает: «а вѣстона, бо, братіе, Кієвъ туюю, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по руской земли, печаль жирна утече средѣ земли рускыи». Поэтому, можно думать, что оба запева имеют в виду Игоревы походы по полям и горам Трояновой тропы.

Н. Н. ЗАРУБИН

Заря утренняя или вечерняя?

(Из комментария к Слову о полку Игореве)

Описывая выступление Игоря в поход, автор Слова о полку Игореве заканчивает перечисление зловещих предзнаменований перед рассказом о первом столкновении с Половцами следующими словами: «Длго. Ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала, мьгла поля покрыла, щекоть славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы».¹

Никто из исследователей Слова и его переводчиков не сомневался и не сомневается, что приведенный отрывок так или иначе касается ночи. Однако, составные части этого отрывка таковы, что допускают разнообразные, порою прямо противоположные друг другу объяснения, в силу чего общая картина, рисуемая автором Слова в приведенных словах, оказывается недостаточно определенной: там, где одни видят несомненные признаки наступающей ночи, другие усматривают столь же ясные приметы ее окончания, и то, что одни считают зарею вечерней, другие понимают, как зарю утреннюю.

Не ставя себе целью проследить все оттенки в понимании этого места у исследователей Слова и его переводчиков, достаточно отметить лишь главные толкования.

Если оставить на время в стороне заключительную часть отрывка — «Русичи великая поля... Князю славы», на чем придется остановиться ниже, то наименее доступною для объяснения, а потому вызвавшей и наибольшее число толкований, оказалась фраза: «заря свѣтъ запала».

В главных чертах интерпретации этой фразы сводятся к трем следующим видам.

¹ «Ироническая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ переложениемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе». Москва, в Сенатской Типографии, 1800, стр. 10.

А. Картина надвигающейся ночи. Слова «заря свѣтъ запала» изображают потухание вечерней зари. Так, именно, поняли эту фразу первые издатели и перевели: «свѣтъ зари погасаетъ».¹ А. Шишков и Н. Граматин в общем поддерживали такое толкование, причем первый перевел — «заря потухаетъ»,² второй же прозою — «свѣтлая заря пропала»,³ стихами — «свѣтлый свѣтъ зари запалъ».⁴ Аналогичным образом рассматривал эту фразу и Ф. Буслаев, переводя глагол «запала» словом *пропала* и считая существительное «свѣтъ» приложением к слову «заря», подобно выражениям «путь дорога», «род племя» и т. п.⁵ Впоследствии перевод Граматина заслужил одобрение О. Огоновского: «Вже Граматин зрозумів добре сю конструкцію, коли переложив: *свѣтлая заря пропала*»,⁶ пишет он, разбирая взаимоотношения слов «заря» и «свѣтъ» и усматривая во втором, подобно Буслаеву, *attributum* первого: «тая-сама гадка виражена в первій Софійській літописі словами: смерче ся свѣтъ» (ПСРЛ., V, 237, 16).⁷

Поскольку слова «заря свѣтъ запала» связаны с остальным контекстом отрывка, естественно, что то или иное их объяснение должно отражаться и на понимании остальных частей последнего. Относя слово «длго» в значении *далеко* или *давно* к предшествующей разбираемому отрывку фразе, т. е. к словам: «О руская земле! уже за Шеломянемъ еси», первые издатели⁸ и Шишков⁹ фразу «ночь мркнетъ» оставили без перевода. Граматин прозою переложил — «давно ночь темнѣеть»,¹⁰ стихами — «меркнетъ темна ночь».¹¹ Буслаев и Огоновский, первый, следуя в контексте интерпункции первого издания, второй, присоединяя, вслед за Пожарским, «длго» к словам «ночь мркнетъ», оставили фразу, равным образом, без пере-

¹ *Ib.*, стр. 10.

² А. Шишков. Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академіею, ч. I, 1805, стр. 23—234: «Примѣчанія на древнее сочиненіе, называемое Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ, или Слово о полку Игоревомъ», стр. 209; также Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, ч. VII, СПб., 1826, стр. 35—149: «Примѣчанія на древнее о полку Игоревомъ сочиненіе» etc., стр. 130.

³ [Николай Граматин]. «Слово о полку Игоревомъ, историческая поема, писанная въ началѣ XIII вѣка на славенскомъ языкѣ прозою» etc. М., 1823, стр. 39.

⁴ *Ib.*, стр. 68.

⁵ Ф. И. Буслаев. «Историческая Христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ». М., 1861, табл. 603.

⁶ Омелян Огоновский. «Слово о полку Игоревѣ. Поетичный памятникъ руської письменности XII віку». У Львові, 1876, стр. 51.

⁷ *Ib.*, стр. 51.

⁸ *Op. cit.*, стр. 10.

⁹ Сочинения и переводы, изд. Росс. Акад., ч. I, стр. 209.

¹⁰ *Op. cit.*, стр. 39.

¹¹ *Op. cit.*, стр. 68.

вода («меркнетъ» Бусл.¹ «довго ніч меркне» Огон.²). Таким образом, как понимать глагол «меркнутъ» — в значении ли *смеркаться* или *пробывать во мраке*, прямых указаний никто из них не сделал, считая, очевидно, что это ясно и без комментариев. Никаких особых колебаний не было в понимании фразы: «мгла поля покрыва» (первые изд. «мглою поля устилаются»; Шишк. «мгла покрывает долины»; Грам. прозой — «туманъ покрывъ поля», стихами — «мгла густая покрываетъ всѣ поля кругомъ»; Бусл. без перевода; Огон. «имгла поля покрила»),³ равно как и слов «щекоть славій успе» (первые изд. «пѣснь соловьиная умолкаетъ»; Шишк. «пѣвецъ соловей уснулъ»; Грам. прозой — «пѣніе соловьиное заснуло», стихами — «сладкій щекоть соловьиный по кустамъ заснулъ»; Бусл. «[щекоть] соловьиный уснулъ»;⁴ Огон. «щebetанье соловіів уснуло»⁵). В словах «говоръ галичь убуди» — глаг. форму «убуди» Шишков предлагал читать «убуди» и, приравнивая ее значение словам «уменьшаться, оканчиваться, преставать», переводит «говоръ галокъ умолкъ»;⁶ первые же издатели, Граматин, Буслаев и Огоновский придавали ей значение глагола «начаться, пробуждаться» (первые изд. «говоръ галокъ начинается»; Грам. прозой — «крикъ галичей пробудился», стихами — «безумолкный говоръ галичь просыпается»; Бусл. — «галичь» — прилаг. или сущ. вь род. пад. мн. ч., «убуди» — пробудился; Огон. «говір галок розбудив ся»),⁷ хотя в исправлении «убуди» на «убудися» необходимости, как кажется, не ощущали.

Если перечисленные исследователи и переводчики придавали фразе «заря свѣтъ запала» смысл потухания без особой аргументировки, то указанный пробел был, до известной степени, восполнен Е. Барсовым. Ссылаясь на примеры из греческого и латинского языков, он настаивал, что глаг. форму «запала» следует производить от глагола «запасти» (δύωαι, χαταδύωαι, occidere) и считать равнозначущей греческ. ἔδω, латинск. occidit, весьма часто встречающимся в классических языках в применении к солнцу и звездам. Примеры, как увидим ниже, отмеченные еще Д. Дубенским, а также некоторые другие, где «западать» имеет значение «исчезать, скрываться», приводили его к мысли, что фразу

¹ Op. cit., стлб. 603.

² Op. cit., стр. 5.

³ См. те же издания на указанных страницах.

⁴ См. те же издания на указанных страницах.

⁵ Op. cit., стр. 7.

⁶ Op. cit., стр. 107—108 и 209.

⁷ См. те же издания на указанных страницах.

«заря свѣтъ *затала*» следует переводить — «заря скрылась, погасла (*ѣду, occidit*)».¹

Так как ко времени появления в свет исследования Барсова многие крупные ученые, как то будет сказано ниже, уже значительно отступили от первоначального толкования разбираемого отрывка, Барсов счел необходимым особенно остановиться на выяснении картины, какую, как ему казалось, имел намерение дать здесь автор Слова о полку Игореве. «Авторъ», пишет он: «раздѣляетъ ночь на двѣ половины и указываетъ крайніе моменты той и другой. Ночь *смелькающаяся*: она начинается постепеннымъ угасаніемъ свѣта, смельканіемъ, которое продолжается довольно долго. Моментъ, которымъ кончается эта половина — потуханіе зари. Съ угасаніемъ послѣдняго ея луча начинается *глубокая ночь*. Ночь эту авторъ называетъ *млою*, т. е. густымъ непрогляднымъ туманомъ, при которомъ ни зги становится не видно. Моменты — которыми опредѣляется этотъ періодъ — суть слѣдующіе: Съ одной стороны умолканіе соловья. Съ наступленіемъ глубокой ночи онъ перестаетъ пѣть и засыпаетъ. А съ другой — перекликъ галокъ: галки просыпаются еще до утренней зари и своимъ крикомъ даютъ знать, что ночь кончилась и наступаетъ уже раннее утро.

„Долго ночь смелькаетъ,
 „Заря свѣтъ заронила,
 „Туманъ степи покрыль,
 „Уснуло пѣніе соловья;
 „Говоръ галокъ пробудился“.

Такому объясненію вполне отвѣчаютъ дальнѣйшія слова: *на другой день весьма рано*. Очевидно, выше было описаніе ночи, а не раннего утра, какъ думаютъ другіе изслѣдователи.²

В понимании остальных слов отрывка Барсов следовал своим предшественникам и, в частности, согласно Пожарскому, соединял «длго» с последующей фразой «ночь мркнеть»,³ придерживаясь же Вс. Миллера, читал «*убудися*» вместо «убуди».⁴

Б. Второе объяснение исходит из предположения, что автор Слова намеревался дать картину ночи. При таком толковании слова «заря свѣтъ

¹ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси», М., т. III, 1889, стр. 294.

² Е. В. Барсов, *op. cit.*, т. II, М., 1887, стр. 18—19.

³ *Ив.*, стр. 170 и след.

⁴ *Ив.*, стр. 174 и след.

запала» должны скорее всего обозначать отсутствие света, непоявление утренней зари в надлежащее время. Первым, предложившим это объяснение, был Я. Пожарский. Полагая, что автор Слова «не наступленіе ночи и не погашеніе вечерней зари, но необыкновенныя въ природѣ явленія описываетъ, которыя представлялись воображенію объятаго страхомъ войска Игорева»,¹ Пожарский утверждал, что «глаголь западать не можетъ означать здѣсь ни погасать, ни потухать. Въ Бѣлоруссіи крестьяне, вставши очень рано и по довольномъ упражненіи въ работѣ посматриваютъ въ окошко для узнанія, скоро ли день; повторивши такимъ образомъ нѣсколько разъ и не видя зари, говорятъ: зоря *запала*, вмѣсто *домо зоря не являється*; и у насъ обыкновенно говорится: *онъ запалъ* вмѣсто *онъ домо не являється*. Посему слова: *заря свѣтъъ запала* означаютъ *заря свѣтомъ домо не являється*». ² «Итакъ», заканчивает он: «для войска Игорева, объятаго страхомъ при приближеніи къ непріятелю, казалось, что все въ природѣ измѣнилось, то есть и *ночь дома*, и *заря утренняя не являється* и *тѣнь соловья*, *веселаго утренняго пѣвца*, *не слышна*; одинъ только *несносный крикъ галокъ поражає слухъ*». ³

Соображения Пожарского были целиком восприняты Дм. Дубенским. В подтверждение их последний ссылался на такие народные выражения, как напр.: «куды эта дороженка пала» (т. е. легла, проложена); «встала выюга, непогода, запала дорога» (т. е. пропала, легла позади чего-нибудь), а также на примеры из летописей.⁴ Впрочем, все эти разъяснения, повидимому, были не вполне убедительны и для самого Дубенского. «Но не лучше ли», заканчивает он свое примечание (158-е) к этому месту: «здѣсь читать вм. *запала* — *запала*, т. е. *запнула*, *остановила*? Сравнимъ въ Псалм. 77, ст. 31: *избраннымъ Израилевымъ запятъ* (prostravit, *сυνετόδισεν*)». ⁵

Новое толкование разбираемого отрывка продержалось в ученой литературе довольно продолжительное время и имело в числе своих сторонников крупные имена. Так, М. Максимович в своих «Замѣчаніяхъ на пѣснь о полку Игоревѣ въ стихотворномъ переводѣ г. Гербея» писал: «Послѣ полуночи у пѣвца выражена нетерпѣливость послѣшающаго Игорева войска,

¹ «Слово о полку Игоря Святославича, удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго, вновь переложенное Яковомъ Пожарскимъ, съ присовокупленіемъ примѣчаній». СПб., 1819, стр. 50.

² *Иб.*, стр. 51.

³ *Иб.*, стр. 53.

⁴ Русские Достопамятности, изд. Общ. ист. и древн. рос., ч. III. Дм. Дубенский. «Слово о полку Игоревѣ Святъславля пѣстворца стараго времени». М., 1844, стр. 46, прим. 158.

⁵ *Иб.*, стр. 46.

что долго тянется эта ночь, и не скоро появляется заря новаго дня...
А въ переводѣ все еще только начинается эта ночь:

„Спускается ночь съ высоты;
Заря чуть мерцающа вдали догораеть,
Поля покрываются мглой“». ¹

Одним изъ наиболее выдающихся защитниковъ этого взгляда былъ Вс. Миллеръ. Исходя изъ убежденія, что слова «длго ночь мркнетъ» обозначаютъ—«мракъ ночной продолжается долго» [объясненіе, повидимому, принятое имъ на веру у сторонниковъ второго толкованія нашего отрывка], Вс. Миллеръ приходилъ къ выводу, что исследователи, склонные переводить «заря свѣтъ запала»—«заря погасла», чтобы быть последовательными, должны бы были переставить выраженіе «длго ночь мркнетъ» на третье место и читать: 1. «заря-свѣтъ запала», 2. «мгла поля покрыла», 3. «длго ночь мркнетъ», такъ какъ при той расстановкѣ предложеній, какая имеетъ место въ Словѣ, «картина природы», предполагаемая такимъ объясненіемъ, «не ясна». Не считая возможнымъ слово «*свѣтъ*» рассматривать въ качествѣ эпитета къ слову «*заря*», Вс. Миллеръ, по аналогіи съ выраженіемъ «кровоавья зори свѣтъ повѣдають», гдѣ слово «*свѣтъ*» стоитъ въ вин. пад. прямого дополненія, предполагалъ такой же винительный и въ словѣ «*свѣтъ*» фразы «заря свѣтъ запала». В первомъ случаѣ «кровоавья зори *повѣдаютъ*, т. е. объявляютъ, обнаруживаютъ разсвѣтъ»; во второмъ «напротивъ, заря не появляется, не обнаруживаетъ разсвѣта и потому такъ *длго ночь мркнетъ*». «Итакъ», пишетъ Вс. Миллеръ: «глаголь *запала*, имѣя прямое дополненіе *свѣтъ*, долженъ быть переходнымъ и можетъ быть таковымъ только при небольшой поправкѣ *запала* въ *запала*. По значенію глаголь *запала* ἐμποδίζειν, impedire, препятствовать, останавливать, задерживать—вполнѣ подходитъ, и разбираемое выраженіе получаетъ удовлетворительный смыслъ: ночь долго длится,—заря задержала разсвѣтъ».² Такъ, предположеніе, высказанное еще Дубенскимъ, черезъ тридцать летъ, въ лицѣ Вс. Миллера, получило, наконецъ, себе и научное обоснованіе.

Второе объясненіе выраженія «заря свѣтъ запала» не получило признанія у последующихъ исследователей, но толкованіе глагола меркнуть, какъ «пробывать во мракѣ», при которомъ только и возможно пониманіе «заря

¹ М. А. Максимовичъ. Собраніе сочиненій, т. III, Киев, 1880, стр. 564—625: «Замѣчанія на дѣсны о полку Игоревѣ въ стихотворномъ переводѣ г. Гербея» (первоначально были напечатаны въ Москвитянинѣ за 1855 г. — № 1, стр. 156—172 и № 2, стр. 105—134), стр. 567—568.

² Вс. Миллеръ. «Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ». М., 1877, стр. 198—199.

свѣтъ запала», как «заря задержала разсвѣтъ» или «заря со свѣтомъ не является», удержалось и в дальнейшем. Что касается других частей отрывка, то, как указано выше, Пожарский первый слово «длго» присоединил к словам «ночь мркнетъ»,¹ что с того времени разделяется почти всеми исследователями и переводчиками Слова, глагольную же форму «убуди» Дубенский полагал возможным понимать, как *пробудился* и без дополнительного «ся»,² Вс. Миллер же, предлагая на выбор — или читать: «мгла поля покрыла, щекоть славии *усти*, говоръ галичь *убуди*» или: «м. п. п., щ. сл. *усне*, говоръ галичь *убудися*», — сам склонялся ко второму варианту и считал, что «конечное *ся*, стоявшее надъ строкою, могло быть опущено переписчикомъ».³

В. Третье объяснение разбираемой нами фразы предполагает, что автор Слова описывает утро. Первоначально мысль эта была высказана Ап. Майковым. Присоединяя слово «длго» к предшествующей ему фразе и переводя его словом «давно»,⁴ Майков комментирует наш отрывок следующим образом. «*Ночь мркнетъ* и пр. Обыкновенно эту картину принимают за изображение ночи; мнѣ кажется напротивъ, здѣсь собраны признаки ранняго утра. Померкнуть — говоря о чемъ-нибудь блестящемъ, значить угаснуть; но вмѣстѣ съ тѣмъ значить и потерять свой цвѣтъ, полинять, поблѣднѣть, словомъ въ обоихъ случаяхъ выражаетъ убыль, ущербъ. Слѣд. «ночь меркнетъ» значить, что ночь убываетъ, блѣднѣетъ, т. е. стало свѣтатъ. *Заря-свѣтъ запала* — переводятъ: заря медлитъ; скорѣе занялась, какъ мы говоримъ: лучъ запалъ въ этотъ мракъ. *Мгла поля покрыла* — поднялся утренній туманъ (ниже: обѣсися синѣ мглѣ). *Щекотъ славій усне*: соловьи поютъ ночью, — тутъ же май мѣсяць, а къ утру перестаютъ, галки же пробудились: все это признаки ранняго утра».⁵ Майкову, собственно, не удалось подыскать примеров, в которых глагол «запасти» мог бы заменять собою и быть равнозначным глаголу «заниматься»: приведенная им фраза — «лучъ запалъ въ этотъ мракъ» предполагает такое значение у глагола «запасть», которое выражению «заря свѣтъ запала» никак не может придать смысла «заря занялась». Интересно, однако, отметить, что наряду с усвоением глаголу «запасти» нового смысла, Майков, в целях

¹ Як. Пожарский, *op. cit.*, стр. 48—49.

² Дм. Дубенский, *op. cit.*, стр. 46, прим. 159.

³ Вс. Миллер, *op. cit.*, стр. 199—200.

⁴ А. Н. Майков. Полное собрание сочинений, изд. 5-е, т. II, Спб., 1888, стр. 441—469: «Слово о Полку Игоревѣ», стр. 446.

⁵ *Иб.*, стр. 470—490: «Объяснительныя примѣчанія къ тексту «Слова о полку Игоревѣ», стр. 475 (первоначально перевод и примечания были напечатаны в журн. «Заря» за 1870 г., № 1, см. стр. 81—146).

лучшего согласования отдельных частей нарисованной им картины, вынужден был изменить общепринятое значение еще и у двух других, для общего смысла весьма важных слов отрывка: глагол «*мркнути*» сделался тождественным глаголам «убывать, бледнеть, светать», по смыслу прямо противоположным его обычному значению «становиться темным»; глагол «*покрыти*» превратился в семантически диаметрально противоположное «подняться». В стихотворном переводе Ал. Майкова картина утра вместе с «изряжением» для боя войска выглядит прекрасно:

«Ночь рѣдѣеть. Бѣль разсвѣтъ проглянулъ,
По степи туманъ понесся сизый;
Позамолкнулъ щекоть соловьиный,
Галчій говоръ по кустамъ проснулся...
В полѣ Русь, съ багряными щитами,
Длиннымъ строемъ изрядилась къ бою,
Алча чести, а для князя славы».¹

К сожалению, вся эта нарисованная Майковым картина есть продукт его собственного поэтического творчества, навеянный Словом о полку Игореве, и отнюдь не то, что имел в виду изобразить здесь автор Слова.

Как бы то ни было, но основная мысль Майкова, т. е. что в разбираемом отрывке описывается утро, получила со стороны ученых полное одобрение. К мнению Майкова примкнул в своей работе А. Потебня.² Согласно взгляду последнего, «заря свѣтъ запала» следует читать — «зоря свѣтъ заповѣдала», аналогично тому, как ниже при описании второго дня столкновения с половцами «кръвавыя зори свѣтъ повѣдаютъ» и при изображении бегства Игоря из плена — «соловыи свѣтъ повѣдаютъ».³ Слово «*свѣтъ*», таким образом, Потебня считал не эпитетом и не синонимом к слову «*заря*», а винит. падежом прямого дополнения к глаголу «*заповѣдала*» и в полемике с А. Смирновым, отстаивавшим синонимичность выражений «ни свѣтъ, ни заря»,⁴ особенно подчеркивал разницу понятий, заключающихся в словах: *заря*, *свет* или *день* и *восход* солнца.⁵ Глагол «*мркнути*», по мнению Потебни, «означает не начпнительность, какъ обыкновенно,

¹ Гв. «Слово о полку Игоревѣ», стр. 446.

² Ал. Аф. Потебня. «Слово о полку Игоревѣ». Изд. 2, Харьковъ, 1914 (первоначально в Фил. Зап. за 1877—1878).

³ Гв., стр. 32 и 34.

⁴ А. И. Смирнов. «О Слово о полку Игоревѣ», вып. II, Воронеж, 1879, стр. 85.

⁵ Ал. Аф. Потебня. Русский фил. вестн., № 1, Варшава, 1880 — «Замѣтки этимологическія и о народной поэзи. 5. Зоря и свѣтъ», стр. 111—114.

а подобно начинательнымъ глаголамъ на *ѣи/ѣ* пребываніе въ состояніи: «долго ночь находится въ состояніи мрака», т. е. не только кажется долгою, но дѣйствительно долга не по времени года.¹ В целом весь отрывок Потебня переводил следующим образом: «какъ только зоря предсказала свѣтъ, туманъ покрылъ поля (тоже своего рода ночь и разница лишь та, что), пѣнье соловьевъ (славий, род. множ.) уснуло (и) пробудился говоръ галичи (галичи = галичъ [трехсложно] род. ед. собир.)».²

Предлагаемое Потебнею исправление слова «*запала*» на «*заповѣдала*» не приобрело себе сторонников отчасти потому, что такое замещение одного слова другим нуждается в более серьезной аргументировке, но, главным образом, из-за того, что в скором времени появилось объяснение, которому, казалось, было суждено подтвердить догадку, высказанную Майковым, и окончательно разъяснить одно из темных мест Слова.

В 1883 г. Ом. Партыцкий в своей работе „Темнй мѣстця въ «Словѣ о плѣку Игоревѣ»“ предложил рассматривать форму «*запала*» в качестве аориста от глагола «*запалати*», слово же «*заря*», как родит. падеж к существительному «*свѣтъ*». Фраза «Длго ночь... поля покрыла» переводилась им: «Довго нѣчь меркне; зарѣ свѣтъ запалавъ (зорѣ засвѣтили), мрака степы покрыла».³

Повидимому, независимо от него аналогичное же толкование этому месту дал Гонсиорский в статье «Замѣтки о Словѣ о полку Игоревѣ» в февральской книжке ЖМНПр. за 1884 г. «Въ польскомъ языкѣ», писал он: «есть глагол *раіаѣ*, н. вр. *раіаш* прошл. *раіаѣ* — горѣть, пылать; съ предлогомъ *за* — *зараіаѣ* — загорѣться, возгорѣться, запылать». Так как слово «*свѣтъ*» — эпитет к слову «*заря*», то все выражение «заря свѣтъ запала» следует переводить: «заря-свѣтъ загорѣлась, за-нялась, запылала».⁴ По мнению Гонсиорского, фраза эта является одним из несомненных доказательств влияния польского языка на Слово о полку Игореве, обнаружить которое и составляло цель его статьи.

Объяснение глаг. формы «*запала*», предложенное Партыцким и Гонсиорским, было встречено последующими исследователями (за исключением Барсова), вообще говоря, весьма сочувственно. П. Голубовский⁵ и А. Лон-

¹ Ал. А. Ф. Потебня. «Слово о полку Игоревѣ». Изд. 2-е, Харьковъ, 1914, стр. 33.

² *Иб.*, стр. 33.

³ «Темнй мѣстця въ «Словѣ о плѣку Игоревѣ» пояснивъ Ом. Партыцкий». Часть перша. У Львовѣ, 1883, стр. 20—21.

⁴ См. стр. 271—273.

⁵ П. Голубовский. Киевская старина, т. IX, 1884 г., август, стр. 710—714: «Темнй мѣстця въ Словѣ о Плѣку Игоревѣ пояснивъ Ом. Партыцкий. Часть перша. У Львовѣ. 1883 г.».

гинов¹ вполне присоединились к мнению Партыцкого. Лонгинов, считая, что слово *«запала»* имеет двойкий смысл в зависимости от того, производить ли эту форму от глагола *«запалати»* или глагола *«запасти»*, и полагая, что от последнего была бы форма *«западе»*, а не *«запала»*, находил подтверждение объяснению Партыцкого в «поэтическомъ воспроизведеніи пѣвцомъ свѣтовыхъ измѣненій въ природѣ». «Когда въ Словѣ», пишет Лонгинов: «изображается исчезновеніе вечерней зори, то говорится: «Погасоша вечеру зори». Появленіе утренней зори совпадаетъ съ утреннимъ появленіемъ свѣта или *разсвѣтомъ*. «Кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ», «Съ вечера до свѣта». Вечерняя зоря не западает, но *гаснетъ* или тухнетъ, какъ гасли багряные столпы: «Оба багряная стълпа погасоста . . .» Смѣна свѣта темнотою обуславливается *помраченіемъ*: «Два солнца *помтркоста*. «Ночь *меркнетъ»*, что означаетъ сгущеніе мрака. «Зоря свѣтъ запала» одновременно съ покрытіемъ полей мглою (туманомъ), успокоеніемъ соловьиного шелканья и пробужденіемъ галочьяго говора. Поэтому, согласно съ О. Партыцкимъ и П. Голубовскимъ, я признаю, что «зоря» поставл. в родит. пад. ед. числа. Въ переводѣ: Зори свѣтъ запылалъ». Таким образом, за исключением фразы «Длѣго ночь мркнетъ», весь остальной отрывок, кончая «. . . говоръ галичь убуди», Лонгинов относил к утру. Оба орнитологические замечанія автора Слова, как то видно из дальнейшего, Лонгинов ставил в связь с последующими бедствиями Игоревыхъ войск, открывшимися «нечестной» победой в пятницу, одержанной русскими над Половцами, а потому считал, что умолкание соловьев и крик галок, знаменующие перевес «мрака» над «свѣтомъ», «естественно» должны были начать собою утро дня, послужившего прологомъ к субботнему несчастью.²

После Партыцкого и Гонсиорского толкованій, вносящихъ существенныя изменения в основную смысл фразы «зоря свѣтъ запала», предложено не было, и исправленія, вносимыя исследователями в контекст, равно как и в перевод, имели своей целью дать лучшее согласованіе отдельных слов друг с другом в связи с новымъ пониманіемъ этого выраженія, не нарушая, однако, его установленнаго такимъ образомъ смысла.

Так, исходя изъ требованій метрическаго размера, которымъ написано Слово, акад. Ф. Е. Корш читал: «зоря съ свѣтъмъ || запала», поддерживая тем самымъ новое объясненіе глаг. формы «запала».³

¹ А. В. Лонгинов. «Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ Сѣверскаго князя Игоря Святославича на половцевъ въ 1185 г.» Одесса, 1892.

² А. В. Лонгинов, *op. cit.*, стр. 173—174.

³ Исследования по русскому языку, т. II, вып. 6. Ф. Е. Корш. «Слово о полку Игоревѣ». Спб., 1909, стр. 5.

Акад. А. Соболевский отметил, что, «если понимать *запала* какъ форму аориста, съ значеніемъ: загорѣлась, запылала», необходимо между упоминанием о ночи и изображением утра «допустить нахождение хотя бы какого-нибудь нарѣчія» и одновременно с этим «исправить слѣдующій глаголь *покрыла* на *покры*, что поддерживается дальнѣйшими ф. аориста *усте* и (*ся*) *убуди*».¹

Акад. А. Орлов перевел «заря свѣтъ запала» со ссылкой на акад. Соболевского — «заря зажгла свет»,² повидимому, усматривая в слове «*свѣтъ*» винит. падеж прямого дополнения к глаголу «*запала*», хотя последний (Соболевский), как отмечено выше, придавал глаголу «*запалати*» значение среднее, непереходное, а не действительное.

Редакторы недавно выпущенного в свет книгоиздательством Academia «Слова о полку Игореве»³ — С. Шамбинаго и В. Ржиги сочли возможным заменить в воспроизведенном в книге по изд. 1800 года древне-русском тексте слово «*запала*» на слово «*запала*» (стр. 67) и перевели отрывок — «Длго... *убуди(ся)*» — «Долго ночь тнется. Заря свет заронила, мгла поля *покрыла*; щекот соловьиный уснул, говор галочий пробудился» (стр. 78); в комментарии к этому месту ими сделано следующее пояснение: «„Меркнуть“, как и „смеркаться“, значит темнеть: долго длится мрак ночи, заря свет зажигает. Песня открывается картиной мглистого рассвета, когда затихает пение ночной птицы — соловья» (стр. 244). В приложенных к изданию стихотворных переводах Слова первые две фразы отрывка переданы: а) «Долго ночь темнеет; заря свет запалила» — перев. С. Шервинского (стр. 93); б) «Долго ночь тмится; заря-свет запылала» — перев. Г. Шторма (стр. 123).

Окидывая общим взглядом главные моменты толкований разбираемого отрывка в их хронологической последовательности, легко заметить, что основная тенденция всех объяснений сводится к упорному и неуклонному стремленню видеть в этом отрывке картину утра, что особенно рельефно отражается на интерпретации фразы «заря свѣтъ запала». От значения «свѣтъ зари погасаетъ» через «заря свѣтомъ не является (запала)» и «заря остановила, задержала свѣтъ (запыла)» к «заря возвѣстила свѣтъ (запо-

¹ А. И. Соболевский. ИОРЯС, 1916, т. XXI, кн. 2: «Материалы и замѣтки по древнерусской литературѣ», XVIII. «Къ слову о полку Игоревѣ», стр. 212.

² А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». М., 1923, стр. 35.

³ Русская литература. Памятники древней-русской литературы. Слово о полку Игореве. Редакция древне-русского текста и перевод С. Шамбинаго и В. Ржиги. Переводы С. Шервинского и Георгия Шторма. Статьи и комментарии В. Ржиги и С. Шамбинаго. Academia, М.—Л., 1934.

вѣдала)» и далее к «заря-свѣтъ зажглась» и «заря зажгла свѣтъ». Если параллельно с изменениями смысла глаг. формы «запала» оказывалось необходимым придавать иной смысл также и другим частям отрывка, для исследователей и переводчиков это препятствия не составляло, и, порою, в угоду новому пониманию глагола «запала», зависящие от него слова отрывка принимали значение прямо противоположное тому, какое свойственно им вообще в славянской речи. Совокупными усилиями многих исследователей, особенно последнего полувека, в конце концов, вечерняя заря превратилась в утреннюю. Что же, собственно, лежит в основе тяготения подавляющего большинства из занимавшихся Словом к объяснению отрывка картиною утра?

Прежде чем ответить на этот вопрос необходимо выяснить, как можно понимать вообще весь этот отрывок, не впадая в противоречие ни со славянской семантикой, ни с теми фактами, о которых в нем говорится.

При истолковании фразы «длго ночь мркнетъ» два слова в понимании исследователей и переводчиков не обнаружили достаточной устойчивости: «длго» и «мркнетъ».

Что касается слова «длго», то, как указано выше, первоначально оно присоединилось к предшествующей фразе — «О руская земле! уже за Шеломянемъ еси» и переводилось словами *далеко*, или *давно*, хотя уже со времени Я. Пожарского было отнесено к последующей фразе — «ночь меркнетъ» и понималось то как *давно*, то как *долго*, т. е. *продолжительно*. Как известно, слово «длго» принадлежит к группе наречий, представляющих собою застывший *accus. sing.* среднего рода соответствующих прилагательных и, стало быть, для выяснения значения наречия «длго» прежде всего следует пересмотреть значения прилагательного «долгий».¹

В древне-русском и старо-славянском языках прилагательное «долгий» = «длгий» = «длгий» = «долгий» обозначает: 1. *продолжительный*, напр.: «Не хотѣше на длъзѣ врѣмени (ἐπι χρόνον)» Лук. XVIII, 4. Остр. Ев. [Срезн.];² «Издѣлѣвъ отъ гъза длъгъ» Изб. 1073 г. [ib.]; «На долгъ часъ» Новг. I л., 6888 г. [ib.]; 2. *длинный, продолговатый*, напр.: «Бѣ же низокъ, дебелъ . . . длъгъ лицемъ» Иоан. Мал. Хрон. (Обол. LIИ) [Срезн.]; «Кудрява, длгою владью, длгымъ лицемъ» т. ж. (Калайд.

¹ В дальнейшем, при выяснении значения некоторых слов, помимо древне-русского, старо-славянского и современного русского, привлечены также данные чешского, польского, нижнедунайского, сербского, болгарского и словинского языков. Причины, побуждающие применять этот метод, будут изложены в особой статье.

² И. И. Срезневский. «Материалы для словаря древне-русского языка», тт. I—III, 1893—1912; сокращенно — [Срезн.].

183) [ib.]; 3. *большой*, напр.: «Дълга мѣсто твари его (ingens locus possessionis eius)» Вар. III. 24 [ib.]; 4. *высокий, великан*, напр.: «Видѣ дълга некого высока и страшна; скръжеташе зуубы дългыи оубъ» Никон. Панд. сл. 32 [ib.].

Из современных славянских языков:

в чешском — *«dlouhý»* значит: 1. по отношению ко времени *продолжительный* (trvalý, lang, langwährend), напр.: «Po projití dlouhého času». V [Kott];¹ «Dlouhý život míti». V [ib.]; откуда также *скудный* (nudný, lang, langweilig), напр.: «Dělsí sobota, než neděle» Prov. [ib.]; 2. по отношению к пространству — *длинный* (lang), напр.: «Dlouhý a vysoký» V [Kott]; «Dlouha brada, vousy etc.» [ib.]; в качестве вторичных значений может также обозначать — 3. *многий* (mnohý), напр.: «To trvalo dlouhá (mnohá) léta (mnoho let)» [Kott. Допл.]; а также 4. *дальний, далекий* (daleký), напр.: «Dlouhý pont» [ib.];

в польском — *«długi»* значит: 1. в отношении времени *продолжительный, длиющийся* (trwający, trwały, lang, langwährend), напр.: «Choroby długie...» Krup. 5, 7 [Linde];² «Abyś długi czas był żyw, a iżbyś był długowiecznym na ziemi» Kosz. Lor. 80 b. [ib.]; откуда, как и в чешском, также *скудный* (nudny, lang, langweilig), напр.: «Nie uwierzysz, jaki mi czas długi; od godziny już nudzę się» Teat. 24, с, 85 [ib.]; 2. в отношении пространства — *длинный* (mający długości rozciągłość większą od szerokości i głębokości, lang, dem Raume nach), напр.: «Na długą» (в длину, in die Länge) [Lind.]; «Średni palec zowie się też długi palec» Krup. 1, 148 [ib.]; откуда также — 3. *высокий, большой* (hoch, gross), напр.: «On dłuższy od brata» [Linde]; 4. *далекий*, напр.: «w długą (daleko)» [Lind.]; «w długą drogę, w pole» [ib.];

в нижнелужицком слово *«długi»* — *долгий, длинный* (lang.) сохранилось только в названиях местностей и рек, а также для обозначения длинных нив, пашен; вместо него обычно употребляется *«dłużki»* или *«dłużki»* (из *«długi»*) — *долгий, длинный* (lang), напр.: «dłużki poź», «dłużka noga» [Muka];³

¹ Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický. Sestavil František Št. Kott, professor C. K. Akademického gymnasia v Praze, d. d. I—V, 1878—1887, сокращенно — [Kott]; в т. V начинаются со стр. 883 — «Dodatky a některé organy», охватывающие тт. VI и VII (A — Ž); сокращенно — [Kott. Допл.].

² Słownik języka polskiego przez M. Samuela Bogumiła Linde. Wydanie drugie Tt. I—VI. Lwów, 1854—1860; сокращенно — [Linde].

³ «Словарь нижне-лужицкого языка. Составил проф. Эрнест Мука (Słownik Dołnoserbskeje rěcy. Zestajał Prof. Ernst Muka)». Вып. I, Пгр., 1921; вып. II, Прага, 1928; сокращенно — [Muka].

в сербском — «*dug* (*dūg*)» обозначает: 1. по отношению ко времени *продолжительный*, напр.: «Mili bože, podrži me još ovako dugo vreme!» Nar. pjes, vuk. I. 510 [Rječ.];¹ «Duge zimske noći» 1, 345 [ib.]; 2. по отношению к пространству *длинный*, напр.: «Ležeć kao trula klada, što je duga i široka trune» V. Došen 207^b [Rječ.]; «Careva je zemlja velika, dълга i široga» Spom. sr, 1. 5. (1396) [ib.]; 3. в отношении пути — оба значения как бы сливаются и приобретают значение *далекий*, напр.: «Ako bi imêl prejši more ali dug put učiniti» Naručn. 72^b [ib.]; последнее значение встречается иногда и безотносительно пути;

в болгарском — «*dъгъ*, *dъгъ*» значит: 1. *долгий*, *длинный*, напр.: «дъгъ прѣтъ»; «Дъгъ вжже» [Грв.];² 2. *долгий*, *длинный*, *продолжительный*, напр.: «Зимѣ ноци-ты бывать дъгъ» [Грв.]; 3. *далекий*, напр.: «дъгъ пѣтъ» [ib.];

в словинском — «*dôlg*» обозначает: 1. *длинный* (*lang*), напр.: «dolga stran» [Pltš.];³ «na dolgo in široko rozlagati» (подробно объяснять) [ib.]; 2. *продолжительный* (*langdauernd*), напр.: «Dolga bolezen gotova smrt» [Pltš.]; «Dolga izpoved (die Generalbeichte)» [ib.].

В восточной ветви славянских языков и, в частности, в украинском — «*довгий*» значит: 1. *длинный*; 2. *долгий*, *продолжительный* [Грнч.];⁴ в белорусском — «*доўгі*» обозначает *долгий*, *длинный* [Бк.-Нкр.];⁵ в современном русском — «*долгий*» значит: 1. *длинный*, имеющий большое протяжение, откуда также *многий*; 2. *продолжительный*; затем также 3. *протяжный* [Слов. АН].⁶

Таким образом, основное значение прилагательного «*долгий*» для всех славянских языков как в древнее, так и в настоящее время — это *протяженный* или *во времени* или *в пространстве*. Такие значения, как: *большой*, *высокий*, *далекий*, *многий*, *скучный* принадлежат ко вторичным и являются

¹ Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. U Zagrebu, 1880—1929, sv. sv. 1—44; сокращенно — [Rječ.].

² Рѣчникъ на българскый языкъ съ тълкувание рѣчи-ты на българскы и на русскы. Събралъ, нарядилъ и на свѣтъ изважда Найдень Геровъ. Пловдивъ, ч. I—V, 1895—1904; сокращенно — [Грв.].

³ Slovensko-nemški slovar. Uredil M. Pleteršnik. D. d. I—II, v Ljubljani, 1894—1895; сокращенно — [Pltš.].

⁴ Б.Д. Гринченко. «Словарь украинского языка». Державне видавництво України, 1926; сокращенно — [Грнч.].

⁵ М. Байкоў і С. Некрашэвіч. Беларуска-расійскі слоўнік, Менск, 1925; сокращенно — [Бк.-Нкр.].

⁶ «Словарь русского языка, составленный вторым Отделением Академии Наукъ»; сокращенно — [Слов. АН].

производными по отношению к первичным — *длинный* (протяженный в пространстве) и *продолжительный* (протяженный во времени).

Аналогичный вывод можно сделать и из наблюдений над словом «*длго*» непосредственно.

В древне-русском и старо-славянском языках наречие «*длго*» = «*длго*» = «*долго*» значит *dū*, μακρόν, напр.: «Аще... отътагнѣтса длѣжѣ» Панд. Ант., XI в., л. 108 [Срзн.]; «И мы тому корол(ю) и Ядвизѣ... и съ тыми людьми съ Великого Новаго(рода), како жь долго держимъ у нашемъ опеканю, слюбили есмы» Присяж. гр. Сем. Лыгв. Ольг., 1389 [ib.].

Из современных славянских языков:

в чешском — «*dlouho*» (старин. «*dluho*») значит: 1. *долго, продолжительно* (lange), напр.: «Že běchu dluho u moři pluli» Alx. V, 594 [Gb.];¹ «Jesus Kristus dluho trpěl» Alb., 4^b [ib.]; 2. *поздно* (pozdě, spät), напр.: «Již je dlouho na noc, na den» D. [Kott]; 3. *подробно* (obširno, weitläufig), напр.: «(S. Augustin) velmě dlužie otázki přěmietá» Hus. Post 80^b [Gb.]; 4. в настоящее время довольно часто ошибочно [Kott] употребляется вместо *давно*, напр.: «Už jsem tam dlouho (= dávno) nebyl» Brt. [Kott];

в польском — «*długo*» обозначает: 1. по отношению ко времени *долго, продолжительно*, напр.: «Długo się dobre pamięta, a złe jeszcze dłużej» Cn. Ad. 159 [Linde]; «Długoby o tém mówić» Cn. Th. [ib.]; 2. по отношению к пространству — *долго, длнно*, напр.: «Długo ś. nosi (= nosi długie ubranie)» [Słow.];² «Długo koniowi ogon spuścił» Tros. [ib.] собственно *низко* (nizko); в выражениях *w długo, z długa* принимает значения — 3. *широко, далеко* (szeroko, daleko), 4. *с давнего времени* (oddawna, zdawna);

в нижнелужицком — вместо «*długo*» в настоящее время употребляется «*dłużgo*» или «*dłużko*» в значениях: 1. *тод. медленно* (lang), напр.: «słowo na dłużko hugroniś» [Мука]; 2. *temp. долго* (lange, lange Zeit), напр.: «kak dłużko južo sakaš?» [ib.];

в сербском — «*дѣно* (*dugo*)» значит: 1. о месте — *долго, пространно*, напр.: «Ne steri mi dugo ni široko» Nar. pjes. vuk. 3,512 [Rječ.]; «Kud igda dile mogla bi se pružiti slava naša?» F. Lastrić test. 232^b [ib.];

¹ Slovník staročeský napsal Jan Gebauer. Vydávaji Česká Akademie pro vědy, slovesnost a umění a česká grafická společnost «unie». V Praze. Ss. 1—17, 1903—1913; сокращенно — [Gb.].

² Słownik języka polskiego ułożony pod redakcją Jana Karłowicza, Adama Kryńskiego i Władysława Niedźwiedzkiego, Tt. 1—VIII, Warszawa, 1898—1927 (A—Ż); сокращенно [Słow.].

2. о времени — *долго*, *продолжительно*, напр.: «koliko koli dugo stoji v grichu» Naručn. 73^a [Rječ.]; «Neg čini, da dugo bude mi život tvoj» N. Načeskić 2,64 [ib.]; 3. оба значения как бы сливаются при глаголе *putovati* и приобретают значение близкое к слову *далеко*, напр.: «Otidoše, dugo putovaše» Nar. pjes. vuk. 3, 302 [Rječ.]; 4. *далеко* (*daleko*), напр.: «Jesu l' dugo bijeli dvorovi?» Nar. pjes. istr. 2,126 [Rječ.];

в болгарском — *длъго* обозначает *долго*, *длинно*, напр.: «Длъго и широко» (собств. *подробно*) [Грв., Дврн.];¹

в словинском — *«dolgo»* (*časa*) значит *продолжительно* (*lange Zeit*), напр.: «črez dolgo», «dolgo ga ni» [Pltš.].

Что касается восточной ветви славянских языков, то в украинском — *двогю* обозначает: 1. *длинно*; 2. *долго*, *продолжительно* [Грнч.]; в белорусском — *доўго* значит: 1. *длинно*; 2. *продолжительно*; в современном русском — *долго* обозначает: 1. *длинно*; 2. *продолжительно* [Слов. АН].

Отсюда, стало быть, наречие «*долго*» как для древних, так и для новых славянских языков, в основном, аналогично прилагательному *долгий*, значит — *протяженно* или *во времени*, или *в пространстве*, причем, в отличие от прилагательного, чаще употребляется для обозначения длительности во времени, чем в пространстве. Остальные значения, как то: *поздно*, *давно*, *подробно*, *широко*, *далеко*, *низко*, *медленно* — принадлежат ко вторичным, будучи производными по отношению к первичным — *продолжительно* (т. е. *протяженно во времени*) и *длинно* (т. е. *протяженно в пространстве*).

Переходя теперь к вопросу, как следует понимать наречие «*долго*» в разбираемом отрывке, надо прежде всего отметить, что догадка, высказанная Я. Пожарским, находит себе полное подтверждение со стороны лексики. Присоединение слова «*длъго*» к предшествующей фразе, т. е. чтение: «О руская земле! уже за Шеломянемъ еси длъго» — возможно лишь тогда, если с его значением связаны или понятие *далеко*, или *давно*. Однако, оба эти значения, как показано выше, вторичного происхождения, и потому настаивать на том, что автор Слова непременно должен был воспользоваться каким-либо из них, — нет серьезных оснований. Всего естественнее ожидать, что «*длъго*» взято автором в каком-либо из его двух основных значений, т. е. или как *протяженно в пространстве*, или как *протяженно*

¹ «Словарь болгарскаго языка по памятникамъ народной словесности и произведенийъ новѣйшей печати составилъ А. Дювернуа». Вып. I—IX, М., 1885—1889; сокращенно — [Дврн.].

во времени и, поскольку при таком понимании объединение его с предшествующей фразой смысл теряет, присоединять к словам «ночь мркнетъ». Нетрудно видеть, что при последнем чтении, т. е. при чтении: «Длѣго ночь мркнетъ» — наречие «*длѣго*» характеризует глагол «*мркнути*» с точки зрения его длительности и может значить только *продолжительно*. Таким образом, следуя основному значению слова «*длѣго*», обе фразы необходимо читать: «О руская земле! уже за Шеломянемъ еси. Длѣго ночь мркнетъ», т. е. так, как то и принято в настоящее время почти всеми исследователями. Вывод этот вполне совпадает с чтением, какое имеет первая фраза при описании начала второго дня столкновения с Половцами. Несколько испорченная, она стоит здесь без слова «*длѣго*»: «О Руская землѣ! уже не Шеломянемъ еси».¹ Если бы автор считал нужным отметить отдаленность (в пространстве или во времени) местонахождения «шеломени» в первом случае, то тем более это было бы уместно на второй день столкновения с Половцами, когда русские войска находились еще глубже в Половецком поле, и еще больше прошло времени с момента их вторжения во вражеские пределы. Но указания на отдаленность словом «*длѣго*», или словами «*далеко*», «*давно*» автор Слова здесь не сделал.

Вторым словом, обнаружившим свою неустойчивость во фразе: «Длѣго ночь мркнетъ» оказался глагол «*мркнути*». Значение его обычно (хотя и не всегда) изменялось в прямой зависимости от того, вечер, ночь или утро желали видеть исследователи во фразе: «заря свѣтъ запала». В первом случае глагол «*мркнути*» понимался как *смеркаться*; во втором и третьем — как *пребывать во мраке*.

В древне-русском и старо-славянском языках глагол «*мьркнути*» = «*меркнути*», соответствуя греч. *σχοτίζεσθαι*, лат. *obscurari*, значит *меркнуть*, *помрачаться*, напр. «Абиѣ же по скрѣби дньни тѣхъ слъньце мьрькнетъ (нов. померкнетъ) и лоуна не дасть свѣта своѣго (σχοτίσθήσεται)» Мѡ. XXIV. 29 Остр. ев. [Срзн.]; «Мерьче слънце (нов. померче)» Лук. XXIII, 45, Гал. ев. XIII в. (ἐσχοτίσθη) [ib.].

Из современных славянских языков:

в чешском — «*mrknouti (mrknouti)*», также «*mrknouti se*» значит: 1. *смеркаться, становиться темным* (smrknouti se, setmíti se, dunkel werden), напр.: «Jakžkolivěk mrkne, ptáci (uezpívají)» Levšt. 150^b [Gb.]; «Tehda po všem světu mrklo» «ML. 117^a Krist. 100^b [ib.]; 2. *мигать, шурить, жмурить* (mžikati, mhourati, nicken, blinzen), напр.: «mrkni na něho, aby...» [Kott]; тот же смысл имеют глаголы «*mrkatí*»,

¹ «Ироическая пѣснь» etc. М., 1800, стр. 12.

«*mrkávati*»: 1. «Zbledl a hned se mu kolena strachem třásla, v očích mu mrkalo» Pont. [Kott]; 2. «Mrkal očima, ukazuje k jeskyni» Aesop. [ib.]; откуда также 3. *дремать* (*dřimati, schlummern*), напр.: «Stařec mrká (dřimá)» [Kott];

в польском — выражения: «*mierzcha się*», «*mierzka się*», «*zmierzcha się*», «*mierzchnie*» безлич. несоверш., «*zamierzchnie*», «*zmierzchnie*», «*zmierzchło*» соверш. — соответствуют русским *смеркается, темнеет* (*mrok pada, es dämmert, es wird Abend*), напр. «Gdy się już mierzchało, z onego miejsca się wracał» Baz. Hst 24 [Lind.] «Świta, mierzka, bieżą lata, ludzie młodo schodzą z świata» Pieśń. [ib.];

в нижнелужицком — «*myrkaś*» и «*merkaś*» (диал. «*merkaś*»), «*myrknuś*», и «*merknuś*» (диал. «*mórknuś*» и «*merknuś*») «*myrkotaś*» и «*merkotaś*» (диал. «*merkotaś*») обозначают: 1. (act.) *моргать, мигать, рябить* (в глазах), *сверкать* (*schimmern, flimmern, glitzern*), откуда *делает быстрое движение глазами, ушами, хвостом*; 2. (refl.) «*myrk. se*» — *темнеет, смеркается* (*dunkel werden, dämmern*);

в сербском — «*mrknuti* (*mŕknuti*)» значит *становиться темным, меркнуть, смеркаться* (*mračiti se, obscurari, obumbrari, obnubilari, noctem fieri*), напр. «sunce hoće mrknuti» Ant. Dalm. nov. tešt. 1.38 [Rječ.]; «Pa kad mrče i ročinu sunce» Nar. pjes. vuk 5,118 [ib.]; «Tad mrče noć druga» Baraković vila 258 [ib.]; «... ner mrkne druga noć» I. T. Mrnavić osm. 58 [ib.];

в болгарском — «*mrъkne*» («*mrъkne са*»), также «*mrъква*» («*mrъква са*»), «*mrъквува*» («*mrъквува са*») соответствуют русским *темнеет, смеркается*, напр.: «Кога мръкнѣ на високи-тѣ мѣста около село-то свѣтъ хжж огневе» Р. 173 [Дврн.]; «Ако рано мръква и ты рано лѣгай» [Грв.];

в словинском — «*mŕkniti*» обозначает: 1. *становиться темным* (*sich verfinstern*), напр.: «solnce, mesec mŕkne» [Pltš.]; 2. *мигать, моргать, жмурить, щурить* (*blinzen*) [ib.]; то же значение имеют и глаголы «*mŕkati*», «*mrkévati*».

В восточной славянской языковой ветви и, в частности, в украинском яз. — «*мёркнути*» и «*мёркти*» передаются русским *меркнуть* [Грвч.]; в белорусском — русское *смеркаться, смеркнуться* переводится «*зъмяркацца*», «*зъмёркнуцца*» [Нкр.-Бк.];¹ в современном русском — «*меркнуть*» значит — *померкать, темнеть, терять свет или блеск, помрачаться, тускнеть, тускнуть* [Даль].²

¹ С. М. Некрашэвіч і М. Я. Байкоў. «Расійска-беларускі слоўнік». Менск, 1928; сокращенно — [Нкр.-Бк.].

² Вл. Даль. «Толковый словарь живаго великорусскаго языка», тт. I—IV, изд. 2-е. СПб.—М., 1880—1882; сокращенно — [Даль].

Из приведенных примеров ясно, что основное значение глагола «меркнутъ» как в древне-русском и старо-славянском, так и для современных славянских языков было и остается одним и тем же — *становиться темным, смеркаться*. Кроме того, в языках чешском, нижнелужицком и словянском имеется второе значение — *мигать, моргать*, откуда производные: *рябить в глазах, делать быстрое движение* (глазами etc.), *дремать*. Ни в одном из славянских языков глагол «меркнутъ» никогда не обозначал и не обозначает «пребывать во мраке» или «находиться в состоянии темноты», как то упорно ему приписывается за весьма немногим исключением почти всеми исследователями при толковании разбираемой фразы.

Итак, согласно основному смыслу, присущему словам «долго» и «меркнетъ» в славянских языках как в прошлом, так и в настоящее время, первая фраза разбираемого отрывка — «Длго ночь мркнетъ» в буквальном переводе значит: «продолжительное время ночь делается темной», что можно передать: «ночь смеркается продолжительное время», или, наконец, просто: «смеркается долго».

Прежде чем переходить к выяснению слов «заря свѣтъ запала», следующих непосредственно за первой фразой, целесообразнее сначала остановиться на третьей фразе отрывка — «мгла поля покрыла».

Если не считать своеобразного толкования глагола «покрыти», предложенного А. Майковым, то некоторые колебания в значении обнаружилось здесь только у существительного «мгла». Большинство исследователей и переводчиков или оставляли последнее совсем без перевода, или переводили, как *туман*, причем некоторые из них видели здесь *утренний туман* на восходе солнца. Исключение составляют объяснения Барсова, приписывавшего слову *мгла* значение *глубокой ночи*, и отчасти Потебни, рассматривавшего «мглу — туман», как «гоже своего рода ночь».

В древне-русском и старо-славянском языках слово «мгла» = «мегла» = «мла» обозначает: 1. *туман, испарение, поднимающееся от земли* (греч. $\delta\mu\acute{\iota}\chi\lambda\eta$, лат. *nebula*), напр.: «Иже въ тмѣ и иже въ мглѣ очи слѣпныхъ прозрите» ($\epsilon\nu$ тѣ $\delta\mu\acute{\iota}\chi\lambda\eta$, in *nebula*) Ис. XXIX, 18, Упыр. [Срзн]; «И тако оустрой Бѣ мьглу, якоже не видѣти никамо же, толико до конецъ копыи видити. . . мьгла же подьмься в полѣ дни и оумьснися нѣо» [Ипат. лет. под 1151 г., стлб. 435];¹ «И бѣ въ тѣ днѣ мьгла велика, яко не видити до конецъ копыи. . . Изаславъ же исполца полкы своя, поиде противу и,

¹ Полное собрание русских летописей, изд. Археографическою Комиссиею. Т. П. «Ипатъевская летопись». Изд. 2-е, СПб., 1908; сокращенно — [Ипат. лет.].

«коже быша близъ себе; и Бѣ разгна мъглу и бы пасно» [ib. под 1153 г., стлб. 466]; 2. в других случаях близко подходит к понятию *мрака*, соответствуя греч. γνόφος, лат. caligo, напр.: «Вниде во мглу» (εις τὸν γνόφος, in caliginem; по друг. списку — «меглу») Исх. XX, 21, по сп. XIV в. [Срзн.]; «Тма и мгла и дымъ» (γνόφος; в друг. сп. «мракъ») Втз. IV, 11; V, 22, по сп. XIV в. [ib.]; 3. иногда употребляется для обозначения *смутного, мрачного, душевного состояния*, отождествляясь с греч. ἀχλὺς, напр.: «Мъглоу доуша... ωτγъгнавъ» (τὴν ἀχλὺν τῆς ψυχῆς) Ирм. ок. 1250 г. [Срзн.].

Из современных славянских языков:

в чешском — «*mhla*» (также «*mha*», «*mlha*» и «*mlhla*») значит *туман* (der Nebel), напр.: «Prostřed mlhy» (nebulae) Lit. Sir. 50, 6 [Gb.]; «Mezi mhlou» (inter nebulas) t. Sir. 50,8 [ib.]; «Kadyž koli hnáchu, jakžto mhla bieleše ot prachu» Alx. V, 1383 [ib.];

в польском — «*mgła*» обозначает: 1. *туман* (der Nebel), напр.: «Kiedy wapory nad ziemią tak się skupią iż się staną nieprzeźrocyste, tedy jest mgła» Kluk. Rośl. 3, 92. [Linde]; 2. *туча, мракъ, преграда, заслон для видения*, напр.: «Przyjdę do ciebie we mgle obłoku» 1 Leop. Exod. 19 [ib.];

в нижнелужицком — «*mła*» значит *мла, туман, пар, тма* (der Nebel, der Dunst, der Dampf, das Dunkel), напр.: «*mła a carna śma*» [Мука];

в сербском — «*màgla* (*màgla*)» обозначает, по определению Rječnik'a Югослав. Академии, «kao oblak, ali takovi što stoji na zemlji (i oko vrha bregova) i na vodi, te se sastoji obično iz vrlo malijeh mjehurića od vode, ali je gdjegdje prašina ili dim», напр.: «(Bog) мъглоју тьстоју pazuhi въ нѣже светому засѣдаhu, povitъ morskijhъ i nevidima того иму i nevrѣdima provodi jego» Doment. 181 [Rječn.]; «Magla pade od neba do zemlje» Nar. rjes. vuk. 4, 172 [ib.];

в болгарском — «*мъгáла*» (также «*мъмлáла*») значит *туман, мла* (гжста пара въ въздуха, тумъ), напр.: «Влъкъ-тъ мъглы-ты обыча. Мъгла го влѣче по зелено усое» [Грв.];

в словинском — «*meglà*» обозначает: 1. *туман* (der Nebel), напр.: «*meglà je, meglà stoji*» (es nebelt) [Pltš.]; «*gosta meglà*» (dichter Nebel) [ib.]; 2. *облако* (die Wolke), напр.: «Vleče se kakor meglà brez vetra» [Pltš.].

Что касается восточной ветви славянских языков, то в украинском — «*мла*», «*імла*» соответствует русскому *мла* [Грнч.]; в белорус-

ском — «*мгла*» значит *мгла*; в современном русском — «*мгла*» по Далю: «*помрачение воздуха, испарения, смущающія воздухъ, дѣлающія его тусклымъ, мало прозрачнымъ; сухой туманъ, дымъ и чадъ, нагоняемые въ засухи отъ лѣсныхъ пожаровъ*»; кроме этого слова, в говорах калужском, тульском, курском существует слово «*ма*» (ср. чешск. «*тма*») — *мгла, сырой, холодный туманъ* [Даль].

Как видим, основное значение слова «*мгла*» в славянских языках, как в древности, так и в настоящее время, — *туман* (*ομίλη*, *nebula*), откуда, с одной стороны, поскольку туман препятствует зрению, делая воздух непрозрачным, — также *темнота, мрак*, равно как и все то, что, аналогично туману, мешает ясно видеть — *дым, чад, пыль*; с другой же стороны, поскольку туман состоит из водяных паров, стелющихся по земле, то также и пары от нее отделившиеся и свободно плавающие в воздухе — *облако*. Ни в одном из славянских языков ни в древности, ни в настоящее время слово «*мгла*» не обозначало мрака, проистекающего от наступления ночи, а тем более самой ночи, как то предполагал Барсов и к чему склонялся Потення. Вместе с тем, не обладает слово «*мгла*» и специфическим значением предраассветного тумана на восходе солнца, хотя, будучи туманом вообще, может относиться также и к туману в утреннее время.

Итак, принимая во внимание основной, свойственный всем славянским языкам смысл слова «*мгла*», фразу «*мгла поля покрыла*» следует переводить — «*туман поля покрыл*».

Так как в разобранных выше первых словах отрывка — «*Длго ночь мркнетъ*» — речь шла о наступлении ночи, в этой же фразе говорится, что туман поля покрыл, естественно предполагать, что автор Слова имел в виду какую-то связь между обоими явлениями — приближающейся ночью и туманом. С этой точки зрения слова «*мгла поля покрыла*» могут обозначать лишь то, что в процессе наблюдавшейся автором Слова последовательной смены явлений природы проходил момент, когда поля, до того еще видимые ясно, стали заволакиваться, покрываться туманом. После того как это явление достигло таких размеров, что поля перестали быть видимыми и скрылись из глаз, совершившуюся перемену в общем облике природы оказалось возможным констатировать словами — «*мгла поля покрыла*». Возникает вопрос: к какому моменту времени следует относить появление тумана ранним летом в период после начала сумерек? Появление тумана есть чисто физическое явление, вызываемое охлаждением почвы вследствие лучеиспускания, благодаря чему близкий к земле нижний слой воздуха теряет в своей температуре столько, что, перейдя

через точку насыщения, выделяет избыток своей влаги в виде капелек и образует слой тумана. Наступает это явление летом при ясной и тихой погоде обычно вечером, после захода солнца, причем белая плотная пелена тумана держится на поверхности земли с вечера в течение всей ночи вплоть до восхода солнца. Утром, по мере нагревания почвы солнечными лучами, благодаря восходящим токам теплого воздуха, туман подымается вверх и мало-по-малу рассеивается. Таким образом, связь, предположенная нами между наступлением ночи и появлением тумана, обусловлена физическим законом, в силу которого охлаждение земной поверхности вследствие захода солнца вызывает в скором времени появление тумана. Несомненно, что автор Слова сам неоднократно наблюдал это явление в летнее время и, разумеется, фразу «мгла поля покрыла» он никоим образом не мог сказать в применении к «утреннему» туману, когда последний не заволакивает, «покрывает» поля, а подымается с земли вверх, или к ночному, когда туман давно уже покрыл землю. Полночь в представлении автора Слова связана не с покрывающим, а с уже давно покрывшим землю туманом — «синей мглою»: «(Всеславъ) скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи, изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мъгль»,¹ или: «Прысну море полунощи; идуть сморци мъглами».²

Но если слова: «мгла поля покрыла» имеют в виду всем известное появление тумана вскоре после захода солнца, разобранный же нами фраза — «длго ночь мркнетъ» значит — «долго смеркается ночь», то о какой заре может идти речь в отрывке: «Длго ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала, мгла поля покрыла»? Очевидно, поскольку фраза «заря свѣтъ запала» стоит между «Длго ночь мркнетъ» и «мгла поля покрыла», и рассказ идет последовательно, то только о вечерней. В противном случае, т. е., если бы мы стали утверждать, что она утренняя, пришлось бы приписать туману свойство в летнее время при тихой и ясной погоде появляться и заволакивать поля после появления утренней зари, что хотя и утверждал в свое время Потебня, но чего в действительности никогда не бывает, и что находится в полном противоречии с физическим законом, обуславливающим это явление.

Собственно говоря, уже приведенных соображений вполне достаточно для того, чтобы покончить с вопросом, какую зарю подразумевал здесь автор Слова — утреннюю или вечернюю. Однако, помимо этого, в самом тексте имеется совершенно ясное указание на то, что выражение «заря

¹ «Ироическая пѣснь» etc. М., 1800, стр. 35.

² Ib., стр. 39

«свѣтъ запала» касается зари вечерней, указание почему-то до сих пор остававшееся без внимания со стороны исследователей, занимавшихся Словом.

Дело в том, что слово «заря» с вокализмом в корне «а», как то имеет место в данном случае, в древне-русском и старо-славянском языках отличается в своем значении от родственного ему слова «зоря» с вокализмом в корне «о». Слово «заря», также «зара» (с вокализмом в корне «а» значит, прежде всего, 1. свет, сияние (lumen, splendor), напр.: «Аки заря огнена (ὡς εἶδος πυρός, velut species ignis)» Числ. IX, 15 по сп. XIV в. [Срзн.]; «Отъ огна зара и дымъ присно раждакѣтса». Изб. 1073 г. 247 [ib.]; «Зарами озари» Мин. 1097 г. 86 [ib.]; «Сияникъ, заре лица моѣго» Иак. Бор. и Гл. 62 [ib.]; «Узрѣста свѣтлу зарю, оконцемъ отъ пещеры исходящу» Кир. Тур. Посл. Вас. 118 [ib.]; «Яко же оубо и кде (и где) далече силнѣѣ пожаромъ горащѣи травамъ или тростию горащю далече сущимъ имъ. дѣню пламеннѣхъ (пламени и²) не възможно вѣти пришедши же нощи толи зара ихъ ѡвѣ бываеѣт пре^а очима нашими» [Колом. Пал., стлб. 73];¹ «хѣ же — зара слáвы есть ѡца» (ἀπαύασμα) Евр. 1.3 — в переводе соч. Мефодия Патарского (весьма древнем) по рукоп. XVI в. [Оп. Син. II, 2, стр. 27];² примеры на зара: «Зароу, съвыше ми свѣтъ дающе» Мин. 1097 г. [Срез.]; «Испущающоу ѡко свѣтлоу зарю» Жит. Феод. Ст. л. 50 [ib.]; 2. в своих вторичных значениях «заря» может обозначать также и зарю утреннюю и вечернюю, напр.: «Зѣло оутрѣ рано къ ѡвляющися зари» (ἀύγη) Ефр. Крм. 222 [ib.]; «Июдеиство оттолѣ погыбе и законъ по семь, ѡко вечерняя заря, погасе» Илар. Зак. Благ. [ib.].

Основное значение слова «заря», т. е. свет, сияние сохраняется в таких словах, как напр.: «зарезрачнѣи» — напр.: «Яко же зрыцаломъ лочами ти (Гѣ) озаримъ, и всѣмъ слы възгбениа зарезрачна прѣсловѣи» Мин. Пут. XI в. 4 [ib.]; «зарити, зарю» — осветить, напр.: «Яко свѣтъ зарить» Мин. служ. на Сентябрь XII в. [Оп. Син. III, 2, стр. 81]; «Ино же отъ водъ и отъ стькла заряще и пречисто исходимо бываеѣт» (δακρυεστάτων) Георг. Амарт. 194 [Срзн.]; «зарнѣи» — светлѣй (splendidus), напр.: «Зарнѣимъ свѣтѣ(ни)мъ своѣго бжѣства всѣмъ прострѣтъ»

¹ «Палея толковая по списку сдѣланному въ г. Коломнѣ въ 1406 г. Трудъ учениковъ Н. С. Тихонравова. М., вв. I—II, 1892—1896; варианты по изд. Общ. Л. Д. II. № ХСIII «Палея толковая 1477 г. Воспроизведение Синодальной рукописи № 210». СПб., в. I, 1892.

² А. Горский и К. Невоструев. «Описание славянскихъ рукописей Моск. Синод. библиотеки». Отдель: I, II, чч. 1, 2, 3 и III, ч. 1 — М., 1855—1869 гг.; Отл. III, ч. 2 — напечат. в Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1917 г. кн. четвертая (263-я). М., 1917; сокращенно — [Оп. Син.].

Мин. 1097 г. 7 [ib.]; «зареник» — *сияние* напр.: «Зареникъмъ... пвланни» Мин. 1097 г. 48 [Срзн.]; «Чюдесь зареник» Новг. Триод. XIII в. 3 [ib.]; «свътозарье, свѣтозарение» — напр.: «лоуна же и звѣзды свѣдѣтельствуѣ (свидѣтельствуѣ S.) ѿ сннца бывающю свѣтозарью (свѣтозаренію S.)» Георг. Амарт. [Истр. I, стр. 65];¹ «зарьство» — напр.: «И на нбѣ ехъ жилищи^х твои^х бесъскоудень. етеръ свѣ^т. зарьства несповедіма. ѿ свѣта лица твое^{го}» Сильв. сборн. XIV в. [Тхнр. Отр. лит. I, стр. 66]²; «заревъ» — название *месяца августа*, напр.: «До мѣца августа, рекомааго зарева», Остр. ев. 210 [ib.].

Слово «зоря» (с вокализмом в корне «о») обозначает прежде всего 1. *утреннюю зарю*, напр.: «Малъ бѡ чѣ ѣ зорямъ, таче сннце въше^х оугасить блѣскъ и^х» Ос. XI. 1. (Упр.) [Срзн.]; «Оуже зорямъ въсходѣщемъ и вельможамъ ѣдоушемъ къ князю» Нест. жит. Феод. 15 [ib.]; «А февраля 5 трясеся земля предъ зорями в ноци» Пов. врем. л. (Радзив. сп.) 6615 г. [ib.]; «По семь предъ зорями друзѣи придоша женѣ, и тѣ видѣста утръ въ гробѣ два ангела» Кир. Тур. 36. [ib.]; «Заутра ѿврьгошаса аky зора» (в некот. сп. читается: ѡς ὄρθρος) Ос. 11, 1 — текст по рукоп. к. XV в., заимствованный из толк. пророков «по списку Упиреву» [Оп. Син. I, стр. 121 и 115]; «Прѣжде же зорь дне святыя пасхы» (πρὸ τοῦ δὲ ἡμέραν τοῦ ἀγίου πάσχα διαυγᾶσαι) [Римск. Пат., стр. 12];³ «Томъ утрѣ въ зоряхъ» (ἐν αὐτῇ τῇ αὐγῇ) [ib.]; «Вниде свѣгащимъса первы^м зорамъ. мер'зоѣ памяти написабмый Болеславъ» (Rubente iam primū aurora) [Лег. Гумп].⁴ Кроме указанного основного составителя Мат. для Слов. древне-русского языка отмечают еще два других: 2. *вечерняя заря*, напр.: «Вѣтръ чермень видѣниемъ, а зорями яко же сннцѣ зашедшѣ» Жит. Андр. Юр. VII, 34 [Срзн.] и 3. *свет*, напр.: «Не видиши зорь црства нбснаго» (ἀκτίνας, lucem) т. ж. XII. 58 [ib.]; «Сннчных зорь» (ἐξ αὐγας ἡλιακῆς, ex lumine solari) т. ж. XXIV, 93 [ib.]. Надо, однако, заметить, что последние три примера заимствованы из текстов XV—XVI вв. и, стало быть, нуждаются в проверке

¹ Анад. В. М. Истрин. «Книгы времениыи и вобразныи Георгии мнixa. Хроника Георгия Амартола въ древнемъ славяно-русскомъ переводѣ». Т. I, Пгр., 1920; сокращенно — [Истр. I].

² Н. Тихонравов «Памятники отреченной русской литературы»; т. I, СПб., 1863; т. II, М., 1863.

³ А. И. Соболевский. «Римскій Патерикъ въ древнемъ церковно-славянскомъ переводѣ». Изборник Киевский, посвященный Т. Д. Флоринскому. Киев, 1904, стр. 1—28; сокращенно — [Римск. Пат.].

⁴ «Легенда Мантуанскаго епископа Гумпольда о св. Вячеславѣ Чешскомъ въ славяно-русскомъ переложеніи». Труд Н. Никольскаго. Памятники древней письменности и искусства CLXXIV. См. стр. 51—52; сокращенно — [Лег. Гумп.].

со стороны более ранних списков. В таких памятниках, как напр., Хроника Георгия Амартола и Ипатьевская летопись проведено резкое различие между словами «заря» — свет, сияние и «зоря», всегда обозначающим утреннюю зарю.

Так, в Хронике Георгия Амартола слово «заря» (с вокализмом в корне «а») встречается в примерах: «(Моисей) того ради покровъ положи, ꙗгда к нимъ бесѣдоваше. лоуча бо испоущаше свѣтоносныи и ѡзаряи зѣло, лица ѡвращаше зрацимъ, ꙗко нѣкотораи сльнчънаи зарѧ ѡчи припадающе» [Истр. I, 97]; «(Храм) скрижали бо златыми тольстыми оукрашень, ѡ-му въстоку сльнчъному ѡгнеѡбразную зарю испоущаи, лица видацимъ ѡвращаше, ꙗко нѣкотораи зарѧ сльнчънаи на ѡчи припадающи» [ib., 195]; «Сльнчънаи же лоуча, припадъши на ѡдежу, сипанимъ зарю ѡ ѡдежа испоущаше и лица прѣстоущимъ облицаще» [ib., 215]; «ꙗко свѣтлаи и ꙗвленаи телесныхъ лоуча въ себе въпоущающи та бывають пресвѣтлѣиша и кteroу зарю исебе възъблистають, тако дѣхъносныи дѣиѧ, възблиставшиа ѡ стѧ дѣа, самы же свершаютьса дѣвнии и ктеры блѣдти испоущають» [ib. 405]. Слово «зоря» (с вокализмом в корне «о») находится в примере: «Мѣтвы же и пѣнии къ Бѡу ѡ полоуноци доже и до зорь приносѧ съ страхомъ и величаниѡмъ» [Истр. I, 228].

Из Ипатьевской летописи примеры на «заря»: «В се же время бы еишѣ. видивъ въ своемъ манастыри чресъ поле. зарю велику надъ пещерою. мнѣвъ ꙗко несутъ Федосыи... и всѣдъ на конь в борзѣ поѣха. поемъ съ собою Климанта. его же постави игумена по собѣ. ідаста в собѣ видаста зарю велику. и ꙗко приидоста близъ. видѣста свѣщи многы. надъ пещерою. і приидоста к пещерѣ и не видиста ничто же» [под 6599 (1091) г., стлб. 202]; «Сицю же пламени бывшоу. ꙗкоже со всеи земли зарѣ видити. ꙗкоже и со Львова зраще видити по полѣ Белзьскимъ. ѡ горении силнаго пламени» [под 6767 (1259) г., стлб. 841].

Оттуда же примеры на «зоря»: «Сѡпѣвши заоутрѣнюю предъ зорами.) идоша по кѣльямъ своимъ» [под 6582 (1074) г., стлб. 181—182]; «А завѣтра в поведѣльникъ по зорамъ повѣсиша Лазора. и Васила» [под 6605 (1097) г., стлб. 243]; «В се же лѣто бы знаменье. надъ Володимеремъ. мѣца априла. два. круга. а в нею аки сльнце. и до шестаго часа. а ночь. аки. гѣ. стази свѣтлѣ. ѡли до зорь» [под 6607 (1099) г., стлб. 248]; «Въ гѣ. же днѣ пристоупиша. вси ко градуу. по зорамъ биша до поздньоѣ вечернѣ» [под 6654 (1146) г., стлб. 320]; «А Гюрги стои гѣ. дни оу Стракве. а четвертыи днѣ поиде ѡ Стракве. мимо городъ. по зори исполцивса. и ста межѣ валомѧ» [под 6657 (1149) г., стлб. 379]; «Въ втрии же днѣ по

зорамъ. исполцися Изаславъ. поиде противу Володимиру. на бои полкы своими» [под 6658 (1150) г., стлб. 400]; «Оутрии же днь в патницю. яко зорѣ почаша са заимати. переже въ Дюрга въ бубны в полку и въ трубы въструбиша» [под 6659 (1151) г., стлб. 436]; «И приѣхавъ Изаславъ къ Деснѣ. противу Свѣнковичемъ. и в зорѣ. переправи полци свои чересь Десну. и пусти ѿ воевати» [под 6668 (1160) г., стлб. 507].

В трех случаях в Ип. лет., наблюдается, однако, и смешение в употреблении обоих слов, именно:

1. «Си (т. е. Ольга) бѣ предѣтекушиѣ хрѣтъяньской земли, аки дѣньница пре слнце^а и аки зарѣ предѣ свѣтомъ» [под 969 (6477) г., стлб. 56]. Здесь «заря» — *утренняя заря*; в Лаврентьевской летописи в этом месте слово заря имеет «о» — «зора».

2. «В то же лѣ бѣ знаменье на нбси. мѣа генварѣ. кѣ. по. г. днѣ. аки пожарнаѣ зора. ѿ вѣстока и оуга. и запада и сѣвера. и бѣ тако свѣтъ всю ночь. аки ѿ луны полны свѣтащеса» [под 6610 (1102) г., стлб. 251]. В данном случае «зоря» обозначает *свет, сияние*. Хлебниковский и Погодинский списки здесь имеют чтение слова заря с «а» — «заря».

3. «Наоутрѣи же пригнавшимъ к нимъ. Проусомъ и Бортомъ. и во емъ же всимъ съсѣдшимъ. и вооружшимъса пѣшцемъ исо стана. щитѣ же ихъ яко зарѣ бѣ. шоломъ же ихъ яко слнцю восходащюу» [под 6759 (1251) г., стлб. 813]. В приведенном примере слово «заря» значит *утренняя заря*, однако, как отмечают издатели Ипатьевской летописи в примечании под буквой б к этому слову, буква «а» исправлена здесь из прежней буквы «о», и, стало быть, первоначально в тексте было «зора», а не «заря». Указанные случаи смешения надо, повидимому, относить за счет особенностей говора писца Ипатьевского списка, сделаннаго, как известно, в одной из северо-русских областей [список ок. 1425 г.].¹

Все это вместе взятое заставляет притти к выводу, что в древности со словом «заря» связывалось, по преимуществу, значение *свет, сияние*, слово же «зоря» обозначало, главным образом, *утреннюю зарю*. В своих вторичных значениях, оба слова, особенно в более позднее время, смешивались, и иногда «заря» употреблялось для обозначения *вечерней* и даже *утренней зари*, порою же слово «зоря» значило *свет, сияние*.

Различие, наблюдаемое в словоупотреблении обоих слов в древности, находит себе подтверждение и со стороны современных славянских языков.

В чешском — слова «záře, e», «zář, e» прежде всего значит *сияние, свет* (blesk, světlo, svit, der Strahl, Glanz, Schein, Widerschein, Schimmer),

¹ См. Предисловие ко 2-му изданию Ипатьевской летописи, стр. VI.

а в дальнейшем, кроме того, и *заря* — *заря вечерняя* (večerní, západní z.) и *заря утренняя* (ranní, jitřní z.), очевидно, аналогично *сиянию*, *свету от огня*, *пламени* (z. od ohně) *солнечному* (slunečná z.), *лунному* (měsíčná z.), *северному* (severní, půlnocní z.) и *южному* (jižní z.), ср.: «Z. okolo hlav svatých» [Kott, РНК].¹ Отсюда такие слова, как напр. «zářící» adj. — *сияющий*; «zářiti», «zářiti se» — *блестать, сиять*; «září» — *месяц, сентябрь*; «zářivý» adj. — *сияющий* [РНК]. В отличие от этого слова: «zora, y» («zoriče, e») стар., также «zoriče, e» («zřiře, zoriče» стар.), «zorič, i» — обозначают исключительно *утреннюю зарю* (ranní záře, jitřenka, die Morgenröthe), причем последние два слова («zoriče» и «zorič») в старину употреблялись еще и для обозначения *утренней звезды, денницы* (dennice, der Morgenstern), напр.: «na zorách» [Kott] — на рассвете (na úsvitě); «Ty jsi stvořil zorzyu» Ž. wit. 73.16 [ib.]. Отсюда — «zoričiti se», в безличной форме — «zoričiti se» — *светает, рассветает*. К указанным словам из чешского можно присоединить также и словацкие, как напр.: «zornica» — *денница, зенница*; «zornu» — *свойственный заре, светлый, утренний*, напр.: «zorné rúcho» — *утренняя заря* [Мчт. слвц].²

В сербском языке в настоящее время слово «заря» не употребляется; в древности «заря» обозначало *блеск, сияние* (fulgor), напр. «швещань вьсь мирь зарями распетаго на нямь» Ст. 16 [Днч.];³ «Удь самого божества зарею свьтеще се» М. 133 [ib.]. Отсюда «зарьнь» — *блестящий, сияющий* (fulgens), напр.: «паче слъньца зарьное лице» Са. 14 [Днч.]. Слово «здра» (с вокализмом в корне «о») — значит *утренняя заря*, напр.: «у зору» — с рассветом, на рассвете [Мчт.⁴ срб., Рстн.⁵]. Отсюда такие слова, как напр.: «здрити» — *становиться красным о заре, брезжить* (grauen, anbrechen, dämmern); «зорница» — *ранняя обедня, также светельник*; «зорьача» — *денница, утренняя звезда*; «здрѣм» нареч. — *с зарею, на рассвете* [Мчт. срб., Рстн.]; «здрѣње» — *рассвет* (свитање, Tagesanbruch) [Рстн.].

В болгарском — «зара» обозначает *луч, свет*: напр. «Мѣсячина-та зарж даде да огрѣе» [Грв.]; «Това бѣ зара отъ околнитѣ далечни мѣста,

¹ I. В. Ранк. «Чешско-русский словарь». Прага, 1902; сокращенно — [РНК].

² Л. А. Мичáтек. «Дифференциальный словенско-(словацко-) русский словарь». Турчанский святой Маргин, 1900, сокращенно — [Мчт. слвц].

³ Речник из књижевних старина српских написао Ђ. Даничић. У Биограду, д. д I—III, 1863—1864; сокращенно — [Днч.].

⁴ Л. А. Мичáтек. «Дифференциальный сербско-русский словарь». СПб. 1903; сокращенно — [Мчт. срб.].

⁵ Речник српскохрватског и немачког језика. Други део српскохрватско-немачки. Илрадили Dr. phil. Светомир Ристић и Јован Кангрга. Београд, 1928; сокращенно — [Рстн.].

който догоряхъ» [Двр.]. Отсюда слова: «зарѣж, -ришиъ» — сияю; «зѣревъ» — августъ мѣсяцъ [Грв.]. Слово «зорá» значит: 1. *утренняя заря, рассвет*; 2. *денница, утренняя звезда*, напр.: «Въ зоры» — рано (когда да ся съвне); «Прѣдъ зоры» — до света (прѣди да ся съвне) [Грв.]. Отсюда «зѣрѣж, зоршиъ се» — *рассветать*; «зѣрний», «зѣренъ» — *на рассвете*, напр.: «зорна цоба»; «зорница», «зорничка» уменьш. — *зоречка*; «зѣръ» нареч. — *завтра* [Мчт. блг.,¹ Грв.].

В словинском языке слово «zárja» может обозначать и *вечернюю* (večerpa z.) и *утреннюю зарю* (jutranja z.), равно как и *северное сияние* (severna, polnočna z.) [Plts.] и, таким образом, весьма близко подходит к словам «zár», «zárĕ» чш. яз. Слово «zōra» значит *утренняя заря* (die Morgenröthe); отсюда такие слова, как: «zōriti se» — *рассветать*, напр.: «dan se zōri»; «zōrnica» — *ранняя обедня во время Филипповок*, также *утренняя звезда*; «zōrjenica» — *т. ж.*; «zōrĕ, -ĕta» м. — *тот, кто любит рано вставать* [Pltš., Хстн.].² Наряду с этим в настоящее время наблюдается, однако, и смешение в словоупотреблении обеих корней, и с корнем «zar...» начинает ассоциироваться понятие *утренней зари* (напр.: «zárjast» прил. — *подобный утренней заре* (morgenrothartig); «zárjenica» — *утренняя звезда* (при «zōrjenica» — *т. ж.*); «zarnica» — *ранняя обедня* (при «zōrnica» — *т. ж.*) [Pltš.], с корнем же «zōr...» — значение *вечерней зари* и *блеска, сияния* вообще (напр.: «zōrja» — *собственно утренняя заря*, но также и *заря вообще, всякое покраснение на небе* [ср. «zárja»]; «zōr» — *рассвет*, также *восток*, но вместе с тем и *блеск* [Pltš., Хстн.]).

В польском в старину существовали, с одной стороны, формы — «*zarza», «*zara», «*zazra», с другой — «zōrza» и «zōra» и не так давно употреблялись одна рядом с другой без особого различия, напр.: «Rożana zarza wupnika» Groch. W. 45 (*утренняя заря*) [Linde]; Już wieczorne paliły się zōrze» (*вечерняя заря*) Odym. Św. D. d. 4^b [ib.]. Однако, в настоящее время удержалась форма «zōrza» (также «zōrze» п.) с вокализмом в корне «o», на которую и перешли значения, в древности связанные только с корнем «zar...» Так, «zōrza zaranna» значит *утренняя заря*, «zōrza wieczorna» — *вечерняя заря*, «zōrza północna» — *северное сияние*, вообще же слова «zōrza», «zōrze» стали обозначать *сияние, свет, дневной свет*, не теряя вместе с тем своего исконного значения — *утренняя заря*.

¹ Л. А. Мичáтек. «Дифференциальный болгарско-русский словарь». СПб., 1910; сокращенно — [Мчт. блг.].

² М. Хостник. «Словинско-русский словарь». Горица, 1901; сокращенно — [Хстн.].

В нижнелужицком сохранилась форма «*zoŕa, -ow*» pl. n., обозначающая *красноту, зарево на небе*, особенно *утреннюю зарю*, хотя иногда и *вечернюю*; для обозначения последней обычно говорится «*wjasorne zoŕa*», но говорят и «*jutšne zoŕa*» для утренней зари; «*nosne zoŕa*» — *северное сияние* [Мука].

В восточной славянской языковой ветви и, в частности, в украинском языке имеются лишь формы с вокализмом в корне «о (і)» «*зоря*» — 1. *звезда*, 2. *заря вообще*, откуда «*зірка*», «*зірочка*», «*зіронька*» — *звезда, звездочка*; «*зірніця*» — 1. *звезда*, 2. *молодые деревца*; также «*зоріиця*», «*зорніиця*» — *звезда*; «*зорниця*» = «*зірніиця*»; но, вместе с тем, «*зоріти, рію*» — *светиться, сиять*; «*зоряти, ряю*» — *т. ж.* [Грнч.]; в белорусском слово «*заря*» с вокализмом в корне «а» имеет тот же смысл, что в украинском «*зоря*» — 1. *заря*, 2. *звезда*; однако, такие слова, как напр.: «*зорыць*» — *звездить*; «*зорны*», «*зорчын*» [Бк.-Нкр.] — *звездный* через посредство «*збръка*» — *утренняя звезда* (уменьш. «*збречка*», «*збренька*») стоят в прямой связи с древне-русск. «*зоря*», и заставляют думать, что прежнее «*зоря*» в белорусском языке слилось с «*заря*», утратив ударение на первом слоге (ср. «*зарянка*» — *утренняя звезда*, «*заряць*» — *светать, появляться светом* [Нсвч.]);¹ в современном русском языке существуют два слова — «*заря*» и «*зоря*» и употребляются безразлично для обозначения *утренней зари, вечерняя же* обычно называется «*заря*»; слово «*заря*», помимо того, обозначает также *свет*, в то время, как «*зоря*» значит еще и *звезда* [Слов. АН].

Приведенные данные из современных славянских языков показывают, что различие в старо-славянском и древне-русском языках между значениями «*заря*» и «*зоря*» не случайно и, будучи свойственно, в большей или меньшей степени, почти всем славянским языкам, ведет свое начало с глубокой древности и, надо думать, отражает семантику старших стадий славянского языка вообще. В настоящее время лучше всего древнее значение обоих слов сохранилось в чешском языке, слабее, но все же очень ясно, в словинском, не столь заметно в сербском и болгарском; слабо выражено оно в нижнелужицком языке и почти совершенно потерялось в польском. Что касается восточной ветви, то в украинском и белорусском прежние значения для каждого из языков слились в одном из удержавшихся в нем слов, в русском современном — в известной мере сохранились.

Возвращаясь к интерпретируемой фразе, надо прежде всего заметить, что помимо нашего отрывка, слово «*заря*» встречается в Слове о полку

¹ И. И. Носович. «Словарь бѣлорускаго нарѣчія». Изд. ОРЯС Акад. Наук, СПб., 1870; сокращенно — [Нсвч.].

Игореве еще три раза: дважды с начертанием через «о» — «зоря» и один раз с «а» — «заря». Именно: 1. с начертанием «о»: а) «Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають»¹ и б) «Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями»;² 2. с начертанием «а»: «Погасоша вечеру зари».³ Нетрудно видеть, что в двух первых случаях «зоря» (с вокализмом в корне «о») обозначает *утреннюю зарю*, в третьем же — «заря» (с вокализмом в корне «а») — *свет, вечернюю зарю*. Отсюда ясно, что коль скоро в нашей фразе — «заря свѣтъ запада» «заря» имеет в корне «а», то, принимая во внимание исконное различие в значениях слов «заря» и «зоря» в славянских языках, а также то обстоятельство, что в Ипатьевской летописи это древнейшее различие сохранилось в полной силе, следует и в данном случае слову «заря» придавать значение — *свет, вечерний свет, вечерняя заря* и отнюдь не понимать его, как *зарю утреннюю*: если бы автор имел здесь в виду последнее значение, — слово «заря» было бы с вокализмом в корне «о» и, стало быть, имело бы начертание «зоря», как то имеет место в случаях, где говорится об *утренней заре* в Ипатьевской летописи и в том же Слове о полку Игореве. Это и есть то непосредственное указание текста, как понимать слово «заря» в нашей фразе, о чем было сказано выше.⁴

¹ «Ироицкая пѣснь» etc., М., 1800, стр. 12.

² Там же, стр. 18.

³ Там же, стр. 40.

⁴ В. Н. Перетц в своей книге: «Слово о полку Игоревім пам'ятка феодальної української XII віку» (Київ, 1926), собирая и приводя без всякой критической проверки, чисто механически, замечания, наблюдения, толкования и выводы своих предшественников по изучению Слова, необходимости различать слова «зоря» и «заря» в др.-русс. языке, как кажется, не видит и при своих попытках реставрировать текст Слова о полку Игореве вносит невероятную путаницу в употребление обоих слов. Именно:

1. в комментарии во всех текстуальных выдержках из Слова о п. Иг. допускает написание слова *заря* через «о» — «зоря», придерживаясь Потебни, Голубовского, Корша, но вне зависимости от того, идет ли речь об утренней или вечерней заре (см. стр. 180, 189, 214, 312);

2. в реконструированном тексте следует первому изданию, не принимая в расчет указаний Потебни, Голубовского, Корша и вне зависимости от того, говорится ли в данном месте об утренней или вечерней заре (см. стр. 99, 101, 105, 125—126);

3. в тексте, напеч. гражданским шрифтом, вслед за Потебней и Коршем и вопреки 1-му изданию, принимает чтение «зоря» с вокализмом в корне «о», когда речь идет о *вечерней заре* («Погасоша вечеру зори») (см. стр. 125—126), и вопреки указаниям Потебни и Голубовского оставляет чтение 1-го издания с вокализмом в корне «а» — «заря» в цитате «заря свѣтъ запада», где по мнению самого издателя и тех же Потебни и Голубовского говорится об *утренней заре* (см. стр. 99).

Оставляя на благоусмотрение автора, как специалиста, самому разбираться, какие из вводимых им, совершенно произвольно, разночтений и при каких обстоятельствах следует считать с его точки зрения соответствующими истине, заметим лишь, что исправление слов «заря» на «зоря» в случае *зари вечерней* имеет *raison d'être* только при предположении,

Если, таким образом, выражение «заря свѣтъ запала» касается зари вечерней, остается невыясненным вопрос, как следует понимать глагольную форму «запала». Выше было сказано, что исследователи при ее объяснении видели в ней или совершенную форму глагола «западати» (т. е. «запала есть»), или аорист 3 л. ед. ч. глагола «запалати», или, наконец, испорченную форму совершенного вида глагола «запати», (т. е. «запала есть»). Последнее толкование, как слишком искусственное, может быть оставлено в стороне; что касается двух первых, то каждое из них на первый взгляд имеет, как будто, одинаковые шансы на признание, и потому оба они нуждаются в сравнительной оценке со стороны их лексического смысла.

Глагол «запати» в Материалах для словаря древне-русского языка отмечен только один раз в значении *скрыться в засаде* — «На завтрѣе (нѣмцы) поидоша прочь и западоша; а Изборяне придоша на стань, гдѣ Нѣмцы ночевали, и удариша на Изборянь Нѣмцы западные» Псков. лет. I под 7010 годом. Дубенским было указано выражение из Софийского Временника: «Церковь болшая въ прежніе лѣта отъ пожара запала» Соф. Вр. ч. II, стр. 360.¹ Несмотря на относительную скудость примеров для древне-русского и старо-славянского² языков, глагол этот имеется во всех современных славянских языках. Именно:

в чешском — «*zapadnouti*» (стар. «*zapásti, zapadu*»), «*zapadati*», «*zapadovati*», «*zapadávati*» — значит: 1. *западать, запасть за что-нибудь, упасть, упасть во что-нибудь* (někam padnouti, bis hinter etwas fallen, ein-, hin-, hinein-), напр.: «*Klika zámek dobře zapadá*» [Kott]; 2. *зайти, пропасть* (zajiti, untergehen, nieder-), напр.: «*Kam asi zapade?*» [Пнк.]; 3. *пропасть, погибнуть* (pojiti, zu Grunde gehen, vergehen, verfallen), напр.: «*Kde síla vládne, tam zákon zapadne*» Č. M. 340 [Kott]; 4. о снеге — *быть прикрыту снегом* (zapadnutím sněhu přikritu býti), напр.: «*Chodníčky sněhem zapadaly*» Č. 147 [ib.]; 5. по отношению к небесным светилам — *заходить*, напр.: «*Slunce nezapadej na rozhněvání vaše*» Sš. II, 119 [Kott] «*Slunce krásně zapadlo*» Sá. [ib.]; «*Slunce za horu zapadlo*» V. [ib.]; «*Když Kosy (Orion) zapadnou, půjdeme do práce*» Mor. Tč. [ib.]; 6. о воде — *понижаться, опадать*, напр.: «*Voda zapadla (opadla)*» Rgl., Lg., Sl. les. [ib.];

что автор Слова о полку Иг. писал на современном украинском языке, в котором, как было показано выше, оба слова «зоря» и «заря» слились в одно — «зоря» и более уже не различаются.

¹ Дм. Дубенский, *op. cit.*, стр. 46.

² В *Lexicon'e palaeoslovenico-graeco-latinum* Fr. Miklosich'a (Viindobonae, 1862—1865) — слов «западати, запасть» не отмечено.

В польском — «*zapaść*», «*zapaść*» — обозначает: 1. *зapaсть за что-нибудь, упасть во что-нибудь* (bis hinter etwas hinfallen, darein fallen, einfallen, hinein-), напр.: «Klamka zapadła» [Linde]; 2. *пропасть, исчезнуть* (verschwinden), напр.: «Zapadł gdzieś, ni słyчу, ni widu» Cn. Ad. 1390 [ib.]; 3. *упасть, провалиться* (einfallen, einstürzen; einsinken, versinken), напр.: «Trzęsieniem ziemi za Tyberyusza trzynaście miast w Azyi zapadło się» Karp. 4, 113 [ib.]; 4. о глазах — *овалиться*, напр.: «Wysechł i oczy mu daleko w głąb zapadły» Jabl. Tel. 88. [ib.]; 5. *худеть, делаться большим* (in Krankheit verfallen), напр.: «Niesco na zdrowiu zapadł» Gaz. Nar. 1,59 b. [Linde]; 6. о снеге — *быть покрыту снегом*, напр.: «Król na jednym miejscu wielkie niepogody cierpiąc, śniegiem wielkim zapadł» Kosz. Lor. 137 b. [Linde]; 7. о ночи — *наступать, застывать*, напр.: «Już noc zapada, potrzeba się wrócić do pałacu» Teatr. 37, 246 [ib.]; 8. о солнце — *заходить*, напр.: «Zapada słońce» [ib.] и другие близкие к указанным значения;

В нижелучицком — «*zapaś*», «*zapaś*» и «*zapaś*» — значит: 1. *упасть за что-либо, упасть, упасть во что-либо* (hinter etwas hinfallen, hineinfallen, einfallen), напр.: «Klinka jo zapadnuła» [Мука], «Zapadnuś do něcogo» [ib.]; 2. *погружаться в зыбучую, болотистую, песчаную почву* (einsinken, versinken im sumpfigen, brüchigen, sandigen Boden), однако, до тех пор, пока еще видна какая-нибудь часть тела; 3. о речи и слухе — *терять* (verfallen, sich verstopfen), напр.: «Reč jomu zarajže» [ib.];

В сербском — «*zapađati*», «*zapađati*», «*zapađati*» значит: 1. *западать, упасть за что-либо* (fallen hinter etwas, dahinterfallen); 2. *оказаться между чем-либо, попасть куда-либо* (dazwischen stecken bleiben, wohin gerathen); 3. *пропасть, поибнуть* (untergehen, untertauchen); 4. *упасть, упасть во что-либо* (hereinfallen, gerathen), напр.: «у блато»; 5. *напасть о снеге*, напр.: «запао снег до колена» [Рстћ]; 6. *достаться* (anfallen, zufallen), напр.: «Запало Циганину царство, па објесио свога оца» [Крц.,¹ Рстћ];

В болгарском — «*zapađati*», «*zapađati*» и «*zapađati*» обозначает: 1. *упасть, понижаться* [Дврн.]; 2. *беднеть* (западвамь, изгубвамь имота си), напр.: «Стое бѣ богатъ, нъ западнѣ» [Грв.]; 3. *начать слабеть* [ib.];

¹ Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем рјечима Скупио га и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Изд. 3. У Биограду, 1898

В словинском — «*zarásti*» значит: 1 *упасть* за что-либо или во что-либо (*hinter etwas fallen, einfallen, einspringen*), напр.: «*Kljuka je zapadla*» [Pltš.]; 2 *зайти, пропасть* (*zaiti, untergehen*); 3. *пропасть, погибнуть* (*verfallen*), напр.: «*Moje blago je zapadlo*» Cig. [ib.]; 4. о снеге — *напасть*. напр.: «*Sneg je zapadel štiri čevlje na debelo*» [ib.]; 5. *стать наказуемым* (*straffällig werden*), напр.: «*Svojo dušo s smrtnim grehom z.*» С. [ib.].

В восточной славянской языковой ветви и, в частности, в украинском языке — «*запа́дати*», «*запа́сти*» обозначает: 1. *проваливаться, провалиться*; 2. *сваливаться, свалиться*; 3. *западать, пасть* (о цеколке); 4. о солнце — *заходить, зайти*, напр.: «*Сонечко вже запало за гору*»; 5. *спадать, пасть во что-либо* [Грнч.]; в белорусском — «*запа́даць*», «*запа́сьці*» значит: 1. *упасть, клониться к упадку*; 2. *пропасть*; 3. о солнце — *заходить*, напр.: «*Сонце вь тучу западаець, запало*» [Нсвч.]; в современном русском — «*западать*», «*пасть*» обозначает: 1. *попадать* в душу, в сердце, в голову; 2. *заходить под горизонт, закатываться*, напр.: «*Съ вечера Кичиги (назв. созвѣздя) поднимаются на юго-востокѣ, а къ утру западають*» на юго-западѣ Мам.-Сибир. 3. *скрываться, прятаться*; 4. *быть в неизвестности, пропасть, исчезать*; 5. *сбывать, убывать, упасть*, напр.: «*Вода запала*» Арханг.; о ветре — *затихать, стихать*; 6. *захлопнуться, затвориться*; 7. *спадать, сваливаться* (о животе и других частях тела); 8. *не расти, не обнаруживать роста; также заболеть, прихварываться, припадать*; 9. *быть занесенным, засыпанным чем-либо*, напр.: «*Западуть зимой снежкомъ оны (сироты) перистымъ*» Барс. Прич. I, 155 [Слов. АН].

Пересмотр значений глагола «*западать*» приводит к заключению, что его основной смысл в славянских языках это — *упасть, упасть за что-либо* (преимущественно сверху), *пасть, спадать во что-либо* (преим. сверху). В прямой с ним связи стоят такие выражения, какие в русском языке передаются словами: *свалиться* (о частях тела), *застыгать, наступать* (о ножи), *заходить, закатываться* (о солнце и небесных светилах), *напасть, покрыть* (о снеге). Поскольку предмет, западая за что-либо или впадая во что-либо, исчезает из поля зрения, то во вторичных значениях глагол этот обозначает также: *понижаться, сбывать, убывать, погрузиться, скрываться, прятаться, пропасть, провалиться, исчезать, быть в неизвестности, погибнуть*. Относительно не столь близки, но не теряют связи с основным значением обороты, соответствующие русским глаголам: *беднеть, слабеть, терять* (зрение, слух), *худеть, не расти, делаться большим* etc.

В применении к *«заре»* глагол этот, однако, обычно не встречается, что становится вполне понятным, принимая во внимание его основной смысл, предполагающий движение (преимущественно сверху) за что-либо или во что-либо и исчезновение предмета вследствие этого движения. В самом деле, если даже у столь отдаленных, с нашей точки зрения, значений, как напр. — *беднеть, терять зрение, слух, делаться больным* — их связь с глаголом *«западать»* открыть не трудно, исходя из тех соображений, что в прошлом (в средние века) отвлеченные понятия «богатство», «здоровье», «зрение», «слух», обычно рассматривались как самодевлеющие сущности, наличие или отсутствие которых сообщало их носителям те или иные состояния и свойства, откуда, стало быть, слово *«западать»*, указывая на движение их «вниз», было, таким образом, вполне тождественным по своему значению тому, какое оно имеет в выражении «вода запала», то что же, собственно, глагол этот мог обозначать по отношению к «вечерней заре», если, представляя последнюю в качестве конкретно существующего предмета, видеть в ней объект, аналогичный солнцу и небесным светилам, и чему реальному при этом он должен был бы соответствовать?

Всякий, кто имел возможность наблюдать картину смены дня и ночи, знает, что в то время как солнце и небесные светила, оставляя небосклон, опускаются ниже горизонта, т. е. в буквальном смысле *«западают»* за линию горизонта, в чем и заключается кажущаяся причина их исчезновения из поля зрения наблюдателя, феномен, называемый «вечерней зарей», начинаясь с появления золотистых и красных тонов в западной части неба после захода солнца и претерпевая колебания в интенсивности и оттенках своих красок, заканчивается их переходом в однотонный темный вид ночного неба, причем исчезновение яркой окраски с небосклона происходит не путем ее передвижения вниз (опускания) за черту горизонта, а в постепенном ослаблении силы света и побледнении цветов вплоть до перехода всей яркоосвещенной части неба в узкую светлую полоску на краю небосклона, свидетельствующую об окончании всего явления. Никакой связи между основным смыслом глагола *«западать»* и описанным явлением — постепенным ослаблением света и обесцвечиванием красок — при всем желании установить никак нельзя, и ничему реальному в применении к вечерней заре глагол *«западать»* решительно не отвечает, а стало быть, по сути дела, и ровно ничего не значит. То реальное, что происходит в этом случае, передается в славянских языках глаголами другими, а не глаголом *«западать»*, а именно — *«блэднеть»*, *«меркнутъ»*, *«потухатъ»*, *«погасатъ»*, теми

самыми, какие обычно применяются к понятию «свет», когда желают выразить ослабление его яркости или его затухание. Смелое утверждение Барсова, будто глагол «западать» в применении к «вечерней заре» должен значить то же, что греческий *δύνη* (*καταδύνη*) и латинский *occidere* по отношению к существительным *ἥλιος* и *sol* — не выдерживает критики. Ни в греческом, ни в латинском языках специальных слов для обозначения понятия «вечерняя заря» не существовало, описательные же выражения, которые могли бы для этого годиться, как, напр., лат. «*rubens vesper*»¹ (Verg.) [или искусств. «*rubor coeli vespertini*»] в соединении с указанными глаголами, с точки зрения стилистики обоих языков — решительно невозможны. Надо при этом заметить, что, вообще говоря, для того, чтобы передать прекращение действия (световых) явлений, выражавшихся по гречески словами: *ἀιγλή*, *ἀκτίς*, *αὐγή*, *ἀπαύγασμα*, *λαμπτήδων*, *μαρμαρυγή*, *φαῦσις*, *φέγγος*, а по латыни: *lux*, *lumen*, *splendor*, *radius* — словами, переводившимися обычно в древности на славянские языки словом «заря», глаголы — гр. *δύνη* (*καταδύνη*) и лат. *occidere* не употреблялись.² Все это вместе взятое заставляет думать, что свидетельство Пожарского, ссылавшегося на белорусских крестьян, якобы говоривших при непоявлении зари — «заря запала» — в смысле «пропала», и ставившего форму «запала» в связь с глаголом «западать» — весьма сомнительно и нуждается в проверке. Возможно, конечно, что в настоящее время где-нибудь глагол этот употребляется — совершенно неправильно — и по отношению к заре, но для XII в., когда значения слов стояли к их прямому смыслу значительно ближе, чем в настоящее время, подобное утверждение без соответствующих доказательств было бы рискованным.

Иначе обстоит дело с другим глаголом, — «запалати».

Без префикса в форме «палати» он встречается в древне-русском языке нередко, соответствуя нынешним *пылать*, *сильно жореть*, напр.: «Неистовъна гонителя въ палаюции пламень васъ върыгль есть» Мин. 1097 г., л. 38 [Срзн.]; «Сирах. Огнь палаемъ оугаситъса водою, милостыни же очиститъ грѣхы (*πῦρ φλογιζόμενον*)» [Пч. Сем., стр. 73];³ «Единою вжегши ему печь в печерѣ, поча палати оутлизнами, оному же нѣчимъ заложити, вступи ногама на поломя, дондеже изгорѣ и излѣзе»

¹ Напр.: *Illic fera rubens accendit lumina vesper* Verg. Georg., I, 251.

² Справки из области греческой и латинской стилистики любезно проверены специалистами классических языков — проф. С. В. Толстой и проф. А. И. Малеиным, за что приносим им со своей стороны глубокую благодарность.

³ В. Семенов. «Древняя русская Пчела по пергаменному списку». СПб., 1893. Сб. ОРЯС Акад. Наук, т. LIV, № 4; сокращенно — [Пч. Сем.].

Пат. Печ. (также Лавр. лет. под 1074 г. и Ипат. лет. *ib.*, стлб. 187) [Срзн.]; «Устремленіа ратнаа палаху паче пламени» Иос. Фл. VI, 210 [Пртц., стр. 50].¹

Из современных славянских языков он имеется, однако, не во всех, но, повидимому, только в чешском, польском, украинском и русском. Именно:

в чешском — «*pálati*»,² «*pálavati*» значит *пылать, гореть, быть раскаленным* (*horěti, pláti, rozpálenu býti, flammen, flackern, lodern, ardere*) напр.: «Рес, oheň *pálá*» [Kott]; «Oheň k oblakům *pálá*» [*ib.*]; «V dáli *pálá hvězda*» [Kott. Дпл.]; «Na stěně tam v jarých barvách *pálá svatební hod*» Čch. Mch. 9 [*ib.*];

в польском — «*pałać*» neutr. pass. обозначает *гореть, пылать* (*gorzeć, płonać, erhitzt sein, Hitze haben und von sich geben*); «*pałam*», пишет Linde: «non tantum est calorem per aerem diffundo, sed etiam calorem mihi affusum sentio: sic dicimus: „*pała piec*“ ... et „*pałam od ognia, od pieca*“», в переносном значении — *быть разгоряченным, пылать* (*zapalonym być czym, von etwas entbrannt seyn, brennen*), напр.: «Oczy mu dziką *pałają zjadłością*» Kras. Oss. D. 4. [Linde]; «*Pałał miłością przeciwko królewnie*» P. Kchan. Orl. 1, 142 [*ib.*]; «*Krwisto pałająca gorączka*» (*febris acuta sanguinea*) Perz. Lek. 105 [*ib.*]. «*Róże pałaly z jéj twarzy*» Tward. Wł. 6 (*swieciły się*) [*ib.*]; в активном смысле — напр. «Ten, który w piecach *pała*» Petr. Ek. 134 (т. е. *paliwa, frequ. verbi palić q. v.*) [Linde].

Что касается восточной ветви славянских языков, то в украинском — «*палати*», значит: 1. *пылать*, 2. *страстно рваться, пылать*; напр.: «Восковая свічка цілу ніч *палала*» Гринч. III, 690 [Грнч.]; «Лютим огнем, яростію *палають* без міри» Чуб. V, 448 [*ib.*]; в современном русском — «*палатъ*» значит: 1. *пылать, пыхать, ярко пламенеть*, напр.: «Огонь такъ и *палаеть*» [Даль; у Д. ошиб. *пылаеть*].

Свое исконное значение *пылать, гореть* в каждом из указанных языков глагол этот в форме без префикса — сохраняет.

Значительно реже, чем глагол «*палатъ*», встречается глагольная основа с префиксом за — «*запалатъ*». В Мат. для Словаря древне-русского языка И. И. Срезневского и в *Lexikon'e palaeoslovenico-graeco-latinum* Fr. Miklosich'a глагол с этой основой не отмечен, хотя, вообще говоря, с пре-

¹ В. Н. Перетц. К изучению «Слова о полку Игореве». II. «Слово» и Библия. ИОРЯС Акад. Наук, т. XXIX, Л., 1925, стр. 23—55; сокращенно — [Пртц.].

² Fr. Miklosich в *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* (Wien, 1886) рассматривает корень *pal-* в формах: ASL — *palati*, Č — *pálati*, P — *pałać*, KLR — *pałaty* в качестве растяжения корня вида *pol-* (ASL — *polěti*), являющегося вариантом корня *pel-*; см. стр. 235.

Фиксами в старо-славянском и древне-русском языках он встречается, напр.: «Вавилонская бо печь лозіемъ и изгребьми и смолою распалаема бѣ» Златоостр. 51 [Срзн.]; «Пламень, ѿ вѣтра распалаемъ, ражьжеиѣ (φλόξ ὑπ' ἀνέμου ῥιπιζομένη) [Пчел. Сем., стр. 428]; «въспалатися» (συνάπτεισθαι) [Римск. Пат.].

Из современных славянских языков глагол «запалати» знают только чешский, польский и украинский:

в чешском — «zapálati» = «zapoletí» обозначает *становиться красным, краснеть* (erubescere); в возвратном смысле «zapálati se» — *покраснеть*, напр.: «Který užitek měli v těch, v nichž nyní se zapáláte» Ev. olom. 158, XIV в. [Kott. Дпл.]; «Pro své záviný se zapálati» Št. Ř. XIV в. 232^a (List. fil. XI, 72) [3 Přsp. Kott.]; ¹ отсюда «zapálání», п. — *покраснение, рдение* (červenání se, rdění se, das Erröthen vor Scham) [Kott.];

в польском — «zapałać» значит: 1. *начинать гореть, вспыхивать, заниматься пламенем* (zacząć pałać, wybuchnąć, zająć ś. płomieniem, rozgorzeć, zapłonać, zapalić ś. chęcią), напр.: «Zapałałam ciekowością dowiedzenia ś., o co chodziło» Orzesz. [Słow.]; 2. *побуждать, подзадаривать* (zagrzewać, zachęcać), напр.: «Zapałali ś. wzajemnie, by nawrзец oburzeniem, zahartować ducha na obrót» Ork. [Słow.]; отсюда «zapałanie» — *трудолюбие, деятельность, рвение* (czynność);

в украинском — «запалати» значит *запылать*, напр.: «Земля затрясеться, небо запалає» Шевч. 156 [Грнч.].

Оставляя без внимания вторичное значение, имеющееся в польском, в славянских языках у глагола «запалати» мы находим два значения: с одной стороны, в польском и украинском — *загореться, запылать*, с другой, в чешском — *становиться красным, краснеть*. Нетрудно видеть, что по отношению к исконному смыслу глагола «палати» польское и украинское значение глагола «запалати» стоят ближе, чем чешское, и что, стало быть, последнее является уже дальнейшим шагом вперед в процессе развития представлений, связанных с указанным глаголом. Отсюда сам собою напрашивается вывод, что в применении к нашей фразе — «заря свѣтъ запала» — глагольную форму «запала» необходимо понимать в том смысле, какой сохранился у глагола «запалати» в языках польском и украинском; а не в чешском, и переводить словами *зажглась, загорелась, запылала*, а не *сделалась красной или покраснела*.

¹ Třetí příspěvek k česko-německému slovníku zvláště grammaticko fraseologickému. Sestavil Fr. Kott. Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo IV, 1906; сокращенно — [3 Přsp. Kott.].

Ничуть не оспаривая правдоподобности такого толкования, поскольку оно вполне согласуется с исконным смыслом глагола «палати» и поддерживается значениями глагола «запалати» в современных польском и украинском языках, было бы, однако, преждевременным настаивать на этом безусловно и считать чешское значение глагола «запалати» для объяснения нашей фразы абсолютно непригодным.

Дело в том, что чешское значение глагола «zapáliti» — *становиться красным* (при основном, утраченном, как видно, в чешском, значении этого глагола — *загореться, запылать*) не является чем-либо исключительным и несомненно стоит в самой тесной связи с изменениями смысла в том же направлении и у других, родственных по корню и семантически близких к этому глаголу слов не только в чешском, но также в польском и украинском языках. Так:

в чешском, наряду с основным значением глаголов — «zapáliti» (старин. «zapoleti»), «zapalovati», «zapálivati» — *запалить, зажечь, воспламенить* (zažíci, dáti ohni se zejnouti, anzünden, anbrennen, anstecken), глаголы «z-íti se», «z-ovati se», «z-ívati se» обозначают не только *загореться, воспламениться*, но также *становиться красным, покраснеть* (zardíti se, začervenati se, feuerroth werden, erröthen [vor Scham]), напр.: «Střešně, trnky (vůbec ovoce peckové) už se zapal'ují» — *краснеют, начинают зреть (заčervenávají, počínají zrátí)* [Brťš.];¹ «Hu města na silnici huž se křešně hezky zapalujou» [Hršk.];² о запе: «Skočil pod most a ešte si kus odpočinul, kým sa zore začaly zapalovať» (bis der Himmel anfing sich zu röthen) Dbš. Sl. pov. I 326 [Kott]; «Sotva že se zory zapalovať počínaly» Němc. VII, 171 (sotwa že svítalo) [ib.] (срв.: «Zapáletí sú se neuměli» *erubescere* Pror. Jer. 8. 11, XIV v., Gb. [2 Přsp. Kott]³);

в польском, при основном значении глаголов «zapalić», «zapalać», — *запалить, зажечь* (anzünden, anbrennen, anstecken), существует выражение: «zapalić wstydem» — *покраснеть со стыда* (zarumienić, zaszewienić, mit Schaamröthe bedecken); в возвратном смысле те же глаголы — «z-ić się», «z-lać się» обозначают не только *загореться, запылать* (zajać ś. ogniem, zapłonąć), но также *покраснеть, зарумяниться*, напр.: «Z. ś. od wstydu»

¹ Dialektický slovník Moravský. Sestavil František Bartoš. Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo VI. V Praze. 1906; сокращенно — [Brťš.].

² Dialektický slovník Chodský. Sebral a sestavil Jan František Hruška. Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo VII. V Praze. 1907; сокращенно — [Hršk.].

³ Druhý příspěvek k česko německému slovníku zvláště grammaticko fraseologickému. Sestavil Fr. Kott. Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo III, 1901; сокращенно — [2 Přsp. Kott.].

[Linde]; «Zapalać się» — o wiśniach [Słow.]; «Zapala ś. obłok, zorza» — *rubescit* Сп. Th. 1382 [Linde] (срв. «Już wieczorne paliły się zorze» Одум. Św. D d 4 b. [Linde]);

в украинском, равным образом, наряду с основным значением глаголов «запáловати», «запáлити» — *запалитъ*, *зажечь*, в возвратном смысле те же глаголы могут значить не только *загореться*, *запылать*, но и *краснеть*, напр.: «Я ще й бiльш запалилася з сорому» Г. Барв. 381 [Грнч.].

Но если у приведенных глаголов, родственных по корню и семантически близких к глаголу «запалати», тенденция к приобретению значения *становиться красным* оказывается явлением общим для всех трех — чешского, польского и украинского языков, то с этой точки зрения лексические факты, засвидетельствованные в отношении глагола «запалати», являются отдельными моментами того же самого процесса, какой наблюдается и у первых, и разница лишь в том, что глаголы с основой «запал-» с «л» мягким в корне представлены в языках чешском, польском и украинском на обеих (*зажигать* и *краснеть*) ступенях развития, у глагола же «запалати» на польской и украинской почве имеется только его начальная стадия (*запылать*), на чешской же известна лишь последняя (*краснеть*). Как бы то ни было, для чешского языка, вообще говоря, у глаголов основ «запа^л» — «л» (с мягким и средним «л» в корне) указанная тенденция, повидимому, существовала с очень отдаленного времени, так как уже в памятниках XIV в. (а более ранними, как известно, чешская письменность не располагает) глаголы «запáлати се», «запáлети се» имеют вполне определенное значение *краснеть*, соответствуя латинскому глаголу *erubescere*.

Говоря о глаголе «запалати», нельзя не остановиться на некоторых довольно важных, хотя, быть может, и второстепенных фактах чешской лексики.

В современных чешских говорах существуют слова: «zápala, у» f., «zápal, и» m. (морав. «запа^л») и pl. «zápaly» (морав. «запа^лу»), обозначающие *зарю* — *утреннюю* или *вечернюю* безразлично (das Morgen-Abendroth), напр.: «Veliké zápa^ly, veliká zima» мор. нар. [Brtš.]; «Když je zápala ranní červená, bude pršetí (červená-li večerní, budou větry)» на Zlinsku Brt. [Kott]; «Byla zápala, něco přide (t. bud' déšť nebo vítr)» домажл. нар. [Hršk.]. Параллельно с этими, в том же чешском (и словацком) языке имеются слова для обозначения той же *утренней* и *вечерней зари* (das Morgen-Abendroth) и от другого корня — «červ-», именно: «červan, и» m., «červánka» pl. n., «červánky» pl. m., а в старину также еще «červenost', i» f.,

напр.: «Červánky se delají» Dch. [Kott. Дпл.]; «Ranní červánky jasno, večerní červánky dešť» Prap. Тč. [ib.]; «Jsou-li červánky v novoroční den, přinesou jistě samou slotu jen» Ott. Kal. 1904 [Kott, 3 Přsp.]; «Jitřní ranní záře či červenost» Ad. Daniel z Veleslavina — ум. 1599 г. [Kott]. В точном соответствии с чешскими «záře», «zář», — «červánky půlnoční» обозначают северное сияние (půlnoční světlo, severní zář, das Nordenlicht, der Nordschein). Прилагательное «červánkový» значит *свойственный утренней или вечерней заре* (morgenroth-, abendroth-) Čch. Petrkl. 46., Kka'. К sl. j. 172 etc. [Kott. Дпл.].

Ни в одном из славянских языков (не считая словацкого) ни одного из приведенных названий для обозначения зари нет, и в этом отношении чешский язык представляет собою ту небезынтересную особенность, что, в отличие от других, один только располагает словами, определяющими этот феномен по его наиболее характерному признаку — красному цвету. Вероятно, в данном случае новые названия образовались на чешской почве не без влияния со стороны соседних народов романо-германского мира, у которых, как известно, слово «заря» (утренняя или вечерняя — безразлично) часто встречается в сочетании с глаголом *краснеть* или прилагательными — *красный, пурпуровый*, или передается сложными словами и выражениями, в состав которых входит слово *красный*.¹ Но если это и так, то успешному усвоению этих названий, надо думать, в немалой

¹ У римских классиков утренняя заря — *aurora* — часто называется *rubra, purpurea* или стоит в сочетании с глаголом *rubescere*, напр.: «Aurora rubra» Propert. lib. 3. 13. 16; «Qui color infectis adversi solis ab ictu nubibus esse solet aut purpureae aurorae» Ov. met. 3, 184; «Iamque rubescerat stellis aurora fugatis» Verg., 3 Aen. 521 (срв. также: «At ille respondens, ait illis: Facto vespere dicitis: serenum erit, rubicundum est enim coelum. Et mane: Hodie tempestas, rutilat enim triste coelum» Vulg. Мтф. 16, 2—3; «Rubente iam primum aurora» [Лег. Гумп.]); вечерняя заря, за неимением на то специального слова, передается описательными выражениями обычно с указанием ее красного цвета (см. выше, стр. 129) [ср.: франц. *la rougeur, le rouge du ciel* — заря вообще, *la rougeur, le rouge du soir* — вечерняя заря, напр., prov.: «rouge soir et blanc matin font cheminer le pèlerin» [Grimm]; итальян. *rosso di mattina* — утренняя заря, *rosso di sera* — вечерняя заря; румын. *roșeața cerului* — краснота неба, заря вообще; испанск. и португ. *arbol m.* — красный цвет облаков, заря вообще (срв.: * *ař-rübello, — āre* (от *rubellus*) — становиться красным; итал. *arrovellare* (делаться красным от возбуждения) приходиться в гнев; испан.-португ. *arrebolar* — делать красным, румянить [Körting]). Аналогичную связь с красным цветом неба имеют и немецкие сложные слова — *Morgenrot*, п., *Morgenröte*, ф. и *Abendrot*, п., *Abendröte*, ф. (mhd. *ābentrôt* и *tagerôt* — оба муж. рода и употребляются обычно, как имена собственные исполинов вечера и дня, иногда женск. рода [Grimm]), напр.: «Abendrot gut Wetter bot» [срв.: ahd. *Abantrôt* и *Tagarôt*. alts. *Dagarêd* и *Dagrim* — имена собств. муж. рода [ib.]; швед. *aftonrodnad*, м. и *morgonrodnad* ф.; англ. *evening-red* (с нем.); мадьяр. *estpir* (*est* — вечер, *piros* — красный, с нем.)]. Ссылки на Grimm'ов и Körting'a даны по изданиям: Grimm, J. und Grimm, W. Deutsches Wörterbuch. Leipzig, т. I, 1854 и т. VI, 1885 и Körting, Gust. Lateinisch-romanisches Wörterbuch (etymologisches Wörterbuch der romanischen Hauptsprachen). 3. Ausg. Paderborn, 1907.

степени содействовали и благоприятные местные географические и связанные с ними метеорологические условия, ибо в противном случае было бы непонятным, почему аналогичные названия не образовались также в польском и лужицком языках, испытывавших на себе влияние западной культуры едва ли в степени меньшей, чем язык чешский.

Таким образом, поскольку у глаголов *«запалити»*, *«запалати»* etc. — с «л» мягким в корне наблюдается склонность к приобретению значения *становиться красным* у всех трех — чешского, польского и украинского языков, причем с этим значением они употребляются и по отношению к заре, и если в чешском языке имеются слова того же корня и с тем же префиксом — *«заралъ»*, *«зарала»*, *«заралу»* pl. — специально предназначенные для обозначения зари, то совершенно ясно, что глагол *«zarálati»*, встречающийся в памятниках XIV в. в форме *«zarálati se»* со значением *erubescere*, мог также в том же чешском относиться и к заре, соответствуя латинскому *rubescere*. Вместе с тем, встречаясь в памятниках переводных, равно как и в сочинениях чешских писателей того времени, глагол этот, очевидно, был литературным, а так как вся средневековая литература — светская и духовная, устная и передававшаяся письменными памятниками, находясь в прямой зависимости от правящего класса — светских и духовных феодалов, была сосредоточена в руках немногих просвещенных лиц из среды придворно-рыцарской и духовенства, то несомненно он должен был быть достоянием этих именно кругов и, вероятно, был в ходу в тогдашней разговорной речи. Отсюда становится понятным, что при толковании фразы «заря свѣтъ запала» чешское значение глагола *«запалати»* не может быть оставлено совершенно без внимания. Ведь и в нашей фразе речь идет о заре, и глагол, соединенный с нею, тот же самый, какой в чешском языке в XIV в. употреблялся для передачи латинского глагола *erubescere* а, стало быть, и не исключена возможность, что слово «запала» здесь значит *покраснела, стала красной*. Соображение, что глагол *«запалати»* имеет значение *краснеть* лишь в чешском языке (а не в русском), Слово же о полку Игореве написано на русском языке (а не на чешском), препятствием к тому, чтобы понимать глагольную форму «запала», как *покраснела, стала красной* служить не может потому, что в составе своей лексики Слово о полку Игореве имеет немало слов не только совершенно чуждых русскому языку, но и незнакомых славянской речи вообще (ср. напр. слова: «колоколъ», «гридница», «жемчугъ», «орьтъма», «япончица» и т. п.). Наоборот, те культурные связи, какие существовали в домонгольскую эпоху между Киевскою Русью и западнославянскими народами и,

в частности, между русскими и чехами, как то в последнее время весьма обстоятельно разъяснено трудами акад. Н. К. Никольского,¹ дают полное основание ожидать подтверждения сделанному нами предположению. Заметим лишь, что было бы в высшей степени странным, если б слова певца Слова о полку Игореве: «Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и М о р а в а поють славу Святъславлю, кають Князя Игоря»² чисто случайно совпадали с фактом существования слов *«заралъ», «зарала», «zaraly»*, оттеняющих красный свет зари, именно в м о р а в с к о м наречии чешского языка, и чтобы представители этого племени, воспевавшие при дворе Киевского великого князя подвиги русских полководцев, будучи у себя на родине и приобретая профессиональные навыки, стояли в стороне от той культурной среды, в руках которой, как указано выше, находилась вся тогдашняя литература, и потому не знали принятых в ней слов вроде глагола *«zaralati»* в значении *краснеть*.

Все эти замечания имели своей целью разъяснить, что наряду с обычным пониманием глаг. формы *«запала»*, как *зажглась, запылала*, можно придавать ей и значение *покраснела, стала красной*. Какому из обоих толкований надо сделать предпочтение, равно как и следует ли значение глагола *«запалати»* — *покраснеть* признать прямым заимствованием с чешского языка, или же, быть может, никакого заимствования в этом случае предполагать нет надобности, оба эги вопроса остаются открытыми впредь до разрешения более общей проблемы — отношения лексики Слова о полку Игореве к славянским языкам вообще и к каждому из них в отдельности.

Переходя теперь к рассмотрению всей фразы «заря свѣтъ запала» в целом, надо прежде всего сказать, что обычно существительное «*свѣтъ*» считается приложением к слову «*заря*», глагол же «*запала*» рассматривается в качестве глагола среднего значения. Выше были даны примеры, в которых глагол «*палати*», равно как и с префиксами, напр. — «*распалати*», в некоторых случаях приобретает значение переходных (напр. в древне-русском языке: «огнь палаемъ», «пещь . . . распалаема бѣ»; в польск. — *pałas'*) с активн. знач.; см. выше стр. 129—131). Отсюда представляется вполне

¹ См. работы акад. Н. К. Никольского: К вопросу о русских письменах, упоминаемых в житии Константина Философа (Изв. по русскому яз. и слов., 1928, т. I, кн. 1), Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, вып. 1, Л., 1930 (Сб. по русскому яз. и слов., т. II, вып. 1), а также: К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи (Вестн. АН СССР, №№ 8—9, 1933).

² «Ироическая пѣснь» etc. М., 1800, стр. 22.

возможным допускать, что глагол *«запалати»* взят здесь в переходном значении, и, стало быть, перевод акад. А. С. Орлова, предполагающего в существ. *«свѣтъ»* винительный прям. доп., подлинному смыслу этого глагола не противоречит. С другой стороны, если принять во внимание, что слово *«заря»* собственно обозначает *свет, сияние* и в этом именно значении употребляется в Ипатьевской летописи, нельзя не видеть во фразе *«свѣтъ свѣтъ запала»* какой-то непонятной тавтологии, и невольно возникает подозрение, не является ли слово *«свѣтъ»* позднейшей вставкой — глоссой.

На основании всех этих соображений фраза *«заря свѣтъ запала»* может быть передана следующими способами:

1. заря (веч.)-свет (прилож.) зажглась;
2. заря (веч.) свет (вин. п.) зажгла;
3. заря (веч.)-свет (прилож.) стала красной;
4. заря (веч.) свет (вин. п.) сделала красным;
5. заря (свет) [свет(глосса)] зажглась;
6. заря (свет) [свет(глосса)] стала красной.

Если допустить, что слово *«заря»* здесь взято автором уже в качестве *вечерней зари* (а не *света, сияния*), то варианты 1 и 3, предполагающие место приложения непосредственно вслед за определяемым словом, расходятся с такими оборотами в Слове о полку Игореве, как напр.: *«Буй Турь Всеволодъ», «Ярь туре Всеволодѣ» «чръный воронъ, поганый Половчине», «молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ»*,¹ где приложения стоят впереди, а не позади слов, к которым они относятся (ср. также в нар. песне у Тихонравова: ² *«Не свѣтъ-зорюшка просвѣтилась», а не «зорюшка-свѣтъ»*). Наоборот, варианты 2 и 4, предоставляющие место впереди сказуемого винительному прямого дополнения, вполне согласны с такими выражениями Слова, как напр., *«соловиі веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ», «ту ниръ докончаша храбріи Русичи», «тъма свѣтъ покрыла», «мьгла поля покрыла»*,³ в которых винит. падежи прям. доп. также непосредственно стоят перед сказуемыми. Однако, если придерживаться точного смысла слова *«заря»*, то, как уже сказано, слова *«свѣтъ»* для понимания всей фразы в целом вовсе не нужно, и появление его в контексте может быть объяснено лишь в качестве позднейшей вставки, поясняющей мысль автора (глоссы) и сделанной уже в то время, когда слово *«заря»* стало

¹ См. «Ироическая пѣснь» etc. М., 1800 г., стр. 7, 13, 11, 25.

² «Слово о полку Игоревѣ». Издано для учащихся Николаем Тихонравовым. Изд. 2-е, М., 1868, стр. 31.

³ См. «Ироическая пѣснь» etc. М., 1800, стр. 43, 18, 25, 10.

терять свое первоначальное значение — *свет, сияние* и начало употреб-
 ляться для обозначения *вечерней зари* по преимуществу. Чтение «зря
 запала» в этом случае вполне соответствовало бы таким фразам, как напр.:
 «земля тутнетъ», «стязи глаголють», каждая из которых состоит из двух
 членов предложения, и разряжало бы слишком большое скопление трех-
 членных фраз в одном месте (пять предложений), составляющих отрывок
 «длго . . . убуди» (срв. отрывок: «земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ; пороси
 поля прикрывають; стязи глаголють, Половци идуть отъ Дона, и отъ моря,
 и отъ всѣхъ странъ»,¹ в котором трехчленные предложения перемежаются
 с двучленными).

Не решая вопроса окончательно, какую из возможных комбинаций
 следует считать наиболее удачно передающей подлинную мысль автора,
 в заключение разбора нашей фразы можно высказать то соображение, что
 с точки зрения чисто эстетической понимание глагола «*запалати*» как
краснеть, становиться красным придает всей картине наступающей ночи
 оттенок чего-то зловещего и в этом отношении как нельзя лучше совпа-
 дает с общим тоном мрачных предзнаменований, предрекающих недобрый
 конец Игорева «плѣка».

На следующих фразах — «щекоть славій успе, говоръ галичь убуди»,
 хотя и очень интересных с точки зрения их лексического состава, остана-
 вливаться нет особой надобности. В целом они были правильно поняты
 еще первыми издателями, и конъектура «убуди(ся)», предложенная Вс. Мил-
 лером, надо думать, вполне отвечает их подлинному смыслу. К сожалению,
 как выше было указано, многие исследователи и переводчики по непонят-
 ным причинам пытались усмотреть в соловьиной песне некоего рода объ-
 ективный признак — одни наступления раннего утра, другие, наоборот,
 начала ночи. Ни того, ни другого из одного факта умолкания соловьев
 вывести нельзя. Соловьи бывают разных сортов: некоторые поют только
 днем, другие только ночью, третьи и днем, и ночью. Как и в какое
 время поют соловьи — ночью или днем — это зависит исключительно от
 того, как и когда поет лучший соловей-певец данной местности. Более
 слабые и менее искусные в пеньи соловьи перенимают манеру и повадку
 лучшего певца и подражают ему по мере своих сил и способностей. В виду
 этого обстоятельства осторожнее было бы, вообще говоря, вовсе отка-
 заться от попыток принимать пение или умолкание соловьев за признак,
 свидетельствующий о наступлении того или другого периода суток. Столь же
 ненадежен и «крик галок». Если он бывает утром, когда галки просы-

¹ Ib., стр. 12—13.

паются, то еще ббльший шум и гам поднимают они вечером, когда, слетаясь стаями, усаживаются на ночлег. К этому надо добавить, что, по наблюдениям орнитологов, галки очень чуткие птицы и отдыхают, как и спят, весьма тревожно: при малейшем подозрительном шуме, порой как будто бы без всякой видимой причины, они мгновенно взлетают вверх и долго кружатся в воздухе, пока, наконец, или усядутся на прежнее, или перелетят на другое, показавшееся им более надежным, место. Таким образом, и в отношении галок, как и в отношении соловьев, нет никаких серьезных оснований считать наблюдение автора Слова объективной приметой наступления утра. При таких обстоятельствах достаточно лишь указать, что приурочивать умолкание соловьев и крик галок к вечеру не встречает для себя препятствий со стороны самого Слова.

Описывая бегство Игоря из плена, автор Слова говорит: «Тогда врани не граахуть, галици помлꙋкоша, сороки не троскоташа, полозию ползоша только, дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть, соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдають».¹

Если здесь картина утра и выражение «соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдають» обозначает — соловьи возвещают рассвет, то значит, когда автор говорит — «щекоть славій успе», имеется в виду вечер или начало ночи, а отсюда, стало быть, коль скоро «галици помлꙋкоша» утром, выражение «говоръ галичь убуди(ся)» относится скорее всего также к вечеру. С другой стороны, если рассматривать поведение птиц при описании бегства Игоря как нечто необычное, обусловленное исключительно стремлением автора Слова показать радость природы по поводу освобождения Игоря из плена, и видеть в пении соловьев и умолкании галок утром что-либо, идущее в разрез с нормальным ходом жизни полей и лесов, — то такое же необычное можно усматривать и в умолкании соловьев и крике галок вечером и заключать отсюда о сочувствии природы Игорю в форме неблагоприятных предзнаменований в виду его грядущих бедствий.

Итак, отрывок «Длꙋго ночь мркнеть . . . говоръ галичь убуди(ся)» целиком относится к описанию вечера: этому вполне соответствует и точный смысл отдельных слов, и расстановка предложений, и, наконец, отмеченные автором Слова физические, точнее, метеорологические, явления; не найдется в противоречии с таким пониманием отрывка и орнитологические замечания, присоединенные поэтом к описанию картины. Невольно возникает вопрос, поставленный нами выше: что же было двигательной силой, побуждавшей исследователей и переводчиков идти в сторону от первоначаль-

¹ «Ироническая пѣснь» etc. М., 1800 г., стр. 43.

ного, весьма близкого к истине, толкования первых издателей и усматривать картину утра там, где на самом деле изображался вечер? Ответ прост: следующая за этим отрывком фраза: «Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чги, а Князю славы» большинством исследователей и переводчиков была понята, как описание построения русских полков к бою. Так как битва, вернее, грабеж Половецких веж произошел утром, очевидно, что и выстраиваться к бою русские войска могли также только утром. Но если фраза: «Русичи великая поля... Князю славы» — относится к утру, то предположение, что слова: «Длѣго ночь мркнетъ... говорѣ галичь убуди(ся)» — описывают вечер, вносит в ход всего повествования разрыв: между словами: «...говорѣ галичь убуди(ся)», чем оканчивается картина вечера, и словами: «Русичи великая поля...», относящимися уже к утру, получается пустое место, и вся последняя фраза виснет как бы в воздухе, так как дальнейшее изложение: «Съ заранія въ пяткѣ потопташа поганыя плѣкы Половецкыя...» к предшествующей ему фразе: «Русичи великая поля... Князю славы» — прямого отношения, по сути дела, не имеет. Заполнить этот разрыв и поставить все отдельные части нашего отрывка в связь друг с другом, исходя из убеждения, что заключительная его часть относится к столкновению с Половцами утром в пятницу, и было тем побудительным стимулом, который заставлял исследователей во что бы то ни стало искать признаков утра там, где описывался вечер. Однако, поскольку слова: «Длѣго ночь мркнетъ... говорѣ галичь убуди(ся)» — относятся к вечеру, и все попытки представить их как изображение утра ни к чему, кроме как к искажению прямого смысла слов и к порче текста не приводили, совершенно ясно, что обычное толкование слов: «Русичи великая поля... Князю славы» нуждается в серьезной проверке и прежде всего в критическом сопоставлении с теми данными, какие имеются в летописи.

Заключительная часть разбираемого отрывка обычно либо оставалась без перевода и комментариев, либо понималась так, как то было еще объяснено Шишковым. Согласно этому объяснению слова: «Русичи великая поля... Князю славы» обозначают, что «Россіяне, простершись по широкому полю, въ молчаніи грядуть, и, какъ стѣну твердую, щиты свои несутъ передъ собою. Въ душахъ ихъ мужество, въ умахъ ихъ честь и слава.»¹ Развивая эту картину дальше, Майков счел возможным утверждать, что выражение «поля прегородиша» значит — «раздѣлили, разрѣзали поля на двѣ части, направо и налево, растянувшись по полю красною полосой —

¹ А. Шишков. Собр. сочинений и переводов, т. VII. СПб., 1826, стр. 130.

красною отъ своихъ червленыхъ щитовъ. Вѣроятно, смотрящему издали, съ высоты на тогдашнее русское войско, болѣе всего бросался въ глаза красный цвѣтъ его щитовъ. Щиты же въ походѣ везли на возахъ, и только изготовляясь къ бою, разбирали ихъ. Здѣсь мы и видимъ, что они съ утра выстроились къ бою, который сейчасъ же и послѣдовалъ: *потопташа Русичи поганыхъ*».¹ И такъ, русские войска рано утромъ в пятницу разобрали с возов щиты и приготовились къ бою. «Червленая, красная линия этихъ щитовъ», пишет Барсов, «какъ бы раздѣлила степь на двѣ половины».² А затемъ сейчасъ же и последовалъ бой. Лонгиновъ въ добавление ко всему этому уверяетъ, что «прегражденіе русичами великихъ полей червлеными щитами (припѣвъ, затѣмъ повторенный) соотвѣтствуетъ лѣтописному *изряженію* или построенію Игоремъ полковъ, имѣвшему, по лѣтописи, мѣсто въ пятокъ поутру».³

Никакого соответствія между рассказомъ летописца и Словомъ о полку Игореве при такомъ пониманіи заключительной фразы на самомъ деле нетъ, и остается только удивляться, какъ до сихъ поръ это обстоятельство большинствомъ исследователей и переводчиковъ упускалось изъ виду.

Въ Ипатьевской летописи событія перваго дня передаются следующимъ образомъ. После встречи Игоря со Всеволодомъ у Оскола соединенные полки «пойдоша къ Салницѣ. тоу же къ нимъ и сторожеви приѣхаша. ихже бахоуть послалѣ изыка ловить. и рекоша приѣхавше видихомса с ратными ратни- (стлб. 639) ци ваши соз доспѣхомъ ѣздаты. да или поѣдете борзо. или возворотиса домовъ. ѣко не наше есть верема. Игорь же рѣ с братею своею. ѣже ны боудеть не бившиса возворотитиса. то соромъ ны боудеть поушей смѣрти. но како ны Бѣ дасть. и тако оугадавшє. и ѣхаша чересь ночь. за оутра же патькоу наставшоу. во ѡбѣднее верема. оусрѣтоша полкы Половѣцькиѣ. бахоуть бо до нихъ доспѣлѣ вежѣ своѣ. поустили за са. а сами собравшєса ѡ мала и до велика. стоихоуть. на ѡной сторонѣ рѣкы. Сюоурлиа. и ти израдиша полковъ. 5. Игоревъ полкъ середѣ. а по правоу брата его Всеволожь. а по лѣвоу Стославль сновца его. на передѣ емоу снѣ Володимѣрь. и другии полкъ Ярославль. иже бахоу, с Ольстиномъ Кооуеве, а третии полкъ на переди же стрѣлци. иже бахоуть ѡ всихъ князи въведени. и тако израдиша полкы свои и рѣ Игорь ко брати свои. братѣ сего есмъ искалѣ. а потагнемъ. и тако пойдоша къ нимъ положачє на Бѣѣ оупованіє. свое. и ѣко бѣша къ рѣцѣ ко Сюоурлию. и въѣхаша ис Поло-

¹ А. Н. Майков, *op. cit.*, стр. 475.

² Е. В. Барсов, *op. cit.*, т. II, стр. 19.

³ А. В. Лонгинов, *op. cit.*, стр. 174.

вѣцькихъ полковъ. стрѣлци и поуустивше по стрѣлѣ на Роусь. и тако поскочиша. Роусь же бѣхуоть. (стлб. 640) не переѣхалѣ еще рѣкѣ Сюрлиа. поскочиша же и ти Половци силы Половѣцькии. которіѣ же далече рѣкы стоухуоть. Стослав же Ольговичь. и Володимѣръ Игоревичь. и Ольстинь. с Кооуи стрѣлци поткоша по нихъ. а Игорь и Всеволодъ. по малоу идаста. не роспоустаста полкоу своего. переднии же ти Роусь биша ѣ имаша. Половцѣ же пробѣгоша вежѣ. и Роусь же дошедше вежъ. и ололонишася (стлб. 638—640).

Из приведенного места видно, что:

1. Русские, желая поскорее напасть на Половцев, ехали с четверга на пятницу, не останавливаясь, всю ночь напролет («ѣхаша чересь ночь»).

2. Встреча с Половцами произошла не утром, а около 11 часов дня («во обѣднее верема»)¹.

3. Половцы, которых русские нашли на противоположном по отношению к себе (к русским) берегу реки Сюрлия, были застигнуты враспloh с их семьями («Ѣ мала и до велика») в мирной обстановке и драться с русскими совсем не собирались.

4. «Изряжение» Игорем полков состояло не в том, что они были выстроены в строй для боя с неприятельским войском, а в том, что он выдвинул два полка — Владимира и Ольстина с Ковуями — вперед и присоединил к ним отряд (полк) стрельцов, взятых из всех полков, три же — свой, Всеволода и Святослава — оставил сзади, изменив тем самым диспозицию своих войск в сравнении с их походным порядком.

5. При таком «изряжении» полков никакой «стройной линии красных щитов, перерезавших поля на две половины», не могло быть, во-первых, потому, что полки, двинутые Игорем на неприятеля, принадлежали к разным родам оружия (конные части и стрельцы), а, во-вторых, и оттого, что в их задачу входило не устраивать парад перед Половецким станом, а переправляться через реку, отделявшую русские войска от неприятеля, на глазах у этого последнего. Для осуществления подобной операции надо было действовать не общим строем, а каждой из частей самостоятельно: одним переходить, другим же прикрывать перебирающиеся через реку части. Так и было сделано. Очевидно, Игорь, хотя и видел, что Половцы застигнуты враспloh и к бою не готовы, но все же не был твердо уверен, что при переправе не будет оказано сопротивления. Предупреждая эту возможность, он и выдвинул вперед стрельцов от всех полков, давая тем

¹ Д. Прозоровский. «О старинномъ русскомъ численіи часовъ», см. стр. 176—177. Труды 2-го археологического съезда в СПб., вып. 2-й, СПб., 1881.

самым прикрытием частям, переходившим реку.¹ Однако, Половцы, заметив намерение русских, пустились только по стреле и тотчас бросились бежать, не думая сопротивляться.

6. Никакого построения русских полков к бою не было и после переправы. Перебравшись через реку, конные части сразу же погнались за Половцами, и в это время любой порядок, если таковой и мог быть в войсках наведен после переправы, был, разумеется, нарушен окончательно. Это и отмечает летописец, говоря, что в то время, как передние полки «потокоша» за Половцами и, добравшись до веж, «биша ѣ имаша», — Игорь и Всеволод «по малому идаста. не роспоустаста полкоу своего», т. е. другими словами, в то время, как войска обоих князей шли медленно, соблюдая известный, очевидно не боевой, а походный порядок, в это время передние войска, преследуя неприятеля, предались грабежу, и уж, конечно, им тут было не до строя.

7. Общее впечатление при чтении летописного рассказа о первом дне столкновения с Половцами таково, что, в сущности, никакого в тот день боя не было. Это отмечает и Слово, где вместо описания битвы просто говорится: «Съ заранія въ пяткъ потопташа поганяя плѣкы Половецкыя . . .».²

Если, таким образом, при описании первого дня столкновения с Половцами, начиная с ночи с четверга на пятницу вплоть до грабежа Половецких веж, нельзя решительно нигде указать такого места в летописи, куда могли бы относиться слова: «Русичи великая поля . . . князю славы», то, наоборот, для второго дня боя подыскать момент в той же летописи, соответствующий аналогичной же фразе Слова, — нет ничего легче.

¹ Согласно военной тактике тогдашнего времени при переправах через реки, когда противоположный берег был занят неприятельскими войсками, чтоб отогнать врага и завладеть переправой, в первую очередь посылались стрельцы. Так, в рассказе о борьбе Изяслава Мстиславича с Владимиром Галицким под 1150 г. летописец, сообщая о движении войск обоих князей, говорит:

«Оутрии же дѣнь вѣставъ Изяславъ и переиде Случь. и Столѣ поиде чересь Чертовъ лѣсъ к Ушеску. и переиде рѣку Оушю. подѣ Оушескомъ. акоже переправиша^а вси полки Изяслави. чересь Оушю и ту придоша стрѣлци. Володимери Галичскаго. и Андрѣви. и Володимери Андрѣви^и на берегъ. надѣ рѣку надѣ Оушю. Изяславъ же то слышавъ пусти стрѣлци свои битьса. и начаша^а ш рѣку бити. Изяславъ же ступивъ. и естъ рѣчка мала. до города. и ту исполциса. съ братомъ своим^и Володимеромъ. и съ сномъ своимъ Мъстиславомъ. ту же и ста на той рѣкѣ. и стрѣляхутса ш ню. Изяслави же стрѣлци перегонахоуть чересь рѣку на вну сторону и Галичане на сю» (Ипат. лет., стлб. 411).

² Уже Н. Граматин, передавая известие о столкновении русских с Половцами в пятницу, сообщаемое Киевской (т. е. Ипатьевской) летописью, писал: «Слѣдственно въ Пятницу у Русскихъ съ Половцами была пустая сшибка, а не настояще сраженіе; изъ словъ нашего автора: *потопташа* (смяли) *поганяя плѣкы Половецкыя* — должно заключить то же, знамена же и прочую добычу взяли они въ оставленномъ неприятелемъ станѣ или вежахъ» (op. cit. стр. 135—136, прим. (48)).

В Слове говорится: «Другаго дни велми рано кровавья зори свѣтъ повѣдають; чръныя тучя съморя идуть, хотягь прикрыти д̄. солнца... земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ; пороси поля прикрывають; стязи глаголютъ, Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плѣкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а *храбрїи Русици преградиша чрънеными щиты*. Ярѣ туре Всеволодѣ! стоиши на борони...».¹

В Ипатьевской летописи: «свѣтаючи же соуботѣ. начаша вѣстоупати. полци Половецкии акъ боровѣ. изоумѣшаса кнзи Роускии. комоу ихъ которому поѣхати. бѣ бо ихъ. бещисленое множество. и рѣ Игорь. се-вѣдающе собрахомъ на са землю всю. Кончака и Козоу. Боурновича. и Токѣбича Колобича. и Стебляча. и Терьтробича. и тако оугадавше *еси сосьдоша с конии. хотахоуть бо быюцеса доити рѣкы Дона*. молвахоуть бо ѡже побѣгнемъ оутечемъ сами. а черныи люди ѡставимъ. то Ѡ Бѣ ны боудеть грѣхъ. сихъ выдавше поидемъ. но или оумремъ. или живи боудемъ на единомъ мѣстѣ. и та рекше *еси сосьдоша с конии. и поидоша быюцеса*» (стлб. 641).

Интересно отметить, при каких обстоятельствах автор Слова счел возможным сказать: «а храбрїи Русици преградиша (подразумевается — «поля») чрънеными щиты», что, по Слову, относится к самому начальному моменту схватки и являлось как бы ответом со стороны русских на боевой клик Половцев. К этому моменту, по летописи, русские всадники спешились, и конные войска вместе с пешими приготовились принять бой с Половцами, будучи — и конные и пешие — в одинаковых условиях — стоя на земле. При таких обстоятельствах фраза «Русици преградиша (подразум. — «поля») чрънеными щиты» далеко не поэтическое украшение, особенно принимая во внимание, что по свидетельству Льва Дьякона, щиты у русских были таких размеров, что за ними мог свободно укрыться человек. Если в войсках Игоря во время битвы соблюдался какой-нибудь порядок, — а это несомненно было, так как иначе небольшой отряд русских войск не мог бы выдерживать двухдневный бой с многочисленными силами противника, — то фраза «Русици преградиша (подразум. — «поля») чрънеными щиты» должна была вполне отвечать общему виду Игоревых войск в пешем строю с большими красными щитами,² выставленными впереди

¹ «Ироическая пѣснь» etc. М., 1800, стр. 12—13.

² Интересно сообщение проф. Дм. Вл. Айналова, что в лицевом житии Бориса и Глеба Сильвестровского сборника XIV в. изображены щиты красного цвета, и что с тем же красным цветом встречаются щиты и на миниатюрах неславянских рукописей, напр. Илиады Лаврент. библиотеки IV в. н. э., Григория Назианского № 510 Парижск. Нац. библиотека и др

каждого воина: русские, загоразживая себя от наступающего неприятеля, одновременно с этим перегоразживали и поля своими красными щитами. Выходит, что интересующая нас фраза применена к действиям войск при обороне в условиях пешего боя с неприятелем. Вот та причина, почему в рассказе летописца о первом столкновении с Половцами не удастся найти момента, к которому можно было бы отнести аналогичную же фразу, заканчивающую собою отрывок с описанием вечера: в этот день, не встречая ни малейшего сопротивления со стороны неприятеля, русские войска действовали преимущественно конницей и находились в положении наступающих, — условия прямо противоположные тем, при которых автор Слова счел уместным сказать: «храбрїи Русичи преградиша (подразум. «поля») чрълеными щиты».

Итак, из сопоставления приведенных свидетельств Ипатьевской летописи с данными Слова вытекает вывод, что фраза «Русичи великая поля... Князю славы» не может быть отнесена к событиям первого дня столкновения с Половцами, и, стало быть, коль скоро в изложении летописца и в повествовании автора Слова ни о каких других военных столкновениях ранее этого дня при описании похода Игоря не говорится, очевидно, что она имеет не тот смысл, какой в нее обычно вкладывают большинство исследователей и переводчиков Слова.

Во время похода через неприятельскую территорию вторгнувшиеся войска, разумеется, всегда должны опасаться враждебных действий со стороны неприятеля и быть настороже. Однако, как бы ни велика была опасность днем, ночью, когда войска располагаются на отдых и, в сущности, беззащитны, возможность непредвиденных действий со стороны противника становится особенно реальной, и потому, чтобы обеспечить себя от всяких случайностей, во все времена и у всех народов предпринимались те или другие меры защиты против внезапного ночного нападения.

Наивысшую ступень развития оборонительных средств в этом отношении в древнее время представлял собою римский лагерь. Как правило, римляне во время походов никогда не проводили ночи, не окружив свои легионы валом и рвом. Подробное описание римского лагеря эпохи пуниче-

(Записки історичної і фольклоричної секції Укр. Наукового Товариства в Київі, 1918, кн. XVII, стр. 92—97: Д. В. Айналов. Дві замітки до Слова о полку Ігоревім). Ср. замечание Тацита, что у германцев «nulla cultus iactatio: scuta tantum lectissimis coloribus distinguunt» (Germ. Cap. 6), а также обязательство, даваемое фризами в Asegabuch, защищать свою землю с помощью коричневого щита (with tha brune skelde) против красного щита (with thene rada skeld) их противников — саксов (T. D. Wiarda. Asega-buch ein alt-friesisches Gesetzbuch der Rüstinger. Berlin und Stettin, 1805, л. 7, § 10, стр. 273 и прим. на стр. 292—293).

ских войн сделано Полибием, для времен императора Траяна имеется у Гигина. Византийская тактика, унаследовав военное искусство римлян, вносила с течением времени в устройство римского лагеря некоторые существенные изменения в связи с общим прогрессом в области военного дела, однако, в целом сохраняло то, что было и у римлян. В X веке византийский лагерь, согласно описанию анонимного автора, в котором одни видят императора Никифора Фоку, другие же — неизвестного полководца времен имп. Василия Болгаробойцы,¹ рисуется в общих чертах следующим образом.

Как и римский, обычно он был четырехугольной формы, но, в противоположность первому, занимал значительно большее пространство — от 1.5 до 2.85 кв. верст для 12000—16000 человек пешего и конного войска. Окруженный со всех сторон рвом (глубиною до 7—8 фут. и шириною 5—6 фут.) и валом, насыпанным в сторону лагеря, он имел на каждой из сторон четырехугольника по несколько входов (обычно по три с каждой стороны). Непосредственно вслед за валом лагерь опоясывала полоса пустого места (*τόπος κενός*) шириною в 22 саж., за которым располагались лентой той же ширины палатки пехотинцев. Все остальное место было предназначено для кавалерии, в центре которой ставилась *χόρτη* — ставка полководца (императора). Расположение пехотинцев отделялось от месг, где находилась кавалерия, дорогой шириною в 6 сажень; равным образом и *χόρτη* отделялась со всех сторон пространством такой же ширины. Между пехотными и кавалерийскими частями проходили то широкие, то более узкие дороги и тропинки в зависимости от того, крупные или мелкие боевые единицы они собою представляли. Кругом всего лагеря за рвом устраивались волчьи ямы и бросались «триволы», нечто вроде «чеснока», привязанного на веревках к вбитым в землю кольям. На некотором расстоянии от лагеря двумя линиями ставились дозоры из пехотинцев, за ними, также двумя линиями, пикеты из кавалеристов. В зависимости от характера местности форма лагеря менялась и принимала то вид трехугольника, то овала.²

Как устраивались на ночь в древности русские войска, — об этом известий не сохранилось. Надо думать, что такого сложного устройства, какое было у греков византийского периода, во всяком случае, лагеря их

¹ Юлиан Кулаковский. «Новоизданный византийский трактат по военному дѣлу». Византийский временник, т. VII, вып. 4, СПб., 1900, стр. 646—660.

² См. статью Юлиана Кулаковского: «Византийский лагерь конца X вѣка». Византийский временник, т. X, вып. 1—2, СПб., 1903, стр. 63—90.

не имели. С другой стороны, трудно допустить, чтобы для отражения ночного нападения у них не предпринималось никаких мер защиты, и все предосторожности сводились лишь к дежурству «сторожей», несших караульную службу. Римские историки знают, однако, и другой способ обороны на случай неприятельских атак в ночное время. Способ этот состоял в том, что вокруг ночующего войска расставлялись щиты. Так, Ammianus Marcellinus (род. ок. 330 г.) в VIII главе XXIV книги своих *Regum gestarum*, рассказывая об отступлении императора Юлиана после неудачного похода на персов (363 г.), описывает одну из стоянок его войск следующим образом:

*«Ideo inter haec ita ambigua nequid aduersum accideret reuocantibus agmina classicis, in ualle graminea prope riuum multiplicato scutorum ordine in orbiculatam figuram metatis tutius quieuimus castris».*¹

О том же способе защиты говорит и Iordanes в XL главе своего извлечения из Кассиодора, озаглавленного «*De Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis*» (написано около 551—552 гг.), передавая подробности передвижений войск Аэция, застигнутых ночью на Каталаунских полях после битвы с Атилией (451 г.):

*«Aetius uero similiter noctis confusione diuisus, quum inter hostes medios uagaretur, trepidus, ne quid incidisset aduersi Gothis, inquirens, tandemque ad socia castra perueniens, reliquum noctis scutorum defensione transegit».*²

Вот этот-то прием для отражения врага в ночное время и следует, как кажется, усматривать во фразе: «Русичи великая поля... Князю славы»: те два условия, при которых автор Слова употребил выражение: «а храбрїи Русичи преградиша (подразум. «поля») чрълеными щиты» во второй день столкновения с Половцами — 1) оборона и 2) бой в пешем строю — в случае внезапного ночного нападения были налицо и здесь, только обороняющиеся, вместо того, чтобы стоять за щитами и драться, в виду отсутствия неприятеля спали в палатках или у костров под защитой преграждавших поля тех же красных щитов.

¹ Перевод: «Поэтому, чтобы среди этих столь смутных обстоятельств не случилось какой неприятности, мы отозвали отряды трубными сигналами и расположились на отдых безопаснее в лагере на травянистой равнине вблизи ручья, умножив ряд щитов в круглую фигуру».

² Перевод: «Аэций же, равным образом отделенный ночью тьмою, сливающей предмет, когда блуждал среди врагов в страхе, расследуя, чтобы с готами не случилось какой неприятности, и наконец, достигнув лагеря союзников, провел остальную часть ночи под защитой щитов». Обе цитаты по вашей просьбе любезно переведены проф. А. И. Малеиным.

Итак, слова: «Русичи великая поля . . . Князю славы» рисуют внешний вид стана русских войск в ночную пору. Мысль эта была высказана еще Пожарским,¹ предполагалась, как одно из вероятных объяснений, Дубенским² и была вновь повторена Вяземским,³ но, к сожалению, осталась для большинства исследователей совершенно втуне и в настоящее время совсем забыта, поскольку весь отрывок в целом рассматривается, как описание утра. Между тем, только при таком понимании приведенные слова, в полном согласии с летописью и без всякого насилия над смыслом, представляется возможным присоединить к предшествующим — «Длго ночь мркнетъ . . . говоръ галичь убуди(ся)», что в целом дает связную картину постепенного наступления ночи, заканчивающуюся как бы прощальным взглядом автора на войско, хотя и отдыхающее после утомительного дневного перехода, но всегда способное встретить нападение врага в полной боевой готовности. Так как в ночь с четверга на пятницу русские войска шли «чересь ночь» без остановки, то это описание следует относить к какому либо из предшествующих дней периода после соединения Игоря со Всеволодом у Оскола, и, вероятнее всего, к последней ночной стоянке со среды на четверг.

Выше, при разборе фразы «щекоть славй успе, говоръ галичь убуди(ся)», было сказано, что объективными признаками какого-либо из периодов суток ни пение соловья, ни крик галок сами по себе служить не могут. В настоящее время, когда выяснилось, что заключительная часть отрывка касается ночного лагеря, поведение птиц и, в частности, галок, являющееся загадкой для многих из исследователей Слова, может быть объяснено чисто естественным путем без особых затруднений. Несомненно, что, становясь лагерем на ночлег, войска должны были позаботиться и о своем ужине, и о своей защите от ночного холода, т. е., другими словами, им надо было заготовить топливо для костров на время ночи. Зажигать на ночь костры было в те времена явлением обычным, и в этом случае войска никаких особых мер предосторожности не предпринимали, даже если огни их костров

¹ Як. Пожарский, *op. cit.*, стр. 53: «Сн то», т. е. долгая ночь, непоявление зари etc. — «необыкновенныя въ природѣ явленія встревожили войско Игореве, которое къ отвращенію всякой опасности оградило щитами станъ свой».

² Дм. Дубенский, *op. cit.*, стр. 47: «угошили городъ около себе». Срв. также: «Вышли Соуждальци пѣжкомъ и оугошили около себе твердь» Новг. I л. 6688 [Срзн.]; «Оугоши городъ около себе въ колѣхъ и биса с ними из города того по · ģ · дни » т. ж. 6732 г. [ib.]

³ П. П. Вяземский. «Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ». СПб., 1875, стр. 153: «Послѣдній ночлеге Русскихъ передъ битвой съ Половцами. Огражденіе войска щитами на ночлеге». Далее Вяземским частично приведены цитаты из Ам. Марцеллина и Иордана, полностью воспроизведенные нами выше.

были видимы противнику.¹ Однако, найти горючий материал в степи в достаточном количестве для целого, хотя бы и небольшого войска не так просто, и потому любой кустарник и лесная поросль, естественно, должны привлекать к себе фуражиров. Но все кусты и заросли в степи в ночное время, как известно, обычное местопребывание птиц, в частности же, соловьев и галок. Разбредшись в поисках за хворостом в подобного рода местах, войны легко могли их потревожить. В результате соловьи, если они только не были дневными и к тому времени не перестали петь просто потому, что наступила ночь, — прекратили свой щекот, галки же, как очень чуткие ко всякому непривычному шуму птицы, — проснулись и подняли крик. В самой обычной, повседневной обстановке, сопровождающей походную жизнь войска, певец Слова о полку Игореве сумел подметить характерные детали и, объединив эти наблюдения со «старыми словесы трудных», т. е. печальных, скорбных «повѣстей» времен минувших, сообщить своей песне свежесть пережитых непосредственно впечатлений.

Заканчивая статью, необходимо отметить следующее обстоятельство. Поскольку фраза «Длго ночь мркнетъ» в буквальном переводе значит — «продолжительное время ночь делается темной», т. е. долго длятся сумерки перед наступлением ночи, выходит, что автору Слова время сумерек под 48°—49° северной широты казалось длиннее того, которое для него было, вообще говоря, привычно, и, стало быть, или автор не был уроженцем местности указанных, а значит вместе с тем и более северных широт, или же он был жителем горной местности, где ночь наступает быстрее, чем на равнине. В первом случае из русских областей в одном только Тмутараканском княжестве сумерки могли казаться заметно короче, чем под 48°—49° с. ш. Но после 1091 г. известия о Тмутаракани со страниц нашей летописи исчезают, и потому сомнительно, чтобы ко второй половине XII в. там мог существовать значительный культурный русский центр, где бы имел возможность получить свои литературные навыки автор Слова. Во втором случае — такой местностью могла быть горная часть русской

¹ В рассказе летописца о борьбе Изяслава Мстиславича с Владимиром Галицким под 1150 г. описывается, как Изяслав, имея в виду в войсках обычай зажигать на ночь костры, воспользовался им, чтоб обмануть своего противника: «Изяславъ же Штодѣ шедъ и ста оу Сѣослави Криницѣ. а Володимеръ перешедъ Оушю ту и ста. и тако стоиху межи собою. ако аже Изяславимъ сторожемъ. зрѣти башеть на Галичьскимъ огнѣ. а Галичьскимъ сторожемъ зрѣти баше на Изяслави огни. и оугада Изяславъ съ дружиною своею. поити череть ночь къ Мичьску. и нача ведѣти. всимъ воимъ своимъ. огни великы (власти X. П.) и тако накладыше огни. а сами поидоша черес ночь къ Мичьску» (Ипат. лет. под 1150 г., стлб. 412—413).

Галиции. О культурных центрах этой русской области говорить, конечно, не приходится. Не к числу ли уроженцев Карпатских гор Галицкого княжества следует причислить автора Слова о полку Игореве? ¹

¹ Ср. В. Шурат. «Пісня про поход Ігоря Святославича. Поема XII в.». Львів, 1907, где автор, исходя из палеографических и лексических особенностей Слова, приходит к мысли о его галицийском происхождении (см. стр. I—III), а также упомянутое выше издание Слова о полку Игореве акад. А. С. Орлова, в котором последний, устанавливая близость стиля Слова о полку Игореве к галицко-волинской манере историко-литературного изложения, замечает: «Это ведет как-будто к тому, что и сам поэт — творец «Слова о полку Игореве» был выходцем из Галицкой земли, сопутствовавшим Ярославне ко двору ее мужа» (стр. 31).

И. И. БЕРКОВ

К библиографии западных изучений и переводов Слова о полку Игореве

Статью «Переписка Маркса и Энгельса по поводу Слова о полку Игореве» («Памяти Карла Маркса», Л., 1933, стр. 641—655) акад. А. С. Орлов кончает указанием, что «предстоит не только пересмотреть наличность изданий „Слова“, но и перестроить систему обзора литературы о нем, производившегося без однородного плана и во многих случаях механически. Особенно неразработанным остается отдел зарубежных изучений „Слова“, а затем и вообще слабо намечены социально-политические условия, в которых происходило изучение этого памятника» (стр. 655).

Настоящая заметка ставит себе целью частично ответить лишь на один из пунктов намеченной акад. А. С. Орловым программы — именно внести ряд дополнений и уточнений в вопрос о западноевропейских изучениях и переводах «Слова».

Принято считать, что после упоминаний Карамзина о «Слове» в статье «Lettre au Spectateur sur la littérature russe» (Spectateur du Nord, 1797, Octobre, pp. 53—72) и анонимной рецензии А. Л. Шлепера в *Götttingische Anzeigen von gelehrten Sachen*, 1801, St. 203, SS. 2028—2030 — (ср. также его: *Nestor*, Bd. II, S. 277—278), первый перевод «Слова» был сделан Иоганном Рихтером в издававшемся им журнале «*Russische Miscellen*» (1803, Bd. I, № 3, SS. 3—56). Между тем, еще до выхода этой книжки журнала Рихтер поместил в том же году в январском номере журнала «*Nordisches Archiv*», издававшегося в Риге и Лейпциге, статью «*Trauergesang der Krieger Igers*» (Erstes Bändchen, SS. 160—166), в которой сообщает о предстоящем выходе полного перевода, а пока излагает вкратце содержание памятника, перемежая изложение отрывками из своего перевода. В основу перевода Рихтер положил Мусин-Пушкинское издание «Слова».

Очевидно, тем же изданием 1800 г. воспользовался автор перевода «Слова», который был напечатан в издававшемся в 1803—1805 гг. А. Коцебу и Меркелем журнале «Der Freymüthige». К сожалению, журнала этого нет ни в ленинградских, ни в московских книгохранилищах, и ознакомиться с указанным переводом не пришлось. В литературе же о «Слове» перевод этот приписывается А. Коцебу.¹

С переводом Коцебу был знаком польский поэт Циприан Годабский (Cyprian Godebski), убитый 19 апреля 1809 г. под Рашином. Перевод его помечают обычно 1821 г., когда вышло посмертное собрание его сочинений «Dzieła wierszem i prozą Cypryana Godebskiego». Во втором томике (стр. 308—323) помещена статья Годабского под названием «Wurgrawa Igora przeciw rołowcom. Poema Alexego Iwanowicza Mussin-Puszkina» (Поход Игоря против половцев. Поэма Алексия Ивановича Мусин-Пушкина), представляющая пересказ памятника по изданию 1800 г. со стихотворными вставками в переводе Годабского. В статье своей, говоря об оссианизме «Слова», Годабский глухо ссылается на журнал «Der Freymüthige» и на «Spectateur du Nord». Повидимому, это последнее обстоятельство послужило причиной того, что в литературе упрочилось мнение, будто перевод Годабского сделан на основе французского перевода.² Кроме статьи «Wurgrawa Igora», в том же томике произведений Годабского помещен стихотворный перевод *Żal Eufrozyny Jarosławny po meżu swoim Igorze* (Плач Ефросинии Ярославны по своему муже Игорю, стр. 324—330). Однако это скорее подражание плачу Ярославны, так как Годабский очень «разбавил» своими вставками оригинал; занимает его перевод Плача 108 стихов.

Таким образом, версию о наличии какого-то раннего французского перевода «Слова о полку Игореве», использованного Годабским, нужно оставить. Но нельзя согласиться также и с предположением акад. А. С. Орлова, что перевод Эйхгофа (1839), о котором упоминают в своей переписке Маркс и Энгельс, был наиболее ранним из известных французских переводов и изучений «Слова». Уже в 1823 г. в Москве вышел стихотворный перевод поэмы, сделанный Н. Бланшаром и помещенный *texte en regard*

¹ Барсов, Е. В. Слово о Полку Игореве, как художественный памятник киевской дружинной Руси. М., 1887, т. I, стр. 29; ср. Геннади, Г. Н. Справочный словарь русских писателей и ученых. М., 1907, т. III, стр. 224.

² Советов, С. С. Польские переводы «Слова о полку Игореве» (Сб. работ студентов-выдвиженцев и студентов-членов научных кружков факультета истории, языка и материальной культуры Ленинградского государственного университета. Л., 1929, стр. 36—42). Статья Bohumila Vudry «Slovo o polku Igorově, jeho ohlasy a vlivy v literatuři polské a české» (časop. «Bratislava», 1930, IV) была мне недоступна.

со стихотворным переводом памятника на русский язык. В предисловии Бланшар указывает, что первоначально он перевел поэму в прозе, но затем решил передать ее стихами. Вот образец его перевода. Начало «Слова»:

Il est doux de chanter un héros malheureux,
Chantons du brave Igor l'effort infructueux!
(P. 13)

А вот начало перевода Плача Ярославны:

Ainsi que la colombe en sa peine mortelle,
Demande aux champs, aux bois sa compagne fidèle.
De même, Ieroslavna que le repos a fui,
Fait entendre sa voix et le jour et la nuit.
(P. 44)

На бланшаровский перевод «Слова» в 1828 г. в журнале «Revue encyclopédique» (t. XL, Octobre, pp. 140—142 и Décembre, pp. 769—770) появилась рецензия Э. Эро (E. Héreau), вообще внимательно следившего за русской литературой и поставлявшего статьи, обзоры и рецензии о ней в этот журнал. Рецензент, владевший хорошо русским языком, недоволен переводом и считает его слишком «легковесным» (facile).

Незадолго до этого в парижском журнале «Le Catholique», издававшемся под редакцией барона д'Экштейна (d'Eckstein), была помещена (1827, t. VI, № 17, juin, pp. 503—530) анонимная, незаконченная статья «De l'ancienne poésie nationale des Russes». Стр. 508—512 уделены специально сведениям о «Poème de la Guerre d'Igor contre les Polovtses», а на стр. 512—529 помещен перевод «Слова». Начинается перевод так: «Frères! Vous plaît-il que je dise en paroles antiques les malheurs d'Igor et de son armée?...» Плач Ярославны, озаглавленный в переводе «Chant de Jaroslawna» (p. 525), вводится следующими словами: «Écoutons Jaroslawna, l'époux du malheureux Igor!». За переводом памятника следуют заключительные слова автора: «Ainsi ce poème, commencé au bruit des armes, se termine par des accens élégiaque conformes à la nature du sujet... La poésie slave, unique en son genre anime tous les êtres sensibles et inanimés» (pp. 529—530).

Обещанного продолжения статьи не последовало.¹ В литературе о «Слове» перевод этот приписывается издателю журнала бар. Экштейну,

¹ Журнал «Le Catholique» за соответствующий год в Ленинграде и Москве отсутствует. Знакомством с материалом о «Слове» в этом журнале я обязан любезности проф. А. Мазон, выразить которому свою признательность считаю приятным долгом.

хотя и статья и перевод, согласно принятому в этом журнале обыкновению, напечатаны без подписи.

Наконец, последней попыткой познакомить французов со «Словом» до указанной акад. А. С. Орловым работы Эйхгофа является небольшая главка «Poésie russe. Poème sur l'expédition d'Igor» в изданной в 1838 г. в Париже Jean'ом Czynski'м книге «Russie pittoresque. Histoire et tableau de la Russie» (стр. 198—200). Полу-пересказ, полу-перевод Чинского¹ (он сделан прозой) в очень сжатой и невыразительной форме дает представление о великом памятнике древне-русской поэзии. Изложение не полно, в собственных именах много опечаток. Все это очень понижает ценность этой попытки.

В заключение настоящей заметки следует указать, что даваемая Е. В. Барсовым (цит. соч., т. I, стр. 29) глухая справка о существовании в немецком журнале «Morgenblatt» за 1817 г. перевода «Слова» отвечает отчасти действительности. В № 298 и 299 тюбингенского журнала «Morgenblatt für gebildete Stände» (13 и 15 декабря 1817 г.) были помещены два стихотворных отрывка перевода «Слова» под названием «Igor. Ein altrussischer Heldengesang aus dem Zwölften Jahrhundert». Перевод сделан по изданию А. С. Шишкова (1805). Анонимный переводчик предпосылает своему переводу краткое изложение «Слова» (стр. 1189) и затем сопровождает перевод примечаниями, основанными на шишковском же издании.

Первый отрывок озаглавлен «Des Sängers Vorwort» (стр. 1189—1190). Начальные стихи следующие:

Lasst uns, Brüder! in der Vorzeit Sprache
Kühn des Trauerschicksals der Gepriesnen
Scharen Igors, Swätslaws Sohns, beginnen!
Nach der Sitte unsrer Tage walle
Dieses Lied, und nicht in Bojans Fluge.

(Стр. 1189)

Второй отрывок (стр. 1193—1194) озаглавлен «Igors Feldzug und Sieg». Начинается он так:

Horch! die Rosse wiehern an der Sula,
Kriegsgebot erschallt in Kijews Mauern,
Fahnen wehen vor Putiwle's Thoren,
Und in Nowgorod Trompetten schmettern.

¹ Книга Чинского — сборник статей разных авторов. Статьи Чинского подписаны J. C. и M. (= le Mème). Статья о «Слове о полку Игореве» подписана инициалом M. и в ней есть ссылка на статью, подписанную J. C., как на принадлежащую тому же автору.

Во вступительной заметке переводчик указывает, что ему приходилось уже на страницах этого журнала касаться «Слова». Действительно, в приложении к 202 № «Morgenblatt für gebildete Stände» за 1812 г., озаглавленном: № 9. Uebersicht der neuesten Literatur 1812 (стр. 35—36), имеется рецензия на изданный в 1811 г. в Праге перевод «Слова», сделанный учеником Иосифа Добровского, Иосифом Мюллером, профессором гимназии в Бромберге. Анонимный рецензент дает сперва обстоятельную справку о самом памятнике, а затем подробно характеризует перевод, отмечая чрезмерную (*übertriebene*) близость к подлиннику, повлиявшую на характер немецкого языка перевода, который, будучи к тому же прозаическим, много потерял в отношении мужественности ритма оригинала. В заключение рецензент сопоставляет отрывок из прозаического перевода Мюллера, излагающего «Плач Ярославны», со своим метрическим, который, как он указывает, был изготовлен еще в 1810 г. Первые стихи этого перевода таковы:

Jaroslawna klagt mit banger Stimme,
 Gleich der Turteltaub, in aller Frühe;
 «Fliehen will ich, gleich der Turteltaube,
 Längs der Donau, will die Biberärmel
 Seufzend in Kajala's Fluthen tauchen,
 Und die blut'gen Wunden meines Fürsten
 An dem starren Körper weinend waschen!»
 (Стр. 36)

По приведенным отрывкам видно, что перевод анонима близок к оригиналу, легко читается и написан изящным языком. Был ли он издан полностью, печатались ли в иных журналах другие отрывки этого перевода, установить не удалось. Во всяком случае так называемый «первый» стихотворный немецкий перевод «Слова» — пастора Зедергольма (1825) совершенно иной.

А. С. ОРЛОВ

Литературные источники повести о Мамаевом побоище

При изучении средневековой литературы весьма важно определение приемов творчества. Наиболее обнаруживаемым приемом является литературное заимствование, которое в средневековье не достигало сложных форм. Значение заимствования отрицать не приходится, потому что, например, им определяется круг чтения данного автора, не определяемый другим способом. Если же определен круг авторской начитанности, возможно оценить и отбор материала, извлеченный автором для своих целей. Таким образом, наравне с другими способами определения классовой сущности памятника, и определение заимствования является показательным. Ни одна из деталей заимствования не устранима из наблюдения, следует только понять ее значимость. К сожалению, до сих пор мы не имеем ни методики этих наблюдений, ни элементарных пособий. Приходится опираться на свою начитанность в сыром материале и на память.

В отношении определения заимствований более других посчастливилось агиографическому и историческому жанрам, в особенности историческому. Это объясняется преимущественно тем, что и жития и исторические повести находили себе источник в сборниках определенного состава, и сами входили в эти сборники, где и подвергались их общему литературному режиму, благодаря чему образовывались житийный и повествовательный шаблоны. В отношении заимствования исторических повестей большую роль сыграла судьба «Слова о полку Игореве», памятника необычного стиля, что вызвало искание параллелей его художественным данным и попутно определило группу других воинских повестей иного стиля, который оказался общим для этих последних.

Литературные источники воинских повестей в основе, однако, весьма сложны. Правда, они соединены в сборниках определенного состава, но этот состав сложился из произведений не одного жанра, да и самые сборники вариировались с течением времени. Так, например, древний компиля-

тивный хронограф и его дальнейшие виды и подобиа заключали в себе разные по стилю переводные произведения, охватывая стилистические периоды от библейской эпохи до поздневизантийской. Да и сами эти произведения, входившие в хронографические компиляции и главным образом через них влиявшие на русскую повесть, заключали в себе данные разных жанров. Возьмем, например, источники хроники Георгия Амартола. Он пользовался светскими и церковными историками, античными и византийскими, житиями, патериками, проповедниками и полемистами, ветхим и новым заветом.

Но как бы ни были сложны в далекой основе источники средневекового русского повествования, нам кажется, искать их следует не в исходных, так сказать, памятниках, некогда объединенных произведениями в роде Амартола, и даже не в одном комплексном произведении в роде Амартола, а в компиляциях, куда входил целый ряд хронографических произведений. Следует только иметь в виду, что хронографических компиляций было несколько, и они то сосуществовали, то сменяли одна другую.

Конечно, не одними хронографами исчерпываются источники русского повествования. Мы привели их только как пример, отражающий нашу основную идею — искать литературные источники не в библиотеке отдельных произведений, а прежде всего в «энциклопедиях», составленных из отдельных произведений, именно — в сборниках определенного состава. Конечно, средневековые русские историки пользовались и не только сборниками, да притом сборниками историческими только. Не говорим уже о том, что самое нахождение большинства русских исторических повестей в летописи, для которой они составлялись, обуславливало влияние на них приемов летописателей.

Исходя из этих общих положений, попробуем доработать исследование одной исторической повести со стороны ее источников, не исчерпанных предшествующими исследователями. Заранее предупреждаем, что выводы окажутся гипотетичными, но, может быть, самый процесс образования гипотезы даст нечто новое для методики заимствования.

Три, если не все четыре, основных повести о Мамаевом нашествии и побоище дошли до нас не в первоначальном виде, подвергшись частью разложению, частью перекрестному воздействию, а также редактированию — в зависимости, например, от передвижки некоторых из них по летописным сборникам — следуя терминологии Шахматова: от княжеской Московской летописи до владычной Новгородской, до общерусского митрополичьего свода (первой четверти XV в.) и так далее.

Оставляя в стороне гипотезы о первоначальном виде повестей, посвященных Мамаевщине, и о взаимоотношении содержащих их летописей, которое служило для исследователей одним из оснований построения генеалогии самих повестей, остановимся на литературных источниках одной из этих повестей.

Самая ранняя, так называемая «Летописная повесть» о Мамаевом побоище, основанная главным образом на схеме и стилистике летописного жития Александра Невского и частью на стилистике паримийного чтения о Борисе и Глебе, этими источниками едва ли исчерпывается. Взять, например, изображение отчаяния Мамаю: «Рече к себе Мамай: власи наши растерзаются, очи наши не могут огненных слез источати, языци наши связаются, гортань ми пресыхает и сердце раставает, чресла ми растерзаются, колене ми изнемогают, а руже оцепеневают». Мы отказываемся теперь видеть здесь подражание плачу Бориса по умершем отце («сердце ми горит, душа ми смысл смущает...», см. лекции А. С. Орлова, 1916, стр. 136), скорее здесь влияние отчаяния Валтасара, как оно изображено в библейской книге пророка Даниила, гл. 5, ст. 6, — например, в видении Даниила по Еллинскому летописцу: «тогда царю лице изменися и размышления его смущахуть и совузе чресл его расслабяхуся и колене его сражастася». Текст данной цитаты почти совершенно одинаков для пророчеств Даниила, как бы они ни оформлялись, в виде ли отдельной книги, или включенной в какой-либо сборник, церковный или исторический. Однако, в интересах установления круга источников «Летописной» повести необходимо было бы точнее определить, от какого оформления пророчеств зависит цитата. А для этого следует пересмотреть и другие места «Летописной» повести, где возможно заподозрить пользование чужой литературной продукцией.

Прежде всего пересмотрим лексику повести и остановимся на выражениях, необычных в летописи. Наше внимание привлекло к себе употребление термина «местный». Дмитрий Донской собрал 150 тысяч воинов «опрочно рати князей и воевод местных» (Новг. IV, стр. 77). Воеводы других областей, кроме Московской, конечно, могли бы называться «местными». Но кроме «Летописной» повести, такого применения названия в русских произведениях, ей предшествующих, мы не встречаем; впрочем И. И. Срезневский привел один случай из Литовской летописи, изданной Даниловичем, где брат Гедимины назван «местным князем» (1386 г.). Оставляя в стороне эту Литовскую летопись, по неимению сведений о ее генеалогии, продолжаем утверждать необычность термина в русской собственно летописи. В памятни-

ках переводных этот термин нередок, например, в приложении к епископу, есть он и в приложении к князю; так, по сообщению Срезневского, в хронике Малалы *τοπάρχης* переведено «князь местный». Далее в «Летописной» повести мы читаем: Дмитрий Донской «нача полци ставити и устраише их в одежду их местную, яко велиции ратници и воеводы ополчиша свои полкы» и т. д. (Новг. IV, стр. 78); «князь же исполчи свои полки великии, и вся его князи руския свои полци устроиша, и велиции его воеводы облачишася во одежды местныя» (Новг. IV, стр. 79). Такое применение термина нам кажется совершенно странным. Едва ли «одежды» нуждались в определении по областным признакам. То же впечатление странности эпитета, очевидно, испытывал и Срезневский, который отдельно привел вторую из наших цитат со специальным объяснением: «местный — праздничный». Это объяснение не поддержано у Срезневского никакими параллелями и является домыслом, попыткой осмыслить ничем неоправдываемое применение термина. По нашему мнению, автор «Летописной» повести заимствовал термин из переводной литературы и сначала употребил его в более или менее удачном применении: «воеводы местные», соответственно переводному: «князья местные». Слово, весьма книжное, ему так понравилось, что он стал им оперировать свободнее — появились и «одежды местные». Щегольство книжными, не русскими словами — вещь не редкая, судя по Галицкой летописи или Казанской истории, которые ввели в свое изложение лексику и фразеологию переводных статей компилятивного хронографа. Откуда же, однако, слово «местный» могло быть заимствовано «Летописною» повестью? В приложении к князьям Срезневский правильно отметил его в переводе хроники Малалы («князи местнии»), но не обратил внимания на то, что такое же выражение встречается и у пророка Даниила, видения которого соединены с Малалой в компилятивном хронографе: см. в начале 4-го видения, в рассказе о «златом теле» Навуходоносора — «местнии князи». Несмотря на то, что соответствующее место книги пророка Даниила (гл. 3, ст. 2 и 3) вне хронографа имеет, начиная с библии 1751 г., иное чтение, именно: «местоначальници», а не «местнии князи», это чтение, как позднее, не может свидетельствовать в пользу хронографа, ибо до половины XVIII в. во всех видах пророчеств Даниила, не исключая библии, читается одинаково: «местнии князи». Тем не менее мы настаиваем на предположении, что «Летописная» повесть пользовалась хронографом как для эпитета «местный», так и для образа Мамаева отчаяния, потому что естественнее всего русской и исторической повести пользоваться историческим же сборником, в котором термин «местный» является обычным (Малала, Даниил),

а образ отчаяния встречается в том же произведении, где и этот термин (Даниил).

Есть еще одна загадочная цитата, заимствованная «Летописной» повестью со стороны. Загадочность ее происхождения заключается в противоречии с системой заимствования, свойственной автору «Летописной» повести. Этот писатель не отличался изяществом и находчивостью. Кроме двух-трех житийно-исторических текстов и летописной стилистики вообще, он довольно механически использовал десяток популярных псалмов, и если подражал пророку Даниилу или сочинениям, вошедшим в компилятивный хронограф, то и эти подражания не свидетельствуют о его литературном вкусе. Психологические эффекты его грубы и несамостоятельны. И вот на фоне его шаблонной работы мы сталкиваемся с замечательной цитатой, которую едва ли ему было свойственно подметить без сторонней помощи. Услышав о переходе русским войском Оки и о вступлении во вражескую землю, во всех городах, а особенно в Москве, женщины запечалились и заплакали, как библейская Рахиль о своих детях. «И бысть в граде Москве туга велика и по всем его пределом плачь горек и глас рыдания сииречь в высоких: Рахиль же есть рыдание крепко, плачущися чад своих с великим рыданием и вздыханием, не хотя утешитися, зане пошли с великим князем на острая копья». Издатели Новгородской IV летописи, где помещен один из лучших видов «Летописной» повести о Мамаевом побоище, сделали к этой цитате примечание: «сие место, испорченное в списках, заимствовано из пророка Иеремии, гл. XXXI, ст. 15». В славянском переводе книги пр. Иеремии соответствующее место, взятое в несколько расширенном объеме (стихи 15—17), читается так: «Тако рече господь: глас в Раме слышан бысть плача и рыдания и вопля: Рахиль плачущися чад своих и не хотяше утешитися, яко не суть. Тако рече господь: да почиет глас твой от плача и очи твои от слез, яко есть мзда делом твоим, глаголет господь и возвратятся от земли вражия; и есть надежда последним твоим, глаголет господь, и возвратятся сынове твои в пределы своя». Рахиль, как символ неутешной матери, упомянута и в евангелии (Матфея гл. 2, ст. 17 и 18): «тогда сбытся реченное Иеремием пророком, глаголющим: глас в Раме слышан бысть, плачь и рыдание и вопль мног: Рахиль плачущися чад своих и не хотяше утешитися, яко не суть». Хотя автор «Летописной» повести мог не только читать, но и слышать чтение о Рахили в церкви на второй день рождества, однако, едва ли он был способен уловить ценность этого образа и простое изящество его выражения. Он даже не сумел применить его с литературной ловкостью, и мы думаем, что упрек издателей Новгородской IV летописи

в испорченности цитаты следует отнести не к переписчикам «Летописной» повести, а к самому ее автору.

Замечательно, что цитата о Рахили, нескладно отраженная «Летописной» повестью, встречается в сербском повествовании о Косовской битве 1389 г. и о гибели там царя Лазаря, именно в житии Стефана Лазаревича, сочиненном Константином Костенчским в 1431—1432 г.: «Тогда же, тогда не бяше места в всей стране той, идеже умиленный глас рыдательный и вопль ничесому же подобяшеса, не слышаашеса, елико и воздух исполняти яко убо ти в пределех сих Рахиль плачущися и не хотяше утешитися не чад своих точно, но с богоизбранным господином, яко несть и не суть». Позволяем себе предположить, что именно под влиянием такого выдающегося литератора, как Константин Костенчский, мотив неутешной матери в образе Рахили проник и к нашему книжнику. В тексте этого последнего можно допустить и пророческую или евангельскую реминисценцию, вызванную церковным оглашением. Но все же стимулом к включению данного мотива в «Летописную» повесть послужило именно сербское житие Стефана Лазаревича, где говорится о плаче по всем местам страны, о чадах купно с их господином, о вопле, наполнившем весь воздух, чего нет ни у Иеремии, ни у Матфея, но есть у автора «Летописной» повести. Мы склонны объяснять непонятное «и слышан бысть сиречь в высоких» неудачной перелицовкой слов Костенчского: «... не слышаашеса, елико и воздух исполняти». Вульгарное на русский слух «воздух» было заменено словом «высокая», т. е. небо.¹ Это, конечно, только догадка.

О Рахили упомянуто еще в одном русском, но более раннем произведении, именно в житии Стефана Пермского, составленном в исходе XIV века Епифанием Премудрым: по поводу смерти Стефана (1396 г.) «жалостно плачется церкви Пермская, неутешимо и болезнено рыдает и не хотяше утешитися, яко некому утешити ея. Якоже древле Иеремия пророк рече: глас в Раме слышан бысть, плачь и рыдание и вопль мног: Рахиль плакашеса чад своих и не хотяше утешитися, яко не суть». Нет сомнения, что цитата жития Стефана Пермского стоит в стороне, так как автор «Летописной» повести никак не обнаружил знакомства с содержанием и стилем этого труда Епифания и так как в деталях автор повести совпадает именно с цитатой жития Стефана Лазаревича.

Если верно, что именно автор, а не редактор «Летописной» повести пользовался житием Стефана Лазаревича, то последствий этого факта много.

¹ Ср.: ὁ ἄνω = ἐπουράνιος — Joann. 8, 22, Paul. Galat. 4, 26; ἡ ἄνω Ἱερουσαλήμ — Paul. Phil. 3, 14; Col. 3, 1, 2 (из лексикона Sophocles'a, s. v. ἄνω); πρὸς τὸ ἄνω — Thes. Stephani, s. v. ἄνω.

Во первых: «Летописная» повесть сочинена после 1431 г.; во вторых: или «Летописной» повести не было в общерусском летописном своде 1423 г. (вопреки мнению А. А. Шахматова), или этот свод составлен после 1431 г.; в третьих: так как в хронографе, дошедшем от серба Пахомия, житие Стефана Лазаревича уже сокращено и не имеет цитаты о Рахили, значит — или «Летописная» повесть пользовалась отдельным списком жития, или в основном виде хронографа Пахомия это житие сначала помещалось полностью; в четвертых: если вообще «Летописная» повесть пользовалась компилятивным хронографом, то не пользовалась ли она им в композиции серба Пахомия?

Независимо от установления года, после которого возникла «Летописная» повесть, можно с точностью назвать год, до которого она уже существовала. Совершенно неоспоримо установлено Н. П. Лихачевым и А. А. Шахматовым, что «Летописная» повесть вместе со своим «местным» термином повлияла на ту часть слова похвального инока Фомы великому князю тверскому Борису, которая составлена в 1453 г. Если не учитывать предположения А. А. Шахматова, что «Летописная» повесть перешла из общерусского свода 1423 г. в Новгородский свод 1448 г., то, по нашему предположению, она была составлена между 1431 и 1453 годами.¹

Что же касается жития Стефана Лазаревича, то в XV веке оно было весьма у нас популярно. Почему-то до сих пор не отмечено, что оригинальный эпитет Батыя «молнииная стрела» попал в повесть о разорении им Рязани именно из этого жития. Следовательно, эта повесть имела в ряду своих источников не только повесть Нестора-Искандера о взятии Царьграда в 1453 г., но и житие Стефана Лазаревича, повидимому объединенные каким-то хронографическим сборником.

¹ Мы совершенно отрицаем пользование Епифанием Премудрым какой-либо повестью о Мамаевом побоище, хотя в тексте жития Сергия Радонежского, составленного Епифанием в 1417—1418 г., есть глава «О победе еже на Мамая». Эта глава принадлежит не Епифанию, а Пахомию Логофету, переработавшему и дополнившему Епифаниево житие Сергия.

В. В. ДАНИЛОВ

Сборники песен XVII столетия — Ричарда Джемса и П. А. Квашнина

Состав песенных сборников XVII столетия — одного, составленного для Ричарда Джемса, и другого, написанного П. А. Квашниным, является материалом для освещения вопроса о социальной среде возникновения старой русской песни и ее авторов.

{ Вначале определяю время сочинения отдельных песен сборника Джемса и выясню историко-социальные условия их возникновения. } Обзор веду не в последовательности их записи в сборнике, а в порядке хронологической принадлежности.

Последняя песня Джемсова сборника:

А не сильная туча затучилася,
А не сильные громы грянули:
Куде едет собака крымской царь?..

изображает поход крымцев на Москву. Буслаев и за ним Л. Майков относили содержание песни ко временам Ивана Грозного: «Имя Диви-Мурзы, встречающееся в этой песне, — говорит Л. Майков, — дает точное указание, что в ней речь идет о набеге 1572 года».¹ В просьбе же Диви-Мурзы дать ему после завоевания Руси по разделу Новгород Буслаев видит пронырчатый намек на то, что этот мурза, взятый в плен, был отправлен в Новгород.²

Поход крымцев на Москву 1572 г. кончился большим сражением в пятидесяти верстах от столицы. Битва была губительной для хана Девлет-Гирея, который, по современному свидетельству, привел обратно из ста двадцати тысяч войска только двадцать.³

¹ О старинных рукописных сборниках народных песен и былин. ЖМНП, 1880 г., ноябрь.

² Буслаев. Исторические очерки, I, 545.

³ Карамзин. Ист. Государства Российского, т. XX, стр. 231, 233; изд. 3-е.

Но в песне Джемсова сборника как раз о битве не говорится ни слова. Непосредственно за разговорами о разделе русских городов между мурзами в ней следуют слова:

Прокличет с небес господень глас:
 «Ино еси, собака крымской царь.
 То ли тебе царство не ведомо?
 А еще есть на Москве семьдесят апостолов,
 Опришенно трех святителей,
 Еще есть на Москве православной царь».
 Побежал еси собака крымской царь
 Не путем еси — не дорогою,
 Не по знамени не по черному.

Таким образом, бегство хана изображается как следствие вмешательства божественной силы. «Замечательно, — писал по этому поводу Буслаев, — что только одна эта песня из всех записанных у бакалавра Джемса, имеющая предметом событие отдаленнейшее, отличается уже чудесным».¹

Буслаев и Л. Майков, остановившись на имени Диви-Мурзы, не обратили внимания на то, в какой концепции взято оно в тексте. Диви-Мурза фигурирует в песне не как действующее лицо, а как воспоминание. На вопрос хана, как поделить между мурзами русские города, —

Выходит Диви-Мурзы сын Уланович,
 который, распределив города, оканчивает речь просьбою:

А меня, государь, пожалуй Новым-городом:
 У меня лежат там свет-добры-дни —
 Батюшко Диви-Мурза, сын Уланович.

Следовательно, в песне выступает не сам Диви-Мурза Ногайский, а его сын, и последние несколько попервоначалу туманные слова его становятся вполне ясными, когда примем во внимание, что Диви-Мурза умер пленником в Новгороде: сын просит дать ему город, в котором находится могила его отца.

Очевидно, что в песне изображен не поход 1572 г., а какой-то другой набег крымцев, более позднего времени. Многозначительная фраза песни:

Еще есть на Москве православной царь —

¹ Буслаев. Исторические очерки, I, 543.

приводит нас к такому политическому положению, когда у хана могло литься представление, что на Москве нет царя, и государственная организация распатана. Именно так объясняется в послании царя Бориса Годунова к патриарху Иову не состоявшееся, яко бы, намерение хана Кази-Гирея в 1598 г. итти походом на Москву: «Как учинилась в Крыму царю весть о смерти Федора Иоанновича», крымский царь «о том порадовался и хотел итти со всеми своими ратьми прямо к Москве, а перед собою хотел послать на наши украинны на Рязанские места войною Арасланаева улусу Дивсева, а самому, оплоша нас тою войною, итти на наши украинны и к Москве прямо».¹ Распространив такой слух о воинственных намерениях хана, Годунов вышел навстречу татарам под Серпухов с большим войском. Но «слух о походе ханском оказался ложным: вместо грозной рати, явились мирные послы», которых Годунов велел так напугать беспрестанною пальбою на протяжении семи верст их пути в царскую ставку, что они, «пришедши к царю, едва могли справить посольство от страху». Эту мирную встречу Годунов представил, как свою победу: в Москву «он въехал с большим торжеством, как будто завоевал целое царство иноплеменное».² Эта инсценировка была нужна новому царю для популярности в массах, причем церковь, в лице патриарха Иова, представила эпизод, как знамение особого покровительства божества недавно избранному царю: «Сей великий бог наш, показавый на тебе, великом государе нашем, благочестивом царе, велию славу свою и даровавый тебе светлые и прехвальные без крови победы» и проч.³

Вот та ситуация, которая огазилась в песне. Последняя создана определенными полигическими целями: это — песня-агитка. Она не говорит о битве с татарами, так как никакой битвы не было. Но она изображает торжество над ними, как следствие чуда: «Прокличет с небес господень глас», потому что так изображала серпуховскую встречу с татарами церковь, причем этот мотив голоса с неба возник под влиянием послания патриарха Иова к царю Борису, где есть такое место, возвеличивающее Годунова: «Тако глаголет господь: аз воздвигох тя, царя правды, и призвах тя правдою, и приях тя, и укрепих тя, да послушают тебе языць».⁴

Как отражающая событие 1598 г., шестая песня Джемсова сборника не выходит из исторических рамок, характерных для остальных песен: все

¹ Акты, собр. Археографической экспедицией, т. II, стр. 9, № 3.

² Соловьев. История России, т. VIII, стр. 13—14.

³ Акты, собр. Археографической экспедицией, т. II, стр. 13, № 5.

⁴ Там же, стр. 8, № 2.

они относятся к периоду от начала до конца Смуты, что было, конечно заданием Джемса при составлении сборника.

Две песни — заплачки, посвященные судьбе Ксении Борисовны Годуновой, имеют не только тематическую, но и композиционную общность. Это — два варианта одного и того же творческого задания, состоящего в том, чтобы, как говорит И. Н. Жданов, *per anticipationem*¹ представить судьбу несчастной ех-царевны, и даже с одинаковыми стихами. Песни сочинены после свержения названного Димитрия, смело именуемого в них изменником и расстригой, но в среде, относящейся скрыто-несочувственно к памяти Бориса Годунова. Вопрос Ксении во втором варианте:

За что наше царство загибло:

За батюшково ли согрешенье?..

имеет явную цель напомнить обвинение Бориса в убийстве царевича Димитрия, но делается это в самой замаскированной форме. Даже выполнение основного задания — изобразить страдания Ксении — сделано без искреннего сочувствия, с затаенным недоброжелательством к семье Годуновых. Только этим можно объяснить совершенно неподходящую к трагической судьбе Ксении, на глазах у которой были зверски убиты мать и брат, игривую мысль, приписываемую ей сочинителем песни, что ей

Чернеческого чину не здержати:

Отворити будет темна келья,

На добрых молотцов посмотретьи.

Моральный смысл этих стихов получает подчеркнутое значение, если принять во внимание, что Лжедмитрий сделал Ксению наложницей, что вообще она подвергалась насилиям: «Сию небрегому, — говорит о Ксении дьяк Иван Тимофеев, — и мельчайшии чади многи обгляда око... Самых врагов отца ее ту уничижене руки осызаша». Передавая это, Тимофеев считает нужным вступить за честь Ксении, — «да никто же епротивно некое тоя чистоте вознепщует, еже бы по изволению ея: не буди то, разве насилия многа».² Автор песни, наоборот, как раз стремится переключить положение Ксении из состояния пассивной жертвы насилия на активность страстной, невоздержанной натуры.

¹ Путем предвосхищения. И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 457.

² Платонов. Древне-русские сказания и повести о смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб., 1913, стр. 194.

Второй вариант песни Ксении представляет более совершенное выполнение творческого задания. Прежде всего, отброшена неудачная параллель, которую начинается первый вариант, изображающая «белую пелепелку», свившую гнездо на «сыром дубе», параллель, выдающая горожанина, не видевшего перепелки и незнакомаго с образом ее жизни. Параллель неудачна также потому, что изображает перепелку-мать, плачущую о судьбе детей, что совсем не подходило к положению Ксении. Затем, в первой редакции сначала говорится о монастырской жизни, а потом о расставании с царскими теремами. Второй вариант восстанавливает естественную последовательность фактов: сначала идет расставание с «высокими хоромами», а потом изображение монастырской жизни. Второй вариант песни Ксении представляет очевидную переделку и дополнение первого.

Двойственное их настроение в отношении семьи Годуновых ведет нас в круг интересов Василия Шуйского, в свое время подготовлявшего свержение Бориса,¹ но затем вынужденного в борьбе с именем Дмитрия воздать Годуновым посмертные царские почести и привлечь к этой церемонии Ксению. — «В 1606 году, говорит Соловьев, — принужденный бороться с тенью Лжедмитрия, Шуйский счел нужным оправить царя Бориса и семейство его, погибшее жертвою самозванца: с этою целью он велел вынуть гробы Годуновых из Варсонофьевского монастыря и с царским великолепием перенести в Троицкий монастырь; Ксения (Ольга) Борисовна провожала гробы родных своих и по обычаю громко вопила о своих несчастиях».²

Всеволод Миллер справедливо предполагает, что песни про Ксению были сложены именно по поводу перенесения праха ее родных.³ Они были литературным дополнением к церемонии, сделанным по заданию, исходившему из дворца Василия Шуйского.

Даже неверное указание на Устюжну Железнопольскую, как на место ссылки Ксении, может служить подтверждением дворцовой среды возникновения песен-причитаний, так как представление об Устюжне, как отдаленной окраине, могло возникнуть прежде всего у человека, знакомого с дворцовыми вотчинами: Устюжна состояла в ведении приказа Новгородского дворца.

¹ Платонов. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. 1899 г., стр. 277.

² Соловьев. История России. т. VIII, стр. 178.

³ В. Миллер. Отголоски Смутного времени в былинах. Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. Наук, 1901 г., т. XI, кн. 2, стр. 159.

Хронологически следующая песня сборника Джемса посвящена популярному в устной литературе факту — трагически-таинственной смерти князя М. В. Скопина-Шуйского. Время возникновения этой песни Буслаев определил неверно. Характеризуя ее с эстетической стороны, он, между прочим, говорит, что «особенную красоту этой песенки составляет свежесть вдохновения, вызванного только что совершившимся событием».¹

Скопин умер в ночь на 24 апреля 1610 г. Между тем, песня оканчивается словами:

А расплчютца свецкие немцы:
 «Что не стало у нас воеводы
 Васильевича князя Михаила».
 Побежали немцы в Новгород
 И в Новгороде заперлися,
 И многой мир-народ погубили,
 И в латынскую землю превратили.

Следовательно, песня сочинена после занятия Новгорода войсками Делагарди, что произошло в ночь на 16 июля 1611 г., т. е., через год и три месяца по смерти Скопина, которая, таким образом, во время сочинения песни вовсе не была «только что совершившимся событием».²

А раз автор сочинил песню о смерти Скопина почти через полтора года после нее, то требуют освещения вопросы: во-первых, что могло быть поводом к воспоминанию о ней в условиях тогдашнего революционного времени, ежедневно приносявшего свежие новости, и, во-вторых, какие цели преследовал автор, напоминая о смерти популярного в массах полководца?

Обвинение в его отравлении недоброжелательная к Шуйским молва ткала вокруг их семьи. В псковской летописи прямо говорится, что «сотвориша пир дядья его (т. е. Скопина) не яко любве ради, но убийства», и эта молва на следующие же дни по смерти Скопина вызвала уличные эксцессы против царского брата Дмитрия Ивановича Шуйского, жена которого Екатерина, дочь Малюты Скуратова, поднесла чашу вина Скопину на крестинах у князя Ив. Мих. Воротынского, после чего Скопин-Шуйский почувствовал себя плохо. Песня о смерти Скопина не говорит о Шуйских, потому что во время ее сложения — что могло быть не ранее второй половины

¹ Буслаев. Исторические очерки, т. I, стр. 524.

² На занятие Новгорода войсками Делагарди, как на *terminus post quem*, не обратили внимания и новейшие исследователи песни: В. Ф. Ржига (Изв. по РЯС, 1928, т. I, кн. 1) и Б. А. Алборов (Изв. Сев.-кавказ. педаг. инст., 1924, т. II).

1611 г. — Шуйские были для москвичей воспоминанием, а не активной политической силой, находясь в польском плену, да и среда, в которой возникла песня, не была враждебна Шуйским. Песня Джемсова сборника не ставит безличного обвинения против бояр, как это делают песни о смерти Скопина, долго бытовавшие в массах,¹ она обвиняет в ней двух определенных бояр:

А расплаютца гости москвичи:
 «А тепере наши головы загибли,
 Что не стало у нас воеводы,
 Васильевича князя Михаила».
 А съезжались князи-бояря супротиво к ним,
 Мьстисловской князь, Воротынской,
 И между собою они слово говорили,
 А говорили слово, усмехнулись:
 «Высоко сокол поднялся
 И о сыру матеру землю ушибся».

Если Воротынский попал в песню потому, что именно на пиру у него Скопин почувствовал себя плохо, и естественно было подозревать хозяина дома в соучастии в заговоре на жизнь Скопина, то для обвинения в том же Мстиславского нужны были какие-то особые условия, когда обвинение в смерти воеводы, на которого московское население возлагало надежды на избавление государства от смуты, получало многозначительный смысл.

Такие условия как раз сложились во второй половине 1611 г., когда, по свержении Василия Шуйского, власть, попавшая снова в руки московской аристократии, возглавлялась князем Мстиславским, ставшим во главе временного правительства, именовавшего себя общею формулою: «бояре князь Федор Иванович Мстиславский с товарищи». Это — так называемая «семибоярщина», в которой первыми лицами были Мстиславский и Воротынский». ²

¹ Напр., в сборнике Кирши Давилова и «Печорских былинах» Ончукова (№ 5, 60, 81).

² Б. А. Алборов приводит такую причину для объяснения присутствия имен Мстиславского и Воротынского в песне Джемсова сборника: «Воротынский и Мстиславский не случайно фигурируют в песне; они, оказывается, больше других бояр имели основание ненавидеть Скопина, ибо, находясь в числе главных воевод, терпели поражения в то время, когда Михаил Васильевич одерживал победы или удачно выходил из затруднительного положения» (Песни о М. В. Скопине-Шуйском. Изв. Сев.-кавк. педаг. инст., т. II, 1924, Владикавказ, стр. 140). Предположение автора теряет почву, раз песня появилась значительно позже смерти Скопина, когда автор не считал нужным сводить старые счеты настолько, что не упомянул даже Шуйских. Вообще, песня сочинена не в мемуарном плане.

Против «седьми московских бояринов» стояла дворянская масса и посадское население, для которых политическая обстановка 1611 г. была просто гибельною. — «Уездные дворяне, говорит историк, и дети боярские, волостные и посадские мужики были разорены и подавлены несчастным ходом событий. А враги торжествовали: Сигизмунд взял Смоленск, шведы покусились на Новгород».¹ Вот та классовая и политическая обстановка, в которой сложилась песня Джемсова сборника о смерти Скопина, прямо обвиняющая боярство в разгроме шведами Новгорода и делающая это именно с точки зрения посадского населения:

А расплачютца гости москвичи:

«А тепере наши головы загибли».

А съезжались князи-бояря супротиво к ним...

Средю возникновения песни следует считать торговые круги и, во всяком случае, средние классы городского населения.

С формальной стороны в основе песни о смерти Скопина лежит мотив похоронного плача, нашедший широкое применение в воинской повести «О рождении князя Михаила Васильевича», включенной в хронограф. — «Доктуры немецкия от князя идяху и слезы испущаху... Стекаются ко двору его множество войска... и множество народа... со слезами и с великим рыданием... Подручники и воеводы, и дворяне, и дети боярские, и сотники, и атаманы... со многим воплем и стонанием и жалостно во слезах глаголаше и причитаху... Держащие власти и строяще и правяще царская и народная, также и нищии и убогия вдовицы, слепии и хромии — всяк со слезами и горким воплем кричаще и вопиюще... Немецкий воевода Яков Пунтусов со двенадцати своими воеводы и со своими дворяны... виде мертвое его тело и восплака горце...» Оканчивается повесть, как и песня, известием о занятии Новгорода войсками Делагарди и насилиях над жителями: «Яков Пунтусов пошел с немцы под великий Новоград и взял... И то уже немцы одолеша и посекоша всех и город немцы засели, новгородцов обнасиловали и пограбиша и драгия узорочья свезоша во свою землю немецкую».²

Совпадение некоторых мотивов повести о Скопине с песнею о нем в сборнике Джемса приводит к заключению об однородной литературной, а следовательно, и социальной среде их возникновения: оба произведения являются продуктом литературной деятельности города.

¹ С. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., 1899, стр. 516.

² Андрей Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869 г., стр. 383—384 и 388.

Последняя хронологическая датировка принадлежит четвертой песне Джемсова сборника о возвращении из польского плена Филарета Никитица, отца молодого царя Михаила. Это было 14 июня 1619 г.

Автор одной биографической статьи назвал эту песню «одою на въезд Филарета Никитича»,¹ хотя в той же статье он говорит о ней, как о народной песне. Однако, случайная, может быть, терминологическая обмолвка автора как раз представляет происхождение песни в настоящем свете: оно того же порядка, что и происхождение придворных од XVIII столетия.

Начало песни:

Зрадовалоя царство Московское
И вся земля святоруская.
Умолил государь, православной царь,
Князь великий Михайло Федорович.
А что скажут — въехал батюшко
Государь Филарет Микитич
Из неверной земли из Литовской —

представляет парафразу слов окружной царской грамоты от 3 июля 1619 г.: «Великий государь наш, отец и богомолец, преосвященный митрополит Филарет Микитич из Польши и из Литвы пришел в Московское государство, о чем мы и все люди Московского государства великия радости наполнились».²

Встреча царскому отцу была организована нарочито пышная, многоступенчатая, с явно выраженным агитационным характером. Во-первых, необходимо было слепящею глаза церемониею загладить ухабы прошлой жизни Филарета Никитича, бывшего в Тушинском стане «воровским» патриархом, и, во-вторых, разгладить ему путь к московскому патриаршеству.

Еще далеко в дороге Филарета трижды спрашивали о здоровье сановные курьеры, а затем последовали три торжественные встречи во главе с самыми именитыми боярами, в Можайске, Звенигороде и «на последнем стану от Москвы», в селе Хорошеве. Наконец, Михаил встретил отца за Преснею, причем обоими была разыграна театральная сцена: отец и сын пали друг перед другом на землю и, лежа таким образом несколько минут, «от очию, яко реки, радостные слезы пролияху». Конечно, этот дра-

¹ Чтение в Обществе любителей духовного просвещения, 1873 г., т. VI.

² Акты, собр. Археографической комиссией, т. III, 143 стр.

матизм был продиктован не только семейными отношениями. Встреча Филарета так захватила интересы придворной знати, что чуть не все участники перессорились из-за нее, сводя местнические счеты, а боярин Василий Морозов за бесчестье князя Пожарского даже попал в тюрьму.¹

Московский двор был бы единственным исключением из дворов всего мира, если бы такая насыщенная злобою дня придворная атмосфера не произвела песни, украшающей праздники.

Остается последняя, но по порядку расположения первая песня Джемсова сборника — «Бережечик зыблетца», не относящаяся ни к какому определенному событию, но, безусловно, принадлежащая эпохе Смуты.

А емлите, братцы, —
говорят про себя «воинники», —

Яровы весельца,
А садимся, братцы,
В ветляны стружечки,
Да гренемте, братцы,
В яровы весельца,
Ино вниз по Волги.

Документальной иллюстрацией к этому месту из истории Смуты может быть, например, грамота Василия Шуйского 1607 г. к пермичам о сборе семидесяти ратных людей — «которые б были собою добры и молоды и резвы и из луков или пицалей стреляти были горазды... А шли б те ратные люди Камою и Волгою и Окою до Коломны в пермских в легких стругах».²

В желании «молодцев» избежать «зимовья службы», так как в зимнее время

Молотцам кручинно,
Да сердцу надсадно, —

сказывается организация тогдашнего войска, годного почти исключительно к летним действиям, вследствие чего, например, Василий Шуйский, взяв 10 октября 1607 г. Тулу, принужден был распустить по домам дворян и детей боярских с их отрядами. Песенные «молодцы» принадлежат к тем же социальным слоям. Это — люди книжные, по примеру церковных актов³ вставляющие в песню догматические формулы.

¹ Дворцовые разряды. СПб., 1850 г., т. I, стр. 397.

² Акты, собр. Археологической комиссией 1836 г., т. II, стр. 162.

³ Ср. там же, стр. 13.

Ино, боже, боже,
Сотворил ты, боже,
Да и небо-землю.
Сотвори же, боже,
Весновую службу.

Последний издатель сборника песен Джемса П. К. Симони дал ему такое название: «Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского государства».¹ Мнение о записи песен на крайнем севере основано на недостаточно убедительной характеристике языка. Но в основе его лежит традиционное представление о том, что сборник Джемса есть запись «народных» песен. Анализ содержания обнаруживает совершенно иное их социальное происхождение, и записаны были песни, конечно, в месте их создания — в Москве, где Джемс пробыл с 19 января по 20 августа 1619 г. Согласно с характеристикой письма сборника, сделанной П. К. Симони, оно «имеет характер не книжного обычая, а делового письма грамот и документов», т. е. сборник написан приказною рукою, и местом его написания был, без сомнения, Большой Посольский двор в Китай-городе, где проживало английское посольство. Здесь лучше, чем где-либо еще, могли знать официозную поэзию настоящего и недалекого прошлого. Джемс, как видно из состава сборника, интересовался отражением в песне недавних грозных событий, и чиновничья среда удовлетворила его любопытству, причем составитель сборника прежде всего записал песню «молодцев», т. е. людей среднего круга, из которых преимущественно формировались военные отряды, и которые в мирное время кормились службою в приказах. Эта песня, очевидно, была ближе всего сознанию составителя, как воспоминание о собственном прошлом.

На втором месте приказный поместил песню о Скопине, на которого были когда-то направлены чаяния московской буржуазии и дворянства, следовательно, идеологически опять-таки близкую ему песню. Последнюю он записал песню, оставшуюся от царствования Годунова, как позже всего по своей хронологической отдаленности пришедшую ему на память.

Кроме вопроса о классовой среде возникновения песен Джемсова сборника, ставим вопрос о характере их авторского происхождения. История древне-русской литературы наметила проблему профессионального поэтического творчества в лице скоморохов. Но не ставилась проблема поэтического творчества в стихотворной форме порядка индивидуального в куль-

¹ Сборник Отд. русск. яз. и словесн. Акад. Наук, 1907 г., т. LXXXII, № 7, и отдельно.

турной среде древне-русского общества. О таком творчестве литературная историография начинает говорить только с периода виршевой поэзии. Однако, если князь И. А. Хворостинин, водивший во время Смуты компанию с поляками, усвоил от них виршевое искусство и потом «многие укоризненные слова писал на вирш», то невозможно представить, чтобы это проявление индивидуального творчества было совершенно новым явлением социальной жизни, не имевшим места в предшествующие времена. Виршевое творчество могло привиться только потому, что оно нашло социальную среду, для которой стихотворство было не новым делом. Форма же этого довиршевого творчества могла быть только песенная, которая продолжала существовать одновременно с виршевым стихотворством и даже пережила последнее, найдя впоследствии богатое и продолжительное выражение в жизни верхов общества XVIII столетия. Если дворянство этого века и даже последующего культивировало песню не только в виде исполнения распространенных песен, но и в виде нового индивидуального творчества, то объясняется это только тем, что песня была традиционной формой поэтического творчества высших и средних классов еще в допетровской Руси.

Но исследователи не знали индивидуально-прикрепленных древне-русских песен, а классового анализа содержания литературных памятников не было, и потому, следуя романтическому освещению устной поэзии, как народной, т. е., собственно крестьянской, историки литературы относили также создание песен Джемсова сборника к народному творчеству. Так, по мнению Леонида Майкова, этот сборник «свидетельствует о замечательном взрыве народного творчества в Смутное время, о том взрыве, многочисленные памятники которого остаются и в произведениях народной поэзии, собранных в новое время прямо из уст народа».¹

Но в настоящее время мы располагаем документальным подтверждением того, что песенная форма была в Московской Руси, в одно время с творчеством «на вирш», формой индивидуально-поэтического творчества. Это сборник песен П. А. Квашнина, опубликованный М. Н. Сперанским.² По его разысканиям, Петр Андреевич Квашнин был стольником царицы Прасковьи Федоровны в последние 15 лет XVII в. Писал он песни на оборотах столбцов семейного архива не ранее 1681 г.

М. Н. Сперанский представляет работу Квашнина как запись устных песен, которую он характеризует следующими чертами: «Писавший песни не

¹ О старинных рукописных сборниках народных песен и былин. ЖМНП, 1880 г., ноябрь, стр. 207.

² Из материалов для истории устной песни. Изв. Акад. Наук СССР, 1932 г., № 10.

старался или не мог сохранить какой-либо порядок в самом тексте, пропуская слова, вставляя потом пропущенное между строк, зачеркивая написанное».

«Присматриваясь ближе к составу и содержанию записей, мы тотчас же заметим, что более или менее цельных, законченных песен между ними наберется только половина, остальные же представляют отрывки, иногда только начальные строки песен. Это показывает, что Петр Квашнин, записывавший песни, скорее всего, записывал их по памяти, а не непосредственно с голоса, под пение; отдельные песни лучше сохранились у него в памяти, а потому в записи вышли полнее, от других же сохранились в его памяти только отрывки и даже отдельные стихи и строки, остального он восстановить не мог».

«Он под ряд записывал, между прочим, отдельные вспомнившиеся строки, причем им руководило, кажется, припоминание отдельных аналогичных образов в различных песнях: по крайней мере, фразы с похожими образами (сад, верба, сокол, река) стоят у него рядом в отрывочных записях. На тот же процесс записи по памяти, которая не всегда слушалась записывающего сразу, указывают, быть может, и поправки, и зачеркнутые, и вписанные слова, которые в значительном количестве попадают в рукописи».

«Что касается содержания самых великорусских песен, записанных Квашниным, то по мотивам они не разнообразны: в общем, это — типическая любовная лирическая песня».

Только сила традиционного взгляда на песенную форму как на продукт устного творчества привела исследователя к освящению рукописи Квашнина, как записи распеваемых песен. Между тем, перед нами все характерные черты авторской черновой рукописи. Квашнин зачеркивает написанное, вставляет новые слова, начинает сочинять песню и бросает, принимается за новую, обрабатывает в иной редакции написанную уже песню, как ясно из сопоставления песен на столбцах 433 и 437, на которых автор сделал два наброска одной и той же песни, причем вторая редакция дает распространение образа и лучшее оформление мотива первой редакции.¹

¹ Первая редакция:

Кабы знала немилость к себе друга милова,
Не тужила б я по милом друге,
Не надрывала б своего ретива сердца...

Вторая редакция:

Кабы знала млада, ведала
Нелюбов друга милова,
Неприятства друга сердешного,
Ой, не обыкала бы, не тужила б,
По милом друге не плакала,
Не давала тоски своему ретивому сердцу.

Это автор, обнаруживающий исключительную склонность к женской любовной лирике, с драматическим характером. Он, как Шатобриан в образе Амели, сестры Рене, берет даже такой рискованный сюжет, как любовь сестры к брату, возбуждающую протест окружающих, которые, по мнению героини, позавидовали их «совету» и стали «молоденьку небольшими словами поносить». Но влюбленная сестра готова на столкновение с обществом:

Хотя ж мне огласку великую принять,
А от милова братца не отстать.

Анализ содержания песен показывает, что сложены они в культурной и обеспеченной среде социальных верхов. Так, М. Н. Сперанский указывает на мотив «определенно книжного происхождения»:

Свет-моя милая дорогая,
Не дала мне на себе нагледетца,
На хорошей, прекрасной лик насмотретца.
Пойду ли я в чисто поле гуляти,
Найду ли мастера-живописца
И велю списать образ ей на бумаге хорошей.
Прекрасной лик на персоне поставлю
Е во светлую светлицу.
Как взойдет на меня тоска и кручина,
Пойду ли я в светлую светлицу,
Спасову образу помолюся,
На персуну мила другу насмотрюся, —
Убудет тоски моей и кручины.

Не говоря уже о том, что мотив ведет нас непосредственно в область переводного любовного жанра, с которым, в виде «Повести о королевиче Валгасаре», М. Н. Сперанский сопоставляет эту песню, ее язык и форма чувства далеко уводят нас из «народной» среды в круг представителей городской культуры, людей такого социального слоя, которые могут «велеть» мастеру-живописцу написать «персуну» — и непременно на хорошей бумаге.

В социальном кругу автора девушки находятся под присмотром «нянюшек-мамушек», к которым обращается ревнивая героиня одной песни Квашнина.¹ Это — круг людей большого материального обеспечения, доста-

¹ Вы, нянюшки-мамушки, подайте окован ларец,
Ототкните окован ларец,
Вы выньте для друга два ножа два булалные...

вляемые которым предметы питания и одежды входят в ассортимент художественных образов.¹

Но сочинитель песен не только человек культурных верхов: он — один из предков Онегина, согласно с их портретною галлереею, намеченною В. О. Ключевским. Он — для XVII века «типическое исключение» в своей среде, так как перешагнул за пределы ее среднего уровня, что привело к коллизии его и общества:

Нихто молодца не любит,

жалуется автор, —

Всяк ево ненавидит, беднова...

Как это будет и с потомками этого скорбника XVII столетия, коллизия разрешается уходом в природу:

Пойду ли я гулять во чистое поле,
На красные на цветочки осмотреть,
Размычю свою злую кручину по чистому полю...

Хотя автор очень традиционен в выборе художественных красок в форме эпитетов и сравнений, но некоторые эпитеты не шаблонны, как «печаль необъятная», «сердечная искра», и говорят об его книжной начитанности.

Более точно и определенно указывает на социальную среду автора песня:

Когда ты был, мой миленькой, на дальней на службе
государевой,

Тогда я с тоски убивалася,
И со слез мои очи помутились...

Представитель служилого сословия XVII в. — дворянин — в военное время находился «на дальней службе государевой», а в мирное время стольничал при дворе, и так как он был уже достаточно развит, чтобы, наподобие героев переводных повестей, углубленно культивировать чувства любви, то изображал их на свободных страницах столбцов семейного архива как

¹ Ой, сахар мой, сахар,
Бел, крупичатой, канарской...
Ой, бархат мой, бархат,
Помаранцов, веницейской...

в традиционной песенной форме, так и по-новому, «на вирш», потому что в песнях Квашнина находим аккуратно рассчитанный шестнадцатислоговый силлабический стих.¹ Он еще не очень искусен в виршевой форме и учится ей. Поэтому какой-то уже омосковившийся украинец записывает для него типическую виршу киевского происхождения, единственное произведение в бумагах Квашнина, написанное не его рукою, в котором нарушен слоговой размер вследствие переделки украинской речи на великорусский лад, но где застряли слова: альбо, прудко.

Сборник песен Квашнина, утвердившего свое авторство двумя подписями в тексте, дает ответ на вопрос, на кого можно указать, как на слагателей песен, вошедших в состав сборника Джемса. Нам незачем искать их среди певцов-профессионалов, — сборник Квашнина документально устанавливает факт существования в среде высших слоев московского общества XVII столетия поэта-любителя, формой творчества которого был традиционный тонический стих, смешивающийся, однако, с силлабическим. Конечно, ни политическое творчество авторов песен сборника Джемса, ни лирическое творчество Квашнина не были случайными фактами. В письменном виде в ограниченном числе они дошли до нас лишь вследствие общей невысокой литературной продуктивности в Московской Руси. Другая часть, значительно большая, дошла в устной традиции.

¹ И со слез, мой друг сердешной, ясны очи помутились,
 Со вздыханья, мой надежа, ретиво сердце надселось.
 Или то тебе, друг мой, годно, что меня уморити,
 И тебе, моя надежа, не хитро то учинити,
 Лише бы богу не дати тебе бы о том ответу. .

М. О. СКРИПЦЕВ

Повесть о Савве Грудцыне¹

I. История изучения «Повести о Савве Грудцыне»

Повесть о Савве Грудцыне — одно из крупнейших оригинальных произведений русской литературы XVII в. Она написана в эпоху колоссальных социальных сдвигов и обостренной классовой борьбы. Исторические события XVII в., быт, торговая деятельность и миропонимание представителей крупного торгового капитала Московского государства нашли в ней яркое отражение. Она стоит на страже интересов определенной социальной группы, любовно рисует образ героя этой группы и ее идеал жизни.

Внимание историков русской литературы, начиная с половины XIX в., неоднократно обращалось к этой повести. Но характерные для дореволюционной русской буржуазной истории литературы неумение и боязнь за литературно-художественным произведением увидеть борьбу классов с особой силой сказались на изучении «Повести о Савве Грудцыне». Это привело к тому, что социальный смысл повести, ее классовая заостренность остались в тени. На первое же место были выдвинуты демонологические и нравоучительные элементы повести, по сути дела имеющие в ней второстепенное, подчиненное значение.

Изучение повести о Савве Грудцыне начато А. Н. Пыпиным в его труде — «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» (Ученые Записки второго отделения Академии Наук, 1858, кн. IV и отдельно). А. Н. Пыпин пользовался повестью в рукописях; ему известно 7 списков ее. Характеризуя образцы русской оригинальной повести, А. Н. Пыпин отмечает то обстоятельство, что они не вылились в определенную художественную форму и что их главное достоинство — это отражение в них черт старинного русского быта. «К концу старого периода нашей

¹ Настоящая статья представляет собою начало моего исследования о повести «Савва Грудцын».

письменности, — говорит он, — когда перешло в нее много западных повестей и романов, появляются и слабые начатки самостоятельной русской повести. Нет сомнения, что в старой словесности нашей не могла сколько-нибудь полно развиться эта литературная форма, и то, что может быть отнесено у нас к этому разряду произведений, не имеет никакого определенного характера. У нас невозможны были, конечно, истории с рыцарскими похождениями и романтической любовью, но русская повесть могла исполнить свое назначение и быть любопытным памятником литературы, если бы верно рисовала отличительные черты русской действительности. Как можно было пользоваться фактами нашего старинного быта, показывают отчасти немногие опыты русской повести, известные теперь по рукописям». Напр., повесть о Савве Грудцыне.¹

Переходя к более подробной характеристике нашей повести, Пыпин замечает: «Сказание о Савве Грудцыне есть какое-то соединение правоучительной повести с историческим рассказом; в нем нет той живости изложения, какую отличается Фрол Скобеев, нет и такой одушевленной картины нравов, нарисованной по поводу приключений героя. Нравоучительное направление, которым проникнута наша повесть, было общею наклонностью того времени, и сочинителю трудно было от нее освободиться; при всем том изложение не так страдает от этого, как можно было бы ожидать».² Таким образом, А. Н. Пыпина интересует прежде всего вопрос о том — вылилась ли в XVII в. русская оригинальная повесть (подобная «Повести о Савве Грудцыне») в определенную художественную форму. На этот вопрос он отвечает отрицательно. Вопрос об отражении в «Повести о Савве Грудцыне» старинного русского быта А. Н. Пыпиным решается очень обще, без конкретного указания — быт какого именно социального слоя в данной повести отражен. С особой настойчивостью А. Н. Пыпин отмечает нравоучительный характер «Повести о Савве Грудцыне».

Замечания, высказанные А. Н. Пыпиным, неоднократно повторялись последующими исследователями повести о Савве Грудцыне.

В 1859 г. повесть о Савве Грудцыне была впервые издана по рукописи первой половины XVIII в., принадлежащей Е. Д. Филимонову, во

¹ См. назв. соч., стр. 278. Выше, стр. 11—12, мы находим у Пыпина эту же самую мысль, только несколько иначе выраженную: «Примеров легкой повести, — говорит он, — взятой из русского быта, в роде сказаний о Савве Грудцыне, истории о Фроле Скобееве, до сих пор известно очень мало, и они не составляют целого направления. Эти повести вообще любопытны по чертам народной жизни, но по характеру неопределенны, потому что не успели образоваться в отдельную независимую форму».

² Ibid., стр. 278.

II т. «Летописей русской литературы и древности» Н. С. Тихонравова (Материалы, стр. 61—80).

В 1861 г. в I т. «Памятников старинной русской литературы» наша повесть была напечатана Н. Костомаровым по двум спискам: по списку Ленинградской Публичной Библиотеки in 8°, № 75 и по списку конца XVII или начала XVIII в., сообщенному Белозерским. Оба эти списка имеют различия между собою, а также не сходятся и со списком, напечатанным в «Летописях...». В примечании к изданным спискам повести о Савве Грудцыне, Н. Костомаров отмечает важность этой повести, как произведения, отразившего черты русского быта XVII столетия. Кроме этого, он останавливается на вопросе об ее источнике; и, по его мнению, источником повести о Савве Грудцыне является «Повесть о Евладии, спасенном Василием Великим». Приводится Костомаровым и текст этой повести «по списку XVIII в., сделанному в Малороссии, как показывают оттенки языка».¹

В замечаниях А. Галахова по поводу повести о Савве Грудцыне² мы встречаем нечто новое, а именно — указание на сходство между повестью о Савве Грудцыне и апокрифом о рукописании, данном Адамом дьяволу. В остальном А. Галахов идет вслед за Пыпиным и Костомаровым.

Автор статей «О влиянии западно-европейской литературы на древне-русскую» (Труды Киевской духовной академии 1872 г. апрель—август) Н. Петров сопоставляет повесть о Савве Грудцыне с одним из рассказов «Звезды пресветлой» («Звезда пресветлая», ркп. Киевск. дух. акад. № 0.4°, 46, глав. 4, чудо 5).

Сходство между этими двумя произведениями заключается в том, что в каждом из них мы находим «мотив отречения от Христа, предания себя дьяволу и избавления от него». Повидимому, Н. Петров не склонен объяснять это сходство литературной зависимостью одного произведения от другого и указывает на него только как на простую параллель.³

Н. С. Тихонравов в своей рецензии на вышеуказанное сочинение А. Галахова говорит: «Апокриф о рукописании, данном Адамом дьяволу, на который указывает Галахов при разборе повести о Савве Грудцыне, находится лишь в весьма отдаленной связи с нею. Столь же нетвердо указание «Истории русской словесности» и на другое сказание, которое

¹ Памятники, т. I, стр. 169—192

² История русской словесности, древней и новой, СПб., 1863, т. I, стр. 284.

³ Тр. Киевск. дух. акад., 1872, август, стр. 747 и 749—750. См. также В. Водовозов, Древняя русская литература от начала грамотности до Ломоносова, СПб., 1872, стр. 283. И Забелин. Опыты изучения русских древностей и истории, часть I, 1872, стр. 113.

будто бы послужило зерном нашей повести», т. е. на Сказание об Евладии, спасенном Василием Великим. Сам же Н. С. Тихонравов в вопросе об источниках повести о Савве Грудцыне придерживается совершенно особого мнения, до него еще никем не высказанного: «Повесть о Савве Грудцыне, — замечает он, — спасенном от вечной гибели заступничеством божией матери, несомненно, примыкает к циклу легенд о богородице. Прототипом ее была, конечно, знаменитая византийская легенда о Феофиле, которая приурочивается к 538 году». Немного ниже он вновь повторяет: «Византийское сказание о Феофиле... легло в основу повести о Савве Грудцыне».¹

А. Н. Веселовский в статье о древне-русской повести, помещенной во 2-м издании «Истории русской словесности, древней и новой» А. Галахова (СПб., 1880 г.), касается также и нашей повести. Его, во-первых, интересуют те причины, под воздействием которых могли создаваться произведения, подобные повести о Савве Грудцыне. «Такие памятники, как... повести о бесноватой жене Соломонии и о Савве Грудцыне, — замечает А. Н. Веселовский, — настолько же определились реальным усвоением средневекового христианского мирозерцания, насколько литературным его выражением в житиях и легендах византийской поры». Во-вторых, по мнению А. Н. Веселовского, повесть о Савве Грудцыне не возбуждает глубокого психологического и исторического интереса, так как она является в сущности чудом Казанской богородицы, рассказанным с целью указать, «как человеколюбивый бог долготерпелив сый, ожидая нашего обращения, и неизреченными своими судьбами всякого человека проводит во спасение», а современная ей историческая эпоха отразилась в ней лишь внешними культурными подробностями. Далее, в-третьих, А. Н. Веселовский останавливается на мотиве о рукописании и, назвав его «ходячим мотивом старой легенды», замечает, что этот же мотив встречается в апокрифическом Слове об Адаме и Сказании о Феофиле. Параллели же к мотиву «греховной любви» он указывает в легенде об Евладии, «в двух голландских духовных стихах и в немецкой народной песне о св. Гертруде». Наконец, в-четвертых, Веселовский обращает внимание на то обстоятельство, как непохожа повесть о Савве Грудцыне на романы XVI—XVII вв., или переведенные с Запада, или же, хотя и сложившиеся на русской почве, но под влиянием западно-европейских произведений.²

¹ Рец. была напечатана в 1878 г. в Отч. о 19-м присуждении уваровских премий. Цит. по Собр. соч. Тихонравова, т. I. стр. 65—66.

² См. назв. соч., стр. 483, 485, 490, 493 и 496

В 1880 г. в «Памятниках Древней Письменности» (вып. III, стр. 43—66) повесть о Савве Грудцыне была вновь напечатана по списку первой половины XVIII в., сообщенному С. Писаревым. Текст этого списка не совпадает с текстами списков, изданных ранее. Из замечаний, сопровождающих издаваемый Писаревым список, стоит остановиться только на одном, в котором Писарев старается выяснить генезис данной повести. По его мнению, эта повесть в основе своей не что иное, как «народный рассказ». «Судя по указанию в нем (т. е. в этом «народном рассказе» — в повести о Савве Грудцыне М. С.), — говорит С. Писарев, — на время совершения действия, лица и обстановку события, можно сказать, что он имеет историческую основу. Во время царствования Михаила Феодоровича был какой-то Савва Грудцын, действия которого казались слишком загадочными для современников. Суеверный народ объяснил их по-своему и составил рассказ о нем; но этот рассказ был в свое время изукрашен книжником из духовенства, применен к религиозно-назидательной цели и назван «повестью». В таком виде он и дошел до нас. Тем не менее, повесть эта не мало отражает собою быт Руси в 17-м веке и некоторые взгляды народа на происшедшие события; а по творчеству, в котором долю участия принял и книжник, весьма интересна».¹

Л. Н. Майков обратил свое внимание на повесть о Савве Грудцыне, как на произведение, затрагивающее вопрос, решение которого занимало не мало умов Московской Руси второй половины XVII в. Вопросом этим является «вопрос об отношениях между двумя поколениями», об отношениях между отцами и детьми. Рассматривая, с одной стороны, «Комедию притчи о Блудном сыне» С. Полоцкого, а с другой — повесть о Савве Грудцыне и повесть о Горе-Злочастии, Л. Майков отмечает особенности в решении вопроса об отношениях между старым и юным поколениями, которые встречаются в этих произведениях. «Не говоря уже о том, — замечает Майков, — что в обеих повестях злему началу придан фантастический характер, герои их, представители молодого поколения, лишены каких-либо определенных стремлений: они почти случайно уклоняются от отеческих заветов и неодолимою силой обстоятельств увлекаются до совершенного падения. Напротив того, в драме Полоцкого, при большем реализме в обстановке содержания, сын заявляет желания более созна-

¹ Пам. древн. письм., 1880, вып. 111, стр. 46. См. также о повести «Савва Грудцын» — А. Н. Пыпин, «Для любителей книжной старины», М., 1888, стр. VIII. П. Владимиров. О цикле сказаний о прельщенном отроке. Отчеты о заседаниях Общества Любителей древней письменности в 1885—1886 гг. СПб. 1887, стр. 33.

тельные: он просит выдела своей части в наследстве и, вместе с тем, свободы итти в чужие страны, чгобы прославить себя и своего отца и «сбогатиться умом». И в дальнейшей своей судьбе, в самом несчастии своем, герой Полоцкого падает не по роковому стечению случайностей, но в силу собственного увлечения. Наконец, когда настает час искупления, герои обеих повестей обретают себе единственный исход в «спасенном пути» монастырского жития, между тем как Блудный возвращается под родительский кров и здесь как бы возрождается для новой, честной жизни среди близких. Таким образом, представитель молодого поколения изображен у Полоцкого чертами более привлекательными, чем герои повестей. Точно так же и образ отца обозначен у него более симпатичными, более мягкими красками: в обеих повестях характер родителя запечатлен непреклонною строгостью, не знающею никакого снисхождения, никаких уступок; напротив того, у Симеона в отце Блудного мы видим благодушного старца, который хоть и с огорчением, но без гнева соглашается на желание сына странствовать, и позже, когда его опасения оправдались, и сына постигло несчастье, с прежней любовью принимает его в свои объятия. Выставив в таком свете главные характеры пьесы, Симеон очевидно старается изобразить отношения двух поколений в примирительном духе».¹ Этой черты мы не находим ни в повести о Горе-Злочастии, ни в повести о Савве Грудцыне.

Попытка Л. Н. Майкова сопоставить повесть о Савве Грудцыне с произведениями, возникшими приблизительно в одно время с нею, весьма любопытна. Благодаря такому сопоставлению яснее вырисовываются характерные особенности нашей повести. Но эта попытка не встретила поддержки у последующих исследователей «Саввы Грудцына».²

В 1901 г. в одном из заседаний Московского археологического общества, А. С. Мадуев прочел сообщение: «Повесть о Савве Грудцыне и легенды о Феофиле Икономе».³

Как видно из протокола заседания, докладчик сопоставлял данные произведения «в надежде найти между ними родственные черты». Им отме-

¹ Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII ст., СПб., 1889, стр. 131—134. См. также о Грудцыне, стр. 223—224.

² В замечаниях Алексея Веселовского о повести «Савва Грудцын» нет ничего нового. См. Западное влияние в новой русск. лит., изд. 2-е, 1896, стр. 33. См. также о повести: И. Порфирьев, История руск. слов., ч. I, 1897, стр. 714—716; А. Н. Пышин, Ист. русск. лит., т. II, 1898, стр. 545—547 и 561; т. III, 1902, стр. 399—400; В. П. Горленко, Южнорусские очерки и портреты, Киев. 1898, стр. 126—127. Здесь автор ошибочно считает народный украинский, весьма сокращенный пересказ Сказания об Евладии, спасенном Василием Великим, — пересказом повести о Савве Грудцыне. П. Шеффер. Сообщение о лицевом списке повести. См. Памятники древней письменности СXXXIX—СXXXIV, отчеты о заседаниях в 1897—1898, стр. 28

³ Древности. Труды славянской комиссии Моск. археол. общ., т. III, 1902, стр. 47.

чено сходство основной мысли этих произведений (отречение от бога ради пристрастия к земным благам и раскаяние героев обоих произведений) и сходство в некоторых частностях их конструкций: «Как богородица является посредницей при сношении героев повестей с богом, так и при их общении с «Духом тьмы» являются посредствующие лица: в Феофиле — «волхв-евреянин», а в Грудцыне — лжебрат Саввы, один из бесчисленных адских духов». «Из других внешних черт обоих сказаний, — говорит Мадуев, — особенно сходен как в том, так и в другом сказании самый акт продажи души с сопровождавшими его обстоятельствами; иных же более близких сходств... нет».

Таким образом, А. С. Мадуев стремился научно обосновать мысль, ранее высказанную Н. С. Тихонравовым.

На повесть о Савве Грудцыне, по мнению Мадуева, могли также влиять и другие демонологические сказания, в частности — сказание об Евладии.

Вывод сообщения А. С. Мадуева — следующий: «... Находясь по своей основной идее в ближайшем родстве с Феофилом, Грудцын все же остается самостоятельным произведением, изображающим картины быта и нравов древнерусской жизни».

Заслуживает внимания мнение о среде, в которой возникла повесть о Савве Грудцыне, высказанное одним из оппонентов А. Мадуева — Н. П. Поповым. «Н. П. Попов, — говорится в протоколе, — основываясь на сходстве взглядов в повести о Грудцыне на Шейна со взглядами на него в боярской среде, высказал предположение о зарождении этой повести именно в этой среде».¹

В книге В. Сиповского «Русские повести XVII—XVIII вв.» СПб., 1905, в числе прочих русских повестей была напечатана и повесть о Савве Грудцыне, по списку Ленинградской Публичной Библиотеки: Q. XVII, 196. Текст этого списка совпадает с текстом, напечатанным в «Летописях...» Н. С. Тихонравова; разночтения касаются только мелочей.

Во введении к изданию «Русских повестей» В. Сиповский интересуется историей христианского романа, в частности же — происхождением русской оригинальной повести, как определенного поэтического жанра. Мы остановимся только на тех местах введения, которые имеют ближайшее отношение к повести о Савве Грудцыне.

¹ См. о «Савве Грудцыне» также: Н. М. Мендельсон. Демонологическое сказание XVIII в., Известия Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1902, т. VII, кн. 2, стр. 79—96.

«XVII век, — говорит Сиповский, — дает нам ясные указания на те два течения, которые пошли в нашей поэзии от апокрифов: 1) через посредство духовных стихов к чудной стихотворной повести «О Горе-злочастии», и 2) от апокрифического «жития» — к сказанию и повести, а затем — или: а) в устной поэзии — к народной сказке, или: в) в письменной — к роману о Савве Грудцыне». Путь от апокрифического жития до «Саввы Грудцына» русская повесть, по мнению В. Сиповского, прошла через такие посредствующие ступени, как «Повесть о Муромском князе Петре», «Сказание о Марии и Марфе», «Повесть о пресвитере Тимофее», «Сказание об Иулиании Лазаревской» и др.

В тех замечаниях В. Сиповского, в которых он останавливается специально на повести о Савве Грудцыне, мы находим решение вопроса об ее источниках. «Первообразом» данной повести, по мнению автора, надо признать сказание об Евладии. Могли влиять на нее также и другие сказания, «в которые входят мотивы о продаже души бесу» — рассказ из «Звезды Пресветлой», сказание о Феофиле, песнь о св. Гертруде, апокриф об Адаме. . . К этому перечню демонологических сказаний, сходство которых с повестью о Савве Грудцыне уже отмечалось раньше, В. Сиповский прибавляет еще апокрифическое житие св. Киприана. Останавливается В. Сиповский также на отражении русского быта в нашей повести и делает характеристику — героев повести, отдельных картин ее, а также некоторых приемов ее изложения.¹

Статья В. А. Розова — «Повесть о Савве Грудцыне» (Киевск. Унив. Известия, 1905, № 3, стр. 1—7 или «Эранос». Киев. 1906, стр. 231—241) интересна для нас, главным образом, как попытка определить время и место возникновения нашей повести. Сравнивая повесть о Савве Грудцыне с сочинением Агапия Критянина — «Ἀμαρτωλῶν σωτηρία», В. А. Розов отмечает в них целый ряд сходных черт: прославление могущества и милосердия богородицы в обоих произведениях, монашеская тенденция их и множество отдельных общих мотивов (около 20). Сочинение «Ἀμαρτωλῶν σωτηρία» было переведено в Чудовом монастыре в конце XVII или в начале XVIII в.; здесь, в это же приблизительно время, были переведены и другие произведения (чудеса от икон богородицы в Уваровском сборнике № 2071 и «Звезда пресветлая»), которые по входящим в них мотивам сближаются с сочинением

¹ Назв. соч., стр. XVI—XVII; XXVIII; XXXVII—XLIII; LIV. См. рецензию на это соч. С. Розанова в Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1904, т. IX, кн. 4 (Библиография, стр. 366—379). Рецензия эта любопытна как критика теоретических воззрений В. Сиповского и как добавление некоторых фактических данных к его книге.

Агапия Крютянина, а также и с повестью о Савве Грудцыне. Собрание в стенах Чудова монастыря произведений, однородных по духу, показательно для характеристики литературных вкусов его обитателей. Повесть о Савве Грудцыне, как говорилось, весьма близка к переведенным в Чудове произведениям; кроме того — она «проникнута теми же началами, за которые ратовали в стенах Чудова». Все это побуждает В. А. Розова «предположить, не вышла ли и наша повесть также из рук чудовских деятелей. За это, — замечает автор, — говорит и упоминание в ней Чудова, как места пострижения Саввы. Возможны два случая. Быть может, повесть построена на каком-либо местном предании. Тогда автором ее естественнее всего мог явиться инок той обители, где совершилось событие и создалась легенда о нем. Если же повесть — дело исключительно вымысла, то опять таки выдвигать в ней Чудов монастырь и его святыни важнее всего было для его монахов». Вывод В. А. Розова таков: «Повесть о Савве Грудцыне, повидимому, появилась во второй половине XVII в., в Москве, в стенах Чудова монастыря».

Кроме попытки определить время и место написания повести о Савве Грудцыне, мы находим также в статье В. Розова определенно выраженной ту мысль по поводу источников настоящей повести, намеки на которую чувствовались уже давно. «По нашему убеждению, — говорит автор статьи, — искать для нее (для повести о Савве Грудцыне. М. С.) определенный источник бесполезно. Ее мотивы, мысли, даже выражения шаблонны в житийной литературе. Почти каждую черту «Саввы Грудцына» в отдельности можно проследить по множеству житий и повестей религиозного характера, но нигде мы не встречаем их собранными в одном фокусе, как видим в нашей повести, нигде не находим слияния житийного материала с русскими историческими и бытовыми подробностями. Автор нашего произведения обладал большою начитанностью, черпал нужный ему материал отовсюду, но настолько обезличивал заимствованное, что мы теперь не можем с решительностью утверждать, что данная черта взята именно из того, а не другого сходного с ним по мотиву рассказа».¹

Очень подробно и обстоятельно рассмотрена повесть о Савве Грудцыне А. С. Архангельским в его труде: «Из лекций по истории русской литературы. Литература Московского государства (конец XV—XVII вв.)».

¹ См. о повести также: Е. В. Петухов, Русск. литература. Древний период, Юрьев, 1912, стр. 346—350. Между прочим, Е. Петухов повторяет (стр. 350, прим. 1) указанную нами выше ошибку В. Горленка. Ф. А. Рязановский, Демонология в древне-русской литературе. Москва, 1916. Стр. 51, 59—60, 65—66. М. Н. Сперанский, История древней русской литературы. Московский период. Издание 3, Москва, 1921, стр. 206—207.

Казань, 1913 г. Но во взглядах проф. Архангельского на нашу повесть не много оригинального, и им ее изучение не подвинуто вперед.

В 1925 году напечатана специальная работа о «Савве Грудцыне» на немецком языке — «Die Faustsage im Russischen Schrifttum». Von Dr. Konrad Bittner. Это типичный образец ранней фашизации немецкого литературоведения. Расовая теория применяется здесь для объяснения литературных фактов, в частности — различия между образом немецкого Фауста и героя «повести о Савве Грудцыне». В этом противопоставлении, научно не обоснованном, весь смысл данной работы. Идеиное содержание и классово-организующая роль повести оказались недоступными ее немецкому исследователю. Основные выводы К. Битнера ничем не обогащают наших научных представлений об этом важнейшем произведении русской повествовательной литературы XVII в. Некоторое научное значение имеет только глава «Sawwa Grudcyn. Zeit und Ort der Entstehung. Quellen». Но недостаточная ориентировка К. Битнера в русских материалах исторического и литературного характера не дала ему возможности правильно определить ни время, ни место, ни источники «повести о Савве Грудцыне».

Подводя итог этому беглому обзору истории изучения повести о Савве Грудцыне, можно сказать следующее:

1. Напечатано пять списков повести о Савве Грудцыне.
2. Собрано некоторое количество материала для решения вопроса об источниках нашей повести. Но предлагавшиеся решения — противоречивы.
3. Было кратко указано на отражение в повести о Савве Грудцыне черт старинного русского быта.
4. Делались попытки охарактеризовать ее в связи с современными и последующими ей поэтическими произведениями древней Руси.
5. Был поднят вопрос о месте, среде и времени написания повести «Савва Грудцын». Решения этого вопроса — противоречивы.

Итак, необходимо признать, что окончательного решения ряда важнейших вопросов, связанных с изучением «Повести о Савве Грудцыне», мы не находим у ее прежних исследователей. Не определены время и социальная среда ее создания. Не раскрыт ее идейный смысл. Не решен вопрос об ее источниках. Не изучен даже текст ее.

Все это дает нам право заново пересмотреть основные вопросы, важные для правильного истолкования «Повести о Савве Грудцыне», на основе всех известных в настоящее время списков ее и изданных в последние годы литературных и исторических материалов.

II. Историко-бытовая основа „Повести о Савве Грудцыне“

1

В самом тексте «Повести о Савве Грудцыне» есть ряд указаний, по которым с довольно большой точностью мы можем установить время действия повести и ту социальную группу, быт, интересы и настроения которой в ней нашли свое отражение.

Начало действия «Повести о Савве Грудцыне» указывается очень точно: «Бысть убо в лѣто 7114, егда за умноженіе грѣхъ ради нашихъ попусти богъ на Московское государство богомерзкого отступника еретика Гришку Растригу Отрепьева, иже похити престолю россійского государства разбойнически, а не царски. Тогда по всему Россійскому Государству умножися злочестивая литва и многая пакости и разоренія народомъ россійскимъ на Москвѣ и по градомъ творяху, и от того литовскаго разоренія многія дома свои оставляху, и из града во град бѣгаху».¹

Здесь и дата, и упоминание имени Отрепьева, и описание разрухи не оставляют никакого сомнения в том, что начало действия повести относится к началу XVII в., к 1606 году. Заканчивается же развертывание действия «Повести о Савве Грудцыне» болезнью и пострижением героя повести в монахи Чудова монастыря. Об иноческой жизни Саввы Грудцына говорится очень кратко: «... И нача жити в томъ монастырѣ, в трудѣхъ пребывая, в постѣ и молятвахъ неусыпныхъ, угождая Господеву; и тако поживе лѣта довольна, ко Господу отъиде с миром; и погребенъ бысть в томъ монастырѣ».²

Определить точно время болезни и ухода Саввы Грудцына в монастырь и тем самым определить конец действия «Повести о Савве Грудцыне» мы не имеем возможности, вследствие весьма неопределенных указаний об этом в повести. Савва Грудцын заболевает «не малу же времени минувшу» после своего возвращения из-под Смоленска, в осаде которого он, по повести, принимал участие. Какой срок времени имеет в виду автор повести под этим «не малу же времени минувшу», определить, конечно, невозможно. Да это для решения вопроса об историко-бытовой основе «Повести о Савве Грудцыне» и не имеет большого значения, так как описание в ней тех событий, которые в какой-то степени могут являться осколком подлинной

¹ Цит. (здесь и ниже) по списку Ленинградск. Публ. Библиотеки, I, 0.75, изданному Н. Костомаровым в Памяти. старинн. русск. литературы, т. I, 1861, стр. 169—180.

² Ibid., стр. 180.

действительности, кончается описанием возвращения Саввы Грудцына из-под Смоленска.

Мы можем точно определить, какую именно осаду Смоленска в данном случае имеет в виду автор повести. Город Смоленск был взят польскими войсками в 1611 г. В течение XVII в. русские войска трижды стояли осадой под Смоленском: в 1613—1615 гг., в 1632—1634 гг. и в 1654 г. В повести может идти речь только об осаде 1632—1634 гг. В самом деле, все действие «Повести о Савве Грудцыне» происходит в царствование Михаила Федоровича. Последняя же осада Смоленска, в 1654 г., была в царствование Алексея Михайловича и под его личным руководством. Следовательно, эта дата отпадает.

Осаду же 1613—1615 гг. автор не мог иметь в виду, так как ряд фактических указаний повести противоречит этой дате. Во-первых, в повести говорится о том, что Савва Грудцын еще до своей поездки под Смоленск был вызван в дом шурина царя Семена Лукьяновича Стрешнева. Михаил Федорович женился на Евдокии Лукьяновне Стрешневой 5 февраля 1626 г. Следовательно, шурином царя Семен Лукьянович Стрешнев стал только в 1626 г.

Во-вторых, в повести есть упоминание о том, что во главе всего московского войска под Смоленском стоял боярин Шейн. Из бояр Шейнов с судьбой Смоленска теснейшим образом связана судьба Михаила Борисовича Шейна. М. Б. Шейн с 1608 г. был воеводой г. Смоленска. В течение 1609—1611 г. он выдержал в Смоленске польскую осаду. После падения Смоленска, с 1611 и по 1619 г. М. Б. Шейн был в польском плену. Таким образом, автор «Повести о Савве Грудцыне» не мог иметь в виду осаду московскими войсками Смоленска в 1613—1615 гг.

Остается последняя дата, 1632—1634 гг. По отношению к этой дате указания «Повести о Савве Грудцыне» вполне совпадают с историческими свидетельствами: московскими войсками под Смоленском в эти годы руководил М. Б. Шейн.

Итак, эпоха, к которой приурочено действие «Повести о Савве Грудцыне», довольно точно может быть определена как первая треть XVII в.

С такой же точностью можно определить и ту социальную группу, настроения, интересы, быт и деятельность которой изображены в «Повести о Савве Грудцыне». Об этом в самой повести есть ряд указаний. Так, боярин Шейн говорит Савве Грудцыну: «Азь убо знаю отца и сродниковъ твоихъ, яко безчисленно богатство имуть». То же самое говорит и «назван-

ный брат» героя повести: «Азъ бо вѣмъ, яко отецъ твой много богатство имать». Об одном из действующих лиц повести, Божене Втором, говорится: «знаемъ быше во многихъ градѣхъ благонаправного житія его ради, понеже и богатъ бѣ зѣло, и по премногу знаемъ и дружень бѣ Саввину отцу Ѡомѣ Грудцыну».

Особенно же замечательно то, что герой повести носит имя хорошо известного, на протяжении всего XVII в., в Московском государстве богатого купеческого рода Грудцыных-Усовых.

В первой половине XVII в. Грудцыных-Усовых мы находим в числе торговых людей двух крупнейших торговых центров Московского государства — Великого Устюга и Москвы. Грудцыны-Усовы принадлежат к «лучшим» людям посада как по своему богатству, так и по оказываемому им московским правительством доверию. Так, Яким Грудцын, принадлежащий к гостинной сотне г. Москвы, «сосредоточил в своих руках приблизительно $\frac{1}{23}$ часть всех капиталов сотни, в которой 158 чел.»¹ По окладному списку 1629 г. он вместе с детьми и племянниками был обложен в 1 р. 6 ал. (самый высший оклад). В 1634 г. Яким Грудцын был выбран на Москве гостями и торговыми людьми гостинной и суконной сотен и черных сотен и слобод сборщиком пятины 142 г. в Пермь Великую, Соль-Камскую, Кайгородок и в городки и острожки Строгановых.² Грудцын Алексей по поручению правительства в 1633 г. купил «съ товарищи» в Устюге и в устюжском уезде «у всяких людей на государя» 12 327 $\frac{1}{2}$ четвертей хлеба; Грудцыну Степану в 1638 г. было поручено здесь же купить для Сибири 7 000 четвертей ржи.³ Сын Якима Грудцына — Грудцын Иван Якимов был в числе торговых людей на Соборе 1642 года, созванном для решения вопроса: «должно ли удержать за Россією взятый Донскими Козаками городъ Азовъ или отдать оный Туркамъ обратно».⁴ Гостинной сотни Сила Якимов сын Грудцын-Усов, очевидно — один из сыновей московского купца Грудцына Якима, во второй половине XVII в. живет в Устюге Великом. Это очень состоятельный человек. В Великоустюжской летописи под 1659 г. мы находим следующую запись о нем: «Въ тоже лѣто въ Гледенскомъ Троицкомъ монастырѣ заложена, вмѣсто ветхой деревянной церкви, каменная троицкая церковь съ придѣломъ во имя Св. Николая Чудотворца,

¹ Е. Сташевский. Пятина 142 г. и торгово-промышленные центры Московского государства, см. ЖМНП, № 5, 1912, стр. 113.

² Ibid., № 4, стр. 283.

³ Ibid., № 5, стр. 102—103.

⁴ Собр. Госуд. грамот и договоров, ч. III, Москва, 1892, стр. 384.

иживеніемъ гостинной сотни Силы Грудцина».¹ По одному из документов мы видим, что в 1665 г. Сила Грудцын является уже гостем и владеет рядом лучших в Устюжском и в Усольском уездах деревень: «Да въ Устюжскомъ же и въ Усольскомъ уѣздѣхъ у гостя у Силы Усова Грудцина, и племянниковъ ево и у посадкихъ людей, и у попов, и у всѣхъ церковниковъ своихъ купленныхъ деревень много, а въ тѣхъ де ихъ деревняхъ живутъ за ними половики...; а они де гость Сила, и племянники ево, и посадккіе люди, и подьячіе, и церковники владѣють лутчими деревнями...».² Особенно же богат и известен был гость Василий Иванович Грудцын, живший во второй половине XVII в. в г. Великом Устюге. Кроме торгового предприятия, ему принадлежал ряд деревень, купленных им у наиболее крупных представителей торгового капитала — Никифора Ревякина и Алексея, Василия и Кирила Босово.³ В 1675 г. он на «государевой службе» в таможене г. Архангельска.⁴ Он хорошо известен московским царям. В летописи Великоустюжской мы находим следующее упоминание о нем под 1693 годом: «Мѣсяца іюля на 20-е число, въ вечеру, въ первомъ часу нощи, приплыль к Устюгу Великому на седми судахъ государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ и изволилъ остановиться въ домъ гостя Василія Грудцына, что близъ Сумеоновской церкви».⁵

Очевидно, что исторические Грудцыны-Усовы являются представителями крупного торгового капитала московского государства XVII в. Они, судя по ряду документов, широко известны во всех главнейших московских торговых центрах: Архангельске, Великом Устюге, Москве и т. д. Присвоение их имени герою «Повести о Савве Грудцыне», вне всякого сомнения, лишній раз свидетельствует о том, что именно об этой социальной группе, о представителях крупного торгового капитала, говорит повесть.

Итак, хронологическое и социальное приурочивание содержания «Повести о Савве Грудцыне», как оно дается самим автором повести, совершенно очевидно: повесть изображает представителей крупного торгового капитала первой трети XVII в.

2

Приведем несколько исторических справок, необходимых для определения историко-бытовой основы «Повести о Савве Грудцыне».

¹ А. А. Титов. Летопись Великоустюжская, М., 1889, стр. 66.

² Акты Холмогорской и Устюжской епархии, ч. I, СПб., 1890, стр. 393.

³ Ibid., стр. 588, 902—903, 907 и 908.

⁴ Крепостная мануфактура в России. Часть I, Тульские и каширские железные заводы. Труды Археологической комиссии Академии Наук. Л., 1931, стр. 301—302.

⁵ А. А. Титов, *ibid.*, стр. 72.

В эту эпоху, так ярко отмеченную большими революционными движениями, представителям торгового капитала, особенно крупного, принадлежала весьма видная политическая роль. Они в начале века принимали деятельное участие в свержении Названного Дмитрия, подготавливали воцарение Василия Шуйского, и их выступление решило его избрание. Они в течение четырехлетнего царствования Василия Шуйского все время поддерживали его правительство и деньгами и «ратями».

Подобную же роль играли представители крупного торгового капитала и в борьбе с польско-тушинскими войсками.

Длительная гражданская война губительно отражалась на торговых сношениях Московского государства. Прекращалось движение купеческих караванов по основным торговым водным путям: по Средней Волге, Каме, Сухоне. Летописи отмечают многочисленные нападения в эти годы отдельных отрядов литвы, черкас и русских «воров» на большие торговые центры северных окраин Московского государства: Холмогоры, Вологду, Великий Устюг и пр.¹

В то же время весьма беспокойными становились «меньшие люди» посада. Классовые противоречия проявлялись с исключительной обнаженностью. «Все это, — говорит М. Покровский, — показывало купеческому капиталу, что продление междоусобной войны грозит ему полной гибелью».²

Этим и объясняется та исключительная энергия, которую проявили представители крупного торгового капитала в организации «ополчения». Весьма характерно, что это движение началось с Нижнего-Новгорода, уже в то время бывшего важным торговым центром, на складах которого сосредоточивались восточные и западно-европейские товары перед их рас-

¹ Так, Великоустюжская летопись, говоря о литве и поляках, пришедших вместе с Отрепьевым, замечает: «Нѣдцы же отъ нихъ, достигше близъ моря океана града, глаголемаго Холмогоры, и весь разграбили и опустошили. Оттолѣ же двинушася, пошли въ верхъ Двиною рѣкой к Устюгу Великому, хвалищесе въ конецъ его раззорити» (см. А. Титов. Летопись Великоустюжская, М., 1889, стр. 50—51). В Вологодском летописце находим следующую запись: «Лѣта 7121 (1613) сентября въ 22 день польскіе и литовскіе люди были на Вологдѣ и градъ Вологду пожгли весь и многихъ людей побили и въ полонъ увозили...» (см. Описание Вологодского Спасокаменского Духова монастыря, составленное П. Саввантовым, СПб., 1860, стр. 47. См. также запись под 7123 г., стр. 47).

Архимандрит Питирим и дьяк Губин, отправленные для сбора пятинны 122 г. в северо-восточные города, писали царю: «а збор, государь, мал, потому что Тотма и Тотомской уѣздъ и Устьянская волости отъ литовскихъ людей и от черкас и от казаковъ разорены и многия люди высячены». Они же сообщали из Соли Вычегодской, что им велено по наказу досматривать лавок, амбаров и промыслов, — «и у Соли, государь, лавокъ и амбаровъ нѣтъ, пожгли Литовскіе люди, и многихъ людей, сказываютъ, побили» (См. С. Веселовский, Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ в первые годы царствования Михаила Федоровича, М., 1909, стр. 40).

² М. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. 1934, стр. 51.

пространением по многочисленным внутренним торговым артериям Московского государства.

О том, как сложился союз между торговыми людьми и дворянством, прекрасно рассказывает грамота кн. Пожарского: «В Нижнем Новгороде гости и все земские посадские люди, ревнуя по бозе, по православной христианской вере, не пощады своего имени, дворян и детей боярских смольян и иных многих городов сподобили неоскудным денежным жалованьем».¹

Высокое вознаграждение войскам обеспечило согласие между дворянами и торговыми людьми, с одной стороны, стрельцами и людьми «украинских градов», с другой стороны. Купеческо-помещичье ополчение оказалось победителем в борьбе с польско-тушинскими войсками.

После избрания Романовых политическое влияние представителей крупного торгового капитала долгое время осуществлялось через земские соборы, так как на этих соборах, весьма часто собиравшихся в царствование Михаила Федоровича, решительное большинство принадлежало помещикам и купцам. Гости и торговые люди гостинной и суконной сотен стали своего рода привилегированным сословием.

В их руках была вся основная торговля как внутренняя, так и внешняя: с Западной Европой, Персией и др. странами. При этом частная торговля теснейшим образом переплеталась с государственной торговлей: и гости и торговые люди гостинной и суконной сотен отбывали «государеву службу».

Открытие англичанами в 1553 г. Северо-Двинского пути положило прочное основание торговле московского государства с Западной Европой. Основание Архангельска в 1584 д. способствовало упрочению этих торговых сношений. В первой трети XVII в. Архангельск — весьма оживленный торговый порт, в который доставляются западные, «немецкие», товары в обмен на товары внутренних областей Московского государства, сибирскую «рухлядь» и товары «кизилбашские», персидские.

С открытием Северо-Двинского пути быстро развивается, как узловой торговый пункт, Великий Устюг — старое торжище русских промышленников и купцов. Кроме пути на Архангельск, через Великий Устюг шел торговый путь в Сибирь, на Вологду и верхнюю Волгу, на Ветлугу, Вятку, Каму, Казань и нижнее Поволжье. Выгодное географическое положение

¹ Еще образнее об этом рассказывает «Новый летописец»: «Всюду же сие промчеша собрание, и от многих градов привезоша многую казну в Нижний, и от градов ратные начаша съезжати: первые приехаша коломничи, та ж рязанцы, последи же из градов украинских многие люди, и казаки и стрельцы, тии, которые сидели в Москве при царе Василии, и всем дадеся жалованье, и бысть там тогда во всех людях тишина» (см. М. Вяткин, Торговый капитал в России, М., 1927, стр. 117).

Великого Устюга сделало его в XVII в. весьма значительным передаточным торговым пунктом. Здесь из среды черносошного крестьянства и посадского населения в конце XVI в. и в начале XVII в. выходит ряд представителей крупного торгового капитала. К ним принадлежат Ревякины, Федоровы, Момотовы, Грудцыны-Усовы и их родственники Босовы. Многие из них впоследствии становятся торговыми людьми гостиной сотни и гостями. Их предприятия охватывают всю северо-восточную окраину Московского государства, с далекой Сибирью включительно. Они поддерживают самую деятельную связь с купечеством волжских городов — Казани и Астрахани, через которые шла московско-персидская торговля.¹

Этой последней, торговле с Персией, московское правительство и, в частности, гости и торговые люди на протяжении всего XVII в. уделяют совершенно исключительное внимание.²

Это понятно. В то время, как торговля с Западной Европой осуществлялась почти исключительно через посредство иностранцев, в восточной торговле инициатива принадлежала в значительной степени московскому правительству и торговым людям. Ежегодно на казенных бусах по Каспийскому морю русские купцы плыли к Караганской пристани, где и происходил торг с армянскими, персидскими и индийскими «купчинами».³ Торговля Московского государства с Персией происходила уже в XVI в. Во второй же половине XVI в. происходит ряд событий, в высшей степени благоприятных для широкого развития дипломатических и торговых отношений между Московским государством и Персией. Так, в 1552 г. была уничтожена самостоятельность Казанского царства, а в 1557 г. — Астраханского царства. Это открывало для русской торговли свободный путь в Персию и другие страны Востока. Чтобы окончательно обезопасить волжский путь от нападения татар и ряда других приволжских кочевников, Московское государство построило на Волге ряд укрепленных городов: в 1586 г. был основан город Самара, в 1589 г. — Царицын, в 1590 г. — Саратов. После этого разгрома народностей, селившихся по волжскому пути, обмен посольствами между Московским государством и Персией делается регу-

¹ См. К. В. Базилевич, Торговля Великого Устюга в середине XVII века. Уч. Зап. Ин-та истор. при РАНИОН, т. IV, М., 1929, стр. 89—102.

² В этом отношении весьма показательна прошедшая через весь XVII в. борьба русского купечества против участия западно-европейских купцов в персидской торговле и против разрешения персидским купцам торговать на внутреннем московском рынке.

³ См. Н. А. Бакланова, Ян Де-Грон — прожектор в Московском государстве XVII века. Уч. Зап. Ин-та истор. при РАНИОН, т. IV, М., 1929, стр. 109—122.

лярным. С 1588 г. по 1620 г. посольства из Москвы в Персию и из Персии в Москву отправляются почти ежегодно.¹

Каковы же были цели этого оживленного обмена посольствами между Московским государством и Персией? Дипломатические и торговые цели посольств тесно переплетались между собою, причем политический элемент в этих сношениях занимал второстепенное место. Главной целью этих сношений было установление торговых связей, упорядочивание пошлин, охрана и защита гостей во время их пребывания в чужой стране.² Далее, в составе самих посольств обычно были и торговые люди. Так, в составе персидских посольств мы знаем купцов Ази-Хосрова и Хозю-Муртозю. С русскими посольствами также обычно отправлялись в Персию московские торговые люди — из самой Москвы и других крупных торговых центров.³

Итак, по содержанию наказов русским послам, по отчетным документам этих последних, по самому составу и московских и персидских посольств мы совершенно безошибочно можем считать, что основными целями оживленных дипломатических сношений Москвы с Персией на грани XVI—XVII вв. были цели торговые.

Кроме гостей и купчин, входивших в состав посольств и обычно осуществлявших торговлю «на государя», персидские и московские купцы вели между собой торговлю и по частной инициативе. Об этом сохранился ряд свидетельств. Так, персидский шах, прося в своих грамотах об освобождении от пошлин купцов с его товарами, не возражает против взимания пошлин с персидских купцов, торгующих с Московским государством по личной инициативе. О наличии частной инициативы со стороны русских

¹ См. Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, тт. I, II и III. СПб., 1890—1892. Вопрос о дипломатических и торговых сношениях между Московским государством и Персией освещается в работе А. Я. Шпакковского «Торговля Московской Руси с Персией в XVI—XVII вв.» (см. Сборник статей. Студенческий историко-этнографический кружок, вып. VII, Киев, 1915).

² В ряде документов, относящихся к русско-персидским сношениям конца XVI в. и начала XVII в., мы встречаем ставшую стереотипной дипломатической формулой следующую фразу: «А гостемъ и всякимъ торговымъ людемъ нашихъ государствъ ходити на обѣ стороны безо всякіе зацѣпки, и торговати на всякой товаръ повольною торговлею; а пошлинамъ лишнимъ и силе никоторой никакъ не быти; а имати на гостехъ тамга и пошлины, гдѣ в котором городе тамга и пошлины изстари ведетца. И зауморщивамъ на обе стороны не быти» (см. Н. И. Веселовский, *ibid.* т. II, стр. 138, 141—142).

³ В наказе послам, Леонтьеву в 1606 г. и князю Бярятинскому в 1618 г., мы находим следующие указания: «будеть которые торговые люди похотятъ с ними ѣхать въ Кизылбашни или ись которыхъ понизовыхъ городовъ, и Федору и Богдану взяти съ собой торговыхъ людей немногихъ добрыхъ, кому бѣ вѣрити мочно, съ поруками, кто бѣ былъ не воръ, не бражникъ, а бражниковъ, воровъ и иноземцевъ отнюдь никого не имати. а взяти съ собой человекъ до 7, и 8, а больше 10 человекъ не имати», (См. Н. И. Веселовский, *ibid.* т. III, стр. 235 и 356).

торговых людей свидетельствует ряд их челобитных о разрешении им торговых поездок в Персию. Так, в 1616 г. Родион Пушник просит разрешить ему «пойти с товаришком» в Персию вместе с послом Левонтьевым, и получает на это разрешение.¹

По ценности «товаришка» Родиона Пушника мы безошибочно можем судить, что только представители крупного торгового капитала начала XVII в. совершали поездки в «шахову область». Трудность пути, его продолжительность, замедлявшая торговый оборот, являлись причинами этого. Вот что везет с собою Родион Пушник: «одинадцать сороков соболей, двенадцать поставов сукна английского, тридцать пуд кости рыбы, пятнадцать дюжин зеркал хрустальных, четыре сорока харек».²

Первая треть XVII в. была эпохой расцвета восточной торговли с Персией, Индией³ и другими восточными странами. На большом торговом пути, соединявшем Восток с Московским государством, — Волге — быстро развивались торговые города: Астрахань, Казань и др. Казань, повидимому, была центром в торговле с Востоком. В самой Казани был особый персидский торговый двор, на посаде и в слободах всегда жило достаточное количество тезиков, армян и др. восточных купцов. Из Казани восточные товары шли в верховные города — Ярославль и Кострому и на северо-восток — в Вятку, Великий Устюг, Соль Вычегодскую, Холмогоры, Архангельск.

Крупная московская торговля в XVII в. имела ярко выраженный экстенсивный характер. Каждое торговое предприятие охватывало своими операциями ряд рынков, далеко отстоящих друг от друга. Это находит свое объяснение и в малой покупательной способности населения и в том, что большая часть этого населения, живя в условиях натурального хозяйства, удовлетворяла путем домашнего производства и через мелкие местные рынки свою потребность в предметах первой необходимости. «В крупном масштабе, — говорит Бахрушин С. В., — можно было вести торговлю лишь товарами, отсутствовавшими в домашнем хозяйстве или на местном рынке, преимущественно предметами иностранного ввоза».⁴

¹ См. В. Н. Кашин, Торговля и торговый капитал в Московском государстве, Л., 1925, стр. 153.

² Ibid.

³ Сведения о русско-индийских, преимущественно торговых, сношениях суммированы в исследовании М. Н. Сперанского «Сказание об Индейском царстве» (см. Известия по русскому языку и словесности Академии Наук, т. III, стр. 447—452).

⁴ С. В. Бахрушин. Агенты русских торговых людей XVII века (см. Уч. зап. Инст. ист. при РАНИОН, т. IV, М., 1929, стр. 71).

Каждая торговая поездка обычно продолжалась несколько месяцев, а сплошь и рядом и несколько лет. Выработались определенные торговые маршруты, в зависимости от характера товаров, условий навигации, времени ярмарок и пр.

3

На основе даже этих весьма кратких, беглых и разрозненных исторических справок мы можем судить, как близко стоит к исторической действительности «Повесть о Савве Грудцыне» в тех случаях, когда она говорит о жизни и быте представителей крупного торгового капитала Московского государства начала XVII в. Совершенно понятен и исторически-правильно мотивирован переезд Фомы Грудцына из Устюга, тревожимого «нечестивыми ляхами», в «понизовой царственный градъ Казань. — Зане не бысть в понизовыхъ градѣхъ злочестивыя литвы». В сжатой характеристике торговой деятельности Фомы Грудцына мы открываем хорошо известные нам по историческим материалам черты — ее экстенсивный характер: «Обычай же имеяше той Фома куплю дѣяти, отъѣзжая внизъ Волгою рекою, овогда к Соли Камской, овогда в Астрахань, а иногда за Хвалынское море въ Шахову область отъѣзжая, куплю творяше».

Здесь же мы находим описание весьма типичного для московской торговли XVII в. пути обучения торговому делу молодого купеческого сына: «тому же и сына своего Савву поучаше и нелѣстно такому дѣлу прилежати повелѣваше, дабы по смерти его наслѣдникъ былъ имѣнія его».¹ Самая продолжительность торговых поездок Фомы и Саввы Грудцыных, равно как и те маршруты, по которым они совершают свои поездки, автором повести указываются с большой исторической точностью.

Непонятные на первый взгляд переезды Саввы Грудцына с «названным братом» из «Усольского града Орла» в Козьмодемьянск, Павлов перевоз и Шую приобретают черты совершенно реального торгового маршрута, если мы учтем, что это был один из обычных торговых путей, соединявших

¹ «В больших купеческих семьях, — говорит С. В. Бахрушин, — естественными помощниками главы дома являлись младшие сочлены — сыновья, младшие братья, племянники, внуки, которые... разъезжали с «торгом» по городам Руси и Сибири. Купеческая молодежь в этих поездках приучалась к торговому делу и подготовлялась тем к будущей самостоятельной работе... Так, будущий гость и строитель устюжских храмов, Афанасий Федотов, прошел первоначальную школу под руководством старшего брата Василия, посылавшего его в Сибирь «в приказчика место»; в не менее известной устюжской торговой фамилии Ревякиных младший представитель ее, Калина Исаков, фактически заправлял всеми делами отца Исаака и дяди Никифора Федоровых как на Устюге, так и в Архангельске и в Сибири» (См. С. В. Бахрушин, *ibid.*, стр. 72).

северо-восточные окраины Московского государства с его центральными городами.

Даже в деятельности фантастического «названного брата» Саввы Грудцына мы находим реалистические черты, характерные для торговых людей северо-восточной окраины Московского государства. Он, называя себя устюжанином, тоже из рода Грудцыных-Усовых, говорит о себе: «Аще ли же хочеши видѣтися часто, то ищи мя всегда на конной площади, яко же рѣхъ ти: здѣ живу ради конныхъ покупокъ». А мы знаем по документам первой трети XVII в., что великоустюжские купцы по характеру своей торговли должны были заботиться о приобретении лошадей, так как в зимние месяцы подвозился в Великий Устюг на лошадях товар из Ярославля и затем по зимнему же пути направлялся в Сибирь, причем нередко одна партия товаров отправлялась не менее чем на 50 лошадях.¹

Говорит повесть и о вложении торгового капитала в сельское хозяйство. «Названный брат» Саввы на предложение последнего взять с собою в дорогу «нѣколько пенязей» замечает: «Или не видѣлъ еси славы отца моего, а не вѣси ли яко вездѣ села его суть? Да идѣже придемъ, тамо и денги у насъ будутъ, елико потребно». Вложение торгового капитала в сельское хозяйство было весьма заметным явлением в XVII в. Посланный в начале 40-х годов для сошного описания в Устюжский уезд подъячий Павел Давыдов учитывал возможность полного перехода черносошных земель в руки представителей крупного торгового капитала и монастырей.²

Вся эта зарисовка жизни представителей крупного торгового капитала первой трети XVII в. дается на фоне бурной исторической эпохи: революционных движений начала века и военных замыслов уже окрепшего после потрясений Московского государства. Войне с Польшей за обладание Смоленском, имевшим большое стратегическое и торговое значение, вопросам о наборе войск и их обучению повесть уделяет весьма большое внимание.

В связи с этими вопросами в «Повести о Савве Грудцыне» можно указать ряд весьма любопытных мест. Они в полном согласии с историческими данными прекрасно характеризуют положение в Московском госу-

¹ К. В. Базилович. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII века, М., 1933, стр. 7.

² Вот что он доносил царю: «А только, государь, вперед те гостинные сотни богатые люди учнут жить на Устюге и твои государевы деревни они и в монастыри покупать и под заклады имать и насильством отнимать попрежнему, и за ними, государь, будет Устюжской уезд весь, и твои государевы крестьяне у них в половниках будут все, так же, как и за Строгановыми» (см. С. Веселовский, Акты писцового дела, т. II, стр. 378. Цит. по брошюре К. В. Базиловича, *ibid.*, стр. 27).

дарстве представителей крупного торгового капитала, их стремления и настроения.

У Котошихина мы находим следующее любопытное для нас свидетельство: «А изъ посадцкихъ людей, и изъ поповыхъ, и изъ крестьянскихъ дѣтей, и изъ боярскихъ людей, дворянство не даетца никому; а кто посадцкой человѣкъ, или крестьянинъ, или кто-нибудь, отпустить сына своего на службу въ салдаты і въ рейтары, или въ приказе подьячимъ или инымъ царскимъ человѣкомъ, а тѣ ихъ дѣти отъ малые чести дослужатся повыше, и за службу достануть себѣ помѣстья і вотчины, и отъ того пойдетъ дворянской родъ».¹ Здесь говорится о том пути, каким представители торгового капитала приобретали дворянство. Свидетельство Котошихина относится к середине XVII столетия. Применительно к первой трети XVII в. в него надо внести весьма существенную поправку: в это время в полки, организованные по иностранному образцу, торговых людей не записывали.

Формирование солдатских полков началось с 1630 г. в связи с грандиозной подготовкой к войне с Польшей. В 1632 г. был издан указ, в котором говорилось о наборе в полки: «а боярскихъ людей полныхъ и докладныхъ и кабальныхъ и всякихъ крепостничьихъ людей и съ посадовъ тягловыхъ и съ (тягла) крестьян всякихъ людей и изъ ямскихъ слободъ и заповедныхъ людей» не имати.² Этим московское правительство рассчитывало сохранить от потрясений свою податную систему. На деле же получалось иначе. Несмотря на это запрещение, в войска, «избывая податей», нередко записывались люди, «общественное положение которых как раз мешало их прибору в солдаты и в стрельцы. В случае их обнаружения они выкидывались из рот и водворялись на старые места жительства в прежнее состояние».³ Но не всегда это можно было осуществить, и нелегально в московских войсках в эти годы, годы войны с Польшей из-за Смоленска, было много людей, не имевших на это права.

В «Повести о Савве Грудцыне» весьма обстоятельно описывается набор солдатских полков и служба Саввы в солдатском полку. И вот, когда Савва выдвинулся по службе, «по нѣкоему же случаю явственно учинися о немъ и самому царю». Заветную мысль Саввы выражает его «названный брат» в ответ на сообщение Саввы о предложении С. Л. Стрешнева взять его в дом свой: «почто убо хочещи презрѣти царскую милость и служить

¹ Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, изд. IV, СПб., 1906, стр. 28—29.

² Е. Сташевский. Смоленская война 1632—1634 гг., Киев, 1919, стр. 118—119.

³ Е. Сташевский, *ibid.*, стр. 119.

рабу его? Ты убо и самъ нынѣ в томъ же порядкѣ устроен; уже бо и самому царю знатенъ учинился еси, ни убо, не буди тако; да послужимъ царю; егда убо царь увѣсть вѣрную службу твою, тогда и чиномъ возвышенъ будеши». Здесь явственно звучит надежда на возможность выдвижения по службе благодаря личным заслугам. Подобного рода настроения в живой действительности заставили представителей крупного торгового капитала добиваться права быть написанными выше дьяков, а некоторым из них помогли действительно добиться дворянства. И в этом случае «Повесть о Савве Грудцыне» близка к исторической действительности.

Интересный эпизод повести — описание поединков Саввы Грудцына с польскими воинами и изгнание его Шейном из-под Смоленска под страхом смертной казни — совершенно непонятен без исторических комментариев. В действительности же он объясняется очень просто. Боярин Шейн начинает враждебно относиться к Савве с того момента, когда Савва выразит желание сражаться на поединке с польским воином. «Тогда же боярин, — говорится в повести, — повелѣ Савву привести пред себя, и повелѣ ему коня нарочита дати, и оружіе, мнѣвъ яко вскорѣ погибнути имать юноша от польского онаго воина страшна». После победы Саввы над вторым польским воином — «все удивляхуся храбрости его; бояринъ же разгнѣвася на Савву, но скрываше злобу в сердцы своемъ». После же победы Саввы над третьим польским воином и проявленной им исключительной храбрости в последовавшем за этим сражении с поляками, сделавшими вылазку из Смоленска, боярин уже «не могій скрыти тайного гнева в сердцѣ своемъ», призывает к себе Савву. Этот ряд действий боярина Шейна совершенно ничем не мотивирован и в высшей степени странен со стороны главнокомандующего войсками Московского государства. Но он понятен, как выражение официального взгляда на Б. М. Шейна правящих классов (дворянства и купечества) Московского государства XVII в. Мы знаем, что Б. М. Шейн за неудачную осаду Смоленска был обвинен в измене и казнен в 1634 г. Для Шейна-изменника описанный в повести ряд действий вполне логичен.

Весьма любопытны и те доводы, на основании которых Шейн изгоняет Савву из войск. Призвав к себе Савву и узнав, что последний принадлежит к богатому купеческому роду Грудцыных-Усовых, боярин «начать всякими нелѣпыми словесы поносити его» и приказывает ему возвратиться к своим родителям, т. е. поступает согласно требований уже известного нам указа 1632 г., запрещавшего торговым людям посада поступать в войска.

Изменник боярин находит законные основания для изгнания из войск храброго и преданного своему отечеству купеческого сына — вот смысл всего этого эпизода, весьма характерный для той эпохи и той социальной группы, о которых говорится в повести.

Для «Повести о Савве Грудцыне» весьма характерна тенденция — точно указывать хронологические даты, топографические и географические названия, имена исторических лиц и пр. Так Фома Грудцын из Великого Устюга переселяется в Казань в 7114 г., видение Саввы происходит 3 июля, «чудо» над ним совершается 8 июля. Торговые маршруты с точным и правильным названием городов, как мы уже говорили, указаны в повести с исторической точностью. С такой же точностью дается и топография Москвы: местоположение церквей — Николы на Драчах, Казанской Богородицы, Успения Богородицы, Чудова монастыря и место жительства стрелецкого сотника Якова Шилова. Последний живет на Стретенке в Земляном городе в Зимине приказе. Действительно, еще в конце XVII в. «в конце Стретенки у вала мы находим стрелецкое поселение, на месте которого Петром I была построена в 1692—1695 гг. Сухарева башня в память, будто бы, заслуг Сухарева стрелецкого полка, оставшегося верным царю во время мятежа стрельцов».¹

Из исторических лиц, кроме Михаила Федоровича, автор повести упоминает о Шейне и С. Л. Стрешневе. Здесь обычная точность покидает автора повести: хорошо известного в Московском государстве, сначала национального героя, а потом — изменника, Бориса Михайловича Шейна, автор повести называет Федором Ивановичем; не менее известного в середине и во второй половине XVII в. Семена Лукьяновича Стрешнева автор повести называет боярином, применительно ко времени Смоленской войны (1632—1634 гг.), тогда как С. Л. Стрешневу в это время было 16—18 лет. Очевидно, это результат более позднего написания «Повести о Савве Грудцыне».

«Повесть о Савве Грудцыне» упоминает еще ряд второстепенных исторических лиц. Так, в повести есть упоминание о том, что «во градъ Шуу ради солдацкаго набору посланъ съ Москвы стольникъ Тимофей Воронцовъ». Действительно, в «Росписи хто въ городѣхъ, и приказныхъ людей и осадныхъ головъ нынѣшняго 138 году» мы находим указание: «В Шуѣ Петрѣ Микитинѣ сынѣ Вельяминовѣ, посланъ в 138 году въ Апрельѣ».² Учитывая,

¹ В. В. Нечаев Общий вид и внешний рост Москвы за XVI—XVII века (см. Москва в ее прошлом и настоящем, ч. II, вып. I, стр. 24).

² Временник Моск. общ. истор. и древн. росс., М., 1849, кн. IV, Смесь, стр. 31.

что Воронцовы имели двойную фамилию — Воронцовы-Вельяминовы, можно и в этом факте видеть историческое основание для соответствующего места «Повести о Савве Грудцыне».

Наконец, вне всякого сомнения и стрелецкий сотник Яков Шилов и его «сродница» («бѣ же сродница нѣкая у нихъ в домѣ царстѣмъ»), говорится в повести о Шиловых) являются также реальными лицами. О начальниках стрелецких войск Котошихин говорит: «Начальные люди у тѣхъ стрельцовъ головы и полковники, да полуголовы, сотники, пятидесятники, десятники; а выбираютъ въ тѣ головы і въ полуголовыі въ сотники изъ дворянъ и изъ дѣтей боярских, а въ пятидесятники і въ десятники изъ стрельцовъ».¹ Нам известен род дворян Шиловых, представители которого служили в стрелецких войсках и стояли весьма близко к царскому дому. Так, по ряду документов мы видим, что в первой половине XVII в. служит сотником в стрелецких войсках Владимир Шилов, который во второй половине XVII в. находится при дворе в качестве «истопничаго государыни царицы».²

Сохранились также свидетельства о Татьяне Шиловой, боярыне, Кадашевской слободы приказной, которая по самому характеру своей деятельности — управление одной из хамовничьих слобод — должна была часто находиться при царском дворе. Впоследствии, во второй половине XVII в., она уже определенно находится при дворе, тоже, очевидно, в роли «истопчей».³ Очевидно, этих лиц имеет в виду автор «Повести о Савве Грудцыне», так как такое совпадение и имен и положений вряд ли можно считать чистой случайностью.

Итак, реальная обстановка жизни представителей крупного торгового капитала, их быт и торговая деятельность, с одной стороны, большие и ряд незначительных исторических событий первой трети XVII в., с другой стороны, — все это хорошо известно автору «Повести о Савве Грудцыне». Но самое главное — истолкование и освещение этих событий, идейная направленность повести, ее морально-религиозный тон — все это находит себе объяснение в совершенно иных условиях, чем те, о которых мы говорили выше. Главное в «Повести о Савве Грудцыне» становится понятным в условиях той эпохи, когда она была написана.

¹ Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, изд. IV, СПб., 1906, стр. 90.

² Тр. Моск. отд. Русск. воен.-истор. общ., 1911, т. I, стр. 189. Русск. Истор. Библ., т. XXII, Дела тайного приказа, СПб., 1904, с 1508, 1521, 1529.

³ Тр. Истор.-археограф. инст. Акад. Наук, Крепостная мануфактура в России, часть III, изд. 1932 г., стр. 17, 48, 93, 114, 125, 126, 136. — Дворцовые Разряды 1612—1700 гг., СПб., 1850—1855 гг., т. III, стр. 548—550.

Анализируя топографические названия, встречающиеся в «Повести о Савве Грудцыне», и ее исторические ссылки, мы можем определить время ее написания с довольно большой точностью.

В повести есть упоминание о том, что Савва остановился в Москве в доме стрелецкого сотника, жившего в Земляном городе.

Кольцо слобод, облежавших в XVI и XVII вв. Кремль, Белый-город и Китай-город, получило название — «Земляной город» только в середине XVII в. В 1588—1592 гг. все эти посады, слободы и села, в виду ожидавшегося нашествия крымского хана, быстро обносятся деревянными стенами из плотно и стоймя поставленных бревен, заостренных наверху. Местность эта в конце XVI и в начале XVII вв. называется Скородомом, вследствие скорой (быстрой) постройки домов, простых изб, или Скородумом, от скоро задуманной и выполненной постройки стен. Эти деревянные стены во время революционных событий начала XVII в. сгорели. В официальных документах, напр. в росписном списке 1638 г., местность эта называется «Старым деревянным городом», или по имени отдельных слобод, или просто — «за Бѣлымъ каменнымъ городом».¹ В 1637—1640 гг., при Михаиле Федоровиче, по черте сгоревших стен был насыпан земляной вал. Наименование этой местности Земляным городом постепенно начинает входить в живую речь и в середине XVII в. уже встречается в официальных документах. Так, в «Уложении» 1649 г. мы уже находим это название. «А выгону быти около Москвы, на стороны от Земляного города ото рву на 2 версты».²

Таким образом, наличность этого названия в тексте повести говорит о том, что она не могла быть написана раньше 1650 года.

Далее, в повести упоминается Семен Лукьянович Стрешнев. Автор повести называет его «боярином» и говорит о нем, что он «на Москве не малу область» имел, причем обо всем этом говорится в прошедшем времени.

Семен Лукьянович Стрешнев, судя по упоминаниям о нем в Дворцовых Разрядах, с 1631 г. по 1645 г. был стольником. 28 сентября 1645 г. он был «пожалован в кравчие». «Того жъ дни пожаловаль государь (Алексей Михайлович) въ крайчїе съ путемъ Семена Лукьяновича Стрѣшнева; а крайчество сказываль ему постельничей Иванъ Михайловичъ Анич-

¹ Тр. Моск. отд. Русск. воен.-истор. общ., 1911, т. I, стр. 222, 234, 236.

² Первое полное собрание законов. Уложение 20 января 1649 г., гл. 19, ст. 6.

ковъ. И Гороховецъ Семену Стрѣшневу данъ».¹ Крайчим С. Л. Стрешнев пробыл до 1651 г. 30 марта 1651 г. он «пожалован в околничие». «Того жъ дни пожаловаль государь изъ дворянъ въ околничіе Семена Лукьяновича Стрѣшнева; а околничество ему сказываль думной дьякъ Семень Заборовской».² Во время подготовки к войне с Польшей, в 1653 г., С. Л. Стрешнев был послан «въ Великій Новгородъ, собиратья с ратными людьми». В войну с Польшей он участвует во взятии городов Дисны, Друи, Озерища и Усвята в 1654 г., обнаруживая недюжинные способности в руководстве войсками. В феврале 1655 г. он отзывается в Москву, а 11 марта 1655 г. Алексей Михайлович «пожаловал» его в бояре. «И того дни, идучи въ соборную церковь къ молебну, былъ государь в золотой полатѣ и пожаловаль изъ околничих в бояре Семена Лукьяновича Стрѣшнева; а у сказки стоял околничей Ѳедоръ Кузмичъ Елизаровъ, а сказывал думной дьякъ Алмазь Ивановъ».³ С этого времени идет быстрое возвышение С. Л. Стрешнева при царском дворе. В 1656 г. ему «за службу» была пожалована «шуба отлась золотной, да кубокъ, да къ прежнему его окладу придачи « » рублей».⁴ В этом же году он называется «бояриномъ и намѣстникомъ Нижняго Новгорода».⁵ В этом же 1656 г., он в качестве воеводы выполняет ряд ответственных военных операций против польских войск: в июле подготавливает взятие Диноборка, в августе подготавливает взятие Куконоса и лично ведет войска на приступ.⁶ За это царь пожаловал С. Л. Стрешневу «шуба отлась золотной, да кубокъ, да отлась золотной, да два сорока соболей, сто рублевъ денег».⁷ С 1657 г. по 1666 г., т. е. по год своей смерти, С. Л. Стрешнев стоит во главе Устюжской четверти.⁸

Итак, С. Л. Стрешнев был пожалован в бояре в 1655 г., большое же значение в управлении Московским государством он приобрел только в последние годы своей жизни, т. е. в 1657—1666 гг. в качестве боярина Устюжской Чети. То обстоятельство, что «Повесть о Савве Грудцыне» говорит об этом в прошедшем времени, нам кажется, свидетельствует о том, что она не могла быть написана раньше смерти С. Л. Стрешнева, т. е. 1666 г.

¹ Дворцовые Разряды 1612—1700 гг., СПб., 1850—1855 гг., т. III, стр. 15.

² Ibid., стр. 226.

³ Ibid., стр. 460.

⁴ Ibid. Пропуск числа рублей в издании «Дворцовых Разрядов». Дополн. к т. III, стр. 35.

⁵ Ibid. Дополн. к т. III, стр. 45.

⁶ Ibid., стр. 57, 63, 68.

⁷ Ibid., стр. 71.

⁸ Древняя Россійская Вивлиоика, 1791, ч. XX, стр. 405.

Время, позже которого «Повесть о Савве Грудцыне» не могла быть написана, можно определить, анализируя встречающиеся в повести наименования начальствующих лиц стрелецких войск и названия частей этих войск.

Стрелецкое войско во второй половине XVII в. делилось на приказы, в каждом из которых было от 200 до 1200 человек. Каждый приказ селился отдельной слободой и назывался по имени своего начальника — стрелецкого головы. Напр. «Олексѣева приказ Полтева», «Григорьева приказ Аничкова».¹

Стрелецкий голова подчинялся местному воеводе; под начальством же стрелецкого головы находились полуголовы, управлявшие половиною приказа, и сотники, стоявшие во главе сотен; в распоряжении сотников находились пятидесятники и десятники.

Таковым служебное устройство стрельцов было до 1682 г. В 1682 г. старая терминология стрелецких войск была заменена терминологией, давно уже принятой в солдатских частях. Приказы стали называться полками. С этого времени в документах мы находим новое обозначение приказов. Напр., «Матвеевъ полкъ Философова», «Родионовъ полкъ Остафьева», «Ильинъ полкъ Нармацкаго» и т. п.² Несколько раньше этого времени стрелецкие головы стали называться полковниками, стрелецкие полуголовы — подполковниками, стрелецкие сотники — капитанами. Так, в документе 1681 г. мы находим следующее место: «Да въ листу, каковъ данъ из Стрѣлецкаго приказу, написано: Великого Государя жалованья московскихъ приказовъ стольникомъ, и полковникомъ, и подполковником, и капитаномъ, дать въ годъ доведется 4827 рублей».³

В этом документе части стрелецкого войска еще называются по-старому, приказами, но должностные лица по-новому, так же, как и в солдатских частях.

«Повесть о Савве Грудцыне» знает старое деление стрелецких войск на приказы и старое обозначение должностных лиц в приказах. В ней мы читаем: «Той же Савва поставленъ бѣ на Устрѣтенкѣ в Земляномъ городе, в Зиминѣ приказѣ в домѣ стрѣлецкаго сотника именемъ Іакова Шилова». Эта терминология проходит через всю «Повесть о Савве Грудцыне». Весьма естественно предположить, что этой терминологии мы в повести не встретили бы, если бы она была написана позже 1682 г.

¹ Тр. Моск. отд. Русск. воен.-истор. общ., т. I, 1911, стр. 189, 197.

² Акты Археографической экспедиции Академии Наук, т. IV, 1836, стр. 410.

³ Ibid., стр. 347.

Итак, очевидно, что дату написания «Повести о Савве Грудцыне» мы должны искать между 1666 и 1682 гг.

Этот вывод с особой убедительностью подтверждается еще одним соображением. В «Повести о Савве Грудцыне» упоминается о «Зимине приказе». Во второй половине XVII в. среди стрелецких голов известен Зима Васильевич Волков. Исторические документы упоминают о нем с 1652 г. по 1668 г.¹ Мы не знаем точно, когда З. В. Волков умер, но, вероятно, это случилось вскоре после последнего упоминания о нем в «Делах Тайного приказа». В «Повести о Савве Грудцыне», очевидно, идет речь о его приказе, и соответствующее место в полном виде должно читаться так: «Той же Савва поставленъ бѣ на Устрѣтенкѣ в Земляномъ городе, в Зиминѣ приказѣ Волкова...» Так как, с одной стороны, «Повесть о Савве Грудцыне» не могла быть написана раньше смерти С. Л. Стрешнева, т. е. 1666 г., а с другой стороны, приказ, о котором в ней идет речь, мог называться Зиминым только при жизни Зимы Васильевича Волкова, т. е. до 1668 г., то очевидно, что «Повесть о Савве Грудцыне» была написана или в 1666—1668 годы или в ближайшее к этим годам время, пока в памяти современников З. В. Волкова по привычке еще сохранялось название «Зимина приказа».

5

В Московском государстве второй половины XVII в. происходит ряд экономических и политических событий, оказывающих весьма сильное влияние на жизнь той социальной группы, о которой говорится в «Повести о Савве Грудцыне».

Правда, и в это время, как и раньше, правительство Романовых идет навстречу требованиям гостей, выражаемым в их челобитных, и в своей торговой политике следует указаниям представителей крупного торгового капитала. Но по мере увеличения вывоза сырья (хлеба, льна, пеньки) из Московского государства в Западную Европу, быстро растет экономическое значение землевладельцев, — крупных помещиков-дворян, — и увеличивается их социальный и политический вес. Внимание правительства Московского государства все больше привлекается этой второй социальной группой. Внешне на положении посада и представителей крупного торго-

¹ Дворцовые разряды, т. III, стр. 270, 619, 620, 638. Дополнение к т. III Дворцовых разрядов, стр. 141, 146, 217; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией, СПб., 1869, т. VI, стр. 2 и 4; Дела Тайного приказа. Кн. 3. Русская Историческая Библиотека т. XXIII, СПб., 1904, стр. 606, 754, 759, 1514 и 1522.

вого капитала это сказывается в целом ряде фактов: полученные в середине XVII в. многими посадами прилегающие к ним земли постепенно — при поддержке суда — вновь переходят в руки феодалов. Наносится большой удар землевладению торговых людей — они теряют право владеть вотчинами (1666 г.). В середине XVII в. гости добились того, чтобы их писали выше дьяков, как можем мы судить об этом по Уложению. А десять лет спустя они теряют это место: в 1659 г. боярским приговором велено ставить дьяче имя выше гостинного.

Крупные изменения происходят в это время и в торговле. Мы знаем, что в первой половине XVII в. московская торговля идет по трем основным направлениям: к Архангельску — торговля с Западной Европой; к Астрахани — торговля с Персией, Хивой и другими восточными странами; в Сибирь — торговля полукOLONиального типа.

Во второй половине XVII в. положение торговли по всем этим трем направлениям начинает резко ухудшаться. Ухудшается сибирская торговля, так как меньше становится «мягкой рухляди» вследствие истощения соболиных промыслов. Интересы крупных помещиков замосковского края, ведущих торговлю хлебом и др. сельскохозяйственными продуктами с Западной Европой, усиливают значение торговли через Балтийские порты (Нарву, Ригу). Это в свою очередь способствует перемещению торговых путей, больно ударяя по северной торговле через Архангельск. Значительно ослабеваает и персидская торговля, так как Западный рынок к этому времени начинает получать персидские товары уже иными путями, а не исключительно через Московское государство. Некоторое представление об этом дают печатаемые ниже сведения о персидской торговле царской казны с 1663 г. по 1675 г. Правда, они не являются исчерпывающими для характеристики всей торговли Московского государства, но безусловно весьма показательны, так как государственные монополии занимали в торговле того времени весьма важное место.

Сведения о персидской торговле царской казны.

	Г	О	Д	Ы
	1663—1665	1666—1670	1670—1672	1674—1675
Куплено товаров . . .	73 378 р. 04 к.	63 979 р. 08 к.	22 561 р. 12 к.	15 949 р. 26 к.

Огромное падение персидской торговли совершенно бесспорно.

Начиная с середины XVII в. Московское государство вновь неоднократно потрясают народные восстания, далеко не безболезненно проходящие для развития крупного капитала. Так, в 1648 г. в Москве вспыхивает восстание, вызванное тяжелой налоговой системой (в частности — соляным налогом). В числе пострадавших был Назар Чистый, типичный представитель крупного торгового капитала. Назар Чистый был торговым человеком г. Ярославля, затем, получив звание гостя, он переехал в Москву. В 1647 г. он был пожалован «в думные дьяки».

Восстание 1648 г. оказало огромное впечатление на тех, против кого оно было направлено. В одном из частных документов это засвидетельствовано любопытнейшим образом. Вот что пишет Сенька Колтовской в своей грамотке от 26 июня 156 г., адресованной дядюшке Перфилию Ивановичу, близко стоявшему к пострадавшим во время восстания 1648 г. лицам: «пожалуй государь дядюшка Перфилий Ивановичъ, прикажи ко мнѣ писать о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ... и нынѣча государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводить, сильныхъ побиваютъ ослошьем да каменьемъ, и ты государь насильства не заводи, чтобъ миръ не провѣдалъ, а надежа ваша с Иваномъ Владычкинымъ вся переслылась, и вы не надѣйтесь онѣча: кому вы посулъ давали, совсѣмъ они пропали, и лебеди твои остались у Бориса Морозова, а Назарій Чистой и съ деньгами пропалъ».¹

Этот документ с исключительной непосредственностью передает испуг, охвативший во время восстания 1648 г. правящие классы, уже начавшие забывать революционные бури начала века.

Еще большие потрясения произвел финансовый кризис 1660 — 1665 гг.

Финансовые дела Московского государства, одновременно бывшего в войне с Польшей и Швецией, оказались в очень затруднительном положении. Выход был найден в смелой финансовой мере: выпуске денег искусственной ценности. Уже с 1654 г. появляются медные деньги — полтинники, алтыны и пр.; они распространяются по курсу серебряных денег. Этот опыт сначала удался. В 1657—1658 гг. медные деньги ходили по нарицательной цене наравне с серебряными деньгами, хотя медь была в 60 раз дешевле серебра. Но правительству нужно было серебро для торговли с границей, приобретения оружия, найма иноземных войск. Оно всячески стремилось извлечь серебро; часть податей обязательно собиралась серебром.

¹ См. А. Зерпалов, О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском, 1648, 1662 и 1771 гг. (Чтения в Общ. ист. и древн. рос., кн. III, 1890, стр. 21).

Выпуски медной монеты участились, и за несколько лет ее накопилось на огромную сумму в 20 миллионов рублей (340 миллионов руб. на наши деньги). Это нарушило спокойствие рынка. Страну охватил кризис. Быстро стали расти цены на продукты первой необходимости. Стоимость медного рубля упала в 17—20 раз.¹

Встревоженное правительство созывает в 1662 г. «гостей и гостинные и суконные сотни торговых людей» для того, чтобы выяснить — «от чего на Москве и в городах хлеб и всякие харчевые запасы и товары стали дороги и чем бы той дорогой цене учинить помощь». Дав весьма обстоятельное объяснение дороговизны, торговые люди замечают о себе: «и ныне они торговые люди стали без серебряных денег и без товаров и все ожидают себе конечные нищеты, да мы ж ныне торговые люди сверх того от нерассуждения стали возненавидены ото всех чинов за тое товарную продажу».² Результаты «нерассуждения ото всех чинов» быстро сказались: 23 апреля давали торговые люди свои объяснения, а в июле этого же (1662 г.) уже вспыхнуло в Москве открытое восстание, во время которого был, между прочим, разгромлен двор гостя Василия Шорина, вызывавшего особую ненависть восставших. Через год после восстания, 11 июня 1663 года царь Алексей, «умысля... чтобъ еще чего межъ людьми о денгах не учинилось», издал указ об изъятии медных денег и об уплате жалованья серебром.

Вне всякого сомнения, кризис 1660—1665 гг., падая всей тяжестью на плечи неимущих слоев населения, расстроив товарный рынок, отрицательно отразился и на торговле в целом.

Наконец, в 70-е годы происходит восстание Степана Разина. «Оно непосредственно связано с развитием торгового капитала. Его театром было Поволжье»,³ т. е. уже известный нам один из важнейших торговых путей Московского государства. Когда с укреплением турок в Азове, движение донского казачества на юг было прекращено, «казачество вынуждено было искать выхода в других направлениях, на юго-восток, и совершенно естественно оказалось на том торговом пути, который был так дорог для торгового капитала, — на Нижней Волге и Каспийском море».⁴ Борьба

¹ См. об этом весьма любопытную старую полузабытую статью Н. Суворова «О финансовом кризисе в России в 1659—1663 годах» (Архив Исторических и практических сведений, относящихся до России, 1863, кн. V, СПб., стр. 54).

² В. Н. Кашин. Торговля и торговый капитал в Московском государстве, Л., 1925, стр. 211.

³ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1934, стр. 59.

⁴ М. Н. Покровский, *ibid.*, стр. 60.

Московского правительства с Разиным очень губительно сказывалась на развитии торговли: казаки грабили крупных персидских и русских купцов, Московское правительство при подавлении восстания разрешало своим войскам грабить торговые ряды «молодших» людей посада: сапожников, красильщиков, мясников, рукавишников и пр., обычно становившихся на сторону восставших. Все это в конечном счете отражалось на торговле Московского государства в целом.

В такой исторической обстановке формировалась идеология представителей крупного торгового капитала второй половины XVII в. Ясно, что элементы пессимизма, некоторой неуверенности в своей судьбе, с одной стороны, и морально-религиозные настроения, с другой, — могли в это время найти себе место в миросозерцании этой социальной группы. А воля к жизни, стремление сохранять себя в эти моменты крупных социальных потрясений требовали поддержки не только со стороны войск и закона, все еще услужливо отдававшего в кабалу крупному торговому капиталу весь посад, всех этих «меньших», «молодших» и «черных людей», но также поддержки и на идеологическом фронте. Господствующие классы и в XVII в. укрепляли свои позиции не одним лишь голым насилием. Их интеллигенция, тогда еще в основном духовенство, при помощи литературы, живописи, архитектуры, церковного пенья, организации праздников и т. д., с одной стороны, организовывала сознание самих правящих классов, с другой, — соответствующим образом обрабатывала «общественное мнение» народных масс.

«Повесть о Савве Грудцыне» — один из тех памятников, задачей которых было нарисовать правильный жизненный путь представителя торгового капитала. Ее организующая роль совершенно бесспорна. Охрана семьи и брака, почтение к родителям, добросовестное отношение к своему делу, бережное отношение к своему состоянию, отстранение от ненужного торговому человеку участия в военном деле — в этом простой и понятный читателю конца XVII в. смысл «Повести о Савве Грудцыне». Все то, что нарушает эти основы поведения, — «от дьявола». Поэтому-то бес помогает Савве в его любви к жене Божена, в его честолюбивых замыслах выдвинуться, благодаря личным заслугам, в его военных похождениях, совершенно отрывая его от дела и ведя к «конечной» гибели. Автор конца XVII в. в аспекте своего времени увидел и осветил жизнь представителя крупного торгового капитала первой трети этого же века. Но повесть не до конца пессимистична. Она требует от представителей крупного торгового капитала определенного «порядливого житья», через которое можно спастись

от «конечной» гибели, так как «человѣколюбивый богъ долготерпѣливъ сый, ожидая нашего обращенія и неизреченными своими судьбами всякого человѣка приводитъ ко спасенію».

Этот вывод «Повести о Савве Грудцыне» должен был утешить даже и тех, кто в трудных социальных условиях оказывался неудачником.

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века

I. Повесть о куре и лисице

I

В сороковых годах XVII в. царский стольник Иван Бегичев поспорил однажды на охоте со своим спутником, разойдясь с ним в толковании библейского текста — «и показа ему господь задняя своя». Спор задел Бегичева настолько серьезно, что он ответил позже своему собеседнику специальным посланием, сохранившимся в двух списках XVII в. Цель послания «свободити» себя от «нововоздвигаемого гнева и негодования и бестудного поношения и без правды еже оклеветания», от обвинения в том, будто бы он «возмог тако рещи, что божие на землю схождение и воплощение не было, а что ни было, то все действие ангельское». Автор послания всячески подчеркивает свое согласие со всеми догматами православной веры, с осуждением вспоминает еретиков до Федора Курицына и протопопа Алексея включительно. Укоряя своего адресата, Бегичев пишет, между прочим, что тот вместе со своими сторонниками «нимало отчасти искусен в божественных писаниях... все вы кроме баснословные повести, глаголемые еже о Бове королевиче и мнящихся вами душеполезные быти, иже изложено есть от младенец, иже о куре и о лисице и о прочих иных таковых же баснословных повестей и смехотворных писем, — божественных книг и богословных дохмат никаких не читали».¹

¹ Текст Послания изд. А. И. Яцимирский. Послание Ивана Бегичева о видимом образе божием. Чт. ИОИ и ДР, 1898, и отд. стр. 1—13. Датируя послание второй четвертью XVII в., Яцимирский основывается на следующих данных: «Рукбпись, в которой издаваемое Послание открыто, — середины XVII в., следовательно, оно написано не позже этого времени. Во-вторых, все лица, носящие имя и фамилию автора Послания, фигурируют во второй четверти XVII в., В третьих, в Послании два раза упоминается «стаибник» адресата, некто Никифор Восейков с товарищи; повидимому, это указание самое ценное. Никифор Прокофьевич... начал свою службу при царе Михаиле Федоровиче и в Разрядных записях значится стольником». После

Это замечание Ивана Бегичева интересно для нас упоминанием повести о куре и лисице, списки которой встречаются не ранее начала XVIII в. Говоря о ней, как о чем-то общеизвестном, Бегичев тем самым дает опорный пункт для датировки этого памятника: по всем историческим данным, которые встречаются в Послании, его относят ко времени не позже 1643 г.; отсюда следует, что и повесть о куре и лисице во всяком случае не моложе этого времени, скорее ее придется отнести к несколько более раннему периоду, чтобы стала понятной ссылка на нее, как на образец, хорошо знакомый читателям.¹

Исходя из этого хронологического указания Бегичева, проверим, соответствует ли тематика повести о куре и лисице исторической обстановке первой половины XVII в. Естественно, что анализу этой темы должна предшествовать история текста повести, так как литературный памятник, существующий в рукописях XVIII в., печатных изданиях, лубочных картинках и устных сказках под именем повести, сказания или истории о куре и лисице, дает нам очень сложную картину своей жизни в читательской среде. Он постоянно развивался, вскрывая нам в течение трех веков своего существования картину последовательных изменений в классово-эстетическом сознании читателей, отлагавшемся в словесном творчестве, и далеко не все его разновидности могут быть отождествлены с предполагаемым памятником первой половины XVII в.²

Все рукописные тексты повести о куре и лисице разбиваются отчетливо на три группы — тексты прозаические, стихотворные и смешанные. Все списки относятся к XVIII в., один отрывок к началу XIX в. В прозаической редакции мы имеем вполне цельное и законченное изложение темы:

1644 г. он жил уже не в Москве (Яцимирский, стр. III—IV). Теми же сороковыми годами датирует Послание И. Забелин, который считает адресатом Бегичева стольника С. Л. Стрешнева (Заметка о послании И. Бегичева. Археол. изв. и зам. 1899, № 1—2, стр. 1—8; то же: История города Москвы, М., 1902, стр. 395—397).

¹ Указание Послания Бегичева на хорошее знакомство русских читателей в первой половине XVII в. с повестью о Бове совпадает с наблюдением Н. П. Лихачева: прозвища Бова, Лукопер, заимствованные из повести о Бове, были известны на Руси в конце XVI и начале XVII вв. (Любопытные прозвища. Библиограф, 1893, № 2—3, стр. 157—159).

² Литературные повести о куре и лисице не исследованы: беглые замечания об этом памятнике находим у А. Веселовского (Ист. русск. словесности А. Галахова, изд. 2, 1880, стр. 510), определенно называющего повесть «отрывком германо-романского животного эпоса, приходившего к нам», и у А. Пыпина (Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских, стр. 292), который характеризует стихотворную повесть о куре и лисице, вместе с помещенными в том же сборнике увеселительными жартами, как «последние обработки старинных новелл, перешедших в польскую литературу из немецкого или французского источника», и отмечает перепечатку некоторых из них в «Старичке-Весельчаке» и в лубочных картинках.

лисица приглашает кура спуститься к ней и покаяться, затем обличает его в грехах; кур оправдывается, приглашает ее в просвирни, и, наконец, лиса съедает его. Тема изложена прозой в виде диалога с тремя небольшими вставками рассказа от лица автора. Отдельные части диалога соединяются короткими фразами: «рече кур к лисице», «ответца лисица» и т. д. Прозаическая редакция представлена следующими списками:

1) Забелина, 536 (855), второй половины XVIII в., лл. 51—55 — «Сказание о куре и о лисице». Нач.: «Стоит древо высоко. . .»

2) Гос. Исторического музея в Москве № 669, перв. четв. XVIII в., лл. 416—419 — «Сказание о петухе и о лисице, како лисице прелсти петуха и предав смерти». Нач.: «Рече лисица курю. . .»

3) Житомирский сборник Библиотеки Украинской Академии Наук, нач. XVIII в., лл. 87—91 — «Сказание о куре и о лисице, как седел на древе, а лисица кура к себе з древа манила». Нач.: «Приде в некое время лисица. . .»

4) Гос. Исторического музея в Москве № 3215, XIX в., отрывок, лл. 17 об.—18 об., без начала: . . .« хотя ево схватити и жива проглотити. . .»

Отличительный признак второй — стихотворной редакции — выдержанная стихотворная речь, добавление длинного диалога в начале — кур допытывается узнать имя лисицы, затем обвиняет ее в том, что она крадет кур, — и отсутствие заключительного рассказа о приглашении в просвирни. Списки стихотворной редакции:

1) Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде Q. XIV. 27, около 1742 г., лл. 32—52 — «История о прекрасном куре доброгласном, как он приде на покаяние к лисице к премудрой духовнице». Нач.: «Настоящего нынешняго века. . .»

2) Библиотеки им. Ленина, собр. Лукашевича № 46 (б. Публ. музея, № 1194), 30—40-х гг. XVIII в. — «История о звере и птице, нарицаемом петухе и лисице, како лисица петуху путь покаяния благовестила». Нач.: «Настоящего нынешняго века. . .»

3) Забелина, 536, второй половины XVIII в., лл. 108—123 об. — «Повесть изрядная о куре и о лисице, како его прелстила лисица». Нач.: «Настоящего сего нынешняго века. . .»

4) Забелина, 500, около 1762 г., отрывок — лл. 6—8 об.

5) Библиотеки Академии Наук СССР (б. Археогр. ком.) № 162, 20—30-х гг. XVIII в., лл. 53—73 — «Повесть зело пречюдна о куре и о лисице». Нач. «Настоящего сего нынешняго века. . .»

6) Собр. Мазурина № 755, XVIII в., лл. 1—13, без начала; первые слова: «Кур же видев ея мало возвеселился...»

Третью группу составляют списки, объединяющие части обеих редакций — называю в дальнейшем их смешанными:

1) Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина О. XVII. 57, первой четверти XVIII в., лл. 174—185 — «Повесть о куре и о прекрасной лисице». Нач.: «Был человек неки, жил долгия веки...»

2) Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина О. XVII. 17, второй половины XVIII в., лл. 98—111 — «Повесть о куре, то есть петухе и лисице». Нач.: «Близ города Казани в некоей роши...»

3) Забелина, 536, второй половины XVIII в., лл. 261—265 — «Сказание о куре и о лисице Захарьевне». Нач. «Сидит кур на прекрасном древе...»

II

Сопоставляя между собой все эти списки, мы видим, что стихотворная редакция сохраняет только часть мотивов прозаической, оформляет их во вкусе XVIII в., дает ряд новых эпизодов, не имеющих корней в прозаической редакции; что стихотворную редакцию можно объяснить, как распространение прозаической, но не наоборот: хотя во второй части, где схемы обеих редакций близки, изложение стихотворной длиннее, но эти длины словесного характера; в прозаической редакции нет такого количества словесных украшений, за то фабула в ней развивается яснее. Словом, прозаические списки, очевидно, сохраняют лучше старший вид повести, подвергшейся в стихотворной редакции существенной переделке.

Выделяя из этих прозаических списков повторяющуюся в них схему, которая сохранилась и в прозаической части смешанных текстов, мы получаем следующую предполагаемую фабулу старшей повести о куре и лисице, которую вспоминает в своем Послании Бегичев. К сидящему на «высоком древе» куру приходит лиса и приглашает его принести ей покаяние в своих тяжких грехах. Она зовет его на молитву словами «поучения св. отец к ленивым и не хотящим делати». Не довольствуясь этим поучением, лиса ссылается еще на притчу о гордом фарисее и смиренном мытаре. Умиленный кур спускается на землю и попадает в лапы к лисице. В таком положении между ними завязывается следующий диалог. Лисица корит его текстами из св. писания за многоженство: «Помниши ли ты святыя книги и как в правилах святых отец пишеть: одна жена понять по закону, а другую понять для детей, а третью понять чрез закон прелюбодеяние [ради]. А ты, лихой человек, злодей и чародей, законопреступник, держеш ты

у себя много жон, по двадцети и по тритцати и болши». Кур другими текстами из того же источника защищает себя: «помниш ли ты, как в бытиях пишеть: земля стала и нача полниться, сице плодятся и ростятся и умножите землю, о сиротах и о вдовицах всякое попечение имейте и пекитесь велми, то будите наследницы царствия небеснаго». Лисица упрекает кура в ненависти к «брату своему», в том, что и к ней голодной у него не было жалости, когда он помешал ей украсть у крестьянина курицу. Кур и евангелием и пословицей оправдывается: «и во святом евангелисте пишеть: не может раб двема господином работать...» Он просит лису о помиловании, вспоминая и заповеди блаженства, и апостола Петра, и царя Давида. Наконец, в виде последнего аргумента, он зовет лису на службу к Крутицкому митрополиту «в просвирни»: «тебе будет добро кануны молить, госпожа моя, сладкия, а просвиры мяхкия, а приходу очень много». Но лиса не поддается на соблазн: «тако сконча живот куру», печально заканчивается повесть.

С точки зрения официального православия XVI—XVII вв., была недопустима такая трактовка религиозных вопросов, какую мы находим в этой схеме повести о кура и лисице. Образ исповедницы, которая зовет к покаянию, убеждает словами св. писания, и в то же время таит замысел, ничего общего с этим призывом не имеющий, — так же противоречит христианскому понятию об исповеди, как и кур, евангельскими заветами оправдывающий свое многоженство. Оба героя формально отстаивают свои позиции, и читателю ясно, что автор этим приемом вскрывает глубокое противоречие между теорией, которую оба собеседника берут из одного источника — св. писания, — и их житейской практикой, очень далекой от этих заветов.

В повести о кура и лисице нет, конечно, прямого отрицания исповеди и идеи аскетизма, но очень тонко показана вся внутренняя фальшь представителей официального благочестия. Оба собеседника, аргументируя от св. писания, толкуют его не по существу, а исключительно формально. Особенную ловкость в этом отношении обнаруживает кур, парируя упрек в многоженстве. Ни в какой явной ереси читатели не могли уличить автора повести, но «смехотворная» трактовка вопросов, связанных с идеей о покаянии, о благочестивой жизни, лживый образ исповедницы — все это рисует нам автора, как человека, затронутого тем «вольномыслием», которое допускало критическое отношение, если не к религиозной теории, то, по крайней мере, к ее практике. Возражений по существу против самой исповеди наш автор не делает, но исповедника он изображает явно издевательски. Ника-

кого привычного пиетета к представителю высшей церковной иерархии не чувствуется и в заключительном эпизоде повести: приглашение на службу к Крутицкому митрополиту, соблазн «канунами сладкими и просвирами мягкими» — все это выполнено в тонах тех «смехотворных» писем, о которых с таким презрением говорит Иван Бегичев, подчеркивающий свое правоверие.

Существовала ли в первые десятилетия XVII в. когда, судя по словам Бегичева, должна была уже сложиться повесть о куре и лисице, благоприятная обстановка для развития такого «вольномыслия», какое отражается в нашей повести?

Весь экономический уклад русской жизни в первой половине XVII в. выдвинул политическое значение двух классов — поместного дворянства, в лице среднего и мелкого служилого сословия, и городской буржуазии. Экономические интересы объединяли их и влекли к борьбе с остатками старой феодальной знати, крупного землевладения, как это особенно отчетливо обнаружилось в конце Смуты. Перерастая старый порядок, новые общественные группы вырабатывали на почве новых производственных отношений и новую идеологию, для которой многое в старом мировоззрении, как и в старых нормах общественного строя, представлялось вредным и враждебным. Истощив свое содержание в разных сторонах экономики и политики, эти нормы обратились в противоположность и в области религиозной идеологии. Конечно, значительная часть консервативных общественных групп продолжала и в этой сфере держаться еще прочно старого порядка. Вспомним хотя бы для примера судьбу архимандрита Дионисия, Арсения Глухого и священника Ивана Наседки, правивших текст Потребника и исключивших в молитве на водоосвящение слова «и огнем»: их пытают, заключают в темницу, обвиняя в том, что они хотели «вывести огонь из мира». Арсений Глухой метко характеризует сущность мировоззрения своих обвинителей: «неискусившиеся смотрят только на строку и на буквальную речь и рассуждают: это так, оказывается же совсем не так... они божественные писания по чернилу проходят, смысла же писаний не стараются уразуметь».¹

Но такое формальное отношение к церковно-религиозным вопросам не было уже в XVII в. всеобщим. Религиозное «вольномыслие», хотя и не в форме резко выраженных ересей, т. е. полного отрицания внешней обрядовой стороны религии, как мы видим это в XVI в. (Феодосий Косой, Башкин, позже кн. Хворостинин), но все же в форме более свободного отноше-

¹ Макарий. История русской церкви, т. X. стр. 184. 189.

ния к вопросам обрядности, захватывает в XVII в. целые группы и именно те, которые и политически были прогрессивными, для своего, конечно, времени. Известно, напр., как равнодушно отнеслись московские служилые круги к вопросу о перемене веры королевичем Владиславом, кандидатом на московский престол. По меткому выражению М. Н. Покровского, для них «ходячей истиной стал афоризм Пересветова — правда выше веры — политика у них шла впереди религии». Те же московские дворяне в 1610 г. в своем обращении с патриархом Гермогеном выказали себя очень далекими от «крепких» православных, для которых патриарх в то время был почти божественной особой: когда Гермоген вышел их усовещевать, они, по словам современника, «ругахуся ему всячески, пинали его сзади, бросали ему в лицо грязью, хватали его за грудь и трясли».¹ Упадок почтения к старой обрядности именно среди служилых людей отмечает в 1622 г. патриарх Филарет, когда он пишет с упреком Киприану, архиепископу Сибирскому и Тобольскому: «в сибирских городах многие служилые и тамошние люди живут не по-христиански, не по преданиям св. апостолов и св. отцев, а по своим скверным похотям. Многие русские люди . . . крестов на себе не носят и постных дней не хранят, пьют и едят и всякие скаредные дела делают вместе с бусурманами».² Среди этих служилых людей, как говорит далее грамота, было много приезжих из Москвы.

В атмосфере таких настроений по отношению к вопросам церковной обрядности возникали и новые литературные потребности, создавалась литература, по новому трактовавшая старые вопросы. Достаточно вспомнить хотя бы для примера повесть о бражнике, в XVII в. уже занесенную в индекс книг истинных и ложных среди запрещенных сочинений.³ Подобно героям повести о куре и лисице, бражник пользуется текстами св. писания «смехотворным» образом: защищая себя, он по очереди оспаривает право на пребывание в раю апостолов, святых, ловко приспособляя для своей цели различные эпизоды из их жизни, зафиксированные в ветхом завете, евангелии или житиях святых. В итоге все отходят посрамленные, а бражник садится в раю на лучшем месте и издевается над святыми, изумленными такой дерзостью: «святи отци, не умеете вы говорить з бражником, не токмо что с трезвым».⁴

¹ М. Н. Покровский. Русская история, т. II, стр. 203.

² Макарий. История русской церкви, т. XI, стр. 36.

³ А. Пыпин. Для объяснения статьи о ложных книгах. Летопись зан. Археогр. ком., вып. 1, 1861, СПб., 1862, стр. 39 — ркп. б. Румянцевского музея, № 362, XVII в.

⁴ Памятники старинной русской литературы, изд. Кушелевым-Безбородко, СПб., 1860, вып. II, стр. 477—478.

Хотя эта повесть, повидимому, не оригинальная, а занесена к нам с Запада,¹ но самый факт усвоения ее русской средой в это время говорит о наличии подходящих условий для подобного заимствования в идеологии какой-то части русского читающего общества. Это и была именно та, зараженная «вольномыслием», часть, которая допускала критику разных сторон существующего строя, в том числе и стороны церковной. Трудно связать это течение русской общественной мысли первых десятилетий XVII в. с каким-либо одним классом: вольнодумцы выходили из разных социальных слоев, но по преимуществу в данную эпоху им были заражены, видимо, средние служилые элементы, борющиеся за первенство значения с высшим боярством, с остатками уже сильно разгромленной к этой поре крупной землевладельческой знати. Близко столкнувшись во время Смуты с пришлыми иноземцами, они через них получают знакомство с новыми явлениями западной жизни вообще и, в частности, жизни литературной. Через этих иноземцев, возможно, дошел до русского читателя западный анекдот о крестьянине или мельнике, препирающемся у дверей рая со святыми, которые его туда не пускают. Найдя отклик в мировоззрении русского читателя этого времени, анекдот был переработан им: героем — в противовес ортодоксальной литературе против пьяниц — сделан был торжествующий пьяница; официальная церковь повторяла в это время на все лады, что «пьяницы царствия божия не наследят», а бражник не только входит в рай, но даже занимает в нем лучшее место и делает это, опираясь на «смехотворное» толкование св. писания.

Как видим, общее направление повести о бражнике совпадает с повестью о куре и лисице: обе повести — сатиры на формальное благочестие, везде — прием один и тот же: смелое обращение с авторитетом св. писания, издевательство над представителями официального благочестия. Даже форма диалога с однообразными, связывающими его части, фразами обща обоим повестям.

Если анекдот о бражнике был своеобразной переработкой западного источника, то и для повести о куре и лисице мы можем указать тот круг литературных образцов, которыми была навеяна, вероятно, самая форма повести. В 1607 г. переводится с польского языка Гозвинским сборник басен Эзопа (см. рук. Гос. Публ. Библ. им. Салтыкова-Щедрина F. XIV. 5). Здесь в числе 14 басен о лисице и 4 о петухе — есть басня, схема которой и даже некоторые детали напоминают повесть о куре и лисице: это басня

¹ А. Веселовский. История русской словесности А. Галахова, изд. 2, СПб., 1880, стр. 498—500 и М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, 1924, стр. 243.

«о коте и алектрионе». В роли обличителя петуха в басне является кот, который, как лисица в повести, укоряет петуха за многоженство. На все оправдания петуха в басне кот отвечает: «Но аще ты многи благообразныя собираеши ответы, аз же гладен сый и не жду сего. И тако снеде его». В параллель этому, повесть заканчивается следующими словами: «Ты на то надеешься, что грамоте горазд и отвещати умееш, и тем тебе не отговоритися, повинен ты еси смерти... я теперь сама голодна, хочу я тебя скушать... и тако сконча живот куру» (Забелин, 596).

Это сходство построения охватывает все варианты прозаической повести. Конечно, в оригинале XVII в. повесть напоминает басню лишь общим замыслом — сделать героев зверями и изобразить кура обвиняемым в грехах: идеологическая установка повести и продиктованное ею словесное оформление диалога кура и лисицы сделаны совсем не в басенном стиле. Сообразно с замыслом — изобразить лису исповедницей, особой духовного звания, ее язык особенно насыщен старой литературной традицией. Восхваляя голос кура, она говорит: «коли запоеш, аки в трубу златокованную затрубиш» (Забелин, 536 и др.), как в Молении Даниила Заточника — «Вострубим яко во златокованныя трубы».¹ Ставя куру в заслугу то, что он будит людей от сна, лисица повторяет отмеченный мною выше отрывок из русского поучения «к ленивым и не хотящим делати», встречающегося в составе поздней редакции Измарагда XVI—XVII вв. и отдельно в сборниках среди повестей (см. ркп. Библ. им. Ленина, б. Рум. № 363):

Забелин, 536

П о у ч е н и е [Пам. древне-русск.
церковно-учит. лит. вып. III,
СПб., 1897, 93—94.]

Помнишь ли ты, чадо, как во святых книгах пишет: не долго спите и не долго лежите, вставайте рано, молитесь богу, да не ввидете в напасть. Також и в притчах глаголет: много лежать, добра не добыть, горя не избыть, чести и славы не нажить,

Не долго спите, не долго лежите, вставайте рано, ложитесь поздно, молитесь богу, да не ввидете в напасть, яко же рече господь. Лежа добра не видати, а горя не избыти, и спасение не получитьи, бога не умолити и грехов не очистити, чести и славы не получитьи, цветных риз не нашивати, медвеного пития не пивати, и сладкого брашна не ядати. Безумному и ленивому и невластивому добрым мужем

¹ Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам Л., 1932, стр. 4.

красных риз не носить, медовые чаши не слывати, и господином в дому не не пить, слаткого куса не есть, умному бывати и во власти себе не видати, не быть, в дому господину не слыть, к богу и ко князю и к государю милым власти не видать, князям милу не быть. не бывати.

Ссылками на св. писание пестрят и обличения кура в грехах. Да и сам кур, оправдывающий себя, вставляет в свою речь немало этих цитат и даже в лирических мольбах о пощаде не миновал литературной реминисценции: словами князя Глеба, обращенными к его убийцам (во всех пространных житиях), он просит лисицу: «не отжени класу незрелова, не пролей крови неповинныя напрасно» — ср. в житии: «нѣ пожнете класа незрела, аще ли прольяти кровь мою хочете».¹

Но рядом с этим, как только тема приближается к бытовым мотивам, автор переходит на разговорную речь. В таком стиле выдержан и рассказ лисицы о злоключениях ее во время голода, и приглашение ее к Крутицкому митрополиту в просвирни. Есть в этой разговорной речи и элементы устной поэтической традиции, вроде выражений — «сахарные уста», «Не сули журавля в небе, дай синицу в руки» (ср. пословицы Петр. Гал., № 517 — Библ. Акад. Наук), «По которой реке плыть, по той и славу творить» (Симони, 1, № 2020), но вообще то обстоятельство, что повесть дошла до нас только в списках XVIII в., очень затрудняет детальный стилистический анализ ее. Без особой натяжки к оригиналу XVII в. мы имеем право отнести те чтения, которые согласно повторяют все списки прозаической редакции, а иногда даже и стихотворной и смешанной, в более или менее исправном виде. Что же касается индивидуальных особенностей отдельных списков, то следует с большой осторожностью относиться к вопросу о древности их. Однако, если даже исключить эти возможно поздние добавления, все же нельзя не заметить, что оригинал повести о кура и лисице уже при самом своем создании оформлялся, так сказать, в двух планах: все то, что раскрывало основной замысел автора — насмешку над представителями официального благочестия — изложено в старой литературной манере, с неизбежной цитацией авторитетных источников, с сохранением старого книжного языка; все бытовые детали повести передаются живой разговорной речью, с характерными для XVII в. элементами устно-поэтического языка.

Такая двойственность языка повести не противоречит предположению, что памятник вышел из среды служилого класса первой половины XVII в.,

¹ С. Бугославський. Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. Київ, 1928, стр. 12.

и притом — московского. Что автор повести был москвич, об этом свидетельствует весь эпизод с приглашением лисицы в просвирни к Крутицкому митрополиту: сведения о Крутицком митрополичьем доме в Москве и о живших в нем митрополитах мы имеем в достаточном количестве уже с первой четверти XVII в., в XVIII в. этот дом именуется обычно не митрополичьим, а «архиерейским».¹ В среде московского служилого класса, достаточно показавшего в первой половине XVII в. свое более свободное отношение к вопросам церковной обрядности, и могла создаться сатира — повесть о куре и лисице. Люди по своему времени иногда очень начитанные, они могли знать те старые литературные памятники, отголоски которых слышатся в речах кура и лисицы, но в то же время, смелые в отношении к церковным вопросам, они и в области литературного языка могли обнаружить некоторую смелость, все чаще и чаще наблюдаемую нами в литературе XVII в.: живая разговорная речь энергично пробивается в эту эпоху сквозь привычный слой старого славяно-русского книжного языка, и это течение особенно ясно обозначается в языке повестей XVII в., не только созданных в эту пору заново, но и в переработках старых переводных и оригинальных повествовательных сюжетов.

Гадать, почему от XVII в. мы не имеем ни одного списка повести о куре и лисице, трудно. Возможно, что слишком сильно было еще в это время сопротивление консервативного большинства подобной литературе. Иван Бегичев, представитель традиционного мировоззрения, говорит о нашей повести как о низшем сорте литературы, недостойном внимания серьезного читателя. И повесть о бражнике очень редко встречается в списках XVII в. Обе повести, видимо, прятались где-то в любительских сборниках и выплыли тогда, когда первоначальная острота их замысла была забыта, и сами они стали рассматриваться как занимательное чтение. С историей повести о куре и лисице в этот период, т. е. в XVIII в., мы знакомимся уже по определенному письменному, а позже и печатному материалу.

Списки прозаической редакции повести о куре и лисице, сохраняя фабулу, стилистически сравнительно свободно обращаются с текстом старой повести. Те изменения, какие мы в них наблюдаем, клонятся обычно к еще большему приближению языка к живой разговорной речи, к усилению занимательности повести, а не ее сатирического замысла. Отсюда украшение речи новыми пословицами, которые варьируются по отдельным спискам — см. в сп. Забел. 536. — «одному господину служить, а другому не грубить»

¹ И. Забелин. Материалы для истории и археологии г. Москвы. Ч. I, стр. 852; ч. II, стр. 727.

добавлено к обычному книжному аргументу, повторяющемуся во всех списках, «не может раб двема господином работать» (ср. пословицу «другу дружи, а другому не груби», Пословицы 1779 г. Библ. Укр. Акад. Наук); или «Не сули мне в год, сули в рот», отвечает лисица на обещание платить ей каждый год оброк — в стиле поговорочного выражения, вариант которого читаем в тексте Кабацкого праздника: «люди в рот, а ты глот».¹

В списке Государственного Исторического музея № 669 прибауточная речь пробивается особенно заметно. «Я-то такова, что растовская дуда», говорит здесь о себе лисица, совсем не в духе первоначального замысла, согласно которому она была «преподобная мати-лисица»; окончание повести в этом списке переработано в стиле специфически сказочной прибауточной концовки: «Петуху вечная память, попу корова, дьячку кувшин браги, а просвирни кувшин молока, а пономарю книга, а кто прочитал, тому сто рублей в мошню, а хто слушал, тому по колачу, а кто не мешал, тому ничево» (аналогичное окончание имеем в смешанной редакции в списке Забелина, 536) — ср. сказочные концовки: «Рассказчику сказку, а мне кринку масла, тебе камешек, а мне денежек мешок», «тебе сказка, а мне кренделей связка, тебе уголек, а мне денег уголок, тебе курица, а мне денег улица», «Вот тебе сказка, а мне кринка масла».² «Тем сказке конец, а мне водочки корец», «Сказке конец, а мне меду корец».³

Наконец, в начале XIX в. повесть о куре и лисице в прозаической редакции сливается в сознании читателей с юмористическим «Делом о побеге ис Пушкарских улиц петуха от куриц» (см. ркп. Библ. им. Ленина, б. Рум. № 3086, серед. XVIII в.). Упрек кура в многоженстве, из которого уже выпало в списке Государственного Исторического Музея № 3215 центральное место старого текста — цитата о церковном отношении к повторным бракам, — читается в этом позднем списке так: «Держиш ты у себя по 30 и по 40 кур и болши, да при том же есть о тебе окаяном и дело о побеге твоих (вм. твоём) из Пушкарских улиц», затем следует обвинение кура в том, что он охотник до чужих жен, а тот, оправдываясь, дает даже точную цитату из этого «Дела», наивно соединяя ее с оправданием, взятым из старой повести; «писано есть, раститесь, множитесь и наполните землю, а хотя ли чужих кур и топчу, что они мне пошли повиньи, а домашния

¹ В. Адрианова-Перетц. Праздник кабацких ярыжек. Груды ОДЛ ИРЛИ Акад. Наук СССР, т. I, Л. 1934, и отдельно, стр. 30.

² А. Смирнов. Сборник великорусских сказок Архива Русского географич. общества, т. I, стр. 452, 471, 480.

³ А. Афанасьев. Народные русские сказки, изд. 3, т. I, стр. 10; т. II, стр. 129—365.

стали противны» — ср. в допросе петуха в «Деле»: «что они мне повинны, а домашние куры стали противны».

III

Наиболее полно сохранивши свою первоначальную форму в прозаических списках XVIII в., повесть о кура и лисице положила начало и другому литературному памятнику XVIII в., который сохранил от старой повести только общую схему, ряд отдельных выражений, но в целом обработал этот сюжет совсем по-новому. Судя по тому, что уже в списке первой четверти XVIII в. мы имеем довольно неумелое сокращение этой стихотворной обработки, соединенной с прозаическим старым текстом, надо думать, что самая стихотворная редакция возникла не позже начала XVIII в.

В новой литературной обработке XVIII в. со старой повестью совпадает последовательность рассказа во второй части — лисица уговаривает кура спуститься на землю и покаяться ей в грехах; кур, убежденный, слетает с дерева и попадает к ней в лапы, затем начинается диалог: лисица упрекает кура за многоженство, за ненависть к брату своему, вспоминает, как он обидел ее у крестьянина, и после неудачных попыток кура оправдаться, лиса съедает его. Последний эпизод — приглашение к Крутицкому митрополиту — исключен совершенно. В этой части стихотворной редакции изредка встречаются такие стилистические совпадения с прозаической повестью, которые не оставляют сомнения в источнике первой, но они тонут в новом, значительно расширенном и измененном изложении той же схемы. Вся же первая половина стихотворной обработки является совершенно новой, по сравнению с повестью XVII в.: подробная мотивировка ухода кура в пустыню, диалог кура и лисицы, где оба собеседника стремятся перехитрить друг друга — кур добивается узнать имя лисицы, она всячески уклоняется от этого. Наконец настойчивость кура одолевает, лисица проносит свое имя, и тогда начинается вторая часть их диалога — кур оттягивает под разными предлогами момент спуска, и в этом диалоге создается совершенно новая ситуация: из обвиняемого кур превращается в обвинителя, который перечисляет лисице ее вины, а она рассказывает ему фантастическую историю о том, как она приходит по ночам к нашестям, чтобы унести к себе «заскорбевших» кур, описывает их привольную жизнь в ее доме на покаянии и предлагает куру пойти к ней и лично в этом убедиться. Все это изложено многословно, с обилием бытовых подробностей, среди которых совершенно теряется первоначальный замысел повести, та игра аргументами из св. писания, в которой заключается вся острота

прозаической версии. Из сатиры с определенной направленностью автор XVIII в. сделал просто занимательную повесть, примыкающую к обширному циклу аналогичных памятников массовой литературы XVIII в.¹

В XVIII в. в тех общественных группах, которые и создавали и читали рукописную «занимательную» литературу, потеряли свою остроту те споры о букве церковного закона, которые в большей или меньшей степени заполняют весь XVII в., а вместе с тем и в повести о куре и лисице выдвинулось на первый план состязание в хитрости. Отсюда расширение диалога, увеличение числа уверток, с помощью которых лиса старается доказать, что она «праведная духовница», нагромождение таких бытовых подробностей, где прежний способ аргументации оказался совершенно не нужен. В этих новых подробностях затерялось основное ядро повести, и сама она в сознании читателя стала, как показывает заглавие одного из списков, историей о «куриозных действиях кура и лисицы»: очевидно, этот читатель воспринял новую обработку старого сюжета, как те забавные истории и анекдоты, которыми изобилуют сборники, начиная с половины XVIII в. Подобные сборники, как мы видим из записей их владельцев, вращались по преимуществу среди разночинной и мелкобуржуазной интеллигенции, которая, в отличие от интеллигенции дворянской, имела свою литературу. Бывшие школьники Славяногреколатинской Академии, канцеляристы и копиисты, а иногда и грамотные дворовые люди, младшие воинские чины были и авторами и читателями этой литературы, по преимуществу занимательной, очень слабо, а иногда и совсем не окрашенной элементами социальной сатиры. Стихотворная обработка повести о куре и лисице дала, подобно этой литературе, и занимательность сюжета, и излюбленную рифмованную прозу — так как правильным стихом нельзя назвать неравносложные строчки «истории», и язык, хотя и сильно славянизированный, но не столько в лексике, сколько в морфологии и фонетике, а потому и нетрудный для понимания человека с средней начитанностью. Наряду с этим, обилие бытовых подробностей, вошедших в диалог, нередко вынуждает автора оживлять свою речь образным разговорным языком. И в этом отношении стихотворная «история о куре и лисице» идет в колее, привычной для читателя того времени.

¹ В одном из списков стихотворной редакции (Гос. Публ. Библ. Q. XIV. 27) отголосок этой забавной литературы выплывает неожиданно, когда лисица описывает все прелести пребывания у нее кур: «а едят толко одно толокно, а поставлена чаша соловецка, а пьют про здоровье молодецко» — ср. встречающийся в списках XVIII в. (см. Гос. Публ. библ. О. XVII. 57) рифмованный стих под заглавием «Чаша моря Соловецкова»: «Чаша моря Соловецкова пить для здравия молодецкова» и т. д.

В рукописной традиции стихотворный текст повести сохраняется довольно устойчиво: видимо, самая стихотворная форма в данном случае несколько сдерживала переписчиков, и варианты ограничиваются большей частью пропусками или вставками отдельных слов, изредка незначительными изменениями отдельных выражений или рифм. В этих вариантах никакой плановости отметить нельзя. Но дальнейшая судьба этой стихотворной редакции чрезвычайно ярко показывает разницу условий, в которых бытовала в XVIII в. рукописная и печатная литература.

Занимательная повесть, с установкой на «смехотворность» сюжета, а не поучительность его, в рукописных текстах смело пользуется, как одним из приемов достижения комического эффекта, неуместными в устах наших героев цитатами из св. писания. Эти цитаты не объединяются, как в прозаической повести, одним замыслом — подчеркнуть формальный способ их истолкования, — но они разбросаны по всему тексту, когда лиса особенно выдвигает свою роль исповедницы и переходит к обличению, а кур скорбит о своих грехах. В отрывках бытового характера эти цитаты исчезают. В рукописной традиции эти цитаты держатся прочно и мирно уживаются, вплоть до конца века, рядом с выражениями типа — «а что тебе сказал некоторы бес толко дуброву да лес» и т. п. Но в 1790 г. издатель печатного сборника «Старичок-Весельчак», самое заглавие которого показывает цель подобного издания, задумал ввести туда и стихотворную повесть о куре и лисце. Первое впечатление, что печатный текст — это тот же рукописный, только несколько сокращенный. Однако, если мы взглядем в эти сокращения, то увидим, что цель их далеко не всегда ограничивается устранением излишних длиннот: плановность исключения отдельных мест выступает вполне отчетливо, и за ней ясно видны те требования, которые предъявлялись к печатным изданиям еще до учреждения правильной цензуры.

До 1796 г., когда возникла цензура как специальное учреждение, уже существовали правительственные указы, регулировавшие право издания книг. Так, в 1771 г. Гартунгу было разрешено печатать книги, «кои непредосудительны ни христианским законам, ни правительству, ниже добронравию».¹ В 1783 г. это свидетельство книг, печатающихся в частных типографиях, было возложено на Управу благочиния, «с наблюдением, чтобы ничего в них противного законам Божиим и гражданским или же

¹ В. Н. Рогожин. Материалы для русской библиографии XVIII и первой четверти XIX вв., т. I. Дела московской цензуры в царствование Павла I, вып. 1, 1797 г. СПб., 1903, стр. V—VII, Об. ОРЯС Акад. Наук, т. 72.

к явным соблазнам клонящегося издаваемо не было» (там же, стр. VII). Что же выбросил из рукописной повести издатель, руководствуясь этими правилами? Он исключил не только все цитаты из св. писания, но даже и все места, слишком ясно говорящие о церковных сюжетах: упоминания о даре пророчества у лисицы, обещание, что кур после покаяния окажется «со святыми в небе»; рассказ лисы о том, как она молилась богу за куровы грехи; обещание не связать его «никакою епитимиею», молитву кура, хотя и не церковными словами выраженную, когда он узнал об имени своей исповедницы; ответ лисы на эти молитвы; ее рассказ о своей благочестивой жизни, проходящей в посте и молитвах; просьбу кура принести «потрахель, ризы и свечи»; указание на то, что куры живут у лисицы «в епитимьях»; что они «пребывают по бозе в воздержании мнозе»; угрозу куру — «достойн ты и с телом во ад снити»; слова лисицы «я вить, курушка, не поп, а не исповедает тя так и протопоп», даже вместо слов «бога боялся» в Старичке-Весельчаке читаем — «правды боялся». Только один раз — в форме общего суждения без прямого применения его к героям повести, — сохранилось благочестивое размышление лисицы: «погубит господь глаголющих неправду конечно и вринет во ад вечно».

В порядке такой чистки рукописной повести из нее были изгнаны и те немногие остатки старой сатиры XVII в., которые все-таки еще смутно напоминают о первоначальном замысле в рукописной стихотворной повести. Для печатного издания «смехотворное» применение текстов из св. писания и вообще смелое и фамильярное обращение с церковными предметами, которое так характерно для рукописной литературы XVII и XVIII вв., оказалось совершенно неприемлемым. Это и вполне естественно, так как цензурные требования устанавливались командующей верхушкой, для которой в XVIII в., как и в XVII в., церковь и все связанное с ней было органическим элементом государственного порядка и вытекающей из него идеологии.

От той же стихотворной рукописной версии повести о кура и лисице, от которой идет печатный текст Старичка-Весельчака, но совершенно независимо от него, пошли лубочные издания, дающие повесть далеко не полностью, а лишь в виде небольших надписей к картинкам, иллюстрирующим отдельные моменты рассказа — таких отрывков взято 6.¹ В этих надписях, как и в тексте Старичка-Весельчака, исключены все церковные мотивы, конечно, по тем же основаниям, хотя и много раньше, чем в последнем.

¹ Д. Ровинский. Русские народные картинки, т. I, СПб., 1881, стр. 272—274.

На одном примере покажу, что Ровинский был неправ, выводя лубочный текст из текста Старичка-Весельчака (там же, кн. IV, стр. 199—201):

Q, XIV. 27

Лубочный текст

Старичок-Весельчак

Кур же внезапной той смерти ужасеся и, вспомянув смертны час, потрясеся, дабы и сам незапно не умер тако. И о сем плакася размышляше всяко. И в такой скорби и печали вышел на улицу погуляти, како бы хотя малу отраду прияти. И хотя разумом своим размышляше и сердцем ташко въздыхаше.

Кур же от незапныя тоя смерти ужасеся и вспомянув смерть, от страха потрясеся, негли и сам незапно умрет. Тако ему о сем размышляюще всяко, и в такой печали вышел на улицу погулять, как бы ему отраду принять и сам себе проклинающая, еже много злая содевая и ходя размышляше и сердцем ташко въздыхаше. (Ровинский I, 273).

Кур от сего ужасеся, вспомнил смертны час и от страха потрясеся, чтоб самому так не умереть незапно, плакал о сем и размышлял опасно, потом вышел погулять, хотя б малу отраду тем восприть.

IV

Существуя в рукописных сборниках XVIII в. рядом, прозаическая и стихотворная редакции повести о куру и лисице рассматривались, видимо, читателями, как близкие, но все же разные, сочинения: в сборнике Забелина № 536 мы читаем три версии повести. В результате создались смешанные тексты, объединяющие более или менее удачно эти разновидности.

Первый список такого смешанного типа дает сборник Гос. Пуб. Биб. им. Салтыкова-Щедрина О. XVII. 57, первой четверти XVIII в.: в первой части он передает с большими сокращениями, но все же с сохранением целых стихов и выражений стихотворную редакцию, а затем, начиная с оправдания куром своего многоженства, переходит к прозаической версии, к которой в конце добавляет еще новую подробность — кур просится отпустить его в монастырь. Этот эпизод, составляющий индивидуальную особенность данного списка, изложен рифмованными строками, в стиле стихотворной редакции. Что мы имеем в данном случае не прототип стихотворной редакции, а ее неудачное сокращение, видно из нескольких мест, непонятных без разъяснений полного текста; напр., совершенно неожиданно и необоснованно лисица говорит куру, добивающемуся узнать ее имя: «тебя же вижу спасенна, пророчества дару сподобленна», — тогда как на самом деле кур, удивленный тем, что неизвестный зверь называет его по имени, обращается с этими словами к лисице. Ниже лисица, расска-

зывая о своей благочестивой жизни, правильно относит эти слова к себе: «аз емь давно в пустыни скитатися стала и пророчества дар прияла». Очевидно, первая ошибка произошла от неудачного сокращения диалога. Таким образом, мы действительно имеем в данном списке результат слияния двух редакций — факт любопытный особенно потому, что список датируется первой четвертью XVIII в., когда, следовательно, и стихотворная редакция была уже налицо.

Другой более интересный вариант смешанного типа дает сборник Гос. Пуб. Биб. им. Салтыкова-Щедрина О. XVII. 17, второй половины XVIII в. Он изложен прозой, прерываемой иногда рифмованными строками, и в целом дает несколько распространенный и стилистически украшенный пересказ прозаической редакции, в которую вставлен в очень кратком виде диалог кура и лисицы по поводу ее имени. Этот диалог также передан прозой, но отдельные выражения указывают на стихотворную редакцию как на источник его. «Роца татарская» нашего списка заменяет «дуброву зелену» стихотворной редакции; «посла мя господь бог тебя увещати и призывати к покаянию» — ср. «бог мною тя призывает» в стихотворном тексте; «имени твоего не допытаюся... научи тя именем нарипати» — кратко передается в прозаическом списке: «повеждь ми о имени твоём»; стихотворный титул лисицы — «по божией благодати лисица, преподобная мати, старая красная диввица» — передан: «преподобная и убогая, кроткая и смиренная вдовица, чернубурая лисица». Лъстивая речь кура к лисице — «сладкая и красная беседа твоя меня удивляет... и зело умиляет» — сохранена хотя и в пересказе: «таковыя умилныя и прелесныя словеса мне предлагая вещаеши, что аз таковых словес, как и родился, не слыхал». Размышления кура о том, почему лисица так усердно приглашает его на землю — «а ведает, что лисицы кур едят охотно, того ради созывает его доброхотно» — в смешанном тексте обратились в прямую речь: «на землю с сего древа приглашаеши, и снити ми повелеваеши. Но лисица обыкла нашею братьею курами питатся». В стихотворной редакции лисица опровергает это обвинение — «и не точию, что мясных снедей снедаю» и далее подробно описывает свое воздержание; в сп. О. XVII. 17 это передано кратко: «давно никакова я мяса не ем» и т. д.

Число этих примеров можно увеличить, но и они показывают, что, свободно обращаясь со стилистикой своего оригинала, наш редактор все же сохраняет основные мотивы вставленного им диалога. Обработывая прозаическую версию, он также обнаруживает свой литературный вкус: стремление к напыщенной, приподнятой речи, некоторый гиперболизм выражений,

любовь к нагромождению эпитетов, синонимов, усиливающих впечатление. Уже в начале текста у него появляются замысловатые эпитеты, вроде «преизпрещренный», «сладкоперистый», «громковоспеваемый» и т. д., даже обычное имя кур сопровождается славянским пояснением — петел. Похвала курову голосу принимает явно гиперболический вид: от него «беси опровергаются, а еретики исчезают, небо и земля радуются и веселятся, реки восплещут, горы возыграют». Кур отвечает в таком же приподнятом тоне: таких «прелесных словес», как от лисицы, он не слышал «от отца, деда и прадеда своих»; к обычному «возопил великим гласом» наш редактор для усиления добавляет: «закрычал, закультыхал»; лисица наделяет кура подряд следующими эпитетами: «блудник бл...н сын, вор, мошенник, плут, разбойник, супостат и разоритель мой». В связи с общим стремлением несколько приподнять речь, добавляется ряд длинных цитат из св. писания.

В этом же тексте наблюдаются следы как бы вторичных добавлений из басен. Новая деталь в речи кура, оправдывающего свое множество, — «много жен содержал, чтобы более у мене детей плодилось и множилось и пищею нами и детьми моими и яицы люди доволствовались неоскудно» — напоминает в басне «о коте и алектрионе» (перевод Гозвинского) слова петуха по тому же поводу: «и сие на ползу своим господием и владыкам творити глаголаше, и ради сего многия яицы рдятся». В XVIII в. эту басню знали не только по первому переводу Гозвинского, но и по сборнику «Зрелище жития человеческого», переведенному в 1674 г. (см. ркп. Гос. Публ. Библ. Софийск. 1496, л. 40 об.). Другая новая деталь, вошедшая в данный список повести, сближает ее с басней «Тати и петел», известной в переводе басен Эзопа 1700 г. Восхваляя голос кура, лисица говорит в этом варианте повести: «воры и мошенники трепетны бывают и велии ужасаются, чтобы им пойманным не быти, и в твое куроглашение от воровства устраниются» — в соответствии с названной басней, где воры уносят кура и ставят ему в вину то, что он мешал воровать. Для XVIII в. такое хорошее знакомство с баснями засвидетельствовано переделками их сюжетов в рифмованные жарты,¹ воспоминаниями современников, которые указывают на басни Эзопа, как на учебную книгу, применявшуюся при преподавании французского языка.²

В противоположность всему тексту повести, значительно олитературенному в данном списке, конец, где добавлен совершенно новый эпизод,

¹ В. Адрианова-Перетц. Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII в. Изв. РЯС, 1930, кн. II.

² Записки А. Т. Болотова, т. I, СПб. 1875, стр. 110.

резко выделяется своей разговорной речью, пересыпанной бранными выражениями. Этот конец для нас особенно любопытен тем, что он целиком усвоен был устной сказкой. Вместо обычной трагической развязки, в этом варианте мы имеем комическую: лисица, заслушавшись речей петуха о прелестях жизни просвирни, «ослабила когти», кур взлетел на дерево и оттуда издевается над лисицыной неудачей, а она, посрамленная, уходит в лес. Возможно, что и этот новый эпизод возник не без влияния басенной традиции, где лиса часто оказывается одураченной. Об этом эпизоде подробнее речь будет ниже при анализе устных сказок. Конечно, не данный именно список лег в их основу, но тот тип, к которому он принадлежит. И этот тип ясно подчеркивает ту линию, по которой пошло в XVIII в. развитие повести о куре и лисице: эта линия — усиление занимательности сюжета.

В том же направлении переработан третий смешанный список повести (Забелин, 536, л. 261). Этот текст в первой части очень кратко прозой резюмирует начало стихотворной редакции, но в остальном идет за прозаической повестью, расцвечивая ее новыми подробностями. Уже в заглавии лиса получает новое отчество — «Захарьевна», чем сразу приближается к сказочному типу лисы. По образцу рассказа о ночном визите лисы в курятник построен в этом варианте новый эпизод: лиса укоряет кура в том, что он выдал своим криком ее приятеля волка, когда тому захотелось «нутром боранинки или поросятинки, и он пошел бедной в деревню к крестьянину на двор». Как и предыдущий вариант, этот список заканчивается сказочной прибауткой: «Куру смерть, лисе слава, дьякону сала, попу корова, дьячкам желвак, понамарю болетов, просвиrne курок и всему тому конец».

Как видим, эти смешанные списки представляют как бы переходную ступень к устным вариантам повести, приближаясь к ним отдельными приемами сказа.

V

В устной традиции наша сказка бытует по преимуществу на Севере, где последние записи ее сделаны в 1928 г., но встречается и в средней полосе, а небольшой отрывок записан и в б. Харьковской губ. Изданы следующие сказки:

1. А. Н. Афанасьев. Русские народные сказки, изд. 3-е, М., 1897, т. I, № 4, варианты а, б, с — из Пермской и Калужской губ.
2. Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908, стр. 51.
3. А. М. Смирнов. Великорусские сказки Архива Русского географического общества. Т. II. Пгр., 1917, стр. 756 — из Пермской губ.

4. А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины. Изд. 2-е, СПб., 1894, т. I, стр. 212 (то же переизд. А. И. Соболевский. Великорусские песни, т. VII, СПб., 1902, стр. 404).

5. О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. Изд. 2-е. М., 1921, стр. 112.

6. Сказки и песни Переяславль-Залесского уезда. М., 1922, стр. 97.

7. М. Драгоманов. Малорусские народные предания и рассказы. Киев, 1876, стр. 363.

Кроме этих напечатанных текстов, две записи из Мезенского уезда б. Архангельской губ., сделанные в деревне Палащелье в 1928 г. А. И. Никифоровым, были любезно предоставлены мне для настоящей работы собирателем, за что приношу ему искреннюю благодарность.

Отсутствие исследований о литературной повести о куре и лисице в свое время привело к тому, что изучавшие устную сказку с тем же сюжетом запутались в параллелях к ней и пришли к совершенно фантастическим выводам о ее происхождении и дальнейшей судьбе на русской почве. Минуя совсем необоснованное мнение о популярности сказки во «времена летописца Нестора», так как де в одном из списков Пчелы есть изречение: «не красен позор лисица в курятах, того же нестройнеея учитель неподобен», я остановлюсь лишь на характеристике сказок о петухе и лисице в специальных работах по истории животного эпоса.¹

Л. Колмачевский в книге «Животный эпос на Западе и у славян» (Казань 1882, стр. 93—110), привлекая варианты сказки о куре и лисице, помещенные у Афанасьева и Драгоманова, считает их «занесенными прямо с Запада» (стр. 101), отмечая лишь, что «в русских вариантах, сравнительно с западными, более резко выделяется сатирический элемент, являющийся с архиерейскими пирами, духовными должностями и т. п., понятно местным наслоением» (там же). В основе русских вариантов Колмачевский предполагает общий источник с грузинской версией, указывая в то же время, что на них «в известной мере повлияла баснь о коте и петухе, проникшая на Русь при посредстве Византии» (стр. 103). Зависимость русских сказок от западных версий мотивируется и тем, что в них петух появляется на высоком дереве или на дубу (стр. 104 — тот же мотив есть и в баснях Эзопа. В. П.). Заключительный вывод Колмачевского — «следует поставить

¹ Краткие замечания о сказке Сахарова (Русские народные сказки) и Афанасьева (Русские народные сказки, т. I) изложены в книге В. Боброва Русские народные сказки о животных. Варшава 1909, стр. 74 отг. из Русск. Фил. Вестн.

славянские сказки в прямой зависимости от литературных обработок животного эпоса на Западе» (стр. 110) — остается совершенно необоснованным, так как автор рассматривает поздние записи сказок вне всякой связи их с литературными русскими обработками того же сюжета. Не выделив основного ядра сказки, Колмачевский производит сопоставления случайно выхваченных деталей, поэтому и параллели к ним находятся то в «византийской басне», то в грузинском эпосе, то в западных рассказах. Между тем, ни один из этих источников не объясняет главной характерной черты русских вариантов — появления лисы в роли исповедницы.

В. Бобров (назв. соч.) предполагает, не имея на это никаких данных, кроме приведенного выше изречения Пчелы, что устная сказка о петухе и лисице действительно существовала «во времена летописца Нестора», но без мотива исповедания петуха, так как, по его словам, «русские звериные сказания вообще чужды всякой религиозности» (стр. 74). Поэтому эпизод об исповедании петуха есть «искажение», результат позднего книжного влияния, как и «сатирический элемент» (там же). «Создался ли этот эпизод на самостоятельной почве, или заимствован, сказать трудно; очень может быть, что западные литературные обработки имели влияние и на нашу сказку. Там этот эпизод довольно распространен».

При обзоре отдельных вариантов сказки Бобров недоуменно отмечает то «какой-то церковно-славянский язык», то притчу о мытаре и фарисее, тогда как, по его словам, «в наших звериных сказках не встречается никаких притч» (стр. 75), то «натянutosть, искусственность варианта», выражающуюся в том, что петух все-таки спускается на землю; странными ему кажутся слова петуха: «что он книги горазд читать и что у него голос хорош». Не подозревая, очевидно, что все, вызвавшие его недоумение, места целиком повторяют литературную повесть о кура и лисице, Бобров так формулирует свой окончательный вывод: «По искусственности, натянutosти, сатирическому элементу и по мотиву об исповедании петуха лисой эта сказка более подходит к западным версиям, чем к русским звериным сказкам, из которых ни одна не дошла до такой степени искажения первоначальной чистоты» (стр. 76).

В этом выводе правильно одно: действительно сказка о петухе и лисе-исповеднице совсем непохожа на другие животные сказки, хотя общность имен действующих лиц несомненно ассоциировала в сознании исполнителей этот сюжет с другими приключениями лисы; кроме механического слияния его с ними в некоторых вариантах, и общая характеристика одуроченной лисы, несомненно, примыкает к привычному сказочному облику ее. Но при-

чину этого своеобразия сказки надо искать не в «искажении» какого-то первоначального сюжета с помощью западных образцов, а в том, что и сама-то сказка о петухе и лисице есть сравнительно поздно усвоенная книжная повесть. К обоснованию этого вывода я и перехожу, но предварительно следует несколько остановиться на вопросе об отношении нашего сюжета к тому «западно-европейскому животному эпосу», на который ссылаются и Веселовский, и Колмачевский, и Бобров. Все они разумеют под ним для данного случая роман о Ренаре, как аналогию сюжету о лисе-исповеднице. Но действительно ли эта аналогия так близка, что можно серьезно ставить вопрос о заимствовании?

В романе о Ренаре столкновение его с Шантеклером лишь одним напоминает нашу повесть-сказку: и там Ренар обманом овладевает петухом, обманом же последний и спасается от него. Но в западном животном эпосе лиса не исповедует — она сама исповедается в своих грехах. Дерево в романе о Ренаре — это не то место, откуда Ренар сманивает петуха, а то, куда он спасается от него. То немногое, что роднит нашу сказку с романом о Ренаре, не составляет исключительной принадлежности этого романа: сходные мотивы мы найдем и в баснях Эзопа, которые, как известно, хорошо были знакомы на Руси с начала XVII в., между тем как о переводе романа о Ренаре мы не имеем никаких сведений. Поэтому нет никакой надобности связывать непосредственно нашу повесть — сказку о куре и лисице с романом о Ренаре: повесть для своего оригинального и связанного с русской действительностью сатирического замысла воспользовалась басенной схемой, а содержание устной сказки целиком покрывается этой повестью. В дальнейшем анализе русской сказки я отхожу поэтому от шатких предположений о связи ее с западно-европейским животным эпосом и попытаюсь объяснить ее происхождение из вполне реального книжного материала, который, между прочим, сразу дает оригинал чуждого роману о Ренаре образа лисы-исповедницы.¹

Все сказочные варианты, несмотря на различный объем их, разную манеру рассказа, далеко неодинаковую сохранность, объединяются, несомненно, общим источником — прозаической повестью о куре и лисице, притом той особой редакции, где рассказ кончается тем, что кур спасается от лисы и издевается над ней (см. О. XVII. 57). Если мы исключим из двух вариантов — Ончукова и Никифорова — поздние и, видимо, сравнительно

¹ Обширная область западных и восточных фабль не дает ничего, кроме отдаленных параллелей к сюжету повести сказки о куре и лисице, поэтому в вопросе о происхождении нашего сюжета может быть оставлена в стороне.

недавние добавления отдельных выражений из текста Старичка-Весельчака (эта книга имеется у крестьянина, рассказавшего А. И. Никифорову эту сказку), то все остальное содержание всех вариантов целиком покрывается прозаической повестью о кура и лисце. Отдельные эпизоды нередко бывают переставлены, иногда даже перепутаны (в варианте Смирнова лисца приглашает кура в певчие, а не он ее в просвири), от некоторых эпизодов остался лишь намек, смысл которого неясен без сопоставления с книжным источником, и, тем не менее, этот прототип всех сказок сохраняет в них совершенно отчетливые следы, и именно в тех особенностях, которые казались такими непонятными и неожиданными в сказке Боброву.

Состав всех сказочных вариантов показывает, что устная сказка с самого начала своего отдельного от повести существования произвела отбор эпизодов из нее, выбросивши то, что в новой среде было малоинтересно: длинные убеждения лисы в необходимости покаяния, церковные доказательства греховности петуха, его оправдания. Зато прочно привились в сказке бытовые моменты повести, особенно рассказ о посещении лисой курятника, который в большинстве наиболее развитых вариантов занимает центральное место и служит завязкой всего дальнейшего повествования. Варианты Гильфердинга, Овчукова, Афанасьева вар., а, и Никифорова, удваивая рассказ, начинают его именно с описания того, как лиса пришла красть куренка, петух прогнал ее своим криком, поднявшим хозяев, и она, отлежавшись в лесу, подкарауливает его на дереве в одиночестве и здесь пытается отомстить за свою обиду. То, что в повести было лишь второстепенным эпизодом, одним из обвинений, и притом далеко не самым важным, против кура, в сказке выдвигается на первый план. Понравился в новой среде и рассказ о приглашении лисы в просвири и, как приманка, заставляющая лису забыть себя и выпустить своего пленника, он фигурирует во всех полных вариантах. Мало связанное с ходом действия и никак не влияющее на него упоминание о приглашении петуха в певчие забывается сказкой часто.

Выбор окончания в сказке свидетельствует о том, что сюжет ее расценивался как комический; отсюда предпочтение счастливой развязки и хорошо сохраняющаяся последняя часть рассказа — насмешка петуха над одураченной лисой. Сравнительно с книжной повестью, в сказке действие двигается быстрее, освобожденное от всех длинот. Оттого, вероятно, совсем не привилась в устных пересказах стихотворная редакция и, хотя на Севере сборник Старичок-Весельчак до недавнего времени встречался в крестьянских избах как книга для чтения, следы его редакции повести

о куре и лисице остались только в виде отдельных выражений, вставленных в обычный сказочный текст (см. варианты Оячукова, Никифорова).

В связи с общей установкой на занимательность, стоит и стилистическое оформление сказок о лисе-исповеднице, манера их сказывания. Прибауточные выражения, ритмическая речь, словом, так называемый «скомороший ясак» характерны для этих сказок. В процессе рассказывания они втягивают в себя привычные формулы устной поэтики, иногда даже совсем, казалось бы, некстати. Так, напр., Кривополенова описывала красоту кура такими выражениями: «Духовно ты дитятко, красота твоя несказанная, брови твои, как у соболя, очи твои, как у сокола, шпечки твои, как маков цвет» (вариант Озаровской, стр. 112). В другом варианте петух передает отзыв о нем митрополита: «молодец я добрый, платье цветно...» (вар. Переясл.-Залес.). Вариант Оячукова (и его продолжение — вариант Никифорова) обнаруживает особенное тяготение к прибауточной речи: лисица там заходит «ва боярский дом, хотела сись из телятника теленка, из курятника куренка, от бабы робенка, от суки щененка, от овчи ягненка, от кобылы жеребенка». Погоня за лисой описывается в той же манере: «старые старухи с лопатами, с ухватами, старые старики с топорщиками, с коромыслами, малы робята с мутовками, с колотовками...» и т. д.

В одном варианте (Гильфердинга) сказка о петухе и лисице подверглась любопытной переделке — она стилизовалась под старины, поется специфическим былевым напевом и стихом, удваивает сюжет, давая оба типа развязки: первый раз петух спасается, второй — лиса съедает его.

Вычтя все стилистические изменения, какие потерпел сюжет, живя среди других жанров устного творчества, мы получим ту канву, на которой отдельные рассказчики вышивали привычные узоры, каждый в зависимости от своего личного вкуса, тянувшего его или к спокойному эпическому рассказу или к веселому бойкому «скоморошьему ясаку». Эта канва целиком объясняется литературным источником сказки в виде прозаической повести о куре и лисице, и никакого остатка на долю старой сказки, существовавшей будто бы «во времена летописца Нестора», не получается. Книжному влиянию нечего было «искажать», как думал Бобров, потому что не на что было наслаиваться: ни в одном варианте нет никаких добавочных, по сравнению с книжной повестью, эпизодов, в которых можно было бы искать следы этого неизвестного древнего рассказа о лисе.

Таким образом, устная сказка о лисе-исповеднице представляет заключительный момент в жизни литературного памятника, возникшего в первой половине XVII в.: первоначальный замысел старой сатиры постепенно

забылся, по мере того, как терял остроту затронутый в ней вопрос, и сюжет, пройдя через городскую мелкобуржуазную и разночинную среду XVIII в., докатился до крестьянской массы, как юмористическая сказка, примыкающая к аналогичным рассказам из животного мира.¹

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Текст прозаической редакции повести о куре и лисице издается по списку собрания Забелина № 536 (855), второй половины XVIII в. лл. 51—55 с вариантами по спискам Государственного Исторического музея № 669, первой четверти XVIII в. (И) и по Житомирскому сборнику Биб. Всеукр. Академии Наук, начала XVIII в. (Ж).

2. Текст смешанной редакции издается по списку собрания Забелина № 536 (855), второй половины XVIII в., лл. 261—265.

3. Устный пересказ прозаической редакции издается по записи, сделанной А. И. Никифоровым в д. Палащелье Мезенского уезда б. Архангельской губ. от Новикова Сидора Алексеевича, в 1928 г.

4. Текст стихотворной редакции издается по сп. собр. Забелина № 536 (855), второй половины XVIII в., лл. 108—123 об. Варианты из других списков в издание не включаются, так как они ограничиваются незначительными пропусками отдельных слов и выражений, без какой бы то ни было определенной направленности, либо представляют собой механические пропуски, объясняющиеся потерей листов, как в сп. Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде Q. XIV. 27. Последнее обстоятельство заставило предпочесть для издания более поздний список. Ограничиваюсь исправлением явно ошибочных мест по списку Q. XIV. 27.

Все тексты печатаются упрощенной орфографией: ъ заменяется е, і — и, ь в конце слов опускается.

1

(л. 51) Сказание о куре¹ и лисице.²

³ Стоит древо высоко и прекрасно, а на том древе сидит кур велегласны громкогласны, громко воспеваает, Христа прославляет, а христиан от сна

¹ Последний по времени отголосок сказки о куре и лисице находим в романе Н. Кочина «Девки» (Москва, 1933, стр. 26), где отец, укоряя сына за распущенность, говорит: «Ты как петух, у тебя 70 жен, ты всегда грешен» — ср. в варианте Афанасьева, записанном в Бобровском уезде Воронежской губ.: «Петушок, петушок... у тебя 70 жен, ты завсегда грешон» (т. I, изд. 4, стр. 4).

² петухе И. ³ доб. как седел на древе, а лисица кура к себе з древа манила Ж; како лисице прелсти петуха и предав смерти И. ³⁻⁴ приде в некое время лисица тайно ко двару крестьянскому и вниде лисица в курник Ж; *прот.* И.

возбуждает. И под то древо, к тому сидящему на древе к велегласному х куру пришла к нему ласковая лисица и стала ему говарить лестными своими словами, глядя на то высокое древо.⁴

И рече куру лисица: «Чадо мое⁵ милое,⁶ громкогласны⁷ кур, вознеслся еси ты⁸ на прекрасное древо, красота твоя неизреченная, глас твой на⁹ небеси,¹⁰ а косы твои¹¹ до¹² земли,¹³ а коли запоеш, аки в трубу златокovanную затрубиш. Сниди ко мне к преподобной жене лисице,¹⁴ и аз тя приму на покаяние с радостью, и приемлши от меня прощение¹⁵ грехов своих¹⁶ в сем¹⁷ веце¹⁸ и будущем».

Отвеща кур лисице:¹⁹ «Госпожа моя,²⁰ преподобная²¹ мати лисица, сахарныя уста, тяшки²² суть грехи мои,²³ zde умру, а к тебе,²⁴ госпожа моя лисица,²⁵ не иду,²⁶ понеже язык твой лстив, уста твоя полны суть неправды».²⁷

(об.) Отвеща лисица х куру: «Чадо мое²⁸ милое,²⁹ доброгласное куря,³⁰ чему тебя бог посетил,³¹ глас твой страшен, всех людей устрашает,³² и вси люди гласа твоего боятца, от сна своего вставают.³³ Послушай,³⁴ куря,³⁵ моего учения своя матере лисицы. Помниш ли ты, чадо,³⁶ как во святых³⁷ книгах пишет: не долго спите³⁸ и не долго лежите, вставайте рано,³⁹ молитесь богу, да не видете в напасть. Тако ж и в притчах глаголет: много лежать, добра не добыть,⁴⁰ горя не избыть,⁴¹ чести и славы не нажить,⁴² красных риз не насыть, медовыя чаши не пить, слаткого куса⁴³ не есть, умному не быть, в дому⁴⁴ господину не слыть, власти не видать,⁴⁵ князям милу не быть.⁴⁶ А твой глас страшен, всех людей устрашает,⁴⁷ а не хочеш ты от меня праведнаго покаяния прияти, и ходиш ты по земли, аки свиния⁴⁸ в кале валяешия,⁴⁹ во гресех своих.

Сниди ко мне⁵⁰ на покаяние, и я дам там тебе праведное покаяние,⁵¹ и аще народ⁵² услышит глас твой, не могут изглаголати доброты и смире-

5-6 *проп.* И. 6-7 прекрасное Ж; доброгласное И. 8 *проп.* ты Ж, И. 9 до Ж, И. 10-11 язык твой Ж. 12 *доб.* лица И. 13-14 на древе сидиш, но тяшки грехи твориш Ж; на древе, но тяжки суть греси твои И. 15-16 *проп.* Ж, И. 17 во всем Ж. 18 вещем И. 19-23 *проп.* И. 20-21 *проп.* Ж. 22-23 заповеди твои Ж. 24-25 на покаяние Ж, И. 26-27 уста твоя лстивы язык твой полон неправды Ж; судом неправду И. 28-29 *проп.* И. 30-31 ничем тебя не утешила Ж; чем тебя бог испотешил И. 32-33 *проп.* И. 33 *доб.* глас твой честен, аще бы, чадо мое, не было бы ты на земли, как бы можно человеку от сна своего стати Ж; глас твой чтен, аще запоеши, что в златокovanную трубу затрубиши а не хочещи ко мне на покаяние ити, а хочещи во гресех своих умрети И. 33-40 чадо мое доброгласное, куря, лежа добра не нажить И 34-35 ты, прекрасное чадо Ж. 36 *доб.* мое прекрасное куря Ж. 37 *проп.* святых Ж. 38-39 *проп.* Ж. 40 не видати Ж. 40-41 а грехов не минути Ж. 42 не получитьи Ж. 41-42 покаяния не получитьи И. 43 ествы Ж. 44-63 господина не видать И. 45-46 князьми не бывати Ж. 47 *доб.* аще когда запоешь, аки в златокovanную трубу затрубишь Ж. 48-49 калом обмазан Ж. 50 *доб.* чадо мое милое, кура доброгласное Ж. 51-52 как бы Ж.

ния твоего, а ты, мое милое чадо куря,⁵³ хочеш во гресех своих тяжких умрети⁵⁴ без покаяния.

Сам ты,⁵⁵ чадо милое, чтеш притчу о мытаре и фарисеи, пришед з гордостью⁵⁶ на покаяние⁵⁷ и спасения не получить,⁵⁸ но и паче погрешить.⁵⁹ Тако и ты⁶⁰ осужден будеш, чадо мое милое, в муку вечную и во тму кромешную.⁶¹ Сниди (л. 52) ко мне на покаяние, и да спасешися и прощен будеш во всех гресех своих⁶² и внидеш в царство небесное.»⁶³ И сама лисица прослезися горко о гресех куровых⁶⁴ и рече к нему лисица: ⁶⁵«Горе тебе, окоянны куря, ходиш ты на земли без покаяния⁶⁶ и не ведаеш, в кой час смерть придет». Рече же х куру лисица: ⁶⁷«Чадо мое милое куря, душеполезная моя словеса слышав,⁶⁸ давно бы ты сошел ко мне на покаяние».

Кур же, на древе сидя, прослезися горко, слышав же душеполезная словеса от преподобныя жены лисицы, поминаючи грехи своя окоянныя, и почел спущатца к лисице на землю,⁶⁹ з древа на древо,⁷⁰ с ⁷¹сучка на сучок,⁷² с куста на кустик, с пенка на пенек, и скочил кур⁷³ и сел у лисицы на голове.

И ⁷⁴взяла ево лисица в кохти и згнела его крепко и завопил кур великим гласом⁷⁵ и рече кур лисице: ⁷⁶«О мати моя лисица,⁷⁷ то ли мне от тебя праведное покаяние?»

Лисица же скрежеташе зубы и, глядя на него немилостивым⁷⁸ оком, аки диавол немилостивы на христиан, поминает грехи куровы и яряся ему.⁷⁹

Рече кур лисице:⁸⁰ «Что суть грехи мои,⁸¹ то ли мне от тебя праведное покаяние?»⁸²

Отвеща лисица х куру⁸³ с великим гневом и яростию: (об.) «Куря, злодей и чародей,⁸⁴ как ты⁸⁵ бога не боишися,⁸⁶ закон престапаш? Помниш ли ты ⁸⁷святыя книги и ⁸⁸как в правилах⁸⁹ святых отец⁹⁰ пишет: одна жена понять по закону,⁹¹ а другую понять⁹² для детей, а третью понять чрез

⁵³ *доб.* не хочеш ко мне притти на покаяние Ж. ^{54—55} как ты Ж. ^{56—57} *проп.* Ж. ^{58—59} на большее осуждение бысть, мытар же сердечным покаянием приде и спасен бысть Ж. ^{60—61} *проп.* Ж. ⁶² *доб.* тяжких Ж. ⁶⁴ своих Ж, И. ^{64—65} *проп.* Ж. ^{66—67} *проп.* Ж, И. ⁶⁸ от праведной жены лисицы Ж, И. ^{69—70} *проп.* Ж, И. ^{71—72} *проп.* Ж, И. ⁷³ *доб.* к лисице на землю Ж, И. ⁷⁴ *доб.* яко змии доблественне прелсти куря И. ^{75—77} от лисицы Ж. ^{76—80} *проп.* И. ^{78—79} и злым своим окоянным оком аки злодей Ж. ⁸⁰ *доб.* госпоже ты мати моя лисица, почто на мя зло яришися Ж; *доб.* госпожа лисица, что на мя зло зриши, что немилостиво И. ^{81—82} *проп.* И. ^{83—84} с великим гласом: великое твое злое согрешение, повинен ты еси смерти, о беззаконнице, злодей Ж; О куря, великое твое прегрешение И. ⁸⁵ *доб.* злодей И. ⁸⁶ *доб.* а людей не страмишися Ж. ...людей добрых не... И. ^{87—88} *проп.* И, Ж. ^{89—90} *проп.* И. ^{91—92} и аще умрет, то по нуже поняти рада поняти вторая жена строения Ж; сие единая умрет, то по нужде вторая поняти да многа ради строения И.

закон прелюбодейние⁹³ (ради).⁹⁴ А ты, лихой человек,⁹⁵ злодей и чародей, законопреступник,⁹⁶ держеш ты у себя много жон по двадцети и по тритцати и болши.⁹⁷ Как твои не великия суть грехи,⁹⁸ да за твои грехи⁹⁹ предам ты¹⁰⁰ злой¹⁰¹ смерти». ¹⁰²

¹⁰³И рече кур лисице: ¹⁰⁴«Послушай,¹⁰⁵ госпожа моя¹⁰⁶ мати лисица, помниш ли ты, как в бытиях пишет: земля стала и нача полниться. Сиде ¹⁰⁷плодиться и ростиися и умножите землю. О сиротах и о вдовицах всякое попечение имейте и ¹⁰⁸пекитесь¹⁰⁹ велми, то будите наследницы царствия небесного». ¹¹⁰ И хочет¹¹¹ от нея кур¹¹² праведного покаяния.

И отвеща лисица куру с великим гневом:¹¹³ «Злодее курия, и яко ты бога не боишия, а людей добрых не стыдишися,¹¹⁴ закон престаупаеши,¹¹⁵ а брата¹¹⁶ своего¹¹⁷ ненавидиши,¹¹⁸ и где с ним не сойдесся, тут¹¹⁹ ты с ним болна¹²⁰ бьешися¹²¹ за которую обиду, а толка и обиды,¹²² беззаконники вы, промежу себя за свои ревнивыя жены и наложницы многия ради¹²³ для прелюбодейния. И потому я тебя осудила за твои великия грехи, повинен ты еси смерти. ¹²⁴

(л. 53) Да помниш ли ты, лихой человек,¹²⁵ кали я была галадна, ¹²⁶изнили меня злыя дни, нечиво мне было ясти,¹²⁷ и аз ела чеснок да ретку, и тем я себя сарамоты даставила. ¹²⁸

И пришла я х крестьянину¹²⁹ на двор,¹³⁰ где у него сидят куры,¹³¹ и ты, лихой¹³² человек, закричал¹³³ на сонных людей, будта тебя взбесила¹³⁴ или варагуша¹³⁵ подымала. И гуся тогда загоготали, и свиньи там завижжали, ¹³⁶

⁹³⁻⁹⁴ так Ж, И. здесь роду. ⁹⁴ доб. а четвертая жена отнюд не подобает иметь Ж 94-96 проп. Ж. ⁹⁵⁻⁹⁶ проп. И. ⁹⁷⁻¹⁰² проп. Ж. ⁹⁸⁻⁹⁹ несть тебе покаяния И. ¹⁰⁰⁻¹⁰¹ проп. И. ¹⁰³⁻¹¹⁵ проп. Ж. ¹⁰⁴⁻¹⁰⁵ проп. И. ¹⁰⁶⁻¹⁰⁷ писано во святых книгах И. ¹⁰⁸⁻¹⁰⁹ печалитися И. ¹¹⁰ доб. и глагола кур лисице вся по ряду от Адама и до сего дни, как земля наполнитися И. ¹¹¹⁻¹¹² проп. И. ¹¹³⁻¹¹⁴ о прокляты куры, великое твое согрешение, повинен еси смерти, как ты, злодей, не срамишися И. ¹¹⁶ друга И. ¹¹⁷ доб. петуха Ж. ¹¹⁸ доб. где с ним не свидесся Ж. ¹¹⁹⁻¹²¹ он И. ¹²⁰ проп. болна Ж. ¹²¹⁻¹²⁴ за косы друг друга волочите, и приправу на главах и гребни свои до главы исклюете Ж. ¹²²⁻¹²³ беззакония ревнуется между своими женами и наложницами И. ¹²⁴ в сл. Ж. здесь ошибочно вставлен находящийся выше упрек в многоженстве, а потом опять повторяется отрывок о ненависти к брату, отсутствующий в других списках: «помниш ли ты, лихой злой человек, в правилех святых отец пишет: бога люблю, а брата своего ненавидишь. То ложь есть таковых пред богом. Несть то бог не любить, а брата своего ненавижу. Подобен ты еси смерти» — далее следует ответ кура, обычно читающийся ниже. ¹²⁵ доб. злой богоотступник, кровопивец, блудник, чрез законопреступник Ж. ¹²⁶⁻¹²⁷ проп. Ж, И. ¹²⁷⁻¹²⁸ проп. Ж; с великия кручины чеснок ела, что кроме не было, и аз такова жена доставила себе сором И. ¹²⁹⁻¹³⁰ проп. Ж, И. ¹³⁰⁻¹³¹ куриц красти Ж. ¹³² доб. злой, законопреступник Ж. ¹³³ завопил Ж; завопел в полночь И. ¹³³⁻¹³⁴ своим великим гласом. Али тя сбесило Ж; как бы тебя бешеная похватила И. ¹³⁵ поймала Ж; бить стала. Смерды же мужики за мною погналися з женами и собаками И. ¹³⁶ заворошала И.

а¹³⁷ мужики закричали,¹³⁸ а детки их услышали¹³⁹ и за мною погнались,¹⁴⁰ з жердьем и с ружьем и с соколием¹⁴¹ и ¹⁴²с собаками,¹⁴³ с вопом и з свистом, бутта я у них хатела отца удавить, а мать утапить,¹⁴⁴ а за што, за единого куря хатели¹⁴⁵ меня пагубить.¹⁴⁶ И мало мне топеря тебя, лихова человека, за то съесть. А власной ты как бес,¹⁴⁷ ни в кумовстве,¹⁴⁸ ни в сватовстве,¹⁴⁹ ни в роду, ни в племени,¹⁵⁰ и ни в какой ты нужи не бывал, не знаеш ты и не разумееш. И бутта у них кур не стало, что ты завопил и закричал мужикам, и мне ты саромоты доспел, и ¹⁵¹плохою¹⁵² женою поставил. Вся от тебя мне пакость,¹⁵³ от лихова человека. Сам ты ¹⁵⁴не велик,¹⁵⁵ толка перьем¹⁵⁶ дасаждаеш, а у меня же никто же тебя¹⁵⁷ ис кохтей моих не может избавить,¹⁵⁸ ни князь, ни ¹⁵⁹боярин, ни иной кой от велмож.¹⁶⁰ И повинен ты еси смерти».

Отвеща кур лисице:¹⁶¹ «Помниш ли ты,¹⁶² госпожа моя¹⁶³ (об.) лисица,¹⁶⁴ притчу: по каторой реке плыть, по той и славу творить. А у которого господина жить, тому и служить и волю ево творить. И во святом евангелисте пишет:¹⁶⁵ не может раб двема господином работать.¹⁶⁶ Тако ж и я,¹⁶⁷ госпожа моя лисица,¹⁶⁸ у крестьянина¹⁶⁹ жил,¹⁷⁰ хлеб ел и пшеницу я у них клевал, как ¹⁷¹жа добра им не хотеть? Тому и бог не поможет, кто хлеба и соли не помнет.¹⁷² Хлеб соль великое дело, без ¹⁷³него человек¹⁷⁴ не может жить ни единого часу.¹⁷⁵ А ныне ¹⁷⁶твой есмь¹⁷⁷ раб¹⁷⁸ до смерти,¹⁷⁹ и ¹⁸⁰добра хотети».

И рече кuru лисица: «А ты меня, смер(д),¹⁸¹ смердиною¹⁸² зовеш и ¹⁸³детей моих¹⁸⁴ соромотиш,¹⁸⁵ за то тебе быть снену от меня.¹⁸⁶ Слы-

137 *доб.* смерды И. 138—139 *проп.* И. 135—139 али ты с ума съзбрел, али ты во сне что не гаразно видел, и люди по твоему крику услышали и учили от (на своего ставати и меня увидели Ж. 140—141 на конях с копыями и с луками Ж; с пилами И. 142—143 *проп.* И. 143—144 как бы на них разгон или кабы отца погубили И; кабы я у них отца убила или матер убила, не гналися бы за мною Ж. 145—146 меня убить Ж; мою голову скусить И. 146—212 большой пропуск в сп. Ж до рассказа о приглашении в просвирни; вместо всего отрывка читаем слова, которых нет больше ни в одном списке: «Неповинна моя душа, хотя за мною и ездит и сами с убытками приехали домой: иной ногу изломил, иной голову сломил, иной руку изломил, иной ногу переломил, иной руку вышиб, иной шалку потерял, иной рукавицы потерял, а кони иные многие лошади изпадали, и собаки на век без ног стали. Повинен ты еси смерти, потому что мало меня лисицы не убили безвинны, а люди стали увечны и без живота от твоего крычания Ж. 146—147 А что у них великого дару хотела поместья или вотчины, толко бы мне едино куря кормленое, ино бы мне и полно, а сова блядь. потхилое гузно И. 148—149 *проп.* И. 150—151 ни в ближнем соседстве, а коли ею мужа не изоймет. но и та без куря за стол не сядет, а ты меня, лихой человек И. 152 аки простую И. 153 напасть И. 154—155 мал И. 156 *доб.* богат, а большим и сам людем И. 157—158 у меня не смеет отнять И. 159—160 велмоза И. 161—162 *проп.* И. 163 *доб.* мати И. 164—165 писано во святых книгах И. 166 *доб.* единого. возлюбит, а другаго возненавидит И. 167—168 *проп.* И. 169—170 *проп.* И. 171—172 за их И. 173—174 меня И. 175—176 госпожа мати лисица И. 177—178 человек и И. 179—180 тебе И. 181—182 материю И. 183—184 ты меня и тем И. 185—186 *проп.* И.

шала я¹⁸⁷ притчу: одному господину служить, а другому не грубить. А ты б меня тогда не оскорбил, а мужикам не дружил, а сам ты от меня теперь от смерти не избудеш». ¹⁸⁸

И рече кур лисице: «Госпожа моя лисица,¹⁸⁹ не одолей злобу злобою, одолей злобу благостынею. Царь же Давид написа: блажени милостиви, яко ти помиловани будут от бога. А я, госпожа моя лисица, ведаю и сам то, что аз недостойн птицам небесным и зверем земным ясти. Не одно время в полунощи зовуще, бога прославляюще. Помниш ли ты, госпожа моя лисица, при распяти господни рече господь Петру: Петр, трижды ты от меня (л. 54) отвержися. Петр же рече: господи, ниже не отвергуся от тебя николи же».

И рече куру лисица:¹⁹⁰ «Ты на то¹⁹¹ надеешися, что грамоте горазд,¹⁹² и отвещати умееш.¹⁹³ И тем¹⁹⁴ тебе¹⁹⁵ не отговоритца.¹⁹⁶ Повинен ты еси смерти. И тако мне тебя есть не для твоего храброго перья, для твоих неправедных и небылых словес лживых».

И рече кур лисице: «На чем ты еси, госпожа моя мати лисица, слово молвила, тем быть». И оправилася еси. Рече же кур лисице: «Госпожа моя лисица,¹⁹⁷ человек ты еси не ратной, и ратного оружия у себя не имеши. Прелстила ты еси меня лестными своими словами¹⁹⁸ и лживыми.¹⁹⁹ Поручил тебе меня бог в кохти за мои²⁰⁰ великия²⁰¹ грехи²⁰² и за мое безаконие и безумство.²⁰³ Пощади, госпожа моя лисица, не²⁰⁴ отжени [класа]²⁰⁵ незрелова и не пролей крови неповинныя²⁰⁶ напрасно.²⁰⁷

Лисица же удивися²⁰⁸ курову премудрому²⁰⁹ ответу, и²¹⁰ она ш згнела ево крепко,²¹¹ хотела куру живот скончать.

²¹² Завопил же кур великим гласом и рече: «Дай мне,²¹³ госпожа²¹⁴ моя лисица,²¹⁵ единое слово прамолвить.²¹⁶ Звал меня,²¹⁷ госпожа моя лисица,²¹⁸ крутицкой митрополит в подьеки, глас мой хвалил²¹⁹ велми сам митрополит,²²⁰ а петь бы мне у него на омбоне дишкантом тонко и высоким гласом.²²¹ И ты, госпожа моя лисица, (об.) отпусти меня, и аз стану давать

^{187—188} еси, богу молися и бесу не груби, меня еси смерти не избавил И. ^{189—190} отверзся от меня трижды И. ^{190—191} смерд напсолиты И. ^{192—193} проп. И. ^{194—195} от меня И. ^{196—197} и божественными словесы не отмолилися. Лисица молвила: правда, я то такова, что растовская дуда Госпожа лисица, что дуде слово, дуда есть игра скаморощья И. ^{198—199} проп. И. ^{200—201} за повинныя И. ^{202—203} проп. И. ^{204—205} нарешь класа И. *здесь гласа;* ^{206—207} проп. И. ^{208—209} скоро мудрому и скоро умному его И. ^{210—211} замахнула крыле И. ^{212—213} и отвеща кур лисице Ж; кур же рече И. ²¹⁴ *доб. ты мати Ж.* ^{215—216} проп. Ж, И. ^{217—218} в те поры Ж; проп. И. ^{219—220} проп. Ж, И. ^{220—221} и я в те поры голос свой уставливал и учился аз в те поры книжному учению и велел митрополит в те поры быть на крыласе, прилучился празник пение, а то ты, лисица, за те моя слова агневилася Ж; стоять мне на анбоне и пети деменством И.

тебе оброку з году и в год, чем ты изволиш пожелаеш брать. Что мне дает митрополит, то я стану тебе давать.²²² А буде ты,²²³ госпожа моя лисица,²²⁴ пожелаешь сама во власть итить, и мне можно упросить²²⁵ у митрополита,²²⁶ поставлю и я тебя в чин в просвирнической. И тебе будет добро канун(ы) молить, госпожа моя, сладкия,²²⁷ а просвиры мяхкия, а приходу²²⁸ очень много. Да я же тебе оброку стану платить сверх того по пятидесят рублей на год».²²⁹

²³⁰ И рече куру лисица:²³¹ «Подума(ла) бы я на²³² такую²³³ власть²³⁴ пойти,²³⁵ и ты меня²³⁶ обмановаш. А когда я была галадна, и когда я была недобычна, и тогда я приходила х крестьянину на двор, где у него сидят куры, и тогда б я тебя, злова человека, погубила б. А когда будеш у митрополита в подяках, а я буду в просвирницах, и ты,²³⁷ лихой человек,²³⁸ огласиш меня митрополиту небылными словами, а я тогда от тебя, злого человека, и от небылних твоих неправедных словес и до конца погибну. И мне гавариш, как бы тебе от смерти своей избыть».²³⁹

²⁴⁰ И рекла куру лисица:²⁴¹ «Не сули ты мне журавля в небе, токмо²⁴² дай синицу в руки.²⁴³ Не сули мне в год, сули в рот.²⁴⁴ (л. 55) А ты у меня и сам²⁴⁵ в руках,²⁴⁶ не дарого мне твое красное²⁴⁷ перья²⁴⁸ и твои лестныя слова. А я теперь сама галадна, хочу я тебя скушать, чтоб мне с тебя здоровой быть».

И тако сконча живот куру.

221—222 *проп.* Ж; и буди, госпожа моя, пустиши, и аз тебе свой оброк давать буду з году на год, чем меня ни обложиш, а будет жа, госпожа, прости меня пустишь И. 223—224 *проп.* И. 225—226 *проп.* И. 227 *доб.* госпожа лисица в просвирницы ино, госпожа, каноны сладкие И. 222—227 ты, мати моя лисица, послушай моих речей, я тебе сын, ты мати моя, устрою я тебя у Крутицкого митрополита в просвирницы и божественныя кавуны сладкия Ж. 228—229 многия, а будеш ты исть сахар, а пить сладкой мед, а от людей будеш почтена Ж; волость большая И. 230—239 *проп.* Ж. 230—231 *проп.* И. 232—233 *проп.* И. 234—235 *проп.* И. 236—237 *проп.* И. 238—239 и в путь учнешь облагать напрасно, и мне от тебя и тут погинуть будет. И ты, чадо мое возлюбленное петушек, тем ты меня не халуй, да не лети И. 240—241 *проп.* И. 241—242 «если ты мне жалованье Ж. 243—244 *проп.* Ж, И. 244—246 *проп.* Ж. 245—246 во блаженных лапах за курайти мечь И 247—248 гребень Ж, 248—249 дорого мне твое курово белое тело. И нача лисица кура потребляти и кура потрепа и сконча его всего и кости его забиша. То тебе, кура, за то, не пой рано, не буди людей, не вводи их в убытки. Куру вечная память, а лисице во веки слава Ж; И опованы глас, дорого мне твое белое тело. И тако лставив лисица сконча живот, а петуху вечная память, попу корова, дьячку кувшин браги, а просвирни кувшин молока, а пономарю книга, а кто прочитал, тому сто рублев в мощню, а хто слушал, тому по колачу, а кто не мешал, тому ничево И.

Сказание о куре и о лисице Захарьевне.

Сидит кур на прекрасном древе и перебирает свои перья и запел своим прекрасным гласом. И на ево глас пришла лисица и увидела ево на древе и звала ево со древа: «чадо мое милое, прекрасны куре, возлетел ты на прекрасное древо, красота твоя неизреченная, а косы (об.) твои висят до земли, а глас твои до небеси. На древе сидиш, а ничего ты не знаеш, что есть на тебе тяшки и велики грех паче всех человек. Соиди со древа ко мне на землю и прими от меня праведное покойние». Кур же слышав от нея тяшкое слово и скочил выше на древо и рече кур: «А ты кто еси такова?» И рече ему лисица: «Аз есть духовная жена лисица, прощаю и очищаю всякому человеку грехи». Отвеща кур лисице, «Прямая ты лисица Захарьевна. Слышал я про тебя (л. 262) от крестьянина, что ты старая воровка и обманщица, сука ездава и ездиди ты окола древа, прямая ты блять курятница и лестуха и лизунья и блинница, а не добрая ты жена. Поди ты к заицу от меня, обманываи ево, а не меня». Рече лисица куру: «О куре, бог тебя судит, что ты меня ослезил и обесчестил и всячески называеш, а я на тебя не могу насмотретися и везде я тобою похваляюся».

Рече кур лисице: «Что ты меня во всех словах своих обманываеш, (об.) чтобы я к тебе слес, а ты бы меня съела. Лутче мне здесь на древе сидеть, а к тебе лисице не лесть. Во что бог не поставит». Рече лисица куру: «Как тебе бес покойния умереть? Послушаи не меня, послушаи божие слово: неки два человека идоша в церковь помолитися богу, един фарисей а други мытарь. Фарисей не покаялся, в муку пошел, а мытарь покаялся, в царство небесное пошел. Буди и ты примеш от меня праведное покойние, то царство небесное получиш» (л. 263). Кур же слышав от нея тяшкое слово и скочил з древа на землю и поклонился лисице до земли. Лисица же ухватила ево за крылья и вывела ево на поле и стала ево бить и колотить об землю. Лисице кур закричал: «То ль мне от тебя праведное покойние?» Лисица же рече куру: «Ненависник ты рода человеческого, закона преступник, бога ты не боишися». И рече ему притчу: «Неки человек женился, возмет себе первую жену, но первая жена умрет, поемлет вторую, а буде вторая умрет, поемлет третью. А ты, бес, имееш у себя жен со ста. Да дересса с своим братом, меж своими женами до крови. Воскресение христово и празников господних не чтеши. Недостойн еси ты покойния. Только достоин смерти». Рече кур лисице: «Помниш ли, что в бытейских

книгах писано: родитесь и плодитесь и наполните землю и обладайте ею». Рече лисица куру: «Буди ты, бес, стал со мною от книг говорить, помниш ли ты свой грех: в некую пору была я госпожа голодна, в те поры ела я злое коренне хрен (л. 264) да ретьку и то ретко. От того я голодна была, пришла я в деревню х крестьянину на двор, искала, где у него куры сидят, и хотела единого куренка унести тихонько. А ты, бес, скричал своим озорным гласом, в те поры хозяева услышали и за мною побежали, бабы с кочерьгами, девки с помелами, будто за душегупцом. В те поры хотела я госпожа головы отстать, а ты, бес, кресьянину не пособил, а меня такую госпожу осрамил (об.) А ныне кто тебя от моих рук отимет». Рече кур лисице: «Помниш ли ты, что старые люди говаривали: по которой де реке плыть, тою славою слыть. Да не может един рап двум господином служить, единого возлюбить, а другого возненавидеть». Рече лисица куру: «То мне любо, что ты меня матерью называеш, тем ты не люп, что всячески бесчестиш (л.265), за то я тебя съем. Да еще я тебе слово скажу: есть на тебе тяшки и велики грех паче всех человек, погубил ты душу кума моего волка. Захотелось ему милому нутром боранинки или поросятинки и он пошел бедной в деревню х крестьянину на двор и хотел единого борашка тихонько, чтобы хозяин не слышал, а ты також закричал; в те поры смердя мужики (об.) крапивные семена услышали и за кумом моим волком погнались с работниками и с тапорами и с собаками и догнали его и убили его и кожу сняли с него, что с ярушки». И лиса Захарьевна завернула куру крылья и хочет ево съести. И кур закричал громким гласом: «Не еш ты меня скоро, даи ты мне бедному слово молвить: звал меня Крутицкой митрополит к себе жить, и я о тебе могу упросить, чтоп тебе в больших просвирнях быть» (л. 266). Рече лисица куру: «Не сули ты мне журавля в гот, даи мне синицу в рот. А я тебя съем». Лиса кура съела и перья разметала, никому нечего не давала. Куру смерть, лисе слава, дякону сала, попу корова, дячкам желвак, поваморю болеток, просвирне курок, и всему тому конец.

3

Начинаетца починаетца добрая повесть от сивка от бурка от вешчаго Каурка. Это не сказка, а присказка. Сказка будет в субботу повечер, когда поешь мяккого хлеба.

Шла мати лисица мимо кресьянского двора, хотела вытащить из куретника куренка, а из телетника теленка. В заднем нашести с курятами в одном месьти сидел вор Петуша. Он услышал, крыльям схлопотал, ногами

стопотал и крысным могучим гласом возопиял. Мужики услышали, оружия хватали; бабы лопаты, стары старухи ухваты, а малы ребята мутовки, колотовки.

Пошла мати лисица в лес, как горбатый бес, да три дня под ивовым кустом пролежала. Стала погода ясна, вылетел петух на дерево красно, взъехала мати лисица око ясно: «Шо же ты, вор Петуна, летаешь, бед избываешь, али нас зверей увидаешь?» — «Да, мати лисица, вас зверей увидаю». — «Эх, вор Петуше, не бывать тебе в пресветном раю, не пивать тебе из медной чяшы». — «Но, мати лисица, вижу в тебе много лесьти, хочешь ты меня съестьи». — «Вор Петуше, я 30 лет мясного не воскушаю». — «А не ты ле шла мимо хресьяньского двора, хотела выташчить из куретника куренка, а из телетника теленка? А я сидел в заднем нашесьте с курятами в одном месьте. Я услышал, ногами стопотал, крыльями схлопотал, крысьным могучим гласом возопиял. Ты пошла в лес, как горбатой бес». — «О, то не я была, то друга была. Есьли я бы знала, ведала, то с пула кожу содрала. Эх, уже 30 лет я мясного не вкушаю, не бывать тебе в пресветлом раю, не пивать из медной чяшы». — «А пошчо, мати лисица?» — «А потому шчо мужык одну жону имеет и кажный год на исповедь ходит, а ты сем жон имеешь, и ни один раз в год на исповедь не ходишь».

Вот петушок и призаслушался. Стал съ ветки на ветку перескакивать, упал на сыру землю. Мати лисица схватила в когти, впустила ногти, заворотила крылья на сторону. — «О, мати лисица, тяжело твое покаяние, видно мне в том сьмерть будет». — «Да, вор Петуше, видно сьмерть. Когда мне была нужна крайна, сьмерть голодна, я шла мимо хресьяньского двора, хотела выташчить из куретника куренка, а из телетника теленка, а ты сидел в заднем нашесьте с курятами в одном месьте. Не врагуш ле тебя подколола, ты услышал, ногами стопотал, крыльями схлопотал, и красным могучим гласом возопиял. Мужыки услышали, орудья хватали, бабы лопаты, а старые старухи ухваты, а малы ребята мутовки, колотовки. С того горя и печали я пошла в лес, да вот три дня под етим кустом пролежала». — «Мати лисица, ведь я жыл то у хресьянина да служыл то хресьянину. А есьли буду жыть у тебя, так и служить тебе буду. Мати лисица, я знаю месьтечко прекрасно». — «А где?» — «В просьвер. Ты будешь подпекать, а мы будем подьедать да матерь лисицю проздравлять».

Мати лисица приослушалась, в коготьках приослабила. Петушок спорхнул, полетел. Садился низенько и близенько и клаялся низенько. «Проздравляю, матерь лисица, в новом чину, ешь хрен и ветчину». Вот

и пошла мати лисица еше дальше в лес. Тут шла, шла, шла... (дальше, как и в варианте Ончукова, идет сказка о том, как журавль учил лису летать).

4

(Л, 108) Повесть изрядная о куре и лисице како его
прелстила лисица

Настоящаго сего нынешняго века у некоего было небогата человека
Кур некий со многими женами живяше, яко же ему обычай тако бяше.
И во един от дней той кур пряскорбел, и со клеветы своими тогда мало пел.
И в то время курица с нашести своей спехнула, и та курица упадши на
землю и не дохнула.
Кур же от тоя незапныя смерти ужасеся, и вспомянув смертный час от
страха весь потрясеся.
Конечно будет и мне незапно умрети тако, и о сем плакася горко и раз-
мышляше всяко.
И в толикой скорби и в печали вышел на улицу погуляти, како бы хотя
малую отраду сердцу прияти.
И ходя по улице умом своим размышляше, и о всяком деле от сердца ташко
воздыхаше.
Грехи своя великия пред богом всегда воспоминаая, и о невоздержании блуда
себя проклиная,
Понеже со многими женами грехи содеявая, а никаких себе праздников не
зная.
И тако пошед в темную дуброву посидети и к жилищу своему место себе
посмотрети,
Где бы ему безмолвно одному пожити, в посте и в молитве себя потрудити,
И како бы от грехов и соблазна избыти и доброде(об.)телно одному на земли
пожити,
А прежние содеянные мною грехи потребити и прощение себе от бога
получити.
Женских лиц не точию где их видети, но чтоб и гласа их не слышати.
И тако ходя по дубраве то куре доброгласное и смотря возлете на древо
красное,
Нача с высоты того древа семо и овамо назирати и ко спасению своему
купнаго жителя искати,
Пред ним же бы горко восплакался и о содеянных своих грехах ташких
покаялся.

И тако сидя на оном древе весма себе смирился и горко о содеянных им
своих грехах тяжких прослезился.

Мытаревым гласом в себе подражая: «боже милостив буди мне грешному»,
взываяи.

«Согреших, господи, на небо и пред тобою, да буди воля твоя святая и со
мною.

Точию не отрини мене во многия грехи впадша, и никогда же от покаяния
моего не оставша».

И глядяше кур прекрасный семо и овамо, и не веды себе водворитися камо.
Зане един никогда не живяше и того ради сумнителен бяше.

И тако он на древе многое время сядяше и на вся страны умилно зряше.

И абие нечаянно мимо того древа лисица идяше, где оная потребу себе
имяше.

Кур же видя ея встрепехнулся (л. 109), мало возвеселился, и от уныния
забывся толко пошевелился.

Лисонка же послышавши опасно остановилась и на вся страны осмотрилась.

Потом же возвед око свое ясное на курово древо прекрасное,

И виде ево кура печална суща, слез полны очи имуща,

Познавши ево, борзо к нему притече и весма радосным гласом к нему
рече:

«О курушко, мой друг и приятель, и великий благодетель и питатель!

Откуды ты взялся, моя радость, и кто тя принес сюды, моя сладость?

Ты ли еси, о куре, чадо мое¹ любезное, почто так видение твое слезное?

Отвещай мне, ты ли, утешение мое доброгласное, или стень мне
кажется, о чадо мое прекрасное?

Ах, курушка, чего ты ради в пустыню сию вселяешия, и в красоте своей
велми изменяешия?

Рцы ми, любезное мое чадо, красоту ли пустынную назираеши, или от каких
бед себя избавляеши?

О чадо мое, нас ли зверей видети желаеши, или в сей пустыни купнаго
жителя себе избираеши?

Душу ли свою от грехов спасаеши, что многия слезы проливаеши?

Или некую страсть от себя на время отсекаеши, понеже неслыхано zde нам
являеши?

(об.) Повеждь ми, чего ради един тако обитаеши, и почто тако велми себя
утруждаеши?

¹ Разрядкой отмечены в издании стилистические совпадения стихотворной редакции с прозаической.

О, чадо мое любезное и драгое, дажд ми ответствование сладкое и благое». Сия же слышав, кур печаль свою остави и на всякое ответствование лестви от себя востави.

Кур рече:

Слышу, добры зверю, доброе твое приветство, и дарую тебе от себя ответство. Точию молю твое любовное ко мне вещание, даруи и ты от себе извещение. Вижду бо тя зверя не проста суша, но великаго разума имуща. К сему же разсуждаю быти тя спасенна, и пророческаго лара сподобленна. Я чаял, что ты меня не знаеш, а ты и именем меня называеш. Аз бо прежде сего тебя нигде не видал, и ни от кого о святыни твоей не слышал.

Изволь мне поведати, како себя нарицаеши, и чего ради в сию пустыню притекаеши?

На время ли ты в пустыни сей пребываеши, или всю жизнь свою тем забавляеши?

Пут ли свой толко точию преходиши, или ходя чего здесь ищеш?

Научи меня, как милость твою знати, (л. 110) и еже бы ты именем называти.

Желаю с тобою беседование творити, и о некоторых вещах тебя вопросити.

Приидох бо зде на некое время и принесох с собою грехов своих бремя,

Их же тягости хошу избыти, и спасением прощение себе получитьи.

И назираю с высоты сея, кого бы вопросити, кто бы мог сию мою тягость носити,

Ему же бы усердно о всех своих грехах исповедался, и в волю ево конечно бы предался.

Ты же, зверю пустынный дивый, дажд ми о сем ответ правдивый.

Лисица рече:

Благое, куре, избрал еси дело, начинай его творити смело.

Кающихся бог готов принимати, а ты, курушка, не благоволи сего времени отлагати.

Но о сем мне недоумение положиши, и великое сумнение о тебе сотворися.

Дело бо твое мнится очень мне несогласное, аще и глаголеши, чадо мое доброгласное.

Не вем бо ты меня яко искушаеши, не вем и вправду меня не знаеши.

А что о имени моем, курушка, вопрошаеши, и тем ты мне, друг мой, весьма досаждаеши.

Но к чему тебе, любезное, мое именованье? точию внушай мое пре-(об.) быванье,

Которое сотворю тебе известно, чтоб было как тебе, так и твоим женам
нелесное.

Аз, чадо мое, курушко прекрасное, и курушко мой доброголасное,
Я есмь в сей пустыни многолетно пребываю, и по вся дни ее сама назираю.
То бо мое любезное здесь жилище, при растущих в ней сладостной мне
пище.

Знатно и ты, свет мой, сего видети желаеш, того ради здесь, свет мой,
пребываеш.

А я приходящих сюда любезно принимаю, и кающихся исповедание от них
снимаю,

Руце мои радостно простираю, и всех их приятелски обнимаю.

С великолюбным тщанием всякаго встречаю, духовно беседовах и честно
в дом их провожаю

И наставляю, как кому жити требно, чтоб всякому з душею внити в небо.

Аз грехом твоим дарую прощение, и душеспасительное возве-
щение.

Сниди ко мне, чадо мое, да тебя целую любезно, понеже зрети мне на
тя слезно.

Сниди, радость моя, курушко, я с тобою побеседую, и некоторую тайну
тебе тихонко поведаю.

Понеже я премудрости многи умею, да и тебя неумеющаго ко всему седею.

Из младых бо лет я в школах училась, а острою разума добре умудрилась.

Аще хочещи испытати, какіе му (л. 111) дрости во мне, то без сумнения
сниди со древа ко мне.

Аз бо давно здесь водворилась, и пророчеству дара сподобилась.

Я знаю, как тебе грехи своя потребити, и со всеми святыми в небе тебе
быти.

Всех бо сия мудрость моя обемлет, и назирати вас око мое не дремлет.

Хотя я в мирских суетах не бывала, токмо многие случаи в мире видала.

А про твое житие, свет мой, не точию слыхала, но и конечно тебя самаго
еи еи знала,

А обращении твоём присно умоляла, и пред ним, светом своим, часто
предстояла,

Руце свои на небо воздевающе и многие горестные слезы проливающе,

Имя твое, курушко, воспоминающе, и никогда из уст моих не выпускающа.

Давно я с тобою видется желала, того ради око мое часто на тя взирала.

Времени же токова никогда не улучила, и тебя бы, курушко, тому знать
научила.

И так бы тебя могла умудрити, чтобы ты не мог и ни единого греха
сотворити.

И ныне я, свет мой, тобою не гнушаюсь, толко снития твоего тшательно
дожидаюсь.

Не отлучайся, любезное мое чадо, и сошед сопричтися во избранное мое
стадо.

Аз яко мати чадо свое с любовию восприиму и (об.) на покаяние к себе
тебя, друг мой, приму.

Язвы твои греховныя врачеством моим свяжу, а в грехах твоих епитимьи
не положу.

Сниди, чадо мое, курушко драгое, и сотворю пред богом покаяние
тебе благое».

Кур же хотя во учении и не мног, токмо в разуме своем тверд и неубог,
Сидя на древе всячески размышляше, и словеса зверинные взяв себе
разсуждаше.

«¹ И книжными словесами услаждает, а его со древа к себе всячески прелщает.
Нет ли в нем какой злой лести, что известует мне таковые благие вестя?»
Такожде и о сем крепко разумеает, почто де зверь имя свое сокрывает.
И умысли в нем пронырству быти, дерзнул ево паки о имени ево вопросити.

Кур рече:

Похваляю, зверю, науку твою глубокою и в разуме твоём предивно высокою,
И почитаю тя, о любомудрый зверю, и словесем твоим несумненно верю.
Но о сем нечто много усумневаюся, и некрепко на тя полагаюся,
Зане ты той ко мне милости не покажеши, и о имени своем мне не скажеши.
И того ради аз на древе беседую и не сниду, дондеже имя твое не сведаю.
Лисица на кура (л. 112) зело умилно зряше, и всячески об нем разсуждаше.
Како бы ево своим прошением умолити, и каким бы злохитрством уловити.
Но то ей стало пренятие великое, что о имени ея вопрошение ево толикое.
«И есть ли де ему имя мое не сказати, то никак ево з древа на землю не
созвати.

Дьявол ему в разуме сеет, что он со древа слесть ко мне не смеет.

Знатно де он нечто про меня слышал, или сам где меня видал.

Али паки сам собою меня признавает, что отговорки мне такие подавает.

Не хошет он ко мне со древа снити, и тем хошет незапной смерти избыти.

Да и сколько ему себя не беречи, а мне ево пришлось стеречи.

¹ Здесь пропуск — в списке Q. XIV. 27 читаем правильное начало этого стиха: «Чесо де ради зверь сей тако ублажает» (л. 36).

Не на то он попал злодеи око, хотя и сидит на древе высоко.

Стану ево всячески караулить, хотя три дни и три ночи, потому что мы
кушать их охочи.

Ястия и пития с ним никакова нет, а захочет есть и сам ко мне сплывет.

Сиди же он на древе по своей теперь воли, захочет трескаться, спадет от
гладу ко мне и поневоле.

Мнится мне долго тому времени быти, чтобы голодом ево уморити.

Попытаюсь де ево еще известитца, авось либо де как нибудь (об.) на меня
и предститца».

И тако молчаша и довольно размышляше и паки ему глаголати начинаше.

Лисица рече:

Чадо мое, куре любезное и доброголасное, возлюбил еси ты древо
сие прекрасное.

Вспомяни ты перваго на земли человека Адама, древа¹ из раю изгнанна.

Сниди с него скоро, тут бо орлы прилетают, да они абие тя растерзают.

Сниди, чадо мое, и не смущайся, и неподобными мыслями не прелщайся.

Что ты время сие продолжаеши и о грехах своих долго ся не каеши?

Привял бо еси ты намерение благое, да побеждает тя помышление злое.

Тем ты богу свету дасаждаеши, а наипаче от него грехами удаляеши.

Чем боло тебе пред ним богом горко плакати, а ты научился пустова многа
вякати.

Тебе боло должно неутешно рыдати, а не безделицу какую помышляти.

Гряди, любезны мои курушко, бог тя мною призывает, грехи твоя тяжкия
всемилоостивно прощает.

Остави древо сие, я некую радость тебе являющая вскоре же гибель твою
сокрывающая.

Что паче время не вразумишися, и зриши себя во злых делах неуми-
лишися?

Сниди ко мне, чадо мое прекрасное, курушко мой друг добро-
гласное,

Любезно бо на тя зрит око мое (л. 113) ясное, да знатно, что на дворе
время ненастное.

Сниди и творити начну ти совершение, да примемши от мене немалое себе
утешение.

¹ Доб. ради Q XIV. 27.

Кур рече:

О зверю, красная и сладкая беседа твоя меня удивляет и зело мудрыми
словесами умиляет.

Точию о сем велми я смущаюся, что имени твоего не допытаюся.

О нем же изволь мне открыти, и аз готов по воли твоей творити».

Радостна бысть лисица, что хочет кур к ней снити и во всем повинен ей
быти.

О имени своем лисица ему открывает и на снитие курово надежно уповае.

Лисица рече:

Изволь, курушка, батка мой, имя мое знати и тако мя имянно звати.

Что мне от тебя именов своим таятся, понеже вся пустыня мною красится.

Имя мое есть по божией благодати преподобная мати,

Святая лисица, старая красная девица,

Всем зверям и птицам мать духовница, чудова монастыря первая
просвирница».

Кур же ужасеся, на древе сидя, таковую преподобную мать видя.

И трепетен бысть, не знамо что и рещи, нача то помышляти, как бы от
нея утещи.

Хотя б нечестно да здорово было, а сердце уже во мне весма уныло.

Не ведает, как с таким зверем и быти, а знатно, что насилу де и живу
быти.

Ежели бы здесь люди были, то бы они меня от нея отбили, свободили.

Но по грехам моим прилучися, что блиско людей в то время не случися.

(об.) А ведает, что лисицы кур едят зело охотно, того ради она и беседует
доброхотно.

И тако, сидя на древе, повыше от нея поднялся, а от боязни едва у него
и ум не отнелся.

И великим гласом поюще закричал, да никто гласа ево не слышал.

Потом нача молитися божией власти, чтобы той преподобной матери в руке
не попасти.

Чтоб не потерпел бог злой ея лести, и не дал бы его безвременно съести:

«А хотел бола я со древа слести и «покаяния двери отверзи ми» запети.

А пропев горко хотел расплакаться и в тяшких своих грехах покаяться.

Еще благодарю тя милостиваго моего бога усердия моего премнога,

Что свободил меня таковыя напасти и не съеден за всякия злости.

А впредь не потерпи, боже, ея злой такой лести и не дай, боже, мне
грешному умрети без вести.

А немного боло я на нее не прелстился, и на землю к ней проклятой чуть
не спустился.

И ежели бы о имени ея испытать не покусился, давно бы я ею потребился.
Ныне же не токмо к ней слетети, но не хочу на нее проклятую и очима
зрети».

Лисица же дозналася, что кур догадался и о имени ея велми убоялся,
Еще промысл свой к нему словесно деет и оболстить его тщателно радеет.
Паки на него умилно зряше и еще к нему глаголати начинаше:

Лисица рече:

О любезное мое чадо, доброгласное куре, что ты мятешися
в сумни (л. 114) телной буре?

Чесо ради неразсужден явишися и меня преподобной матери твоей боишися?
Аз, чадо мое, придох к тебе не прелщати, но на путь ко спасению твоему
провещати.

То бо мое присное художество, прощати грехов ваших множество.
Аз бо душу свою готова за тя положить и рабски тебе другу моему
послужити.

Ты же мниши, яко бы аз тя прелщаю, и яко бы неправду тебе провещаю.
Всуе ты жалуешся за мя богу, яко бы на тя нанесла печаль многу.

А такой ли я, свет мой, меры, чтобы не имеши мне в безделнице веры?
И пребываю убо в сей пустыни от своей буйной младости и до нынешней
глубочайшей моей старости,

А вить не бывало у меня того, чтобы я опечалила кого.
Мыслиши ты, будто я вас снедаю, а я уже давно и зубов у себя не имею.
И не точию что мясных ядей я снедаю, а я давно уже никакого варения не
вкушаю,

С сахаром и с маслом ничего не едала, а про иное слаткое кушанье и не
слыхала,

Ни пива ни вина и ничего никогда не пивала, а другие напитки я и в рот
не бирала,

Точию то одно я и знаю, что в посте и в молитвах непрестанно пребываю.
Про твою же красоту от многих людей слыхала, а часто тебя и самага
видала,

Что ты сын родителей неубогих, а к тому имаши и друзей у себя богатых
многих.

Великомудрых (об.) и самых разумных, а сам держишься мыслей своих
неразсудных.

Мастер ты книжнаго чтения и пения, а не имаши праваго разсуждения.

Людем ты сказуеши и воспеваеши, а сам себе не внимаеши.

Како ты бога не боишися, и будущаго суда божия не страшишися?

Зриши ли ты толикыя его долготерпение на твое великое и премногое
согрешение?

Он тя по своей великой благодати непрестанно на покаяние велит ожидать,

А ты наипаче от него покаянием удаляеши и грехи на грехи своя себе
претворяеши,

День от дни в новых грехах являешися и яко свинья в кале
валяешися

И тем великую богу досаду делаеши, что о покаянии своем нимало не радееши.

Мнози твои братья неопасно пиша и ядоша, и те незнаю все помроша,

Тела их без погребения погибоша, а души их все во ад снidoша.

Ты же не поревнуй таким падшим и памяти по себе не оставшим.

Полно, подумай, уже тебе то время пришло,

Пора себя к богу обратити и покайся прощения себе просити.

Ей, курушко, свет мой, душею моею всякаго блага тебе желаю, того ради
великое попечение о тебе полагаю,

Понеже зрю уготовавшуюся смерть над тобою, (л. 115) от нея же избави-
шися мною.

Изволь ко мне, курушко, скоро снити, чтоб тебе душу свою не погубити.

Аз тя с любовию примыша угощу и грехи твоя немедленно все прощу.

Также и в дом твой, проводя честно, ты отпущу и здравие тебе на многие
лета возвещу.

Кур рече:

То бы мне, мати моя, зело тебе, чтобы по известию твоему быти мне в небе.

Давно я святых книг охотны читатель и вечныя жизни я искатель,

Да видит, мати моя, всещедры бог, что не знаю, как сей час занемог,

И не могу к тебе, мати моя, снити, изволь ты ко мне сама на древо взыти.

А я с радостию покаяться тебе готов, понеже безвременно умрети не охочь.

Лисица рече:

О куре, матерью меня называеши, а словес моих не внушаеши.

Вижду тя, сын мой, что ты меня боишися, а во гресех своих неразсужден
творишися.

Остави, любезны мои, ту твою мысль злую, прошу тя, прими мою благую.
Поревнуи, чадо мое, мытарям и блудникам и всяким грехотворцем и
озорникам,

Како были яко скаредное блато, а очистились покаянием своим яко злато.
(об.) Помниш ли притчу о мытаре и фарисеи реченную, в триоде
постной всегда чтенную?

И ты поревнуй мытареву смирению, а не фарисеиву злу превозношению.
Высоко ты, курушко, сидиш, и высокая мниши.
А ты сниди ко мне, курушко, пониже, так же и к покаянию поближе.

Кур же рече:

Ах, мати моя предрагая, что сердце во мне трепещет, а покаяния на время
отмещет?

Понеже я боюсь твоей лести, знатно что хочеш меня съести.

И хотя zde от болезни и з гладу умру, а к тебе на покаяние един не
пойду,

Разве кто иной прилучится, а не сниду к тебе дондеже то случится.

Потому что от части твоей тебя знаю, того ради тебе я и не каю.

Лисица рече:

Кто тебе, курушко, донес таковые вести, что язык мой наполнен лести?
Сам бог тебе по мне порука, что я истинная покаянию твоему наука.

Духовница я [всем неустижная]¹ аще и мысль у тебя противная.

Истинно бы обо мне возвеселился бы, како бы от меня в дом свои пре-
селлся.

И стал бы ты здраво и безболезненно жити, и всяк бы имел тя везде блажити.

А я бы о тебе добрыя вести (л. 116) везде рознесла, а когда скорбиш,
я бы тя к дому твоему сама отнесла.

Престани, любезны мои курушка, от непотребной мысли, и о покаянии
хотя нескоро, а размысли.

А толко надобно богу покаяние во грехах принести, а чтоб в наиболшее
согрешение и во отчаяние не впасти.

Кур рече:

О, мати моя, мое бы покаяние пришло и близ, да не вижу у тебя ни
патрахили, ни риз.

¹ Здесь поздним почерком вставлено «всѣхъ персміама»; восстанавливаю по сп. Q. XIV. 27.

И ты изволь для того домои тещи, да для бога не забудь принести сюда
и свечи.

Аз в то время домои збегати потщуся, и со всеми своими честно прошуся.
А буде не прикажеш, то я и не пойду, я тебя здесь подожду.

Лисица рече:

Как тебе, курушка, то говорить хочетца словеса такия пустыя, а веть
и ты, курушка мои, птица непростая.

Впал ты [в] великия греховныя напасти, а не боишися ты божией власти.
О, горе тебе, куре, зло лютое, победило тебя отчаяние лютое.

Чем боло тебе горко плакати, а ты чтисья непотребно вякати.

На что тебе потрахиль, ризы и свечи, и чего ради мне для того тещи?
Такожде и тебе для чего з домашними прощатися, бутто тебе с ними по
смерть не видатися?

А когда ты грехи своя все избудеш, то конечно скоро и домои будеш.

Я веть, курушко, лисица (об.) а не поп, я надеюся не исповедует тебя так
и соборной протопоп.

Велено и друг другу согрешения своя исповедати, бутто ты про то не
изволиш и ведати?

Не лутче ли тебе все то оставити, и сошед ко мне, матери твоей, покаяти?

Я тебе, курушко, правду вещаю, а воистинну тебя не прелщаю.

Кур рече:

О, любезная моя матушка, а поглядеть на тебя, бутто ты прямая бабушка.
Полно словес моих себе внушати, о чем милость твою хошу вопрошати.
Не ты ли по ночам к вашестям нашим подходиш тихо, а нам твориш
великое лихо?

И мешаеш нам з женами спати и не даеш нам здоровым воставати,

Неопасных нас всегда ловиш, а не слышно, куды их относиш?

А ты бы изволила к нам в день ни тихо ходити и дело твое явно творити.

Лисица рече:

Послушай, курушко, ответа моего и не сумневайся, но воистинну словесем
моим уверяйся.

Хожу я к вашестям вашим по ночам тихо, а ничево вам не делавала лиха,
Потому что глупых псов опасаяся, а ничиги иногo никогда не устрашаюся.

И пришедши любезно зрю на вас, каковы пребываете, и здраво ли вы
почиваете.

А кого из вас усмотрю заскорбевших како, и тех взявши ношу домой всяко,
(л. 117) И тамо им всем исповедь сотворяю, и всякое радение о исцелении
их являю.

Кур рече:

Да чего же ради, мати моя, домои они не бывали, и мы их давно уже не
видали?
И думаю я толко бы чуть они не погублены, и вечно¹ знать они спать.²
А в некое время выходил я за гуменное одверья и виде на земли брата
моего одно перья.

Лисица рече:

Многия из них долговременно скорбеют, того ради лекарство у меня имеют
и емлют.
А иные во епитимиях изволили у меня сами быти, а я дала им по воли их
творити.
Те здравы поют и ныне, изволиш себе с краснаго сего древа снити, а их
всех собою посмотрити.
А я с тобою к ним схожу, и всех их поименно расскажу.
И о том тебе, друг мой, курушко, будет верно, и ни в чем, душа моя,
несумненно.
А подошед поближе, изволь хорошенко запети, а к тебе на встречу
выдут все мои духовные дети.
И они тебе возрадуются душевно, о чем и слышать тебе будет полезно,
Да там жа у меня есть (об.) сестрицыни деточки, мужнены девочки,
Лисеночки изрядные и в разуме избранные.
А тебя они еще у себя не видали, разве от нас старух где слыхали.
И они тебе учтиво все поклонятся,
И ты их изволь пению своему научити, а я всеусердно рада их всех тебе
вручити.
А что сказываеш выходил де ты за гуменное одверье и видел брата своего
на земли одно перье,
И о том ты, друг мой курушко, не смущайся, не я то учинила, разве
другие звери, и ты не прелщайся.
Я в то время утреннюю пела, а слышала, как сава птица кура ела.
А то неложная, курушка, весть, что истинно та блядь кур ест.
А про нас говорят, будто все лисицы едят.

^{1—2} В сп. Q. XIV. 27 правильное: «бы от тебе не потреблены».

Кур рече:

Буде уже и тако, что сова кура съела, и несть твоей вины, веть не ты ей
велела.

А ныне немедленно в дом свой иди, и веры ради от унесенных тобою хотя
одного приведи.

А я бы с ним повидался zde, а то [ко] мне с тобою не придут все.

И увидевши того воистинну тебе вдамся, а не выдавши их, до смерти моей
не предамся.

Лисица рече:

Пребывают они по (л. 118) бозе и в воздержании моем мнозе,
Что и света сего мраморнаго не хотят видети, и ни гласа твоего, курушко,
слышати,

Разве мало когда поглядят в окно, а едят точию одно толокно.

Много у них ржи, овса и пшеницы, тако ж гороху, семя и чичивицы.

Да не знамо что враги они не клюют, а одну толко решную воду пьют.

А всегда они весело песни поют, да сами они уже к тебе не пойдут,

Разве тебя к себе мало подождут.

Изволь к ним не обленится, и сам им появится.

Да изволь к ним милость свою явити, и любовно их всех посетити.

А мне к ним итти невозможно, потому что твою милость опасати должно,

Кто бы нат тобою не учинил зла какова, здесь озорничества очин многа.

Кур рече:

Еще скажи мне, мати моя, иное дело, которое ты весма творила смело:

Некогда господину моему, путем идущу, и видех тя неложно курицу
ядущу.

Не той ли и меня сподобляеши чести, знатно хоцещи и меня съести?

Лисица рече:

¹ Губитель, како пред суд божи явишися, что и по се время с нами не
смиришися?

Окоюнной, господь глаголющих лжу конечно (об.) а за неправду изринет
в муку вечно.²

^{1—2} В этих стихах явная ошибка: первый должен начинаться словом «окоюн-
ной», а «губитель» есть искаженное начало второго стиха — «губит господь зло...» —
ср. в сп. Q. XIV. 27.

Разве то иная глупая лисица творила, а я бы ей за то и зубы искоренила.
В прошлых годах сказывают что были таковыя, а конешно то вести не
прямыя.

Сказывал тебе господин твой ложно, а посмотреть было тебе самому
должно.

Он тебе в пристрастие говорил, чтобы ты далеко гулять не ходил.

Кур рече:

О, мати моя, сказывал мне не один, что ты насилу ушла у них за овин
И тут де ты нимало не полежала.

Лисица рече:

Разве ты, курушка, сам за мною посмотрел, тогда бы ты мне и говорил,
А чужим словам бога ради не ими веры, говорить иное и глупо без меры.
А еще что слыхала, будто кузнецы ковали, а в то время вы куры лисицу
клевали.

Да я тому веры иму мало, знатно что едва то бывало.

Кур рече:

Слышал истинно и ото многих такие речи богато, что житие твое ¹очинь
не столь горбато.²

Говорят про тебя худо без меры, а я тому подлинно иму веры.
Имееш де ты во своей власти кушать нас паче всякой (л. 119) сласти.
И думаю я, что то слово неложно, того ради опасатися тебя должно.
Аще бы и сладостныя глаголы вещаеши, а сердце во мне слышит, конечно,
прелцаеши.

Лисица рече:

«Ты бы, курушка, спросил бы, друг мой, про меня в разуме многих, а не
таких странных нищих и убогих.

Сказали бы про меня начальные зверове лев и лвица, что я их премудрая
лисица,

Всякаго добра делателница, а воистинну никакая прелестница.

Сказали бы тебе и начальные птицы орел и орлица, что я их праведная
духовница,

То тебе сказывал некоторой бес, ложно сказывал тебе про меня дуброву
да лес.

А ты видно простосердечный неразумжен явился, и теми ложными твоими
словесы и соблазнился».

Тако лисица горко прослезися, что и кур велми удивился

И стал умилно разсуждать, а лисица с радости въздыхати.

И рече к нему жалостным гласом и умилно, что куру и зрети на ню стало
стыдно:

«О вселюбезный мой доброгласный кур, где твои сокрылся предивной ум?
Чего ради жестокосерд толико явишися, и чрез многое время ко мне не
умилишися?

Глас твой яко апостола Петра умилит, и плакатися горко сотворит.

(об.) Толикаго стыда ты тогда подкрепил, а сам ся ныне отчаянием ослепил.

Без покаяния тебе, курушко, невозможно быти, что рыбе без воды быти
и жити.

Я грешница аще и духовница нарицаюся, а по вся посты в году каюся.

Ты же от [т]воей буйной младости не бывал на покаянии и до сей твоей
старости.

О, милое мое чадо, незапной смерти убойся, и будущия бесконечныя муки
укротися.¹

Престани непотребныя беседы творити и пустоплодные слова говорити.

Влез ты на такое высокое древо, а стыдишися слезть будто какая дево.

Остави, любезный мой, назирати широту поля, а посмотри после покаяния,
тебе будет воля.

Доколе тебе в злых живущих себя не очищати, и грехи твоя пред богом не
извещати?

О, горе лютое на земли живущим, а никогда покаяния себе не имущим.

О любезное мое чадо, не отчаяся, и сошед мне матери твоеи покайся».

Видев же ея кур плачущуюся умилися, и самому зрящу на ню велми
прослезися.

Слышаще словеса ея душеполезна, вздумал и вправду быти ей
яко она мати любезная,

И душевно об нем печалитца (л. 120) и желает, а о спасении его промысл
содевает.

Вспомянув грехи своя весь слезами облился, и на лстивые ея
словеса соблазнился

И смирен и кроток явился, и во всем воли ея покорился,

Понеже незапной смерти убоялся, и великим страхом обялся.

¹ Укройся. Q. XIV. 27.

И нача со древа спущатися книзу плачущи, с ветви на ветвь
скачущи.

Объятися¹ отверсти ми потщился запел, а [в]о слезах своих едва и свет
узрел.

И хотел боло скочити на траву, а лисица не обленилась, подставила
ему свою главу.

И рекла ему: «Благое дело избрал еси, чадо, вниди ныне во избранное мое
стадо».

И прием его во свои когти, да вцепила в него и ноhti.

Таже зверовидно на него взгленула, а кохтями своими крепко ево
гнетнула.

И кур бедны необычным гласом завопил, а слезами наипаче землю
потопил,

Страхом весь вострепетал, и болезненно возстонал,

И от той болезни едва уста своя развлече и плачевным гласом к ней рече:

«О, возлюбленная моя мати, такой ли ты мне обещала благодати?

Того ли ради изволила меня призывать, еже меня грешнаго тако сокрушати?

То ли твоих сладких глагол збытие, что меня грешнаго (об.) проводиш
в небытие?

Таковаго ли воздаяния чаеши от бога, еже меня губиши нища и убога?

Чем я тебе оскорбил, или чем милость твою раздражил?

А ты сама меня изволила знать, кому бых досадила, или каковую обиду кому
учинил.

Я же у тебя ни жилища отнял, ни насилие какое устроил.

За что меня смерти предаеши, и безвинному суду погибелную горесть
подаеши?

Аз боло во умиление одеяхся, и тобою спасен быти надеяхся.

Аз чаях истинная ты покаянию моему проповедница, а не думал, чтобы ты
такая была прелестница.

И ты толко меня оболстила, а не во грехах моих простила.

Изволь ко мне бедному милость свою показать, и винность мою нескрyтно
мне сказати.

И дажд ми хотя малую отраду, и от кохтеи твоих острых ослабу».

Лисица на него зубами своими скрежеташе, и зело
яростно на него зряше.

Челюсти своя развергаше и скоро сожрати его хотяше.

¹ Объятия Q. XIV. 27.

Лисица рече:

А какая я тебе, злодеиниче мои, отрада, и от смерти настоящей ослаба?
 Потому что согрешение твое велико, что и говорить мне с тобою дико.
 И как ты безделник хочеш жив быти, достоин ты и с телом во ад снити.
 Како тя, всескверны враг, земля (л. 121) не пожрала, и незапно к себе
 чего она ждала.

Ни ты, скаред, бога боялся, всегда бледовал и людей не срамлялся.
 Ни ты судей страшился когда, блудящих насилывал всегда.
 Всему свету блудник ты явный, а к тому братоненавистник славны.
 По вся дни беззаконник ты согрешаеш, а прощения никогда от бога себе
 не прошал.

Как к тебе мне милость показати, и как мне тебя не наказати?
 Да что мне с тобою много и болтати, достойно тебя скорой смерти предати.
 За твои мерския насытныя сласти раб еси ты смертныя власти.
 И сам ты ведал, что жена едина иметь указано, да и стою иногда
 заказано.

Аще умрет тая, по нужде велено понять вторая,
 А с третьею же и венчания не бывает, а четвертая дому ради да
 и христианство отлучает.

Ты же, беззаконник, того дошел, что и Моисеев закон о пяти женах
 превзошел.

И мел ты у себя жон по 20 и по 30 и болше, и тот твой грех
 и татар горше.

И как тебя на покаяние принять, и как за тебя ответ богу дать?
 Лутче тя разве отдать градцкой казни, чтоб не было и другим такой же блазни.
 Но честнее тебя zde смерти предати, и без огласки тя скончати.

Кур рече:

Послушай, госпожа моя преподобная мати, не изволь меня скорой
 смерти предати.

Не погуби моего тела и души, и ответа (об.) моего словеснаго внуши.
 Изволиш ли помнитъ слово божие ко Адаму реченное, и вам, государыня
 моя, всем извещенное?

Раститесь, и плодитесь и умножите землю, и обла-
 дайте ея.

Аз того слова божия держался, и новому закону не внимался.
 И в том тебе ныне, мати моя, каюся, а впредь творити тако зарекаюся.

Лисица рече:

О, злодей мои, проклятой куре, что ты меня учиш, яко дуру?
И сама я о том помышляла всяко, да невозможно свободити тя никак.
Великой ты братоубийца и в зависти блудной ты кровопролица.
Один бы ты блудил, а иных бы и до смерти убил.
Сам ты то любил, а иных за то губил.
И то себе ныне внемли, что уже не быть живу тебе на земли.
Вижу я и сама, что тебе приходит тошно, а свободить тебя ей ей невозможно.

Кур рече:

Помилуй мя, мати моя, беднаго и в скорби суцаго, ни откуда же помощи
имуцаго.
Видишь ли яко хвор есмь и зело вреден, а на пищу тебе ей ей не потребен.
Помилуй мя от сей смерти нечаемой, хотя и в муку буду нескончаем.
О горко и страшно смерть живущим и всякое дыхание имущим.
Лучче бы не родитися, когда смерти не свободитися.

Лисица рече:

Что ты мне, куре, докучаеши или себе и вправду живота чаеши?
Истинно тебе глаголю, неложно, и никак тебе живу быть невозможно.
А слез ты пролей хотя реки, но не свободи ты и во веки.
О судила я уже тебя потребити, и никак тебе меня будет не умолити.
Понеже многую досаду некогда от тебя принела, и таковой досады от роду
себе не видала,
Помниш ли ты, как на земли был глад,¹
И от того гладу сердце во мне изныло, (л. 122) а купить пищи не на
что мне было.
И нечего мне было в то время есть, и я кушала лук да ретку и то
в честь.
И ходила я по лесу, збирала сморчки, да и то насилу видела и в очки.
И тем себе срамоты многия доставила, а пустыннаго жития
своего никак не оставила.
И приходила к вам на гумно збирать колосу, а не чаяла я твоего,
злодей мой, голосу.
И хотела я тебя попостовать умилно, а ты увидевши меня и закричал
унывно.

¹ Здесь пропущен рифмуемый стих: «а ты в те времена был млад» Q. XIV. 27.

И со всеми курицами побежал от меня на двор, будто пришел по вас
какой вор.

И я, дождавшись ночи, пришла бола к вам и к нашестви и хотела
бола с вами вместе сести,

И от жон твоих желала бала попросить хотя яичко съести, и чаяла бала от
них себе чести.

А ты услышавши меня тогда взбесился, и чуть сам на меня не
бросился.

Послышавши господин ваш глас злодейской твои, с постели бросился,
и з домашними и с соседи согласился.

З дубьем и с кольем и со псами за мною бежали, и никто у них на
постелях не улежали.

А поймавши мя хотели до смерти убити, а кожу мою на шапках
изнести.

А все ты их взбунтовал, и подал им варам весть, будто я хошу у вас кур
есть.

А как бы на меня не те гладные времена и убогия, что не едала я истинно
дни многия,

И хотя бы мне господин твои кланялся ниско, звал бало меня честной
крестьянин Василиско,

Да ити было к нему слиско,

А хозяин твои (об.) хотя меня и не звал, и он бы с меня воли не снял.

Одною бы куркою и в честь мне поступился, а к нашестви бы не присту-
пился,

Видя меня духовницу честную, жителницу лестную.

Толики дальний путь полагаючи, и от глада своего изнемогаючи.

А взявши бы тое курочку домои отнесла, а она бы мне яичек нанесла.

И я бы от тех яичек иныя продала, а оставшия бы нищим раздала.

А на денги б себе калач кушила, да в пустыню бы себе впустила.

И часы бы по времени отслушала, а калачики б со друзьями моими
покушала.

А ты, злодей, напрасно меня огласил, и людей за мною бежать взбесил.

Как ты, окаянный, надо мною тогда не умиллся, и немилостив ко мне
явился?

О всекаредный и всескверный куре, посмеялся ты мне, как деревенской
дуре.

И ни во что ты меня поставил, да и смерти бала великой меня
доставил.

Сова самая птичка плахая, в день слепая и глухая
 И та у вас кур ест чуть не всегда, а ты иное и не ведаеш когда.
 А я бала единожды к вам пришла, и тут от тебя насилу з бесчестием жива
 чуть ушла.
 И таковые беды не видала себе от начала века, а все от тебя, скаредный,
 злаго человека.
 Чего ради ты, злодей, мне духовнице тако досаждал, а честную деву
 з бесчестием от себя отогнал?
 (л. 123) Годал, бутто какой ты богатой, и ты толко перьем хохлатой.
 Сам ты вить как осердился, а ко мне к прекрасной деве приттить не
 обленился.
 Ныне попался ты сам в мои руки, натерпился самачьей муки.
 И сколко тебе со мною не балтати, а от рук моих себя не избавити.
 И как тебе не вертетца, а от меня никак не оттерпетца.
 Потому что грехи твои¹ нестерпимыя.

Кур рече:

Госпожа моя и мати лисица, премудрая ты духовница,
 Самая прекрасная ты девица разумная и во всех вещах духовница раз-
 судная.
 Ведаеш, что один раб двумя господином не может ра-
 ботать.
 А мирская, госпожа моя, пословица просто никогда слово не молвитца:
 По которой реке плыть, та и вода пить.
 А у кого жить, того и воля творить.
 Хлеб пшеницу клевал, и волю ево содевал,
 А ныне твою милость буду честно хранить, аще изволиш меня от
 нохтей своих свободити.

Лисица рече:

Что мне с тобою, куре, и беседа продолжати, время уже живот твой
 скончавати.
 И много бала бродить, а такова времени не добыть,
 Что сам ты ко мне ныне пришел, а меня бог на тебя навел.
 И потом нача ему крылья вертеть, что несосно ему было терпеть.
 Почел курушка пердеть.

¹ Здесь пропущен рифмуемый стих: «непростимыя и досады твои ко мне» — так в Q. XIV. 27.

Таже и главу ему отвернула, а сама от радости тако воздохнула:
 Ах, курушка, совершенная теперь моя радость, а плоти моей в насыщение
 и в сладость.

Перья твое оставаяся здесь, понеже жилище (об.) мое в лесе.
 Колико нам с тобою не ликовати, да расходится, а впрядь мне с тобою не
 сходится.

К о н е ц .

II. Повесть о попе Савве

Вторая половина XVII в. в церковной жизни Московской Руси была временем ожесточенной борьбы, вышедшей впоследствии далеко за пределы собственно церковных вопросов. Эта борьба началась задолго до так наз. «раскола», и обострение ее в эту эпоху было подготовлено всей предшествующей историей — организацией церковного управления, резким классовым расслоением духовенства, с одной стороны, а с другой, тем, что церковная практика слишком далеко ушла в это время даже от самых скромных требований церковного порядка.

Оппозиция против всякого рода «скверны» внутри церкви особенно резко обнаружилась в среде городского духовенства, пытавшегося путем обличений воздействовать на священнослужителей всех рангов. Настроение этой оппозиционной группы характерно выражено в подметном письме, найденном в Москве в декабре 1660 г.: «нести уже ни единого епископа, чтобы жил по-епископски, ни одного священника, чтобы жил по-священнически, ни инока, чтобы жил по-иночески, ни христианина, чтобы жил по-христиански; вси свой чин презреша: игумени оставиша свои монастыри и возлюбиша со мирскими женами и девицами содружатися; а попове, оставивше учительство, и возлюбиша обедни часто служить и кадило от грабления и от блуда на жертву богу приносить и мерзостное и калное свое житие всем являти, и благочестием лицемерствующесея, мняще частыми обедами бога умилостивити, недостойни и пьяни, помрачени различными злобами, и слова божия и слышать не хотяще».¹ Эти идеи разделял и будущий патриарх Никон, входивший еще архимандритом Новоспасского монастыря в московский кружок, организованный протопопом Стефаном Вонифатьевым. В сане патриарха он перешел и к другому способу водворять церковное благочиние, а заодно — и собирать недоимки с неаккуратных плательщиков особого патриаршего тягла; диакон Павел Алеппский, сопровождавший

¹ Н. М. Никольский. История русской церкви, стр. 97.

антиохийского патриарха Макария во время его путешествия в Москву, описывая разные исправительные меры, которые употреблялись в Москве в области церковного управления и благочиния, замечает: «при каждой палате патриарха Никона находилась темница с железными цепями и деревянною колодой. Если кто-нибудь из высшей монастырской братии или белого духовенства учинял какой-нибудь проступок, того засаживали в цепи, и он должен был просевать муку для пекарни, пока не выполнит своего наказания... Точно так же и при епископских дворах были темницы с железными цепями и колодами, куда сажали непокорных».¹ Этому наказанию, между прочим, был подвергнут за какое то «бесчинство» в феврале 1655 г. Троицко-Сергиевский литератор, Симон Азарьин, уже заявивший себя печатными и рукописными трудами. Он был отправлен в Кириллов монастырь, и в прецроводительной грамоте патриарха Никона от 5 февраля 1655 г. предписывалось отдать его под начало «в хлебню муку сеять», а с монастыря до патриаршего указа не «спуцать».²

Одним из самых больших вопросов церковного устройства второй половины XVII в. был унаследованный от предшествующих веков и к этой поре особенно обострившийся вопрос о том, как пополнять кадры духовенства. По давно заведенному порядку население — и крестьянское и посадское — посылало по своему выбору ставленников, которых и посвящали в духовный сан. Каковы были эти ставленники в интересующий нас период, об этом красноречиво говорит грамота архиепископа рязанского Мисаила — документ 1650-х годов. В своей увещательной грамоте пастве он пишет: «Да сказали б есте в государевых дворцовых вотчинах и поместьях старостам и целовальникам и крестьянам: как доведется им посылать к нам ставленников, и они б посылали к нам ставленников срослых, в попы 30 лет, а во дяконы 25 лет. А люди были б добрые и благочинные, и искусны, и грамоте учены, а не здоршики, и не косторы, и не бражники, и не ярыжники. А молодых ставленников и воров и бражников к нам не присылать».³ Это предупреждение было вызвано той распушенностью среди местного духовенства, которую застал в своей епархии Мисаил: «А вы б соборные и иные священники и дяконы, потому и хмельного пития в домех своих не держали и по кабакам не ходили б и в иных местех нигде не пили.

¹ Л. П. Руцинский. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII вв. Изд. Общ. ист. и древн. российск. при Московск. унив., М., 1871, стр. 150—151.

² Н. К. Никольский. К истории наказаний писателей в XVII в. Библ. Летопись, вып. I, 1914, стр. 127—128.

³ Н. И. Дубасов. Рязанский архиепископ Мисаил. Ист. Вестн., 1889, октябрь, стр. 112.

А в церквах бы божиих везде у вас во вся дни без всякого церковного пения не было... а будет учнут попы нас ослушати и запивать ся и церкви божии будут у них без пения, и вы б, игумены, тех пьяных попов и дьяконов и церковных дьячков велели имать и сажать в смиренье» (стр. 111).

Низкое качество ставленников, как кандидатов на духовные должности, влекло за собой целый ряд злоупотреблений при их посвящении. За хорошую плату еле грамотного ставленника местный священник обучал двум-трем молитвам, которые тот читал в присутствии архиерея и получал посвящение. Поборы со ставленников доводили их подчас до полного разорения. Доход с них был настолько значителен — так как кроме этой неофициальной платы за обучение, и за самое посвящение полагался налог, — что патриарх Иосиф, не желая выпускать его из своих рук, отменил старый порядок и запретил в своей области сельскому духовенству ставиться у ближних архиереев. Все ставленники, по его распоряжению, даже из местностей, отстоявших от Москвы на 800 верст, должны были итти ставиться туда и платить непосредственно в патриаршую казну. Такой порядок сохранялся и при патриархе Никоне. Московскому духовенству открылась широкая возможность обогащаться за счет этих ставленников, которых надо было как-то готовить к посвящению. Какова была эта подготовка, об этом можно судить по тому, что жалобы на низкий уровень духовенства не прекращаются вплоть до Духовного Регламента 1721 г., проектировавшего в будущем полную отмену института ставленников: вместо них должны были назначаться воспитанники церковных школ. Тот минимум знаний, какой требовался от кандидата, не окончившего школу, формулировался так: «ставленником велеть изучить книжицы о вере и законе христианством, о должностях всех чинов, и пота оного не ставить, пока он наизусть не изучит. Приходящий ставленник да имеет в доношении известное от прихожан своих свидетельство, что его знают быть добраго человека. А имянно не пьяницу, в домостроении своем не лениваго, не клеветника, не сварлива, нелюбодейца, небийцу, в воровстве и обманстве не обличеннаго. Сия бо наипаче злодействия препинают дело пастырское и злообразие наносят чину духовному».¹

Отрицательная характеристика, каким не должен быть ставленник, была, конечно, продиктована жизнью. Ее подтверждают многочисленные

¹ П. В. Верховский. Учреждение духовной коллегии и духовный регламент, т. II, Ростов-на-Дону, 1916, стр. 83.

материалы, рисующие пьянство, корыстолюбие и распущенность духовенства Московской Руси, выраставшего из ставленников.

Все перечисленные выше факты из церковной жизни Московской Руси второй половины XVII в. делают для нас вполне понятной ту ситуацию, которая порождала сатиру на духовенство вообще и в частности создала повесть о попе Савве, сюжет которой касается непосредственно злоключений ставленников, попадавших в руки жадного и корыстного московского попа.

Повесть о попе Савве сохранилась всего в трех полных списках XVIII в. и одном небольшом отрывке 1730-х годов.

1. Лучший и наиболее полный текст читается в сборнике светских повестей XVIII в. собр. И. Забелина № 536, на лл. 47 об. — 49 об. (см. описание состава этого сборника — М. Н. Сперанский. Собрание рукописей И. Е. Забелина. Отч. Гос. Ист. музея за 1916—1925 гг., М., 1926, приложение, стр. 23). [З]

2. Список собрания Н. Тихонравова № 486, XVIII в., лл. 3 об. — 5 об., в сборнике, содержащем главным образом повести и одну драму (см. описание состава — Г. Георгиевский. Собрание Н. С. Тихонравова, М., 1913, стр. 88). [Т]

3. Список Гос. Пуб. Биб. им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. О. XVII. 57, первой четверти XVIII в., лл. 378—379, в сборнике повестей; текст сильно сокращенный, особенно в последней части. [П]

4. Список Рукописного отделения Библиотеки Академии Наук СССР. 45.8.216. с дагой 1735 г. на об. л. 38, где помещен отрывок из 10 начальных стихов повести. Листок вклеен в более позднюю рукопись XVIII в., содержащую Сказание об Индии богатой и другие повести. Текст повести о попе Савве написан очень небрежно, затерт и местами читается с трудом. [А]

Герой повести — поп Савва «от Козмы и Домьяна из-за Москвы реки, а в приходе у него богатые мужики». В этом стихе дано вполне точное описание прихода нашего попа: за Москвой рекой была богатая слобода Кадашево с главной церковью Козьмы и Дамьяна. Эта слобода была местом поселения царских ткачей и мастериц полотняной казны. К началу XVII в. кадашевцы заняли своеобразное положение. Как дворцовые ремесленники, обладавшие широкими льготами жалованных грамот, они резко обособились от остального черно-посадского мира и были сильны своей близостью к хозяйственным интересам дворца. По сохранившимся документам видно, что оплата за ткань полотна хлебом была очень выгодна, так как эта нату-

ральная плата в пять раз превышала денежную. Отсюда зажиточность населения ткацких слобод, в том числе и Кадашевской.¹

Поп Савва — образец тех попов, у которых, как жалуется архиепископ Мисаил, «церкви стоят без всякого пения»: он тоже «в церковь ни ногою», и когда «люди в церкви богу молятся, он по приказам волочится». Не довольствуясь тем доходом, который давали ему его «богатые мужики», он «по площади рыщет, да ставленников ищет», «как бы ему их обмануть и к себе за реку стянуть», а заполучивши их, «по тех мест держит, покамест все деньги издержут». Это и есть точное изображение того положения, которое создалось в Москве после того, как по приказу патриарха Иосифа, все ставленники из обширной патриаршей области потянулись в Москву ставиться. Обучение будущих священнослужителей поп Савва начинает обещанием: «у меня хотя де за рекою стойте, а в церкви не пойте». Вместо того, чтобы привыкать к церковному делу, ставленники поливают у попа капусту в огороде, топят ему баню, пока он спит, а главное — платят ему и деньгами и натурой — вином и медом. В итоге, как «предвозвестила» Савве его попадья, он «над ставленниками наругался, так и сам в суд попался». Очевидно, даже в привычной атмосфере всяческих злоупотреблений над ставленниками бывали случаи, когда начальство считало себя вынужденным прибегнуть к карательным мерам.

Что же это за суд, куда «приставы» тащут попа Савву? Во второй части повести — «сне попа Саввы» — и в заключительном «смешном икосо» ему мы находим точные указания, что он попал именно в то патриаршее училище, которое, по словам Павла Алеппского, было устроено для провинившейся духовной братии. Во сне Савва увидел себя «в патриаршей хлебне на рогожине», а икос, подражая стилю акафиста, восклицает: «Радуйся, патриарша хлебня, видя тебя такова сидня. Радуйся Савы шея, что цепь великая звеня и муки сея». Очевидно, поп Савва исправлялся по рецепту патриарха Никона: закованный в цепи, он просеивал муку для патриаршей пекарни.

Как видим, повесть о попе Савве в полном смысле слова бытовой документ: начиная с точного и исторически верного описания прихода, она правдиво изображает приемы обучения ставленников и кончает опять-таки исторически правильной картиной наказания не в меру разгулявшегося попа. Все изображенные в повести факты не выходят из рамок второй

¹ К. Базилевич. Кадашевцы, дворповые ткачи полотен в XVII в. Труд в России, 1924, т. 2, стр. 3—7; Акад. С. Г. Струмилин. Крепостная мануфактура в России. Ч. III. Дворцовая полотняная мануфактура XVII в., Л., 1932, стр. XXII и сл.

половины XVII в., и непонятно, почему издатель Забелинского списка ее С. Елеонский¹ в кратком предисловии к тексту датирует ее «первыми десятилетиями XVIII в.». В 1700 г. патриаршество было упразднено; в январе 1701 г. патриарший приказ переименован в монастырский. Откуда же через двадцать-тридцать лет после этого взялась бы «патриаршая хлебня?»²

И исторические факты, изображенные в повести, и самая литературная форма ее вполне отвечают обстановке второй половины XVII в., с развивающимся в литературе этого времени сатирическим направлением вообще и в частности с растущей критикой пьянства и распущенности духовенства, и наконец — с заметным тяготением в литературе этого периода к живой разговорной речи. С. Елеонский отмечает «чисто народный склад», «бойкие рифмы» повести о Савве. Эту общую характеристику следует значительно уточнить.

Повесть о попе Савве еще резче обнаруживает тяготение к пословичной речи, которое указано мною в языке «Праздника кабацких ярыжек» (Труды ОДЛ ИРЛИ, 1934, т. I, стр. 200). Оба памятника не только вставляют целые пословицы в свое изложение, но и прибегают к излюбленным пословичным рифмам. Уже заглавие повести «Сказание о попе Саве и о великой его славе» построено на привычной пословичной рифме, известной по сборникам XVII в.: «Был Сава, была и слава» (Симони. Сборники пословиц... I, № 167), «От Савы славы» (там же, II, 509), «От Савы хочешь славы» (там же, I, 2521), «Зделали славу — поколотили Саву» (Сб. пословиц 1779 г. Всен. Библ. Украины), «Доброму Саве добрая и слава» (там же), «Каков Сава такова ему и слава» (там же).³ Далее — несомненно бытовой факт, что поп Савва, служивший в церкви Козьмы и Дамьяна за Москвой рекой, не любит ходить в церковь, — невольно оформляется у нашего автора по типу старых пословиц: «Живет он за Москвою рекою, а в церковь ни ногою» (Забелинский список пропускает «за Москвою») — ср. в пословице: «Живет за рекою, а к нам ни ногою» (Симони I, 979). В пословичной манере построены стихи «Хотя тебе непригожо, где твоя рожа» — ср. «Без глаз рожа непригожа» (Симони I, 331);

¹ Хождение попа Саввы, неизданная антиклерикальная сатира XVIII в. Публикация С. Елеонского. Лит. Наследство, 1933, кн. 9—10, стр. 106—111.

² Интересно, что эти стихи «Радуйся Савы шея... муки селя» сохранились только в одном списке: видимо, эта бытовая деталь в XVIII в. была мало понятна читателю.

³ С этой привычной к имени Савва рифмы во второй половине XVIII в. начинается свои стихи о купце Савве Яковлеве неизвестный автор — «Послушайте, я скажу вам Саву, какова, о Саве слава» Ркп. Уварова, 1561 (558).

«Сколка тебе, Савушка, не жить, а галавою своею наложить», «Кто к сему подобно не творит, тот все галавою наложит» — ср. «Баба ворожила, да головой наложила» (Сб. пословиц 1779 г.); «Радуйся, дурны нос, на лес глядя рос» — ср. «Глядя на лес не выростешь» (там же); «А васшта бубнов пушу» — ср. «Гол что бубен» (там же).

Без перемены автор повести вставил только две пословицы из известных в старых записях: «Бараденка выросла, а ума не вынесла» и «Глас народа глас божий», но вся рифмованная речь его — это именно тот склад, который, как видно по записям XVII в., вполне выработался к этому времени и, закрепленный на письме, не мог не оказать своего воздействия на литературу.

Но автор повести о попе Савве не ограничивается пословичными реминисценциями: вторая часть «сказания» — «сон попа Савы» — пародирует тип многочисленных народных песен, в частности постоянную формулу русских свадебных причитаний невесты. «Мало мне ночесь спалось, да много виделось» (вариант «... да много во сне вралось»), так начинается сон попа Саввы, в стиле песенных зачал: «Мне ночесь малодешеньке мне ночесь мало спалось, мне во сне много виделось» (Шейн. Великорусс в своих обрядах... т. I, вып. 2, стр. 402) или «Вечор ноне, матушка, мне мало спалось, мало спалось, да много виделось» (А. И. Соболевский. Великорусские песни, т. VI, стр. 21); «Как и нынче доброму молодцу малым то мало спалось, много во сне виделось» (там же, т. I, стр. 497); «Мне малешенько младу спалось, много во сне виделось» (там же, т. I, стр. 498) и т. д. Эта формула заходит и в историческую песню о взятии Казани, где царица Елена так начинает свой рассказ о виденном сне: «Что ночесь мне, царице, мало спалось, в сновиденьице много виделось» (Сб. Кирши Данилова, под ред. П. Н. Шеффера, стр. 119).

Только последняя часть «сказания» делает попытку стилизоваться под книжно-литературную форму. «Смешной икос» построен по схеме акафиста, но все «книжное» ограничивается в данном случае только схемой и повторением начального «радуйся», как приблизительно через 200 лет это сделано Н. Щербиной в его «Хвалебной песне блаженному борзописцу некоему литературы ради юродивому» (Собр. соч., 1873, стр. 294). За исключением этого начального «радуйся», автор не делает никаких попыток приблизиться к церковной речи, резко отличаясь в этом отношении от автора «Кабачного праздника». Таким образом, «Сказание о попе Савве» по своей литературной манере гораздо ближе к устной традиции XVII в., чем к письменной.

Автором «сказания», по мнению С. Елеонского, мог быть один из ставленников, на что указывает форма заключительной пародии. Не возражая против этого предположения по существу, думаю, однако, что идеологическая установка «сказания» является в данном случае гораздо более надежной опорой при определении автора, чем литературное оформление. Так примитивно и поверхностно использовать церковную форму, как это сделано в «смешном икосе», мог, конечно, любой грамотный человек в ту эпоху.¹ Не только сам ставленник, но и те, кто его посылал, знали часто повторяющуюся в акафисте формулу, да и название этого акафиста «смешным икосом» не свидетельствует ни о каких профессиональных навыках автора. В конце концов вопрос о том, сам ли ставленник, обобранный московским попом, излил свое негодование в сатирическом «сказании», или это сделал свидетель злоключений его и его сотоварищей — не так важен, и рациональнее формулировать его иначе: из какого социального слоя московского общества второй половины XVII в. могла выйти сатира с таким настроением и в такой литературной форме, какую находим в «сказании о попе Савве»?

Те группы городского духовенства, которые в это время боролись с церковными беспорядками путем обличений, вряд ли прибегли бы к «смешному икосу» и довольно юмористическому изображению наказанного попа, очутившегося вместо своей «перины» на «рогожине». Не только литературная речь, но и самая манера изображения у этих «оппозиционеров» была бы иная.

Но ведь критическое отношение к духовенству в это время было распространено и среди тех широких масс крестьянского и посадского населения, которые и сами страдали от жадности духовенства не меньше своих ставленников. Это они — эти многочисленные «пасомые» — к XVII в. сложили о своих пастырях ряд весьма нелестных пословиц, большинство которых говорит либо о жадности, либо о пьянстве духовенства. Недаром любимая рифма в этих пословицах к слову «поп» — «клоп». «Попам да клопам жить добро», «Попы паствятся над мертвым, а клопы над живым», «Поп кабы поп, да лиха попадь», «Кому тошно, а попу в мошно», «Хорошо попам да попovichам, дураками их зовут, да пирогами им дают» (Симони, 1, 1900—1904, 1348, 2476); «Не грози попу плешью, у попа плешь

¹ И. Забелин (История города Москвы. М., 1902, стр. 623—624) относит повесть о попе Савве к группе «смехотворных и кощунственных статей», в ней «отражается сочинительство досужих и неистовых церковников» — так называет Забелин прославившихся в Москве в XVI—XVII вв. своим беспутным поведением так наз. «безместных» попов.

лавочка», «Не грози попу церковь, он от нее сыт бывает» (Сб. пословиц, Петров. Гал. №№ 571, 590); «Поп пьяной книги продал, да карты купил» (там же, 735); подметили прихожане и глупость поповскую: «Храбрых в тюрьме, мудрых на кабаке, а глупых искать в попех» (Симони, 1, 2395), и т. д. Таким образом, сатирическое изображение попа Саввы вполне совпадает с «гласом народа» о духовенстве: все слабые стороны его поведения паства понимала несколько не хуже, чем та передовая часть духовенства, которая громила и обличала в эту пору церковную «скверну». Но не имея никакой власти, прихожане могли только высмеивать своих духовных «руководителей». «Сказание о попе Савве» — еще один из образцов той литературной продукции, которая во второй половине XVII в. создается среди наиболее активной части крестьянской и посадской массы, ждущей еще того момента, когда вся общественно-экономическая ситуация даст в ее руки более сильное орудие в борьбе с существующим строем, чем то, какое представляла собой литературная сатира.

В заключение, несколько слов о недавно вышедшем издании Забелинского списка повести о попе Савве, приготовленном С. Елеонским. Предисловие к этому изданию, бегло касающееся вопросов об авторе повести, о времени ее составления, литературной форме, мною разобрано выше. Следует остановиться также и на самом издании. Вряд ли целесообразно было делать издание по одному, хотя бы и наиболее полному списку. Неудобство такого способа сказалось у С. Елеонского уже с первых слов текста. Так как в Забелинском списке отсутствует заглавие памятника, то С. Елеонский (вслед за самим Забелиным) взял заключительную запись писца — «конец хождению Саве большой славе» — и извлек из нее искусственное заглавие «хождение попа Савы». Между тем, в Тихонравовском списке заглавие есть. Сверив свой текст с другими, наш издатель избег бы, вероятно, и тех анекдотических слов, которые он внес в свой текст, а также разобрал бы с их помощью то, что осталось для него непонятным в Забелинском списке. Приведу наиболее яркие примеры.

В стихе «Сам хотя наг пойду, а вас шта бубнов поведу», С. Елеонский прочел в одно слово «штубубнов» и, отметив в скобках удивленное *sic!*, так и сохранил это изумительное чтение, которое все списки передают одинаково, с той только разницей, что одни пишут «што», другие «что». Далее — во «сне попа Савы» есть стих: «Хватился, ан нет, ни пула не стало»; слово пула издатель не прочел и помегил в скобках «неразб.». В том же «сне» у него получились непонятные фразы — «О есм поп Сава

дивился» — разночтение Тихонравовского списка «Сему поп...» показало бы, что издатель путает скорописные *e* и *c*, что он проделал и еще раз — в «смешном иконе»: «Радуйся Савы шея, что цепь великая звеня и муки еся», вместо «сея». От смешения скорописных начертаний получилась, вероятно, и несуществующая форма «боярщи холоп», вместо «боярски». Вместо я де издатель читает где; вместо я бедою — бедою; вм. да мов (правильная старая форма) — модернизованное да мой; есть пропуски, напр., в стихе «хотя и наг пойду» опущено *х* *о* *т* *я*; вместо *х* *п* *о* *п* *а* *д* *ь* *е* — *п* *о* *п* *а* *д* *ь* *е* и т. д. Предисловие издателя предупреждает, что «в издании соблюдается правописание подлинника» (стр. 107), однако, вместо *д* *е* *н* *г* *и* мы читаем *д* *е* *н* *ь* *г* *и*, вместо правильной формы дательного падежа ставленником — ставленникам, вместо *с* *к* *о* *л* *к* *а* — *с* *к* *о* *л* *ь* *к* *а* и т. д. Встречается произвольное деление на стихи: «што ныня зделалася великое чудо! Учинилася над долгим попом», — тогда как этот отрывок вполне естественно разбивается на такие стихи: «Што ныня зделалася Великое чудо учинилася Над долгим попом Над премым дураком». Приведенных примеров, полагаю, достаточно, чтобы оправдать вторичное издание той же повести, но уже по всем имеющимся спискам.

[Сказание о попе Саве и о великой его славе]*

Послушайте миряне и все православные христиане,
Што ныня¹ зделалася,² великое чудо³ учивилася⁴
Над долгим⁵ попом над премым дураком,
От Козмы и Домияна из за⁶ реки, а в приходе⁷ у нево богатые
мужики.⁸

А зовут ево попа Савою,⁹ да не мелак он¹⁰ славою.

Аще живет и за¹¹ рекою, а в церкву не нагою.

Люди¹² встают¹³ молятся, а он по приказам волочитца.

Ищет с кем бы ему потегатца и вперед бы ему с ним не видатца.¹⁴

Да он же¹⁵ по площади рыщет, ставленников ищет.

И много с ними говорит, за реку к себе монит.

¹⁸ У меня де ¹⁶ за рекою ¹⁷ стоите, а в церкви хотя и не поите.

Я де суть поп Сава, да немалая про меня и слава.¹⁹

* Доб. из Т; здесь заглавия нет. 1—2 случилось Т; учинилось П, А. 3—4 сотворилось П. 5 глупым П. 6 доб. Москвы Т, П. 7—8 вси дураки А. 9—14 проп. П. 9—10 который не мал Т. 11 доб. Москвою Т. 12—13 в церкви богу Т. 14 здесь кончается сп. А. 15 доб. поп Сава П. 16—17 домою Т. 18—19 проп. П.

Аз вашу братью в попы ставлю, что и рубашки на вас не оставлю.
 Сам я ²⁰ Савушка ²¹ хотя и наг пойду, а вас шта бубнов поведу. ²²
²³ Людми он добрыми ²⁴ хвалитца, а сам от них пятитца.
²⁵ Как бы обмануть и за ²⁶ Москву ²⁷ реку стянуть. ²⁸
 По тех мест ²⁹ он ставленников держит, как они денги все издержут.
 А иных ³⁰ домои отпускает и рукописание на них взимает,
 Чтоб им опять к Москве приполсти, а ³¹ попу Саве ³² винца привести.
 А хотя ему хто и меду привезет, ³³ то с радостью возмет. ³⁴
 И испить любит, и как все выпьет, а сам на них рыкнет:
³⁵ Даром де у меня ³⁶ не гуляите, ³⁷ подите ³⁸ капусту поливайте.
³⁹ А когда он изволит спать, а ставленником прикажет баню топить. ⁴⁰
 И как ⁴¹ над ними ⁴² наругался, толко сам в беду попался. ⁴³
 Когда жена ⁴⁴ ему гаварила ⁴⁵ и о всем ему предвозвестила, ⁴⁶
 Лихо де им от тебя ⁴⁷ ныне потерпеть, а после ⁴⁸ де и сам от них
 станеш ⁴⁹ пердеть,
⁵⁰ Сколка тебе, Савушка, не жить, а галавою своею наложить.
⁵¹ Добро бы тебе от церкви не отбыть и смертны час не забыть. ⁵²
 Глас ⁵³ божи ⁵⁴ глас народа. Где твоя, ⁵⁵ Савушка, ⁵⁶ порода,
⁵⁷ Тут твоя и рожа.
⁵⁸ Сколка ты не плутал, а ныне на цепь попал. ⁵⁹
 Добро бы ⁶⁰ тебе ⁶¹ не воровать, и добрых людей варами не называть.
⁶² Ставленников посылает обедни служить, а сам на постели лежит.
 Кто к сему подобно не творит, тот все галавою наложит.
 Кто друга съедает, тот всегда сам пропадает.
 А кто за ябедою ганяетца, тот скоро от нея погибаетца.
 А кто за крамою ходит и как ему не вспитатца, толко у ворот ево
 никто не стучитца,
 А кто к нему ни ходит, и он к нему сам выходит,
 И там проститца и паки в дом возвратитца. ⁶³
 А ты бы сам, Савушка, шел да простился, с кем вчера побронился.

²⁰⁻²¹ проп. П, Т. ²² пушу Т. ²³⁻²⁴ с людьми он до росхулки П. ²⁵⁻²⁸ проп. П.
²⁶⁻²⁷ проп. Т. ²⁹⁻⁴³ проп. П. ³⁰ оных Т. ³¹⁻³² Савушке Т. ³³⁻³⁴ проп. Т. ³⁵⁻³⁶ хотя
 у меня будьте да Т. ³⁷⁻³⁸ пошедши в огород Т. ³⁹⁻⁴⁰ проп. Т. ⁴¹⁻⁴² той Савушка над
 ставленниками Т. ⁴⁴ попадя Т, П. ⁴⁵⁻⁴⁶ проп. Т, П. ⁴⁷ доб. Савушка П. ⁴⁸⁻⁴⁹ самому
 тебе будет П; будешь и сам Т. ⁵⁰⁻⁵² проп. П. ⁵² доб. Тропарь пона Савы глас 6 П; тропарь
 глас 6 Т. ⁵³⁻⁵⁴ той же П. ⁵⁵⁻⁵⁶ проп. Т. ⁵⁷ Хотя тебе непригожо П, Т. ⁵⁸⁻⁵⁹ проп. Т.
⁵⁸⁻⁶³ проп. П. ⁶⁰ доб. было Т. ⁶¹ доб. Савушка Т. ⁶²⁻⁶³ которы за тобою гонятся, и тому
 попадаетца. А кто заиграет и веселит, тот везде смело бродит, и крепко знатся не хочется.
 Ему спится и никто под окном не стучится. А кто к нему выдет и он с ним говорит да
 просит Т.

⁶⁴ Ответ попа Савы х попадье.

Поистинне ⁶⁵ ты ⁶⁶ попадьа не смыслеш и дела не знаеш.

И рад бы шол да простился, ⁶⁷ да со многими людьми разбронился,

Как мне не гулять, ⁶⁸ а от цепи не отлнять. ⁶⁹

Да ⁷⁰ прости ты, попадьа, слово твое збылося, ⁷¹ уже и приставы при-
волоклися.

⁷² И яко пса обыдоша мя ныне, толко не сыскать было им меня и во
веки. ⁷³

Сон попа Савы. ⁷⁴

⁷⁵ Мне начесь ⁷⁶ спалось, да много ⁷⁷ видилось. ⁷⁸

Пришли ко мне два анъела и говорят: много ⁷⁹ де ⁸⁰ у тебя, ⁸¹ поп, ⁸²
в мошне ⁸³ денег,

⁸⁴ Мы де их вынем, ⁸⁵ сочтем и в обтеку несем.

⁸⁶ Али ж я спал дома на перине, ⁸⁷ проснулся, ан уш в патриаршей ⁸⁸
хлебне на рогозине.

И хожу по хлебне покличу, ан ⁸⁹ с шелепом ко мне встречу.

И как бы я ⁹⁰ ево не умалил, ⁹¹ и он бы меня ⁹² шелепом прибил.

О сем поп Сава дивился, как он на цепи очутился,

⁹³ Денег у него в мошне было немало, хватился, ан нет, ни пула не
стало.

А мню те два анъела вытресли и положиа ис обтеки назат не вынесли.

Горе мне дураку и великому бляткину сыну,

Что Сава на цепь попал и во веки пропал. ⁹⁴

⁹⁵ Его ж безумнаго попа смешной икос. ⁹⁶

⁹⁷ Радуйся шелной Сава, дурной поп Сава.

Радуйся в хлебне сидя, ставленнически сидне.

Радуйся, что у тебя бараденка выросла, а ума не вынесла. ⁹⁸

Радуйся, глупы папенцо, ⁹⁹ а ум имеши коротки. ¹⁰⁰

Радуйся, породны ¹⁰¹ русак, по делом воистинну дурак.

¹⁰² Радуйся, потриарша хлебня, видя тебя такова сидня,

Радуйся, Савы шея, что цепь великая звеня и муки сея. ¹⁰³

⁶⁴⁻⁷³ *проп.* П. ⁶⁵⁻⁶⁶ добро Т. ⁶⁷⁻⁶⁸ с кем вчера побранился. И как мне Савушке не плутовать Т. ⁶⁹ отгулять Т. ⁷⁰⁻⁷¹ слова твои, попадьа, збылись Т. ⁷²⁻⁷³ *проп.* Т. ⁷⁴ *доб.* болшня славы П. ⁷⁵⁻⁷⁶ мало мне П. ⁷⁷⁻⁷⁸ во сне вралось Т; вралось П. ⁷⁹⁻⁸⁰ ль де Т; ли П. ⁸¹⁻⁸² Савушка П. ⁸²⁻⁸³ *проп.* Т. ⁸⁴⁻⁸⁵ сем П; сем ка мы их Т. ⁸⁶⁻⁹⁴ *проп.* П. ⁸⁷⁻⁸⁸ а очутился в Т. ⁸⁹ *доб.* чернец Т. ⁹⁰⁻⁹¹ ни молился Т. ⁹² *доб.* сим Т. ⁹³⁻⁹⁴ *проп.* Т. ⁹⁵⁻⁹⁶ Кондак попа Савы П; Т(ропарь) г(лас) 4 Т. ⁹⁷⁻⁹⁸ Радуйся шелной Савушка дурной П; Радуйся Сава поп Т. ⁹⁹⁻¹⁰⁰ непостриженое гуменце Т, П. ¹⁰⁰⁻¹⁰⁶ *проп.* П. ¹⁰¹ дорожны Т. ¹⁰²⁻¹⁰³ *проп.* Т.

Радуйся, ¹⁰⁴ вшивая ¹⁰⁵ глава, ¹⁰⁶ дурной поп Сава.

Радуйся, град Тула, что сидит ¹⁰⁷ Сава у великава стула.

¹⁰⁸ Радуйся, ¹⁰⁹ дурны нос, ¹¹⁰ на лес глядя рос.

¹¹¹ Радуйся, долги поп и ако боярски халоп.

Радуйся, з добрыми людми поброняся, а в хлебне сидя веселяся.

Радуйся пив вотку, а ныне и воды в честь.

Радуйся, хлебню посетив, и цепь просветив.

Радуйся и веселися, а дамов не торопися.

Радуйся, попа Савы спина, что хочет быти шеленина.

Радуйся, Сава глупой, и всей глупости твоей слава.

И везде про тебя дурная слава.

А на што тебе, Савушка, кондак, блядин ты сын и так.

Конец хождению Саве болшой славе.¹¹²

¹⁰⁴—¹⁰⁵ плешивая Т. ¹⁰⁶ *доб.* Радуйся Т. ¹⁰⁷ *доб.* поп П, Т. ¹⁰⁸—¹¹² Радуйся поп Сава наш. То те, Савушка, кондак и так ты дурак П. ¹⁰⁹—¹¹⁰ долги поп Т. ¹¹¹—¹¹² *проп.* Т.

В. Ф. ПОКРОВСКАЯ

Стихотворная автобиография подьячего XVIII века

Произведение, для краткости условно названное нами «Стихотворной автобиографией подьячего XVIII в.», имеет в тексте более распространенное заглавие («Нѣкоего человека размышление, о состояннї своем изъявление, именемъ Симеона, в простотѣ суща и от многихъ едва не дураком словуща, по алоавиту в риомы самим издашася, в гореси бѣдственне сиде написашася по правде») и входит в состав сборной рукописи первой четверти XVIII в., хранящейся в Рукописном отделении Библиотеки Акад. Наук СССР под № 17. 8. 27.

Известно оно нам только в двух списках и в печати опубликовано не было.

Рукопись 17. 8. 27 поступила в Библиотеку Акад. Наук сравнительно вскоре после своего написания, около половины XVIII в.; во всяком случае не позднее 1768 г. (год смерти помощника библиотекаря Акад. Наук А. И. Богданова,¹ рукою которого сделана пометка с именем «Терентия» на внутренней стороне передней доски переплета рукописи). Так как в вышедшие до сих пор три тома печатного «Описания Рукописного отделения Библиотеки Акад. Наук», составленного В. И. Срезневским и Ф. И. Покровским, рукопись Акад. Наук 17. 8. 27 не включена и имеет пока только краткое инвентарное описание, то следует несколько остановиться на ее содержании.

Данный сборник не представляет собою единого целого, а состоит из семи отдельных рукописей, в 4-ю долю листа, по своим палеографическим признакам (почерк и бумага, — филигрانی: герб Амстердама, голова

¹ На службе при Библиотеке Акад. Наук А. И. Богданов состоял с 1730-х годов, сначала в качестве сторожа библиотеки (см. «Материалы для истории Акад. Наук», т. I, СПб., 1885, стр. 680 — прошение А. Богданова от 12 ноября 1730 г. об определении его сторожем в Библиотеку), а затем в должности помощника библиотекаря (см. первое упоминание о нем как о помощнике библиотекаря от 15 декабря 1739 г. в «Материалах для истории Акад. Наук», т. IV, СПб., 1887, стр. 271).

шута с 7 и 5 бубенцами, всадник, лев с пучком молний в кругу и др.) относящихся к первой четверти XVIII в. и объединенных в одном переплете; общий счет листов 170, причем еще до сплетения в один сборник некоторые из составных его частей утратили свои конечные листы. Сборник принадлежит к числу рукописей энциклопедического характера, призванных отвечать на разнообразные запросы читателей; при этом основные сведения, входящие в его состав, могут быть названы практически-полезными справочниками, начиная с медицинских рецептов против различных болезней (лечебник-травник, лл. 115—118; перечень дней в году, «в кое время руда метати», т. е. благоприятных для кровопускания, л. 115; «Сказание о камнях драгих и ко многим делам угодных и о силе их» — о лечебных свойствах драгоценных камней, лл. 108—113) и кончая астрологическими предсказаниями (отрывок «Римского русского календаря Станислава Невесского на 1700 год», содержащий народные приметы, по которым можно «узнать подлинно, каковы будут четыре четверти года», и астрологические предзнаменования, связанные с фазами лунного месяца, лл. 153—170). Следует также отметить повышенный интерес сборника к географическим сведениям («Книга поверстная, сколько от царствующего града Москвы до государевых дворцовых сел и вотчин, также и от города до города верст»..., лл. 1—59 об., составленная на основании данных прогонной книги 1606 г. и по выпискам из ямских книг разных городов; «Расстояние столиц, нарочитых градов и славных государств и земель»..., лл. 60—67, — перевод предисловия к голландскому атласу «Водный мир», сделанный переводчиком посольского приказа Андреем Виниусом в 1667 г.; «Хождение дому преосвященного Стефана митрополита рязанского и муромского ризничьего иподьякона Афанасия Тимофеева» в 1703—1704 гг., лл. 118 об.—120, — описание пути из Клева в Соловецкий монастырь и обратно, через Каргополь и Москву, в Киев) и вызванный появившеюся необходимостью знания иностранных языков практический русско-татарский словарик-самоучитель (лл. 88—96), с припиской (на л. 85 об. рукописи): «аще кто хочет много знать сей язык татарский, — поди с начала и до конца».

Оставляя открытым вопрос о том, явилась ли данная рукопись результатом механического соединения разрозненных рукописных тетрадей или можно говорить здесь о сознательном подборе разнородных произведений составителем и владельцем сборника, укажем все же, что чисто светский характер рукописи не нарушается и включенной в ее состав (л. 120 об.) «Росписью церквам на Москве в 1678 году», так как последняя ограничи-

вается простым регистраживанием числа их и прироста новых церквей за истекшие 48 лет, до 1726 г., не входя в подробности церковного обихода. Приписка в конце этого листа: «выне же 332 церкви от лета 1726» позволяет датировать если не весь сборник, то одну из его составных частей временем не позднее этой даты.

Приблизительно около одной трети сборника занято историческими сведениями (описание Азовского похода 1695—1696 гг., лл. 121—149, Керченского похода 1699 г., лл. 149 об. — 152 об., и сообщения о военных действиях против шведов в 1701—1707 гг., лл. 70—85 об., в большинстве случаев представляющие собою отрывки из «Ведомостей о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах» за 1703—1707 гг.). Эти сведения могли служить как справочным материалом (напр., роспись полкам боярина Андрея Шеина, участвовавшим в походе под Азов), так и занимательным чтением о недавних происшествиях.

Единственное литературное произведение, входящее в состав сборника — «Автобиография подьячего», — занимает листы 97—106 и до включения в сборник некоторое время существовало в виде отдельной тетради, так как на листах 95 и 107 сохранились следы клея от прежнего переплета. На л. 96 — проба пера: «Иван Иванов сын Красной читал и своею рукою перо(м) прочертил». На л. 106 об. — письмо, писанное смесью русского языка с тайнописью и пока не поддающееся расшифровке;¹ почерк этой записи разнится от того, которым написана «Автобиография».

Самая «Автобиография» представляет собою довольно длинный рассказ о причинах злочлучений приказного подьячего, ведущийся от лица героя, некоего Симеона, причем описываемые события довольно легко приурочить к определенному историческому моменту. Как известно, первая попытка разграничить круг деятельности отдельных приказов и соединить однородные органы относится еще к 1680—1681 гг. Наступившие вскоре затем войны конца XVII — начала XVIII вв. потребовали мобилизации всех сил государства, и его финансовых ресурсов в первую очередь, и показали лишний раз полную непригодность громоздкой и запутанной приказной системы и назревшую необходимость реформы. Однако проведение реформы оказалось делом довольно сложным и длительным. Подготовительные работы по

¹ Приводим его полностью, сохраняя все особенности рукописного текста: «Шонды мѣсавокъ имярекъ со всѣмъ своимъ картомъ о господѣ божѣ гажа миа

ми лоида коловъ вода аме в печалехъ а влас въ еренску номбры пода скокъ имѣсь число ловы и зѣло озвермы что оломъ татовъ амоскараб абѣд свод егиць сыворды кижемъ абѣ ктоуж и еще озвермы что к нам абу кижем не изводите».

замене приказов коллегиями велись в течение нескольких лет, с 1711 г., и только в конце 1717 г. начался подбор служащих.¹ «С начала 1719 года коллегии начали действовать, но... лишь с издания генерального регламента (28 февраля 1720 г.) новое учреждение» было «организовано вполне».² На основании некоторых выражений «Автобиографии подьячего» можно утверждать, что время действия в ней относится еще к эпохе существования прежних приказов, т. е. до 1720 г., так, например, упоминается, что герою мешало в исправлении службы то, что он не был «доволенъ писанию і слогу и не угоден пред судьями к отвѣтному слову». «Судьями» всегда назывались члены присутствия приказов (хотя бы и вполне административных), так как в число разнородных функций приказа входил и суд над лицами, подчиненными данному приказу. В состав же членов коллегий входили, кроме президента и вице-президента, «советники и ассессоры».³ Число судей в приказе было неодинаково: 2, 3 или 1, в зависимости от количества дел, находящихся в ведении приказа, — «один из них был главным судьей, остальные назывались «товарищами». При этом главный судья был обыкновенно из членов думы, а иногда и стольник или дворянин; товарищами были большей частью думные и простые дьяки».⁴ Сравни в «Автобиографии»: «любовь же мнѣ свою другіи вначале показаль і в третьих товарищах сидѣти приказал», что отмечено как высокая честь. Встречается в нашем произведении и глухое упоминание о каком-то приказе: за нанесенное публично оскорбление Симеон проломил голову своему обидчику, «и за тот вышереченной удар в приказ бых взять».

По мере того, как в непрерывных пирушках («банкетах»), по выражению текста) истощилось отцовское наследство, отшатнулись от Симеона и мнимые друзья, и «многославное житие» его сменилось руганием и смехом «от тѣх, иже прежде друзьями себѣ имѣхъ в приятстве». Как на один из способов с честью выйти из создавшегося положения, автор ука-

¹ Указом 11 дек. 1717 г. (Полюн. Собр. законов № 3128) были назначены президенты в будущие коллегии, а затем советники и ассессоры. «В 1718 году получили свои патенты большинство иностранцев, занимавших как высшие, так и низшие должности. В этом же году идет оживленная переписка о формировании русского персонала коллегий. Состав его был утвержден Петром, по крайней мере относительно штатс- и камер-коллегий, еще в конце апреля и в начале мая 1718 г.; до конца года обе коллегии собирали из разных мест разрешенное им количество дьяков и подьячих» (П. Н. Милюков. Государственное хозяйство России в перв. четверти XVIII в. и реформа Петра Великого, изд. 2-е, СПб., 1905, стр. 442).

² М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 2-е. М., 1888, стр. 235.

³ Там же, стр. 177 и 237.

⁴ Там же, стр. 181.

зывает на то, что он «мыслил... и на город от стыду уѣхать с приписью¹», но решил остаться в Москве, «потому что и здѣсь мочно к доброму мѣсту добитца в старые подьячие». Серьезным препятствием к этому является его «неразумие и глупость», и чтобы исправить этот свой порок он «ерзнул бы... и за море в какую науку», да мешает этому привычка к семейной жизни и опасение, что в его отсутствие жена «каково либо дурно без меня сотворить». Здесь перед нами совершенно явный отголосок петровской эпохи, когда поездки за границу с образовательной целью стали обычным явлением, и это позволяет уточнить датировку памятника, относя его возникновения к промежутку времени между 1710—1720 гг., так как особенно широко посылка «за море в науку» применялась в 1710-е годы. Между прочим, в 1716 г. имели место случаи использования заграничной командировки и в целях подготовки дипломатических и канцелярских кадров: в январе 1716 г. Петр I дал указ о том, чтобы были посланы в Персию 5 человек из учеников Московской славяно-греко-латинской академии для обучения турецкому, арабскому и персидскому языкам, и в том же году были отправлены в Кевигсберг молодые подьячие для того, чтобы по возвращении служить в коллегиях.²

Не противоречат такому определению времени написания памятника и сведения рукописи о происхождении героя: «азъ есмь Симеон левицка рода і племяни, родихся бо от отца поповска сѣмени», и дальше: — отец «в жизни мнѣ яко сыну приказывал... чтоб я приказного дела весьма вразумлялся».³ Подобный переход из духовного сословия в ряды приказных дельцов, вероятно не был тогда единичным случаем, так как получил вскоре настолько широкое применение, что вызвал в конце 1720-х годов жалобу ректора Московской славяно-греко-латинской академии на то, «что священники, дьяконы и причетники отдают своих детей в разные коллегии и канцелярии в подьячие», «отчего оная Академия учениками оскудела и к делам ее

¹ Подьячие «с приписью» входили в состав приказной избы в уездных городах и исправляли дьячью, а затем секретарскую обязанность и получили свое название от подьяческой sprawy «приписи» под рассылаемыми указами, грамотами, памятями и пр., «на которых при конце подписывались «справил имрек» без упоминания чина» (Древняя российская вивлиоика, изданная Н. Новиковым, изд. 2-е, М., 1791 г., т. XX, стр. 153—«Историческое известие о старинных чинах в России»).

² С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. 16, М., 1866, стр. 310.

³ Указание текста: «яко есмь Фроловской поповичь...» можно сопоставить с историческими сведениями о существовании в Москве двух церквей Фрола и Лавра (Москва, или исторический путеводитель по столице государства Российского, М., 1827, часть I, стр. 325—326 и 342; ч. III, М., 1831, стр. 185; А. Викторов. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов, 1613—1725 гг., вып. II, М., 1883, стр. 620; также: Московские святыни и памятники, М., 1903, стр. 100, и Карамзин. Собр. соч., т. VIII, прим. 173).

величества определять будет некого». Синод ответил на эту жалобу 13 сентября 1731 г. постановлением о том, чтобы духовенство отдавало своих детей в Московскую академию «в надежду священства, без всякого отлагательства и отговорок, а в подьячие по коллегиям и канцеляриям, также в другие чины отнюдь не отдавать под лишением чинов и беспощадным наказанием».¹

Подходя к «Автобиографии подьячего» с точки зрения ее стилистических особенностей, отметим, в первую очередь, весьма своеобразный ее язык с резко-выраженным преобладанием «книжной стихии», испещренный церковно-славянскими формами отдельных слов и целых выражений (напр.: глаголы, невозбранно, коляко, напаятование, многославно, 'не есмь доволен, шататися имам, поступах смело, желях нрав свой пременити и т. д.), создающими впечатление напыщенного, высокого слога. Речь украшена рядом риторических возгласов («ох! увы, в сиротстве мя оставил», «но оле! моего к тому неразумия», «о! како се могло несладостно быти», «о! я несчастен на свете человек родился», «о! Симеоне» и т. п.). Сравнительно немногочисленны иностранные слова, вошедшие в употребление в петровскую эпоху (банкет, алексир, сект, фортуна). Незначительно и проникновение в текст элементов устного народного творчества. Укажем две-три пословицы, вошедшие в «Автобиографию»: 1) «Как у Сенюшки две денешки, — так Семен да Семен, а у Сенюшки ни денешки, — блядин сын Семен» (строфа «р»), сравни: «Как у Сенюшки две денешки, так Семен да Семен, а у Сенюшки ни денешки, ничто Семен» (Пословицы из собрания Петровской галереи Библиотеки Акад. Наук, к. XVII нач. XVIII в., № 76),² 2) «Ей, в правду то я слышал, у кого де тесть глуп совершенно, у того бывает зять глуп» (строфа «б»), соответствующее пословице: «у кого тесть скуп, у того зять глуп», и 3) выражение: «тестне зятю всегда бывает мило и сладко» (строфа «а»), близкое по смыслу к пословицам о том, что «На зятьев не напасешься, что на яму», «Тесть любит честь, зять любит взять, а шурин глаза шурят» и т. п.³ И, наконец, строфу «р»: «Царедворцем мнѣ быти, чаю, не гождуся; А в церковниках жить от людей стыжуся; Записатися в посад, — торговать не умѣю; Подряточком быть, — огнюд того не разумѣю нимало», можно сблизить с обычным для народной песни перечнем, вроде «Богатую зять — будут попрекать, Хорошую

¹ С. В. Рождественский. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX вв., т. I, СПб., 1912, стр. 60.

² Вариант — В. Даль. Пословицы русского народа, М., 1862, стр. 56.

³ Там же, раздел «Семья — родня», стр. 417—421. Сборн. Петровской галереи, 76.

взять — много будут люди знать, Умную взять — не даст слова сказать, Церковного чина взять — кутейником станут звать, Из посадских взять — много вина содержать»¹... Или: «Как жецатого любить — Худу славушку нажить; Офицера полюбить — Надо щегольно ходить, Холостого полюбить — Самопряхой надо быть»² и т. п. Механическое перенесение в «Автобиографию» привычной формулы вызвало двоякую мотивировку отказа от «жизни в церковниках»: — «от людей стыжуся», — наряду с утверждением текста за три строфы перед этим: «зело бы я рад был, чтоб в отцов чин вступити» и далее: «не удобно тому быти знаю, — уже бо есмь за грехи своя двоебрачен».

Написана «Автобиография подъячего» в хорошо усвоенной и широко распространенной еще в XVII в. виршевой манере и состоит из 42 строф, расположенных по буквам алфавита таким образом, что строфа I — А начинается: «Аз есмь».., II — Б — «Был у меня».., III — В — «В жизни моей».. и т. д. Заглавие, которым начинается произведение: «Нѣкоего челоука размышление, о состояниі своем изьявление»... тоже подчинено основному строению строфы, хотя число стихов в нем несколько больше — 6 вместо 5. Заканчивается «Автобиография» «Совещанием» из 12 стихов без деления на строфы; рифмуют 1-й со 2-м, 3-й с 4-м и т. д. Число слогов в стихе самое разнообразное, от 13 до 20. Последние 2 стиха «Совещания» построены по принципу леонинского стиха с характерной для него внутренней рифмой: «Аще же не тако, не отбудеши никакo, Пребудеши единако в поругателствѣ всяко». Каждая отдельная строфа произведения составлена по схеме: четыре тринадцатисложные стиха с цезурой после 7-го слога, рифмующие попарно — 1-й со 2-м, 3-й с 4-м, и пятый трехсложный стих (одно-два слова, тесно примыкающие по смыслу к изложению строфы), своеобразная концовка, замыкающая строфу. Например, «Ѫ. От мнѣнни моѳго едва не лишился И послѣднего смысла, которым хвалился, И ныне не знаю, гдѣ главы приклонити, I в каком чине могу дом свои прокормити Свободно».

Но тут же надо сказать, что это почти единственный во всем произведении пример безукоризненно правильного построения строфы, обычно же автор допускает отклонения от строгого проведения силлабического принципа, и число слогов в стихе колеблется от 12 до 17. Не всегда выдержано и употребление цезуры после 7-го слога; последовательнее проводится оно

¹ П. В. Шейн. Великоросс в своих песнях, обрядах, обычаях, т. I, вып. I, М., 1898. стр. 157.

² Там же, стр. 155.

в стихах, близких к основному тринадцатисложному размеру, и чаще нарушается (изменение места цезуры в стихе или полное отсутствие ее) в стихах, отступающих от него. При детальном рассмотрении структуры стиха легко подметить в нем наличие первых элементов тонизации, в виде закрепления за ударением определенного места в рифмуемых друг с другом стихах.¹

Отмеченные выше особенности, выдержанная внешняя форма, как в смысле стихосложения, так и общего «книжного» стиля, указывают на то, что автором «Автобиографии подьячего» мог быть только литературно-грамотный человек, возможно, получивший свое образование «на Москве» в одной из тех «школ розных и многославных, аще учинишася в детех и не zelo давных». Мы имеем в виду славяно-греко-латинскую академию с ее программой «седми свободных наук», куда входила и «риторика купно или раздельно со стихотворным учением».²

Отсутствие резких выпадов против «крапивного семени», в общем сочувственное отношение автора к герою произведения и основная идея его — необходимость образования, без которого, путем разнообразных взятков, можно достичь лишь кратковременного успеха в подьяческой деятельности, позволяют поставить вопрос: не был ли автор близким свидетелем изображаемого им быта? Это тем более вероятно, что Московская славяно-греко-латинская академия для того времени продолжала оставаться общеобразовательной школой и не приобрела еще узко-профессионального характера,³ и ее воспитанников мы встречаем на самых разнообразных поприщах.

Остается сказать несколько слов о том, что, несомненно, наш памятник должен занять свое определенное место в ряду так называемых «Азбуковников». Жанр этот, ведущий свое начало от азбук-прописей и букварей, давно уже утратил свое специфическое назначение, и для XVII—XVIII вв. мы имеем немало случаев, когда алфавитная последовательность служит лишь внешней рамкой, своеобразным литературным приемом, объединяющим творчество различных социальных группировок. Перечислим хотя бы: коллекцию из десяти азбук «ими ж прѣти жидовина»,⁴ азбучную переделку

¹ О процессе тонизации силлабического стиха см. В. Н. Перетц, Историко-литературные исследования и материалы, т. III, СПб., 1902; также «Ars Poetica», сборник под ред. М. А. Петровского и Б. И. Ярхо, II, М., 1928 (статья Л. И. Тимофеева «Силлабический стих»).

² С. В. Рождественский, *op. cit.*, стр. 53.

³ Там же, стр. 60 и 62.

⁴ Рукопись Погодинского собрания № 1615, 1632 г. (А. Ф. Бычков. Описание церковно-славянск. и русск. рукописн. сборников Публичн. Библ. СПб., 1882, стр. 465—466), первые четыре азбуки напечатаны в статье А. Н. Петрова «К истории букваря» (Русская школа № 4, апрель 1894).

«Александрии»,¹ азбуку с поэтической повестью об Азовском сидении,² отрывок «Романа в стихах»³ и два азбуконника XVIII в. — «История о голом по алфавету» и «Азбуконник о прекрасной девице».⁴

При всем несходстве этих литературных произведений мы можем проследить в них тяготение к канонизированной литературными правилами единой форме, захватившее широкие авторские круги XVII—XVIII вв. и придавшее азбуконнику значение шаблона, по которому переделывались старые и отливались вновь возникавшие памятники.

*

Уже после того, как настоящая статья была сдана в печать, академиком Н. К. Никольским был указан второй список «Стихотворной автобиографии подъячего» в рукописи Гос. Публ. Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), Q. XV, № 102. Рукопись датирована 1747 годом и включает в себе «Хитрости высочайшие Бертольдовы» (переведено с итальянского в 1684 г.) и приплетенную отдельную тетрадь с «Автобиографией подъячего». Обе части рукописи написаны одним лицом.⁵ Наличие более раннего списка «Стихотворной автобиографии подъячего» в рукописи АН. 17.8.27 снимает с обсуждения предположение составителя «Отчета ГПБ» о том, не является ли писец рукописи Гос. Публ. Библ. Семен Забелин автором «Автобиографии». Сопоставление же списков позволяет отметить большую устойчивость текста. Разночтения рукописи Гос. Публ. Библ. большей частью ограничиваются пропуском или добавлением союза, перестановкой двух-трех слов в стихе, изменениями морфологической формы слов. Так, переписчик стремится как-будто избегать архаических глагольных форм, заменяя «начах, источих, поступах, бых, приях» через «нача, источник, поступал, был, прият» и «сидети, чинити, жити» и т. п. через «сидеть, чинить, жить», но эта тенденция к модернизации языка не вполне выдержала. Смысла некоторых выражений оригинала: «во уметы вмених», «подно-

¹ Известны два списка: б. Румянцевского музея № 1373, 1667 г. и б. Архива Министерства иностранных дел № 251 (456), 1677 г. Оба изданы Н. А. Марксом — «Азбука 1667 г.» Свиток в фотл., М., 1910, и «Азбука-пропись XVII в.», М., 1910.

² Рукопись Гос. Историч. музея № 3194, конца XVII — нач. XVIII в. Описание азбуки см. В. В. Буш, Старинные азбуки-прописи, II., 1920, стр. 11—16.

³ Издан В. В. Сиповским в «Русских повестях XVII—XVIII вв.», СПб., 1905, по рукописи собр. Тихонравова № 301. А. Н. Пыпин («Для любителей книжной старины», М., 1888, стр. 72) датирует этот список первой четвертью XVIII в.

⁴ А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, вып. 2, М., 1892, стр. 496, сборник XVIII в. № 704.

⁵ Описание рукописи см. Отчет имп. Публ. Библ. за 1892 г. СПб., 1895, стр. 284—287.

силы неуметно», «юсил меня» — переписчик не понял, и рукопись ГПБ дает здесь искаженное чтение: «во уме вмених», «нецветно», «юсил у меня».

Приводим полностью текст «Стихотворной автобиографии подьячего» XVIII в. по рукописи АН 17. 8. 27. Под строкою даются разночтения ГПБ, Q. XV, № 102. По сравнению с рукописью, нами сделаны лишь следующие изменения: раскрыты сокращения, и надстрочные знаки опущены в строку; в тексте буквы j, ѝ, ѡ, ѣ, ѡ и а соответственно заменяются через i, y, o, ks, я и я, — эти же знаки в начале строк (прописные) оставлены в первоначальном виде; разбито на стихи заглавие, написанное в рукописи в строку; знаки препинания расставлены согласно современным правилам.

л. 97. Нѣкоего челоуѣка размышление,
 О состоянїи своем изьявление,
 Именемъ Симеона, в простотѣ суца
 И от многихъ едва не дураком словуца,
 По алеавиту¹ в риѣмы самим издашася,
 В горести бѣдственне сице написашеся
 По правде.

А.

Азъ есмь Симеон левицка рода² і племяни,
 Родихся бо от отца половска сѣмени;
 И аще хто назоветъ меня і Петрович³,
 В лѣпоту мнѣ, яко есмь ероловской поповичъ
 И знатной

л. 97 об.

Б.

Былъ у меня родитель, мои любезный отецъ,
 Нѣкогда и пастыремъ словесныхъ овецъ.
 Но ныне, ох⁴ увы, в сиротствѣ меня⁵ оставил,
 Понеже от сеи своей⁶ жизни ся преставилъ
 Во он вѣкъ.⁷

В.

В жизни своей мнѣ яко сыну приказывал,
 Присмотря⁸ мою глупость і плетью наказывал,
 Чтоб я приказного дѣла⁹ весьма вразумлялся,
 А с вертопрахами б ни с кѣм отнюд¹⁰ не знался
 Безчинно.

¹ алеавиту ² Семен рода левицка ³ мя поповичъ ⁴ ах ⁵ мя ⁶ сеи временной
⁷ приб. утек ⁸ И присмотря ⁹ приказному дѣлу ¹⁰ с вертопрахами ни с кем отнюд бы

Г.

Глаголы же его я во уметы вменихъ ¹¹,
 л. 98. Понеже господином дому сам ся учинихъ ¹²,
 И невозбранно начахъ ¹³ со други знатися,
 С подобными си ¹⁴ зело увеселятися
 Роскошно.

Д.

Добра и нажитку отцовска источихъ ¹⁵ много,
 И что замышлю, то все тотчас несут готово.
 И тако ¹⁶ со други моими веселилися,
 Яко многие тѣмъ банкетом дивилися
 Похвално.

Е.

Ѣсть и пить много уже мнѣ и прискучило,
 Но приходящим ко мнѣ не надокучило,
 И аще хотѣлъ когда кому и отказати,
 Но люди у вратъ даютъ про бытность мою знати
 Свободно.

л. 98 об.

Ж.

Житие ¹⁷ мое тако было многославно,
 Яко ¹⁸ и розноварных пив пито преславно:
 Водка ¹⁹ с алексиром, — на дше сердце ²⁰ пред обѣдом,
 И медовъ гвоздишных с ренским довольно за обѣдом
 И секту.

С.

Зело многие люди за то меня познали
 И благодарственно мя в глаза за то ²¹ величали,
 И оттого сердце мое радость имѣло,
 Понеже і в господах поступахъ ²² смѣло,
 Надѣясь.

¹¹ во умѣ вменихъ ¹² в домѣ ся учинихъ ¹³ нача ¹⁴ мнѣ ¹⁵ истощив ¹⁶ приб. я
¹⁷ приб. же ¹⁸ что ¹⁹ водокъ ²⁰ на дше сердца ²¹ проп. за то ²² самъ поступал.

З.

Знаю же ныне вправду, что мнѣ то²³ отходить,
 л. 99. Егда у меня отцовщина в скудость приходит,
 Понеже слышу себѣ ругание и смѣхъ
 От тѣх, иже²⁴ прежде друзьями себѣ имѣхъ
 В приятстве.

И.

И желяхъ зело ныне нрав свои пременити
 І во приказном дѣле паки славенъ быти,
 Но, оле! моего к тому²⁵ неразумия,
 Яко с млада²⁶ исполненъ всякого безумия
 Глупого.

І.

Ибо не есмь доволенъ писанию²⁷ і слогу
 И не угоден пред судьями к отвѣтному слову,
 Понеже в том извѣстно сам ся присмотрил,
 л. 99 об. Егда от подьячего к другому переходилъ
 Напрасно.

К.

Колико у перваго трудов і тцання полагахъ
 І коль много обѣдовъ нарочно устраяхъ,
 Но ничто же мнѣ успѣ во²⁸ ползу благоую,
 Но паче сотворих тѣмъ себѣ славу злую
 И посмѣхъ.

Л.

Любовъ же мнѣ свою другіи вначале²⁹ показалъ
 І в третьих товарищах сидѣти³⁰ приказал;
 Однако ж и на высоком мѣсте глотки глотаю.
 А для чего я так нещаслив, — отнюд не знаю,
 Дивлюся.

²³ что то мнѣ ²⁴ ихъ же ²⁵ к тому моего ²⁶ измлада ²⁷ к писанію ²⁸ ми успѣ в
²⁹ свою другіи вначалѣ мнѣ ³⁰ сидѣть

л. 100.

М.

Мыслилъ³¹ я и на город от стыду³² уѣхать
 С приписью, да не хочетца от Москвы отѣхать,
 Потому что и здѣсь мочно к доброму мѣсту добитца
 В старые подьячие, да не знаю с кѣм спроситца
 С разумнымъ.

Н.

Не обретаю бо себѣ вѣрна друга в бесѣдах,
 Ни в далнихъ знакомцахъ, ниже в ближнихъ сосѣдах:
 Все одинако от словесъ моихъ меня³³ поносятъ,
 О, злочастие! яко горестъ мнѣ приносятъ
 Несносну.

О.

л. 100 об.

Однакожъ еще имамъ сие упование,
 Пришло бо мнѣ во умъ напаятование
 О Кириле богатомъ муже,
 іже недавно³⁴ умре, —
 Онъ дядя былъ мнѣ³⁵,
 знаю³⁶ я то zelo добре
 Во³⁷ правду.

П.

Пожитки же его вси собранниі остались,
 В нихъ же нагло и не родственники вступались³⁸,
 Которыхъ я³⁹ по родству захватилъ много, —
 Того ради надолго буду жити⁴⁰ не убого,
 Збережью.

Р.

л. 101.

Разумію бо пословицу людей старыхъ,
 Что говорятъ в басняхъ в науку детей малыхъ:
 «Какъ у Сенюшки двѣ денешки, — такъ Семенъ да Семенъ,
 А у Сенюшки ни денешки, — блядинъ сынъ Семенъ».
 То то я⁴¹.

31 *приб.* бы 32 от стыда 33 *проп.* меня 34 *проп.* недавно 35 мнѣ былъ 36 зналъ
 37 В 38 вступилис 39 и азъ 40 жить 41 да не я

С.

Слово твердо сие к себѣ признаваю быти
 И так поступлю на семь свѣте і⁴² жити,
 Чтобы денешки у меня были всегда,
 А во блядиныхъ бы дѣтех не быть мнѣ⁴³ никогда,
 Но в добрыхъ.

Т.

л. 101 об. Твердость в разуме восприиму толику,
 Яко и от приказныхъ дѣлъ получю корысть велику,
 И тако отнюд не оскудѣетъ мое житие,
 Но от хужших⁴⁴ в лутчее придет бытие
 І в славу.

Ѵ.

Умомъ токмо я сие изрядно разсуждаю,
 А дѣлом воистинну тако исполнити⁴⁵ не чаю,
 Понеже природа во мнѣ глупа і непостоянна,
 А к тому і горделива⁴⁶ весьма окоянна
 Безумно.

У.

Уже к тому не знаю какъ в глупости быти,
 Аще не умѣю что в подьячих нажити.
 Зело б я рад⁴⁷ былъ, чтоб в отцов чин вступити
 И тѣм срама своего от людей избыти
 Конечно.

л. 102.

Ф.

Ѳортуну б или счастье я чаялъ в том чине
 Восприяти немалу і жити не в кручине: —
 Аще і⁴⁸ умом не зѣло есмь во всем поряден,
 Однако ж возрастом, саном и гласом изряденъ
 Неложно.

⁴² проп. і ⁴³ проп. мнѣ ⁴⁴ приб. и ⁴⁵ исполнить ⁴⁶ горделива ⁴⁷ рад я
⁴⁸ проп. і

X.

Хотѣние же сие вотще помышляю,
 Понеже не удобно тому быти знаю:
 Уже бо есмь за грехи своя двоебраченъ.
 Воистинну оттого і умъ мой стал мрачен
 С печали.

Ѡ.

От мнѣнія моего едва не лишился
 И послѣднаго смысла, которым хвалился,
 И ныне не знаю, гдѣ главы⁴⁹ приклонити,
 І в каком чине могу дом свой прокормити
 Свободно.

л. 102 об.

Ц.

Царедворцем мнѣ быти, чаю, не гожуся;
 А в церковниках жить⁵⁰ от людей стыжуся;
 Записатися в посад — торговать не умѣю;
 Подрятчиком быть,⁵¹ — отнюд того не разумѣю
 Нимало.

Ч.

Чортъ мнѣ далъ и к ремеслу велику⁵² лѣность,
 А диявол напустил в глупости моеи смѣлость;
 И оттого, в какой чин ни мышлю, добра не чаю,
 Разве как начал жить⁵³ і вовсе кончаю
 До смерти.

л. 103.

Ш.

Шататися имам в подъячихъ снисканием,
 Чтоб з женою прокормитися⁵⁴ хотя манием,
 А Кирилово имѣние для причин беречь буду:
 Когда нарядят на службу, тѣм того отбуду
 Къ свободе.

⁴⁹ главу ⁵⁰ жити ⁵¹ быти ⁵² великую ⁵³ приб. такъ ⁵⁴ прокормится

Щ.

Щастие себѣ в том я⁵⁵ немало имѣю,
 Понеже от многих откупился, рещи смѣю,
 I вси людие про то совершенно знаютъ,
 Которые у меня туне ядят и нѣчто взимаютъ
 Напрасно.

Ъ.

Ерзнулъ* бы я и за море в какую науку,
 Да не хочетца женѣ учинить тѣм скуку;
 л. 103 об. Каково либо дурно без меня сотворить,
 Беда мнѣ, есть ли люди о том станут говорить
 Бесчестно.

Ы.

Ерыкалов много есть⁵⁶ на Москвѣ безчинныхъ,
 Которые ругаютъ женѣ и благочинныхъ,
 I не дивно без меня тому тако быти,
 Того ради не хощу за море ся⁵⁷ отдалити
 К наукамъ.

Ъ.

Ъсть и на Москвѣ школ розныхъ і⁵⁸ многославныхъ,
 Аще учинишася в лѣтехъ і не зело давныхъ,
 Всѣмъ седми свободнымъ наукамъ і партесу,
 Но к тому не имѣеть мысль моя примѣсу
 Нимало.

л. 104.

Еи, вправду то я слышал: у кого, де, тещь глупъ**
 Совершенно — у того бываетъ зятя весьма⁵⁹ глупъ.
 Самъ я присмотрил в нѣкоемъ дѣле глупость,
 Егда увиделъ тещя своего скупость
 Во пиве.

Ю.

Юродствомъ своимъ нахално выпилъ три бочки,
 Не спросяся с нимъ, а оставилъ толко полбочки,
 И то люди, з дрозжами смутивъ, приносили,
 Когда тещь у меня былъ, досталъ подносили
 Неувѣтно.⁶⁰

⁵⁵ в том я себѣ * Так в рукописи ⁵⁶ проп. есть ⁵⁷ си ⁵⁸ проп. і ** В рукописи
 лупшъ ⁵⁹ проп. весьма ⁶⁰ Нецвѣтно

Л.

Юсиль⁶¹ меня сидя тесть, сердясь за пиво,
 А я говорил ему: «не велико то диво,
 Хотя бы і все оно выпито было,
 Потому что тестне зятю всегда бывает мило
 І сладко».

л. 104 об.

М.

О! како се могло несладостно бити,
 Яко восхотѣх і на лоне опочити
 У дщери его, яже ми в жену врученна, —
 Сия же тайна уже і в людех явленна
 Посмѣшно.

Н.

нѣкогда за сие ругателно слово
 Сердце свое на драку возьярил готово
 И от злобы ругателю главу проломил,
 Егда он при людех о налонном снѣ говорил
 Безчестно.

О.

л. 105.

О! я несчастен на свѣтѣ человекъ родился!
 Чаю, что не один в то время чортъ дивился.
 И за тот выпереченной удар в приказ бых⁶² взять
 колико убытку в том дѣле себѣ прияхъ⁶³
 За дерзость.

Ѧ.

К сему ж и до ныне не престают мя ругати
 Иже и приобщницы моеи благодати, —
 Не вѣмъ же, откуда мнѣ такая напасть,
 Едва ли мнѣ от нея во⁶⁴ стыде не пропасть
 Не дивно.

⁶¹ приб. у ⁶² быхъ ⁶³ приять ⁶⁴ в

Ψ.

Псамъ бы лутче живот свои дал⁶⁵ на растерзание,
 Нежели честь мою людем в зло поругание;
 Желал⁶⁶ бы паче благочестно умрети,
 Нежели срамѣтное состояние⁶⁷ свое зрѣти
 Злочно.

л. 105 об.

Θ.

Θедоръ нѣкто былъ мнѣ zelo⁶⁸ приятель любовный,
 Нѣкогда ж⁶⁹ открыт ему был и порядок мой домовный,
 Однако ж и той ныне, знатно за глупость мою,
 Отдалилъ прежнюю дружбу свою.
 О, горе!

V.

Яко послѣдняя есть⁷⁰ литера ужица,
 Тако і моя жизнь злочно⁷¹ х концу близитца.
 І вправду лутче бы мнѣ на свѣте не житі,
 Нежели за глупость в поругании быти
 До смерти.

л. 106.

Совѣщание.

О, Симеоне! аще совѣта послушаеши⁷² благаго,
 Воистинну лишишися ругания злаго.
 Совѣтую бо ти Кирилово імѣние все істоциті
 І тѣмъ, возможно⁷³, и недругов в любов привлечиті:
 Много бо здѣ может нескупу человеку імѣние,
 Егда им подщишися чиниті⁷⁴ в дому своем⁷⁵ увеселение.
 В разные дни устрои пространные обѣды
 И напитки уготови в доволство⁷⁶ і на сосѣды,
 И тако узриши себѣ отраду толику,
 Яко и мнѣ за совѣтъ sei воздаси почестъ велику.
 Аще же не тако, не отбудеши⁷⁷ никако,
 Пребудеши⁷⁸ одинако в поругателствѣ всяко.

⁶⁵ дал животь свои ⁶⁶ *приб.* я ⁶⁷ житіе ⁶⁸ былъ зѣло мнѣ ⁶⁹ *прон.* ж ⁷⁰ по-
 слѣдняя в азбуке ⁷¹ злочноствая ⁷² совѣта моего послушаеш ⁷³ возможеши ⁷⁴ под-
 щисся чинити ⁷⁵ си ⁷⁶ уготови довольно. ⁷⁷ отбудеши ⁷⁸ пребудеши

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Сентябрь 1935 г.

Непременный секретарь академик *В. Волин*

Редактор издания академик А. С. Орлов

Технический редактор Л. А. Федоров — Ученый корректор Д. С. Лихачев

Сдано в набор 16 марта 1935 г. — Подписано к печати 28 сентября 1935 г.

300 стр.

Формат бум. 72×110 см. — $18\frac{6}{8}$ печ. л. — 43800 тип. зн. в л. — Тираж 1665

Ленгорлит № 25016. — АНИ № 673. — Заказ № 1489

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12